

А. К. Матвеев

**Субстратная
топонимия
Русского Севера**

Часть I

**Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2001**

ББК Ш14.1.12–314
УДК 808.2
М 333

Исследование проводилось при
поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований
(грант 00-15-98836 – поддержка
ведущих научных школ)

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 346с. 7 карт.

ISBN 5-7525-0931-9

Книга представляет собой первую часть монографии, посвященной одной из самых сложных проблем отечественной топономастики – происхождению субстратных географических названий Русского Севера, дискуссия о которых продолжается уже почти два столетия.

Первая часть монографии (I) содержит введение, общую характеристику субстратной топонимии, описание формантов. Во второй части (II) этимологизируются основы топонимов и характеризуются лингвоэтнические пласти субстратной топонимии.

М 4602000000-169
182(02)-2001

ББК Ш14.1.12-314

ISBN 5-7525-0931-9

© А.К. Матвеев, 2001
© Издательство Уральского университета, 2001

Содержание

Предисловие	5
1. Введение	13
1.1. История вопроса	13
1.1.1. Финская гипотеза	14
1.1.2. Угорская гипотеза	34
1.1.3. Дофинно-угорская гипотеза	38
1.1.4. Краткие выводы	46
1.2. Границы региона	47
1.3. Источники	51
1.4. Методы	58
1.4.1. Значение русской топонимии для интерпретации субстратных географических названий	59
1.4.2. Основные принципы исследования субстратной топонимии	71
1.4.3. Методы выявления системных отношений в субстратной топонимии	80
1.4.4. Краткие выводы	100
2. Общая характеристика субстратной топонимии Русского Севера и проблемы ее адаптации	101
2.1. Субстрат и заимствование в топонимии	101
2.2. Финно-русское языковое взаимодействие и эволюция субстратной топонимии РС	108
2.3. Фонетические особенности субстратной топонимии РС и фонетическая адаптация	123

2.3.1. Общие фонетические закономерности субстратных языков РС	126
2.3.2. Адаптация гласных	130
2.3.3. Адаптация согласных	142
2.3.4. Комбинаторные изменения	144
2.4. Морфологическая адаптация	151
2.4.1. Усвоение конца слова	151
2.4.2. Редеривация	156
2.5. Структура субстратных топонимов РС	158
2.5.1. Географические термины в субстратной микротопонимии РС	158
2.5.2. Структурные типы субстратной топонимии РС	163
2.6. Проблемы стратификации субстратной топонимии РС	167
3. Форманты субстратной топонимии Русского Севера	186
3.1. Форманты микротопонимов и ойконимов	188
3.1.1. Детерминанты широкого распространения	188
3.1.2. Детерминанты ограниченного распространения	213
3.1.3. Детерминанты, образующие рифмованные сегменты ...	229
3.1.4. Редкие и единичные детерминанты	236
3.1.5. Словообразовательные суффиксы	245
3.2. Форманты гидронимов	249
3.2.1. Детерминанты широкого распространения	249
3.2.2. Детерминанты ограниченного распространения	279
3.2.3. Детерминанты, образующие рифмованные сегменты ...	284
3.3. Форманты лимнонимов	287
4. К лингвостническому членению субстратной топонимии Русского Севера	293
4.1. Сопоставительный анализ формантов	293
4.2. Картографирование дифференцирующих основ	302
Библиография	309
Сокращения	334
Карты	338

Предисловие

Топонимия – драгоценный источник изучения древних языков и древней истории, но важность топонимических данных особенно очевидна в тех случаях, когда языки исчезнувших народов не были засвидетельствованы в памятниках письменности и географические названия становятся основным источником наших знаний о вымерших языках, а также ценным историческим свидетельством, позволяющим судить об этнической принадлежности древнего населения.

Мы почти не располагаем письменными памятниками древней истории Русского Севера (РС). Фрагментарные известия о чуди, которые содержатся в русских летописях и грамотах, а также в некоторых других источниках, например, в скандинавских сагах, при всей их ценности ни в какой мере не могут восполнить утраченные историей сведения о различных народах, населявших эту территорию до прихода русских, и о тех языках, на которых они говорили. Субстратная топонимия Русского Севера (СТРС) является поэтому драгоценным для науки памятником древних языков и этносов, а вопрос о ее происхождении – одним из самых актуальных для отечественной топономастики.

Исследование СТРС представляет интерес в различных отношениях¹, но особенно большое значение субстратная топонимия имеет для выявления реликтов древнейших языковых общностей и установления их отношений как к друг другу, так и к современным языкам. Прежде всего изучение СТРС важно для истории финно-угро-самодийских (уральских) языков и народов, живых и вымерших, поскольку надежно идентифицированные субстратные топонимы, засвидетельствованные в пределах РС, по происхождению являются финно-угорскими, а территория, на которой они зафиксированы, граничит с местами расселения финно-угорских и самодийских народов (саами, карелов, вепсов, мари, коми, ненцев).

«Письменная» история застает уральские народы расселенными на огромной территории от Кольского полуострова до Саянских гор, живущими чересполосно с индоевропейскими, алтайскими, палеоазиатскими этносами. Многие уральские народы со временем исчезли. Поэтому изучение топонимического субстрата на РС имеет значение для истории всех уральских языков и народов, тем более что в своем большинстве уральские языки до недавнего времени были бесписьменными.

На основе изучения СТРС можно с известной степенью точности воссоздать как языковую, так и этническую карту этой территории периода, предшествующего русской колонизации, что, в свою очередь, поможет внести уточнения в существующую схему локализации уральских языков в древности, а также в сложную проблему этногенеза уральских народов. Исследование СТРС во многом будет способствовать и лингвоэтнической идентификации субстратных названий в Волго-Окском междуречье, Карелии и на других смежных с РС территориях, где обнаруживаются тождественные или близкие по своим характеристикам к СТРС топонимические реликты. Несомненно значение СТРС для решения сложной мерянской проблемы.

¹ Результаты изучения субстратной топонимии могут быть важны и для естественных наук, например, для палеогеографии, однако исследования такого рода уже вторичны и входят в сферу интересов соответствующей области знаний.

Наконец, по распространенности субстратных названий на той или иной территории, в частности, по их наличию или отсутствию в микротопонимии, а также по особенностям фонетического и морфологического усвоения топонимов, можно судить об относительной хронологии заселения края русскими и о некоторых специфических чертах древнерусских говоров региона. Кроме того, могут быть выявлены те особенности фонетического и морфологического усвоения топонимов, которые представляются принципиально важными с точки зрения изучения топонимии любой территории, где русским названиям предшествовал какой-либо субстрат. Поэтому значение рассматриваемого вопроса велико и для русистики: субстратные топонимы в сущности – особая группа заимствованных слов, которые являются фактами русского языка.

Есть несколько обстоятельств, обуславливающих особую ценность СТРС как лингвистического и исторического источника: 1) исключительное разнообразие и богатство топонимических типов; 2) высокая степень формальности топонимов, облегчающая их классификацию и интерпретацию; 3) хорошая сохранность дорусского топонимического слоя, так как северорусское наречие с его оканьем и другими особенностями несравненно лучше отражает древние формы топонимов, чем, например, akaющие южнорусские говоры или тюркские языки с их сингармонизмом.

Все это делает РС настоящим заповедником субстратной топонимии, представляющей собой огромную ценность не только как источник наших знаний о древних языках, но и как база для разработки методов изучения топонимического субстрата. Следовательно, топонимические разыскания в этом регионе существенны и для российской топономастики в целом, поскольку на обширной территории нашей страны практически везде есть субстратная топонимия.

Однако, несмотря на научную значимость обсуждаемой проблемы, до ее решения далеко. Выдвинутой в XIX в. А.И. Шёгреном и М.А. Кастреном гипотезе о финно-permском происхождении СТРС противостоят высказанные в трудах других исследователей предположения

об угорских и дофинно-угорских истоках субстратных названий. В результате одни и те же топонимические типы РС связываются исследователями с различными языками и народами. А.И. Шёгрен и М.А. Кастрен находят здесь прибалтийских финнов, коми-зырян и саамов, Д. Европеус – угротов, М. Фасмер – кроме различных финно-угорских народов (прибалтийских финнов, пермян, саамов), таинственных «неиндогерманцев», которые не были финно-уграми, А.И. Соболевский – иранцев («скифов»), Б.А. Серебренников – мигрировавшие сюда волго-окские нефинно-угорские и западносибирские уgroидные племена, А.П. Дульzon – угротов и самодийцев и т. д.

Как представляется, разнообразие и противоречивость взглядов на происхождение СТРС обусловлены не только сложностью состава топонимического субстрата на территории РС, но и привходящими обстоятельствами: 1) крайней неполнотой и недостоверностью используемого топонимического материала (отсутствием полевых записей и сколько-нибудь значительных картотек письменных источников); 2) недостаточной разработанностью методов изучения субстратной топонимии; 3) предвзятостью концепции некоторых исследователей.

В настоящее время в результате сорокалетних работ Топонимической экспедиции Уральского университета (1961–2000 гг.), которая обследовала всю территорию РС, собрав богатейший материал по субстратной и собственно русской топонимии, а также в процессе весьма оживленного обсуждения проблемы методов топонимических исследований как в нашей стране, так и за рубежом, наиболее существенные факторы, препятствовавшие объективному анализу СТРС, уже устранены.

В целях объективного и непредвзятого изучения субстратной топонимии настоящее исследование ограничено лингвистическим аспектом. Такая постановка вопроса совсем не означает, что автор отказался от использования исторических сведений. Это при топонимических разысканиях, разумеется, недопустимо. Однако, данные истории, этнографии, археологии и других исторических наук при лингвистическом исследовании субстратной топонимии следует привлекать с боль-

шой осторожностью, учитывая только те исторические факты, которые можно считать бесспорными. Так, при изучении СТРС надо считаться с тем, что в настоящее время РС окружает финно- и самодийскоязычное население – саамы, карелы, вепсы, мари, коми, ненцы. Поэтому при решении вопроса о происхождении СТРС необходимо прежде всего обращаться к уральским языкам. Это полностью согласуется с исторической традицией, которая относила древнее население региона к финно-угорским (= чудским) племенам, именуя его Чудь Заволочская. Вообще же при изучении топонимических реликтов отдаленных эпох необходима известная строгость подхода, так как сопоставление разнородных, например, лингвистических и археологических, материалов при предвзятой концепции и произвольной трактовке может привести к ошибочным выводам.

Поскольку при исследовании топонимии, восходящей к вымершим языкам, в первую очередь нужно исходить не из общих (нелингвистических) соображений, а из самого топонимического материала, эта работа – чисто лингвистическое исследование, основанное на постулате, что изучение субстратной топонимии есть только специфическая область этимологии, а учет исторических данных и географических сведений – обычный прием лингвистической практики, отнюдь не предлагающей выделения топономастики из лингвистики в особую область гуманитарных наук.

Ориентируясь на данные языка, автор не стремился к обобщениям этногенетического характера. Однако этимологическое изучение значительного числа субстратных топонимов, засвидетельствованных на территории РС, позволило выяснить некоторые особенности их семантики, представляющие интерес не только с лингвистической, но и с историко-этнографической стороны. Еще показательнее в этом плане были результаты картографирования формантов и основ. Разумеется, рискованно только по топонимическим данным восстанавливать историческое прошлое, поскольку исследование, имеющее такую целестстановку, должно учитывать как лингвистические, так и археологические, антропологические, этнографические и т. п. сведения. Однако некоторо-

рые обобщения этой работы выходят за рамки лингвистики, хотя основываются исключительно на топонимических фактах, что следует рассматривать, конечно, только как попытку интерпретации одного вида источников.

Постановка вопроса определила основную цель исследования.

Автор сознает, что он мог поставить перед собой лишь ограниченную задачу – написать своего рода «Введение в изучение субстратной топонимии Русского Севера», так как полное описание дорусского пласта названий этого региона может осуществить только коллектив исследователей после изучения уже собранных обширных полевых материалов, обследования всей массы письменных источников, создания атласов и словарей субстратной топонимии. Не надо забывать, что исследуемая территория по своей площади больше, чем Польша и Великобритания вместе взятые, больше таких стран, как Франция и Испания. Поэтому автор не стремился этимологически интерпретировать как можно больше названий. Он хотел охарактеризовать объект исследования в главных чертах, а также определить возможности его изучения и наметить пути их реализации. Отсюда определенная неполнота и неизбежные лакуны, особенно в недостаточно дифференцирующем и потому менее убедительном, а также в трудно интерпретируемом материале.

Учитывая существование ряда противоречащих друг другу взглядов на происхождение СТРС и необходимость последовательного ретроспективного изучения топонимического континуума, автор анализирует прежде всего верхние слои субстрата с тем, чтобы получить надежную базу, которая могла бы послужить отправным пунктом для последующих разысканий. В этих целях он считал необходимым: 1) критически рассмотреть существующие гипотезы; 2) охарактеризовать основные направления адаптации субстратной топонимии в языке-реципиенте; 3) определить наиболее важные ориентиры для стратификации СТРС и лингвоэтнического членения территории РС по топонимическим данным; 4) выявить надежно этимологизируемые форманты и основы; 5) основываясь на результатах картографирования топонимов и этимологическом анализе, определить зоны распространения субстрат-

ных языков и охарактеризовать эти языки (в пределах возможностей топонимии); 6) рассмотреть вопрос о путях изучения тех компонентов СТРС, которые в настоящее время не представляется возможным идентифицировать. Постановка этих задач обусловила структуру исследования, в котором две части. Первая часть (I) содержит разделы: 1. Введение; 2. Общая характеристика субстратной топонимии РС и проблемы ее адаптации; 3. Форманты субстратной топонимии РС; 4. К лингвоэтническому членению субстратной топонимии РС. Во второй части (II) анализируются основы топонимов и характеризуются лингвоэтнические пласти СТРС. В приложениях приводятся библиография, списки сокращений, карты.

Разумеется, в книге не могла быть отражена вся «лаборатория». Это сделало бы ее чрезмерно большой по объему, громоздкой по структуре, содержащей множество повторений. Поэтому в ней нет поэтапного анализа (типологического, фонетического, лингвогеографического), а дается обобщение как результатов изучения, так и доказательств, полученных путем использования различных методов. Фактический материал приводится в соответствующих разделах и этимологических статьях разного типа, конденсирующих в себе предшествующую работу, объем которой велик: в ходе предварительного изучения были картографированы все до сих пор выявленные форманты, а также те основы, которые часто встречаются или были этимологизированы, т. е. был составлен рабочий вариант «Атласа субстратной топонимии Русского Севера». Понятно, что в книге находит отражение только та часть картографированного материала, которая имеет непосредственное отношение к рассматриваемым фактам, причем предпочтение отдается картам синтетического характера.

Взгляды автора на столь сложную проблему изменялись как в связи с накоплением и изучением новых фактов, так и вследствие совершенствования методов их обработки. Это легко может заметить каждый, кто пожелал бы сравнить опубликованные ранее статьи с настоящей работой. Тем не менее общая концепция – приверженность «финской» гипотезе, объясняющей подавляющее большинство суб-

стратных топонимов РС из различных финских языков, представляющих в данном случае альтернативу угорским и нефинноугорским языкам, – осталась без изменений.

В книге использована только та часть находящихся в распоряжении автора фактов, которая была, на его взгляд, достаточно убедительно интерпретирована. В нее не включен ряд предположений и рабочих гипотез, высказанных публично в целях широкого обсуждения проблемы, но не получивших достаточно веских доказательств или не подтвержданных.

Сложность проблемы и оживленность дискуссии, развернувшейся вокруг нее, обусловили полемический характер некоторых разделов работы, однако обсуждаются лишь те из спорных вопросов, которые, по мнению автора, имеют принципиальное значение.

1. Введение

1.1. История вопроса

Почти двести лет тому назад знаменитый русский лингвист А.Х. Востоков поставил перед учеными задачу, над которой трудились исследователи многих поколений и которая по существу не решена до сих пор. В своей небольшой заметке «Задача любителям этимологии» Востоков предложил использовать названия мест для того, чтобы уз-нать, «какие племена в России первобытно жительствовали» [Востоков 1812: 208]. Он обратил внимание на повторяемость элементов *-га*, *-ва*, *-ба*, *-ма* в наименованиях рек *Пинега*, *Онега*, *Лоптуога*, *Яренга*, *Пук-шенъга* и др., посчитав их обозначениями воды, потока, реки, а находя-щуюся перед ними часть названия прилагательным со значением каче-ства [Востоков 1812: 214-215]. Этой работой Востоков положил начало той оживленной полемике вокруг вопроса о происхождении субстрат-ных названий РС, которая продолжается до сих пор. Востоков опреде-лил основную задачу будущих исследований – установить по данным топонимии, кто жил на РС в древние времена, указал на метод – выяв-ление повторяющихся элементов, высказал предположение, что источ-ники этих названий следует искать в финских языках.

Уже в XIX в. был выдвинут ряд теорий, объясняющих проис-хождение СТРС из финно-угорских языков. В дальнейшем круг воз-можных источников был расширен за счет сопоставления с урало-алтайскими и индоевропейскими языками.

Таким образом, вопрос о происхождении субстратных географических названий РС имеет длительную историю. Но его историография пока не очень богата (см. [Vasmer 1934; 1935; 1936; Попов 1947а; Агеева 1967; Туркин 1967; Матвеев 1969а; 1970а; 1971]. Предлагаемый очерк тоже не претендует на полноту. Его цель – охарактеризовать основные направления поиска и обозначить главные вехи. Очерк доводится до начала работ Топонимической экспедиции Уральского университета на РС в 1961 г., которые продолжаются до сих пор. Систематический фронтальный сбор СТРС совершенно изменил источниковую базу и позволил на многое взглянуть по-новому, однако оценивать этот труд предстоит будущему. Соответственно в очерке не отражены и перипетии оживленной дискуссии 1960-х годов о происхождении основных пластов СТРС и методах топонимических исследований (А.П. Дульzon, А.И. Попов, Е.М. Поспелов, Б.А. Серебренников, А.К. Матвеев), тем более что эта дискуссия, несомненно способствуя совершенствованию методов изучения субстратной топонимии, сравнительно мало продвинула решение самой проблемы происхождения СТРС. За пределами очерка остались также работы по субстратной топонимии смежных территорий.

1.1.1. Финская гипотеза

Топонимией РС, находящегося в окружении финно-угорских и самодийских народов, прежде всего заинтересовались финно-угроведы в надежде, что ее изучение поможет восстановить те страницы древней истории финно-угорских языков и народов, которые казались навсегда утраченными. Поэтому неслучайно, что первыми исследователями СТРС были крупнейшие финно-угроведы XIX в. А.И. Шёгрен и М.А. Кастрен. Не занимаясь специально изучением топонимии, они обратились к ней, пытаясь решить вопрос об этнической принадлежности древнейшего населения севера России. Для первого этапа в развитии финской гипотезы как раз и характерны исследования, в которых задачи изучения СТРС решались попутно.

Академик А.И. Шёгрен, занимаясь проблемой расселения финно-угров в древности и исследуя для этой цели как историко-

этнографические, так и языковые данные, не мог не обратить внимания на топонимию, которую он и анализирует в ряде своих статей, особенно в работе «Die Syrjänen, ein historisch – statistisch – philologischer Versuch» [Sjögren 1861].

Топонимический материал, рассматриваемый Шёгреном, довольно значителен (около 400 названий). Наиболее важны выводы Шёгрена о том, что на севере России до прихода русских жили различные финноязычные племена – саамы, карелы, пермяне [Sjögren 1861: 292–293]. Шёгрен пытался также доказать, что здесь некогда обитала *емь*, одно из собственно финских племен, которое затем перекочевало на территорию современной Финляндии, но убедительных примеров емской топонимии он не приводит. Нет в работе Шёгрена и примеров специфической саамской топонимии, и вообще говорится не о саамских, а о финско-саамских названиях [Sjögren 1861: 289–290], которые обнаруживаются по всей Сев. Двине и по Мезени.

Говоря о финском населении, Шёгрен обычно имеет в виду карелов [Sjögren 1861: 291, 323–325, 390], живших, по его мнению, вперемежку с зырянами, но в основном к западу от Двины, а также по Пинеге, Мезени и в низовьях Вычегды [Sjögren 1861: 219, 292, 317–318, 408]. Зыряне же преимущественно обитали к востоку от Двины [Sjögren 1861: 292, 300–301, 317–318, 320]. В нижнем течении Двины зырянских следов мало. С течением времени зыряне были оттеснены русскими и финнами на восток и покинули старые пермские земли, простиравшиеся до Белого моря – Биармию [Sjögren 1861: 320–321].

Таким образом, по Шёгрену, прибалтийско-финское население проникало далеко на восток, а зырянское – на запад. Однако почти все в примерах Шёгрена надо принимать на веру, он «чувствует», а не доказывает. Так, Шёгрен, не этимологизируя, справедливо относил к прибалтийско-финским названиям *Лухта*, *Корбала*, *Кургомина*, но ошибочно причислял к ним топонимы *Тулгас*, *Вотложма* [Sjögren 1861: 290], не имеющие прибалтийско-финских соответствий. Подобным же образом выделял Шёгрен и зырянскую топонимию, к которой отнесены не только фонетически близкие к пермским источникам *Ёжуга*, *Косвей*, но и

Покишенга, *Паленга*, *Пукишенга* [Sjögren 1861: 317-318], не имеющие с ними ничего общего. Допуская возможность взаимодействия языков и наславивания одного языка на другой, Шёгрен все время говорит о существовании полузырянских-полуфинских и иных смешанных названий [Sjögren 1861: 300, 317-318]. Примеры, которые он приводит, как правило, ошибочны, но сама постановка вопроса очень важна, так как гетерогенные топонимы встречаются часто.

Существенно, что Шёгрен пытался учитывать русскую адаптацию. Так, он указывает на финские названия с русскими окончаниями – *Каталова*, *Мургино* [Sjögren 1861: 290], упоминает о русифицированном финском форманте *-юга* и выделяет форматив *-ка* в названии *Черка* < к.-зыр. *tscheri* «рыба» [Sjögren 1861: 317-318]. Наконец, Шёгрен особо подчеркивает, что названия имеют долгую и сложную историю, так что, например, нефинские топонимы могут иметь финские окончания [Sjögren 1861: 302], т. е. фактически он уже допускает существование субсубстрата.

Этимологии в работах Шёгрена относительно редки. Среди них есть удачные: *Варомина* < карел. *vaara*, саам. *vaare* «гора» + *мина* < фин., карел. *niemi* «мыс» [Sjögren 1861: 290], *Курга* < фин. *kurki* «журавль», *Пинега* < фин. *pieni* «малый, маленький», *Кузомена* < фин. *kuusi* «ель» + *niemi* «мыс» [Sjögren 1861: 317-318], *Пертомина* < карел. *pertti* «изба» + *niemi* «мыс» [Sjögren 1861: 324] и др.

Однако встречаются и неприемлемые этимологии. Так, наименование озера *Тиноватое* сравнивается с названием речки *Тинева* [Sjögren 1861: 318], хотя в основе этого лимонима рус. *тина*. Неудовлетворительно объяснение названия *Холмогоры* (<*Колмогоры*) из к.-зыр. *Kolemgor* «Оставленный дом, двор» (вследствие разрушения скандинавами местного храма бога Юмалы) [Sjögren 1861: 401-403]. Нельзя считать гидроним *Сара* отражением к.-зыр. *schor* «ручей» [Sjögren 1861: 300]. Не доказана связь названий рек *Емца* и *Еменга* [Sjögren 1861: 511], а также наименования волости *Гам* с этнонимом *емъ* [Sjögren 1861: 411, 413]. Невероятно сопоставление гидронима *Яренга* с к.-зыр. *jarangas* «самоеды» [Sjögren 1861: 403].

Шёгрену удалось определить значение ряда топонимических формантов: *-юг* «река» [Sjögren 1861: 300], *-вара* «гора» = рус. *-горы* и карел. *vaara*, саам. *vaare* [Sjögren 1861: 290, 315], *-нема* «мыс» (< фин. *niemi*), а на русской почве также *-мена*, *-мина* [Sjögren 1861: 290, 317] и некоторых других. Особенно важно истолкование Шёгреном группы формантов с финалью *-г(a)*. Указав, что *-юг* означает «река», он утверждает, что бесчисленные названия рек на *-юг*, *-юга*, *-ега*, *-ога*, а также просто *-га* (или с назализацией на *-енга*, *-онга*) восходят к финско-саамскому названию реки *joki*, *jogi*, *jokka*, *juk*, *juch*, с которым родственны ненец. *jahaa* и к.-зыр. *ju* [Sjögren 1861: 512]. Здесь же он приводит одно из своих лучших сопоставлений – карел. *Mägräjogi* «Барсучья река» ~ рус. *Мягрега*, *Мегрега*. Шёгрен ошибается, полагая, что названия на *-енга*, *-онга* и т. п. возникли из финско-саамского *jega* «река» путем назализации гласного (*Megrega* > *Mегренга*) [Sjögren 1861: 301], однако в целом его объяснение сейчас общепринято.

Несмотря на ряд неверных общих положений (переоценку роли пермского компонента в формировании СТРС, упрощенное представление о соотношении финского и саамского элементов и т. п.), ряд методических промахов и значительное количество разных частных ошибок, заслуги Шёгрена велики: он положил начало научному изучению СТРС.

Знаменитый языковед М.А. Кастрен также уделил некоторое внимание СТРС [Castrén 1862]. Отождествляя древних наследников РС с биармами, а последних с карелами, Кастрен, используя топонимические данные, доказывал, что раньше карелы жили не только в бассейне Сев. Двины, но и по Мезени [Castrén 1862: 98-100, 105]. Этимологию Кастрена часто произвольны. Так, в гидронимах *Ижма* и *Лодма* он выделяет лексический компонент *taa* «земля», сомнительный для речных названий; ошибочно и сопоставление ойконима *Сюземка* с фин. *susi* «волк» + *taa* «земля» (см. [Kalima 1919: 221]); неудовлетворительна с фонетической точки зрения этимология гидронима *Двина* < фин. *vieno* «тихий, спокойный» [Castrén 1862: 95]. Но есть и хорошие этимологии. Гидроним *Мудьюга* удачно интерпретируется из фин. *muta joki* «мутная река». Ср. еще *Равдагорка* и фин. *rauta* «железо», *Пинега* < фин. *pieni*

joki «малая река», названия деревень с формантом *-немская* < фин. *niemi* «мыс»: *Каргонемская* (фин. *karhu* «медведь»), *Кузонемская* (фин. *kuusi* «ель»), *Сулонемская* (фин. *sula* «стальной»). Все эти сопоставления [Castrén 1862: 95-96], однако, не совсем точны, так как сравнение производится только с финским (*suomi*) языком.

Кроме карельских названий на РС, по мнению Кастрена, имеются саамские и пермские, в частности, он удачно сравнивает название реки *Кулой* с саам. *kuolle* «рыба» [Castrén 1862: 102]. Однако саамские элементы редки. Слабые следы пермских племен есть только в топонимии правобережья Двины. Они выклиниваются по мере приближения к Белому морю [Castrén 1862: 101-102].

После А.И. Шёгрена и М.А. Кастрена в разработке финской гипотезы наступает длительный перерыв. Определенный интерес представляют только труды М.П. Веске и И.Н. Смирнова, в той или иной мере затрагивающие проблему СТРС.

Исследование М.П. Веске [Веске 1890] посвящено преимущественно русско-прибалтийско-финским связям в области апеллятивной лексики, однако некоторое внимание этот ученый уделил и субстратной топонимии.

В своей работе Веске излагает взгляды Шёгрена и Кастрена на СТРС и критически разбирает некоторые аргументы Шёгрена в пользу «емской» концепции, указывая, что одни «емские» названия могут быть вообще не прибалтийско-финскими, а другие очень трудно отличить от карельских ввиду чрезвычайной близости карельских и финских диалектов [Веске 1890: 6-9, 12-14]. В основном Веске ограничивается тем, что приводит этимологии Шёгрена и Кастрена, но иногда предлагает и свои интерпретации. Они не всегда удачны. Так, нельзя сравнивать *Уфтюга* с к.-зыр. *улт* «нижний» (< **Увтюга* [Веске 1890: 9]), потому что исходным является *Ухтюга*. Названия деревень *Шелгуново*, *Шалегино*, *Шелково*, *Шелыгино* не имеют никакого отношения к фин. *selkä* «лесной хребет» [Веске 1890: 68-69]. Есть в работе Веске и другие явные ошибки. Однако и в этом во многом устаревшем труде исследователь СТРС может найти для себя немало интересного.

В методическом отношении ценно замечание о необходимости применения звуковых законов не только к нарицательным, но и к собственным именам, а также мысль, что древняя чудь некоторое время говорила на двух языках, постепенно забывая родную речь и переходя на русский [Веске 1890: 2]. Это четкое указание на билингвизм очень важно для понимания особенностей СТРС. Существенным представляется и вывод Веске о том, что прибалтийские финны не были первоначальным населением РС: до них здесь обитали другие финно-угры – предки или родственники коми-зырян, остяков, вогулов или каких-либо вымерших племен [Веске 1890: 15].

Известный этнограф И.Н. Смирнов в очерках, посвященных отдельным финно-угорским народам, использует топонимию преимущественно для решения вопроса о их былом расселении и этногенезе. Особенno интересен в этом отношении очерк «Пермяки» [Смирнов 1891].

Для работ Смирнова характерно хорошее знание литературы вопроса и критическое отношение к ней. Так, весьма поучительны замечания, высказанные им о топонимической концепции Шёгрена. Этот исследователь, по мнению Смирнова, не нашел объективных критериев для различия разноязычных местных названий, а исходит из впечатления, которые они производят на слух [Смирнов 1891: 40]. Смирнов справедливо указывает, что названия одного и того же типа (на *-ома*, *-ема*, *-онга*, *-енга*, *-ега*, *-ыш*) Шёгрен считает то финскими, то зырянскими, тогда как на самом деле между разноязычными топонимами есть «типическая» разница [Смирнов 1891: 42-43]. Тем не менее Смирнов признает за работой Шёгрена научное значение первого труда по обсуждаемой проблеме, в котором много ценного [Смирнов 1891: 44-45].

Однако взгляды самого Смирнова на происхождение СТРС довольно противоречивы. Так, отвергая большинство «пермских» этимологий Шёгрена [Смирнов 1891: 40-43], он вместе с тем допускает, что древние пермяне заселяли огромную территорию, охватывавшую Вологодскую, Костромскую, Владимирскую, Московскую, и Калужскую губернии, поскольку широко распространенные речные названия на *-ма* являются пермскими: *-ма* могло произойти из *-ва* «вода, река» на почве

русского усвоения или уже в самом языке исчезнувшего пермского населения означало «вода, река» [Смирнов 1891: 78-81, 97-98]. Таким образом, в числе пермских оказываются топонимы *Тотьма*, *Толима*, *Яхрома*, *Ведома*, а также *Москва*, *Протва* [Смирнов 1891: 93]. Все это, конечно, явное заблуждение. М. Фасмер справедливо критикует Смирнова за попытку вывести все названия на *-ма* из к.-зыр. *-ва* [Vasmer 1936: 227].

К северу от пермян, по мнению Смирнова, жили западные финны, например, на Пинеге – карелы [Смирнов 1891: 12, 15]. Названия на *-енга*, *-онга*, зона распространения которых определяется относительно точно, справедливо квалифицируются как близкие к саамским, хотя в то же время допускается возможность их угорского происхождения в соответствии с гипотезой Д. Европеуса (см. 1.1.2.) [Смирнов 1891: 44]. Заметим, что в других местах работы Смирнова концепция Европеуса по праву подвергается резкой критике [Смирнов 1891: 47-53, 102-107].

В начале прошлого века появилось несколько слабых работ, которые содержат разного рода домыслы или «кабинетные этимологии», однако и в них иногда встречаются интересные наблюдения и толкования.

В книге А. Орлова [Орлов 1907] утверждается, что все реки Европейской части России и большинство значительных рек Западной Европы получили свои названия от предков финских народностей. В целом работа Орлова по-дилетантски беспомощна, но в ней верно отмечено, что ударение в субстратных топонимах находится на первом слоге, названия рек обычно имеют окончание *-а*, озер *-о* (*Волга* – *Волго*, *Кена* – *Кено*), есть интересные наблюдения в области фонетики: *-га* > *-жса*, *-ж* (*Пучега* – *Пучеж*), *-ма*, *-ва* > *-ба* [Орлов 1907: 3, 24, 33, 36].

С.К. Кузнецов [Кузнецов 1910] справедливо призывает к осторожности при этимологизации топонимических названий, однако его собственные толкования в большинстве случаев произвольны [Попов 1965: 99-100]. Рассматривая топонимию областей, примыкающих к РС с юга, а частично и входящих в него, Кузнецов выделяет древнемерянский пласт, объясняемый им из мариjsкого языка, при этом не учитывая

ется ни типология, ни звуковой состав, ни семантические особенности топонимов. Все же и в этой работе можно найти отдельные интересные наблюдения; например, *Вондонга* < мар. *вондо* «куст» + *-га*, т. е. «Кустовая» [Кузнецов 1910: 156].

В работах А.Л. Погодина наряду с апеллятивами исследуются и географические названия, в основном связанные с прибалтийско-финскими источниками [Погодин 1905; 1912]. В большинстве случаев они относятся к территориям, находящимся за пределами РС. Это обычно фрагменты, не имеющие сколько-нибудь принципиального значения. Критика оценила их довольно сурово. В частности, М. Фасмер [Vasmer 1934:358] пишет, что Погодин слишком мало знаком с финским топонимическим словообразованием и слишком много оперирует с «*konstruierten Namen*». Заметим все же, что отдельные наблюдения Погодина представляют интерес, ср. *Вологда* < **valg(e)da* «белый» при фин. *valkea*, вепс. *vâuged*, *Валдакурья* < фин. *valta*, вепс. *vald* «власть», «право» [Погодин 1905: 9-10].

Второй этап в изучении СТРС наступил с появлением ряда работ известного слависта М. Фасмера по дорусской топонимии. Некоторые из них относятся непосредственно к РС. Наиболее важны «*Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas*» [Vasmer 1934; 1935; 1936] и обобщающее исследование «*Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung*» [Vasmer 1941].

Что принципиально нового внесли в изучение проблемы труды Фасмера, которые были уже специально посвящены СТРС?

1. Несомненное достоинство работ Фасмера – довольно полный обзор субстратной топонимии: перечисляются сотни наименований, приводится много этиологий, учитывается география названий. Фасмер считает, что изучение изолированных имён не может привести к серьезным результатам и что необходимо исследовать топонимию фронтально на большой территории [Vasmer 1941: 33-34]. В его работах нет топонимических карт, однако региональный принцип рассмотрения материала относительно успешно используется при анализе компактных групп топонимов одного происхождения.

2. Труды Фасмера отличает стремление к обобщению, отсюда критическая, в основном весьма объективная характеристика работ предшественников и солидный научный аппарат.

3. Используются достижения лингвистики в других областях, в частности, исследования Й. Микколы [Mikkola 1894] и Я. Калимы [Kalima 1919] о финско-русских лексических связях. Фасмер учитывает фонетические соответствия, установленные при изучении русских апеллятивов прибалтийско-финского происхождения, сопоставляет сведения о географии топонимов с фонетическими свидетельствами (падение редуцированных, полногласие и т. д.) и пытается определить относительную хронологию усвоения названий по регионам. Это делается не всегда удачно, но как методическое нововведение весьма важно.

4. Фасмер использует различные специальные приемы изучения топонимов: сопоставляет разноязычные названия с одним значением, которые прилагаются к смежным объектам; на территории со смешанным населением отыскивает топонимические билингвы, относящиеся к одному объекту; учитывает употребляемость апеллятивов в качестве топонимов (*Салма ~ салма* «пролив» [Kalima 1919: 213]), так как подобные названия могут быть русского происхождения, иногда, впрочем, нарушая этот принцип [Vasmer 1934: 392].

5. Фасмер устанавливает характерные для СТРС структурные и семантические *Ortsnamentypen* и сопоставляет их с топонимией живых финских языков – финского (чаще всего), эстонского, саамского, пермских, а с точки зрения семантической типологии – и русского языка. Так, в качестве признаков прибалтийско-финской топонимии [Vasmer 1934: 354] должны рассматриваться детерминанты *-järv* «озеро», *-niemi* «мыс» и др., а также часто встречающиеся основы *haara-* «осина», *mänty-* «сосна», *kuusi-* «ель», *musta-* «черный» и т. п. Приметами саамизмов служат основы, содержащие слова *goaskem* «корел», *coalbte* «пролив», *njalbte* «устье», *kimč* «медведь», *njuktša* «лебедь» и т. п. [Vasmer 1941: 27].

Методический прием выделения *Ortsnamentypen* полезен, но несколько прямолинеен, так как лексический состав «мертвых» языков

мог существенно отличаться от словаря живых языков. Фасмер не учитывал этого, всегда объясняя названия типа *Чухченема*, *Чиннема* как саамско-финские [Vasmer 1934: 422] или коми-зырянско-финские [Vasmer 1936: 235] гибриды.

6. Важна установленная Фасмером классификация субстратных топонимов в зависимости от типа их переработки в русском языке: 1) сохранение обеих частей сложного слова, 2) частичный перевод, 3) эллипсис, 4) полный перевод [Vasmer 1941: 25].

Однако наряду со всем новым и положительным, что внес Фасмер в методику топонимического исследования субстратных топонимов, в его работах имеются и существенные недостатки.

1. Хотя материал, использованный Фасмером, довольно значителен, источники («Списки населенных мест» и т. п.) весьма ненадежны, поэтому ошибочность этимологий может быть обусловлена самим материалом: ойконим *Коскоменское* сравнивается с фин. *koski* «порог» [Vasmer 1934: 423], тогда как фактически это *Каскомень*, ср. фин. *kaski* «пожога»; мифическая *Пиибера* в действительности бытует как *Пимбера* и не имеет никакого отношения к удм. *pizber* «задняя часть судна» [Vasmer 1936: 238].

2. Количество фактов все-таки недостаточно для категорических суждений, которые иногда встречаются. Так, в Пинежском уезде Фасмер обнаружил только 6 названий прибалтийско-финского происхождения, причем среди них нет гидронимов [Vasmer 1934: 422-425]. Отсюда следует вывод о позднем и непродолжительном проникновении прибалтийских финнов (карел) на эту территорию. В действительности прибалтийско-финская топонимия пинежского микрорегиона довольно богата.

Неполнота материала обусловила ошибочность и некоторых других выводов Фасмера. Так, рассматривая топонимы с формантом *-хта* как неиндоевропейские (а возможно и нефинно-угорские) [Vasmer 1941: 19], он в то же время считает основу *челм-* в *Челма*, *Челмозеро* саамской (саам. *coalbte* «пролив») [Vasmer 1941: 27]. Однако сопоставление топонимов *Челма*, *Челмозеро*, *Челмус*, *Челмохта* показывает, что

«неиндоевропейские» элементы могут рассматриваться как саамские или близкие к ним.

3. В работах Фасмера недостаточно учитывается формальная характеристика названий, что приводит к противоречивым суждениям. Так, например, коми-зырянскими считаются и названия на *-уга* (*Ежуга, Кожуга*) [Vasmer 1936: 237-238] и на *-енга* (*Леменга, Еденга*) [Vasmer 1936: 237, 246], что, конечно, неверно (см. 3.2.1.).

4. Так называемые *Ortsnamentypen* не всегда имеют отношение к СТРС. В частности, коми-зырянские названия на *-шор* и удмуртские на *-шур* [Vasmer 1936: 221-225] на РС не находят убедительных соответствий. Выделение подобных *Ortsnamentypen* ничего не доказывает.

5. Встречаются факты, указывающие на недостаточное знакомство Фасмера с русской диалектной лексикой. Таково сравнение названия населенного пункта *Лампоженская* с *Ламбошгуба* [Vasmer 1934: 425], так как исходное *Лампожня* содержит русский детерминант *-пожня* «луг».

6. Допущены ошибки при интерпретации фонетических наблюдений. В частности, для территории РС предполагается наличие соответствия фин. *u* ~ рус. *ъ* ~ рус. *o*, но в действительности в пределах этого региона фин. *u* всегда соответствует рус. *у* (ср. *Мустозеро* и фин. *musta* «черный»). Отсюда следует ошибочность таких сопоставлений, как *Моткозеро* и фин. *mutka* «излучина», *Похта* и фин. *puhdas* «чистый», *Лохта* и фин. *luhta* «заливной луг» [Vasmer 1934: 381, 382, 386]. Фактически в этих случаях фин. *a* соответствует рус. *о* (ср. фин. *matka* «путь», *lahti* «залив») или, если мы имеем дело с саамскими данными, саам. *o* (или звук, близкий к *o*), который передается рус. *о*. Противоречивость позиции Фасмера усугубляется тем, что иногда допускается и соответствие фин. *u* ~ рус. *у*: *Пухта, Лухтозеро, Мустозеро* [Vasmer 1934: 402-403, 407].

Все эти просчеты неизбежно должны были оказаться и на этиологиях, среди которых много ошибочных, ср.: *Пинюга* (фактически *Пинюг*) < к.-зыр. *rič* «зуб» [Vasmer 1936: 243-244], *Шорега* < к.-зыр. *šor* «ручей» + *ju* «река» [Vasmer 1936: 248] (как уже указывалось, на РС не

встречается коми-зырянский детерминант *-иор*) и т. п. Вообще среди «пермских» этимологий приемлемых мало, поэтому доказательства существования пермского пласта в топонимии РС зыбки.

К каким же выводам приходит М. Фасмер? Карта в итоговой статье [Vasmer 1941] свидетельствует о том, что на территории РС в последних столетиях до начала нашей эры обитали неиндоевропейцы (*Nicht-Indogermanen*), создатели топонимии на *-ма*, *-осьма*, *-ошма*, *-хта*, *-хть*, *-гда*, *-кса*, *-киа*, которую не удается объяснить и из финно-угорских языков [Vasmer 1941: 19-20]. В это время саамы занимали район Ладожского и Онежского озер и современную Финляндию, а южное побережье Финского залива и современные Новгородская и Ленинградская области были заселены западными финнами. Меря, в языковом отношении близкая к марийцам, обитала в Волго-Окском междуречье [Vasmer 1935: 514], а территории далее к востоку освоили марийцы и пермяне.

К этой схеме могут быть сделаны следующие дополнения из других работ Фасмера, иногда противоречащих друг другу:

1. Загадочна лингвоэтническая принадлежность населения, занимавшего вологодское Заволочье [Vasmer 1935: 581]: названия на *-енга* свидетельствуют об особом финском или уральском, но не западнофинском компоненте в топонимии [Vasmer 1934: 428]. Это соображение заслуживает внимания.

2. Саамы до прихода прибалтийских финнов занимали западную часть РС [Vasmer 1935: 508] и контактировали на востоке с пермянами, следы которых усматриваются на территориях восточнее Онеги [Vasmer 1936: 257-258]. Затем саамы были оттеснены западными финнами [Vasmer 1936: 176]. Саамские названия РС обнаруживают следы прибалтийско-финского (карельского) влияния [Vasmer 1936: 187], в то же время прибалтийско-финские формы могут быть настолько близкими к саамским, что их невозможно различить [Vasmer 1936: 189].

3. Прибалтийско-финские племена, а именно карельцы [Vasmer 1936: 186-187], проникли на РС сравнительно недавно (после V-VI вв. н. э.). Их переселение было прервано потоком русской миграции [Vas-

mer 1934: 424, 434] и оставил слабые следы в топонимии. Прибалтийские финны мигрировали на территории между Каргопольем и Пинегой [Vasmer 1935: 507], но Фасмер подчеркивает, что большая часть гидронимов в этих местах не объясняется из прибалтийско-финских языков [Vasmer 1934: 422-424; 1935: 507].

Таким образом, Фасмер в своих работах привел довольно значительный материал и подтвердил существование прибалтийско-финских и саамских элементов в топонимии РС. Он указал также, что в ней имеются и другие неиндоевропейские по происхождению топонимы (на *-ма*, *-хта*, *-гда*, *-кса*, *-киа* и др.). Фасмер считал все прибалтийско-финские названия РС карельскими, что представляется спорным, поскольку в топонимии южной части региона заметен вепсский компонент. Он неточно охарактеризовал прибалтийско-финскую топонимию как в ареальном отношении, так и по принадлежности к классу объектов, по существу отрицая наличие прибалтийско-финской гидронимии на территории РС. Фасмеру не удалось выявить сколько-нибудь значительный пермский компонент в СТРС.

Несмотря на многочисленные недостатки работ Фасмера, они были несомненным шагом вперед, так как представляли собой первый достаточно удачный опыт интерпретации субстратной топонимии всего региона РС и подготавливали почву для будущих исследований (ср. [Kalima 1935: 141]).

Финский этимолог Я. Калима также посвятил СТРС несколько оригинальных работ. Чтобы понять методическое своеобразие трудов Калимы, надо иметь в виду, что его научные интересы первоначально были связаны с изучением апеллятивной лексики, заимствованной из финских языков в русский язык и из русского языка в финские. Наиболее существенна для проблемы СТРС монография «Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen» [Kalima 1919], в которой устанавливаются фонетические соответствия между прибалтийско-финскими языками и русским языком и приводятся этимологии нескольких сотен прибалтийско-финских заимствований, во многих случаях имеющих параллели в топонимии. Позднее Калима посвящает СТРС ряд специальных работ

[Kalima 1935; 1944a; 1944b; 1946] и создает очень своеобразную концепцию, пытаясь объяснить ряд «темных» моментов в СТРС. Однако в отличие от Фасмера Калима рассматривает отдельные фрагменты проблем, хотя и претендует на широкие обобщения в области методики топонимических исследований.

На формирование взглядов Калимы, видимо, повлияли следующие обстоятельства: 1) стремление объяснить большинство субстратных топонимов РС средствами прибалтийско-финских языков; 2) недоучет специфики древних языков этого региона, отличающихся во многом от известных финно-угорских языков; 3) интенсивные разыскания в области прибалтийско-финско-русских апеллятивных заимствований.

Калима признавал наличие неприбалтийско-финского слоя в топонимии РС [Kalima 1935: 131], но в то же время постоянно указывал на существование мощного прибалтийско-финского топонимического пласта. Отмечая суффиксальное своеобразие топонимов, имеющих прибалтийско-финские основы, Калима, не находя этим явлениям видимых объяснений на прибалтийско-финской почве, ищет их в русском языке, полагая, что прибалтийско-финские по происхождению суффиксы распространяются в русских диалектах и присоединяются к заимствованным прибалтийско-финским основам [Kalima 1944a: 132, 135]. Так возникают названия на *-ас*, *-ус*, *-нда*, *-ньга*. Например, рассматривая топоним *Салмас-озеро* (*Солмас-озеро*), Калима считает невозможным существование формы на *-ас* в языке-источнике (ввиду фин. *salmi* «пролив») и предполагает в этом случае наличие русского суффикса *-ас*, заимствованного из прибалтийско-финских языков [Kalima 1944a: 100].

Калима приводит очень интересный материал, сопоставляя топонимы с общей основой. Нередко эти основы удачно этимологизируются. Однако предложенная Калимой концепция распространения формантов не выдерживает критики, так как непонятно, почему «русские» форманты, будто бы получившие широкое распространение в топонимии, присоединяются только к нерусским основам. В действительности на прибалтийско-финские топонимы наславиваются самые различные

русские по происхождению словообразовательные суффиксы: *-к(а)*, *-ин(а, о)*, *-ов(а, о)*, *-ица* и многие другие. Что же касается существования в топонимии таких русских суффиксов иноязычного происхождения, которые способны присоединяться только к иноязычным субстратным основам, то их наличие, по крайней мере на РС, не подтверждается.

Эта концепция явно понадобилась для того, чтобы объяснить кажущиеся противоречия между данными прибалтийско-финских языков (*salmi*) и фактами топонимии (*Салмас-озеро*). Фактически же речь должна идти только о том, что в субстратной топонимии могут быть отражены слова с особым суффиксальным оформлением. Это не представляет собою ничего неожиданного ни с точки зрения законов общей топономастики, ни с позиций сравнительного финно-угроведения и прибалтийско-финского языкоznания. Впоследствии Э.А. Тункело [Tunkelo 1953] показал, что нет никакой необходимости предполагать распространение суффикса *-ас* на русской почве и что это обычный прибалтийско-финский формант. Однако Тункело прав только частично, так как очень многие топонимы на *-ас* из прибалтийско-финских источников не объясняются.

Этот же взгляд развивает Калима, рассматривая суффикс *-нда* [Kalima 1944a: 147-148]. Позднее уже очень многие «форманты» СТРС (*-да, -та, -ра, -ча* и др.) объявляются исконно русскими [Kalima 1946: 130-132], а топоним *Шолтомеж* трактуется как сочетание основы *шол-* с тремя последовательно присоединенными русским суффиксами *-та, -ма, -эж* [Kalima 1946: 129-130].

Калима довольно подробно анализирует и топонимию с формантами *-ньга, -нга*, опять-таки делая вывод, что этот формант в русском языке был продуктивным топонимическим суффиксом, который присоединялся к нерусским топонимам различного происхождения, особенно к названиям рек и озер [Kalima 1935: 133-134]. Калима указывает, что среди речных названий этого типа есть не только прибалтийско-финские и саамские, но также и такие, которые происходят из неизвестных языков. Утверждение Калимы о широком распространении форманта *-ньга, -нга* на русской почве тоже ошибочно.

Изучение прибалтийско-финских основ привело Калиму к важному фонетическому наблюдению [Kalima 1935: 134–137; 1944b], что в субстратных названиях (в том числе и в прибалтийско-финских) наряду с *s* в аиляуте обычен звук *ш* (вместо ожидаемого *s*). Это, по мнению Калимы, существенно отличает топонимию РС от заимствованных апеллятивов, в которых приб.-фин. *s* передается *s*. Пытаясь установить причины загадочного отражения приб.-фин. *s* в топонимии то как *s*, то как *ш*, Калима предположил, что на РС не могло быть перехода *s* > *ш* на прибалтийско-финской почве и высказал мнение, что *s* переходило уже в русском языке то в *s*, то в *ш* в каких-то неясных условиях [Kalima 1935: 135–136]. Он пришел также к мысли, что названия с начальным *ш* могут быть и не прибалтийско-финскими, что в свою очередь поставило его перед проблемой, как объяснить в таком случае сложения с прибалтийско-финским формантом *-нема* (> *-мена*) «мыс» типа *Шуломенское* [Kalima 1935: 136]. Калима не нашел верного ответа на этот вопрос, решив, что здесь выступает формант *-ма*, приобретающий на русской почве форму *-менский* > *-немское* [Kalima 1944b: 156]. Кроме того, Калима должен был объяснить наличие многочисленных параллелей в названиях с начальным *ш* между Карелией и Костромским краем (*Шокша*, *Шуя* и т. п.), что привело его к мысли о переносе ряда имен русскими в ходе колонизации северных земель и к «мерянской» гипотезе (см. ниже).

Калима обнаружил ряд интереснейших соответствий в субстратных основах типа *синд-* ~ *шинд-*, *согр-* ~ *шогр-*, *сонд-* ~ *шонд-*, *сул-* ~ *шул-*, верно подчеркивая возможность неприбалтийско-финского происхождения соответствующих топонимов [Kalima 1944b: 158–160], но причину этого явления усматривал в характере приб.-фин. и субстр. *s*, обусловливающем будто бы его двоякое отражение в русском языке [Kalima 1944b: 161–162]. Он был более прав, когда допускал возможность существования звука *ш* в языке субстрата [Kalima 1944b: 162].

Ошибки Калимы связаны с тем, что он пытался те или иные загадочные факты СТРС рассматривать в рамках живых финно-угорских языков, прежде всего прибалтийско-финских. Соответственно, обнаружив, что на очень широкой территории, населенной теперь финскими

народами (прибалтийскими финнами, саамами, коми) имеются непонятные названия типа *Шокша*, *Печеньга*, *Ижма*, Калима посчитал, что эти названия импортированы русскими в ходе колонизации из тех мест, где будто бы такие имена господствовали, т. е. что это «бродячие названия» [Kalima 1946: 126-127]. Случай переноса названий в топонимии нередки, но сомнительно предположение, что имел место массовый перенос нерусских названий русскими.

Установив ряд параллелей между топонимами Карелии и Костромским краем и убедившись в том, что соответствующие названия нельзя считать прибалтийско-финскими, Калима выдвинул «мерянскую» теорию, согласно которой русские, освоившие первоначально территорию мери, перенесли часть мерянских имен в Карелию. В этом процессе могли принять участие и меряне, переселявшиеся вместе с русскими [Kalima 1941: 326-329]. И в этом случае невозможно поверить в массовый перенос названий русскими или самими мерянами, хотя транспортировка отдельных групп наименований могла иметь место.

Значение работ Калимы очень велико, так как им сделан ряд важных наблюдений, позволяющих раскрыть во многих отношениях специфику СТРС. Однако Калима не нашел верного ответа на большинство поставленных проблем.

С именем А.И. Попова связан третий этап в изучении СТРС. Попову принадлежит ряд работ теоретического и методического характера, а также исследования по топонимии отдельных регионов, например, Белозерского края и Карелии. Субстратная топонимия используется почти во всех его работах и прежде всего в докторской диссертации «Из истории финно-угорских народностей» [Попов 1947а; 1947б], где она является основным источником. Из опубликованных работ Попова наиболее важны для изучения СТРС [Попов 1948в; 1964а; 1965]. Очень много интересного можно найти также в трудах Попова по топонимии смежных территорий [Попов 1949; 1981], лексике языков Восточной Европы [Попов 1957], этнографии [Попов 1973].

Главное новшество Попова – широкое использование топонимии древнерусских письменных памятников: летописей, грамот, писцо-

вых и переписных книг и т. д. Это отражают и его методические установки. Попов скептически относится к возможностям формантного метода и очень высоко оценивает значение двойных («переводных») названий [Попов 1965: 95-134], которые часто встречаются на двуязычных территориях, например, в Карелии. Характер источников обуславливает и другие особенности работ Попова: его не интересуют вопросы фонетики и лингвистического картографирования.

Хотя Попов не ставит перед собой цель монографического описания СТРС, как это пытался сделать Фасмер, он имеет цельную концепцию. Основное в ней – твердая убежденность в том, что в пределах региона в древние времена не было иного населения кроме финно-угров и самодийцев [Попов 1965: 19, 113, 161].

Исходя из концепции Шёгрена, работы которого оцениваются достаточно высоко [Попов 1947а: 155-156], Попов находит на РС прибалтийских финнов (карелов и вепсов), саамов, пермян, а также самодийцев и различные вымершие финно-угорские народы особого склада [Попов 1947а: 285-286]. Следует сразу же заметить, что в работах Попова не приводятся доказательства существования в СТРС самодийских элементов. Наличие сколько-нибудь заметных следов угорской топонимии отрицается в самой резкой форме [Попов 1948в: 168]. Позднее Попов также неоднократно указывал на вепсские, карельские и саамские элементы СТРС [Попов 1965: 117, 125, 130].

Из конкретных разработок, посвященных прибалтийско-финским компонентам СТРС, наиболее интересна статья «Топонимика Белозерского края» [Попов 1948в], в которой по письменным источникам выявляется ряд вепсских элементов топонимии, наслонившихся на саамскую основу или взаимодействовавших с саамскими названиями [Попов 1948в: 173-174]. Материал здесь относительно невелик (в статье приводится 21 компонент), но добротен и убедителен.

Особенно интересны в концепции Попова мысли о вымерших неизвестных языках РС, выраженные не всегда четко, иногда противоречащие друг другу, но совершенно по-новому освещдающие проблему. Первоначально [Попов 1947а: 3] для обозначения вымерших финно-

угров северной и средней полосы Европейской части России Попов вводит термин «центральные» финно-угры (заволочская чудь, меря, весь, мурома), подчеркивая, что это географический термин [Попов 1947а: 25]. Действительно, весь – прибалтийско-финское племя, этническая принадлежность мери до сих пор не установлена, а мурома причисляется к мордовским племенам [Попов 1964а: 207]. Несмотря на географический характер термина, в работе приводится в качестве примера из наречий «центральных» финно-угров топоним *Маисогра* «Бобровое болото» [Попов 1947а: 329-330], свидетельствующий о языковой специфичности этих наречий, а сами «центральные» финно-угры попадают в новую классификацию финно-угорских языков [Попов 1947а: 335].

Меря, по мнению Попова, была близка по языку к марийцам и мордве [Попов 1947а: 70], а язык заволочской чуди представлял собой нечто среднее между западными и восточными (permскими) финскими языками, частично же его элементы своеобразны, например *-мин*, *-яхр*, *-юг* имеют скорее западную, чем восточную окраску, но не принадлежат западным финнам [Попов 1947а: 318-320]. В конечном счете заволочская чудь приравнивается к «центральным» финно-уграм [Попов 1947а: 335]. Из этих высказываний следует, что на РС существовали особые финские языки, занимавшие промежуточное положение между прибалтийско-финскими и permскими языками, очень своеобразные по своему типу.

Позднее те компоненты, которые ранее приписывались «центральным» финно-уграм, Попов интерпретирует как мерянские, а сам термин исчезает из его работ. Мерянский язык рассматривается как очень своеобразный финно-угорский язык, отличный от всех, ныне существующих языков этой группы [Попов 1964а: 207], но приближающийся во многих отношениях к саамскому [Попов 1965: 127]. К мерянским относятся топонимические элементы: *яхр* (*ягр*)- «озеро», *ки(в)*- «камень», *вёкс-* «исток из озера» [Попов 1964а: 207].

В работах Попова много интересных соображений о таких формантах как *-ега*, *-ога*, *-уга*, *-нга*, *-ша*, *-са*, *-киша*, *-кса*, *-ма*, *-ла* [Попов 1965: 102-122]. По его мнению, не все из «речных» суффиксов имеют

значение «вода, река»: они могли возникнуть из словообразовательных элементов. С этим нельзя не согласиться.

Этимологические наблюдения над основами субстратных названий в работах Попова редки, но высказанные им соображения общего характера весьма плодотворны.

Современный (четвертый) этап изучения СТРС начался в 1961 г., когда на РС развернулась масштабная собирательская деятельность Топонимической экспедиции Уральского университета. Инициатором и руководителем этой работы являлся автор монографии, основанной прежде всего на материалах, собранных экспедицией в 1961–2000 гг., и представляющей собой краткое обобщение многолетних разысканий в области СТРС. Автор принадлежит к числу убежденных сторонников финской гипотезы, которую он и пытается развить, исходя из следующих основных результатов научной деятельности предшественников:

1. Финская гипотеза получила поддержку ряда исследователей (А.И. Шёгрен, М.А. Кастрен, М.П. Веске, М. Фасмер, Я. Калима, А.И. Попов и др.), которые использовали различные письменные источники, неравноценные по количеству фактов и качеству материала. Были высказаны предположения о прибалтийско-финском, саамском, пермском происхождении субстратных топонимов РС, а также допущено существование названий из впоследствии вымерших финских языков.

2. Из различных версий финской гипотезы наиболее аргументировано мнение о наличии в СТРС прибалтийско-финских и саамских элементов, однако и оно основано на небольшом количестве фактов, в частности, не были представлены доказательства существования прибалтийско-финского пласта в гидронимии.

3. Специфика прибалтийско-финских и саамских наречий РС, зоны их распространения и стратиграфия не установлены.

4. Предположение о существовании в СТРС пермских элементов не было подтверждено вескими доказательствами.

5. Языковая специфика вымерших финских языков не получила лингвистического обоснования.

1.1.2. Угорская гипотеза

Эта гипотеза предложена Д. Европеусом [Европеус 1868; 1874], который считал чуть ли не всю субстратную топонимию Русского Севера, Финляндии и северной Швеции, а также средней России до Оки угорской, принадлежащей предкам «нынешних венгров, вогулов и остыков» [Европеус 1874: 6], причем к уграм он относил и летописную весь, мерю и мурому [Европеус 1868: 60-61]. Европеус резко критиковал Шёгрена и Кастрена, указывая, что финские топонимы сосредоточены лишь близ родины финнов в районе Онежского и Ладожского озер и прилегающих территорий, где нет угорских названий [Европеус 1868: 55-56; 1874: 4-5]. Если финские топонимы и встречаются на РС, то, по мнению Европеуса, они принадлежат позднейшим переселенцам. Таковы, например, карельские названия в окрестностях Архангельска и Холмогор [Европеус 1868: 59; 1874: 5]. Аргументы Европеуса разнообразны.

1. Европеус выявляет «угорские» детерминанты в гидронимах и микротопонимах, устанавливая 36 типов названий, например, *-бахта*, *-бохта*, *-пахта* «горка», «бугорок», *-бол*, *-бала*, *-бала*, *-бой* «река», *-ваз*, *-вез*, *-ват* «вода», «река» и т. д. [Европеус 1874: 12-13], и оперируя намного более значительным материалом, чем Шёгрен и Кастрен [Vasmer 1934: 358]. Однако наряду с верными толкованиями семантики формантов (*-нема* «мыс», *-пальда* «поле», *-ранда* «берег» и др.) встречаются и ошибочные. Так, неправильно определяется значение детерминанта *-бахта*, *-бохта*, *-пахта* – «горка», «бугорок», на РС – «болото».

Основная ошибка Европеуса состоит в том, что он считает угорскими те детерминанты, которые не имеют никаких параллелей в живых угорских языках, но якобы употребляются «в чисто угорских сложных словах» [Европеус 1874: 12]. Таким путем в число «угорских» попадают детерминанты *-лойда*, *-матка*, *-нема* (*-мена*), *-ранда* и др. [Европеус 1874: 12-13], имеющие точные соответствия в прибалтийско-финских языках (см. 3.1.). Другие же детерминанты с действительно близкими параллелями в угорских языках (*-вора* «лес», *-юга* «река» и т. п.) являются общими (в сравнительно-историческом плане) для

большинства финно-угорских языков и поэтому, кроме случаев значительных звуковых различий, не обладают дифференцирующей способностью.

Классификация Европеуса, несмотря на ошибочность принципов, для своего времени была большим шагом вперед, особенно если рассматривать ее с точки зрения развития методики топонимических исследований. Существенно также, что классификация Европеуса основана на значительном материале: например, он насчитывает 339 названий на *-енга* [Европеус 1868: 58], 14 рек с названием *Печенга* [Европеус 1874: 9]. Ценно само по себе выделение формантов, в большинстве случаев верно определена их семантика, иногда интересны и угорские параллели, ср. *-бол*, *-бала*, *-бала* «река» и венг. *folyó* «река»¹ [Европеус 1868: 64; 1874: 12]. Наконец, Европеус в ряде случаев правильно устанавливает значение той или иной основы, например, *печ-* «сосна» в топонимах *Печегда*, *Печенга*, *Печуга* [Европеус 1868: 62].

2. Для доказательства своих построений Европеус пытается использовать фонетические соответствия между финно-угорскими языками, что также было шагом вперед, но при этом допускает ряд просчетов. Так, правильно выделяя тип названий на *-егда*, *-огда* [Европеус 1868: 63], Европеус затем на основе звуковых соответствий (фин.-угор. *ʒ ~ манс. *t* ~ хант. *л*) сравнивает формы *Вычегда* (из *Вытишагет*) и *Вологда*, оперируя уже «формантами» *-чегда* и *-логда*, соответствующими, по его мнению, хант. и манс. *taget* «рукав, приток» (< **шагет*). Ошибочность построений Европеуса очевидна, но она становится еще более наглядной, если учесть, что перед *-егда* регулярно встречается *ч* (*Вычегда*, *Мечегда*, *Печегда*, *Рочегда*), тогда как перед *-огда* – разные согласные (*Вологда*, *Керогда*, *Судогда*). Отсюда необходимость, во-первых, включения в ряд соответствий и других согласных, например, *p* (*Ке-рогда*) и *d* (*Су-догда*), что на угорской почве не получает подтверждения, а, во-

¹ Все же, видимо, и это ошибка: форманты *-пал*, *-бал*, *-пала*, *-бала*, *-бол*, *-пола*, *-бала* и т. п. обычно прилагаются к названиям населенных пунктов и уроцищ. Поэтому названия рек с подобными формантами скорее являются метонимическим переносом или (в Белозерье) русской переработкой форманта *-бой*.

вторых, объяснения регулярности употребления форманта *-егда* после *ч*, что также невозможно истолковать средствами угорских языков и следует считать результатом русского фонетико-морфологического усвоения. К сказанному остается добавить, что при выделении «формантов» *-чегда*, *-логда*, *-рогда*, *-догда* и т. п. все основы оказываются односложными сочетаниями типа *CV-* (*вы-*, *ме-*, *не-*, *ро-*, *во-*, *ке-*, *су-* и т. д.)¹, что весьма странно. Все это опровергает построения Европеуса и не позволяет безоговорочно принять заманчивую этимологию гидронима *Вычегда* <*Вытшагет* «Водяной рукав» [Европеус 1868: 63]².

3. Европеус широко пользуется этимологическим методом и некоторые из его этимологий удачны. Однако, объясняя, например, название *Печенга* из хантыйского языка (*печеиенг* «сосновая вода» или *печенг* «сосновая»)³ [Европеус 1868: 62], Европеус верно интерпретирует основу лишь по той причине, что в финно-угорских языках некоторые слова общего фонда сохраняют значительную звуковую близость⁴ (ср. его же примеры: саам. *pече*, морд. *тиче* «сосна»). Это относится и к интерпретации названий на *-юга*, *-ега*, *-ога*, *-уга*, которые Европеус связывает с хант. *ieaga* (*eaga*), *юга*, манс. *ie*, *ia* «река», хотя приводит к.-зыр. *iy*, саам. *юги*, фин. *joki* [Европеус 1868: 62].

Есть в работах Европеуса и блестящие этимологические находки: например, сравнивая смежные объекты с названиями *Кибол* и *Каменка* (тоже методическая новость!), он делает вывод о том, что элемент *ки-* означает «камень» [Европеус 1868: 64].

¹ Будем справедливы: Европеус выводит *Вычегда* из *Вытшагет*, а *Не-чегда* из *Печагет*, но это не меняет сути дела.

² В другом месте Европеус толкует *Вычегда* «Луговой приток» [Европеус 1874: 8], сравнивая с коми-зырянским названием этой реки Эжва «Луговая вода». Независимо от того, действительно ли основа *выч-* в языке субстрата имела значение «луг», учет параллельного названия был методической находкой. Для решения вопроса важен гидроним *Выжегда* в мерянских землях.

³ Эти хантыйские данные нам неизвестны: в сводном словаре хантыйских диалектов В. Штейница [DEWOS] такого слова нет.

⁴ Ср.: «Если случайно Европеус иногда приближался к правильному объяснению местного имени, пользуясь венгерским и обско-угорскими языками, то это было обусловлено только наличием значительного числа корней, общих всем финно-угорским языкам» [Попов 1948б: 168].

В трудах Европеуса можно найти и ряд верных соображений общего характера: он указывал на большое сходство между топонимией Северной и Средней России [Европеус 1868: 56, 58], понимал значение полевых сборов названий и даже разработал нечто вроде программы для собирания топонимов [Европеус 1868: 71].

Европеус внес большой вклад в изучение СТРС, однако его угорская концепция является очевидной ошибкой. Лишь немногие из формантов, выделенных Европеусом, можно интерпретировать, как специфически угорские (например, *-дор*, *-нор* [Европеус 1874: 12]), но именно они до сих пор не обнаружены в топонимии РС.

Концепция Европеуса подвергнута критике в работах И.Н. Смирнова [Смирнов 1891:47-53], М. Фасмера [Vasmer 1934: 358: 1935: 581], А.И. Попова [Попов 1948в: 168]. Очень сурово о работах Европеуса отозвался А. Каннисто, считавший, что их ценность равна нулю [Kannisto 1927: 61-62].

Гипотеза Европеуса долго не находила последователей, однако в 1960-х годах в ее поддержку выступил Б.А. Серебренников, который допускал угорское происхождение названий на *-Vnya*, *-Vga*, *-im*, *-ym* и увязывал выдвинутую им ранее «волго-окскую» гипотезу [Серебренников 1955] с угорской [Серебренников 1966; 1967; 1968а; 1968б; 1970].

По мнению Серебренникова, древнейшее население РС – носители волго-окской топонимии на *-ма*, *-га*, *-ша* (*-жса*), *-са* (*-за*), *-та* (*-да*), *-ра*, проникшие на эту территорию из Средней России [Серебренников 1968б: 137-138]. Позднее эту территорию освоили угроидные племена, первоначально обитавшие в Западной Сибири. Им принадлежат названия на *-им* и *-ым* в Приуралье и гидронимия на *-енъга*, *-анга*, *-онга*, *-юг*, *-уг*, *-юга*, *-уга* на РС. Они ассимилировали волго-окское население [Серебренников 1968б: 129-138].

С угорской гипотезой солидаризируется также А.П. Афанасьев [Афанасьев 1966] и в какой-то мере Е.М. Поспелов [Поспелов 1970].

Не отрицая в принципе возможности существования угорского компонента в СТРС, полагаем, что большинство субстратных топонимических типов на этой территории не имеет к угорской топонимии

никакого отношения. Весь до сих пор опубликованный материал свидетельствует о том, что угров на РС не было. Тем не менее с трудами Европеуса следует считаться: пока не будут интерпретированы все основные субстратные топонимические типы РС, необходимо держать в поле зрения различные возможности, даже если они неравноценны. Однако поиски угорских элементов на РС должны быть основаны на выявлении таких фактов, которые дифференцируют финские и угорские языки. Как, например, могло случиться, что предполагаемые угорские насељники РС использовали для обозначения понятия «озеро» не специфическое пермско-угорско-самодийское слово, отраженное в коми *ты*, венг. *tó*, манс. *tō*, ненец. *to*, а прибалтийско-финско-волжское (ср. фин. *järvi*, мар. *er*, *йэр* и т. п.), отсутствующее в пермских и угорских языках? Ответа на этот вопрос в трудах сторонников угорской гипотезы нет.

1.1.3. Дофинно-угорская гипотеза

Появление дофинно-угорской гипотезы во всех ее разновидностях объективно связано с тем, что из современных финно-угорских языков объясняются далеко не все компоненты СТРС, причем мысль о существовании дофинно-угорского слоя высказывали уже создатели финской гипотезы. Так, обосновывая свою «финно-permскую» концепцию и указывая, что большинство топонимов РС объясняется из финского, саамского и зырянского языков, А.И. Шёгрен вместе с тем отмечал, что в СТРС есть и такие названия, которые принадлежат какому-то особому народу – нефинскому и непермскому [Sjögren 1861: 320]. К таким неясным названиям он относил, в частности, гидронимы *Вычегда* и *Вологда* [Sjögren 1861: 284]. М. Фасмер, как уже говорилось, писал о неиндогерманцах, которые не были и финно-уграми, создателях топонимии на *-ма*, *-осьма*, *-ошма*, *-хта*, *-хоть*, *-гда*, *-кса*, *-киша* [Vasmer 1941: 19-20].

Однако в целом исследователи XIX – начала XX в. не сомневались в финно-угорском происхождении СТРС. Постепенное разочарование в возможностях интерпретации всего корпуса субстратной топонимии при помощи живых финно-угорских языков привело к широкому распространению различных версий дофинно-угорской гипотезы, при-

чем исследователи пытались увязать предполагаемые нефинно-угорские элементы с определенными языками или хотя бы выделить наиболее характерные формальные элементы языков постулируемой нефинно-угорской общности для последующих интеррегиональных сопоставлений.

Различные варианты дофинно-угорской гипотезы могут быть сведены в три группы: гипотезы урало-алтайского, индоевропейского и волго-окского происхождения СРТС.

Из гипотез урало-алтайского происхождения раньше других возникла самодийская. Уже А.И. Шёгрен указывал, что в топонимии РС есть «самоедские» следы, но они крайне немногочисленны, хотя «самоеды» издавна кочуют по этой территории [Sjögren 1861: 317]. М. Фасмер [Vasmer 1935: 508] заметил, что следует считаться с возможностью выявления самодийской топонимии на РС, хотя не установлено, как далеко проникали «самоеды» на юг, добавив, однако, что вопрос решить трудно, поскольку самодийская группа языков родственна с финно-угорской, причем различия между ними раньше были меньше, чем в настоящее время. Кроме того, как справедливо подчеркивает Фасмер, первоначально надо изучить верхние пласты топонимии. Фасмер указывает, что гидронимы *Енга* в Вологодской губернии и *Янга* в Костромской могут быть сопоставлены с ненец. *jeŋa* «ручей» [Vasmer 1935: 509], но других примеров «самоедской» топонимии не приводит. Соображения Фасмера заслуживают внимания, однако приведенных фактов слишком мало.

В методически слабой статье В.Б. Шостаковича [Шостакович 1926] приводится ряд названий РС на *-ма*, которые считаются «самоедскими». Окончание *-ма* интерпретируется при этом как «река, приток», хотя соответствующего гидронимического термина в самодийских языках нет. Родина «самоедских» народов усматривается на территориях, лежащих к западу от Урала. Обращается внимание на сходные черты в топонимии РС и Сибири (полные совпадения – *Печенга*, *Карма*, неполные – *Тушма*, *Урома* на РС, *Тушама*, *Урума* в Сибири) [Шостакович 1926: 125-126].

А.И. Попов указывает на существование в СТРС не только финно-угорских, но и самодийских элементов [Попов 1964а: 205, 208, 211-212], однако примеров самодийской топонимии не приводит.

С наибольшей определенностью о самодийских элементах в СТРС говорит А.П. Дульзон, считающий, что названия на *-га*, *-ба*, *-ма*, *-ва* созданы отдаленными предками самодийцев, в языках которых за- свидетельствованы близкие по звучанию детерминанты (сельк. *кы*, *гы* «река», юж.-самод. *бу* «вода») [Дульзон 1960: 6-7; 1961: 363-365]. Однако форманты *-га* и *-ма* представляют собой лишь особые «речные суффиксы», фактически объединяющие целый ряд топонимических типов (*-Vнъга*, *-юга*, *-Vма*, *-Vжма* и др.)¹, которые должны анализироваться по отдельности. Названия на *-ба* (обычно *-Vба*) вообще встречаются редко и в ряде случаев должны рассматриваться как вариант названий на *-Vма*, возникший вследствие диссимилияции носовых (ср. *Андома* > *Андоба*). Мало общего и в основах.

Со временем А.П. Дульзон занял более осторожную позицию, указывая, что только селькупы пришли на современные места жительства из-за Урала [Дульзон 1969: 4]. Действительно, есть несколько разительных соответствий между селькупским языком и СТРС (ср. гидроним *Унжса* и сельк. *унджсь*, *унджа* «река» [Беккер 1970: 171, 173], которые скорее всего следует рассматривать как уцелевшие на боковых ареалах фрагменты древнеуральского терминологического фонда. Однако эти данные не имеют отношения к названиям на *-V+га*, *-V+нъга*, *-V+ма* и т. п.

Поиски самодийских элементов в СТРС в той же мере целесообразны, как и угорских, но серьезных результатов пока нет.

Вопрос о возможности существования тунгусо-маньчжурского компонента в субстратной топонимии РС и смежных областей рассматривался А.И. Поповым, сопоставлявшим с тунгусо-маньчжурскими данными такие топонимы, как *Имандра*, *Иматра*, *Тирибирь* [Попов 1948а]. Позднее Попов писал: «Однако речь может здесь идти лишь об

¹ Иногда *-га* и *-ма* являются синкопированными формантами, утратившими гласный.

отдельных элементах лексики, близких к тунгусо-маньчжурским, а не о том, что в Европе обитали когда-либо тунгусо-маньчжурские племена» [Попов 1964а: 208-209].

Известный алтайст М. Рясянен также уделил внимание тунгусо-маньчжурской гипотезе, сделав довольно смелый вывод: «Я думаю также, что входящие в топонимию Финляндии названия больших водных систем, которые не могут быть объяснены на основе лексики финских, саамских или индоевропейских языков, могут быть названиями, которые употребляли дошедшие сюда эвенки.

Так, названия таких географически близких рек, как *Kemi* (*joki*) и *Simo* (*joki*), встречаются довольно часто на севере СССР. Возможно, эти гидронимы сопоставимы с древним тюркским названием Енисея – *Kem* и названием его крупного западного притока *Sym*, напоминающим *Simo*» [Рясянен 1968: 49].

Как бы ни относиться к утверждениям Рясянена, его мнение служит еще одним подтверждением того, что полностью отказываться от попыток найти параллели в тунгусо-маньчжурских языках при изучении СТРС прежде всего, особенно если они будут переведены на уровень поисков общего древнего субстрата – дофинно-угорского (доуральского) и дотунгусо-маньчжурского (доалтайского). Ср. также [Матвеев 1960: 121-126].

В статье «Топонимика Восточной Сибири» Г.М. Василевич [Василевич 1958] этимологизирует многие тунгусские и дотунгусские топонимы, а также пытается обнаружить общие элементы в топонимии Восточной Сибири и РС. Она высказывает предположение, что «речные топонимы на *-nha* и, вероятно, на *-ra*, встречающиеся по всей лесной зоне Евразии, являются следом населения, говорившего на урало-алтайском языке – основе» [Василевич 1958: 326]. Однако это предположение доказывается только совпадением восточносибирских топонимических формантов *-nha* и *-ra* с соответствующими «речными суффиксами» РС. В основах же, которые приводятся в статье [Василевич 1958: 326-327], нет ничего общего.

По многим причинам невозможно допустить, что в топонимии РС может быть отражен урало-алтайский прайзык (если таковой вообще существовал). Эта гипотеза представляется совершенно несостоятельной.

Из гипотез индоевропейского происхождения СТРС ни в какой мере неприемлема иранская, предложенная А.И. Соболевским [Соболевский 1926; 1927; 1928], который считает, что дорусская топонимия как в южной части Восточной Европы, так и на РС в значительной части восходит к иранским («скифским») источникам, причем на РС произошла финнизация иранских названий. На юге Восточноевропейской равнины иранские элементы действительно составляют существенный компонент топонимии (М. Фасмер, О.Н. Трубачев и др.), однако на РС иранский компонент не прослеживается.

Методически работы Соболевского очень слабы: в сущности, ему недостаточно знаком даже метод выявления формантов, т. е. тот начальный прием топонимических исследований, которым с успехом пользовались уже А.И. Шёгрен и Д. Европеус. Так, в названиях *Пинега*, *Авнега*, *Синега* Соболевский выделяет формант *-нега* [Соболевский 1926: 29; 1928: 384], хотя все эти топонимы входят в обширный ряд названий на *-ега* (ср. *Пышега*, *Чуллега* и т. д.).

Концепция Соболевского подверглась весьма жесткой критике (см., например [Попов 1947а: 157, 179, 182-184, 187, 189; 1965: 20, 98-99]) и в настоящее время никем не поддерживается. Все же и в этих по-разительных по своему отрыву от исторической реальности работах исследователи СТРС могут найти для себя интересные идеи и факты.

1. Прежде всего Соболевскому принадлежит ряд наблюдений над распространением одинаковых основ. Независимо от попыток интерпретации на «скифской» почве и наличия реальных генетических связей, интересны сопоставления: *Мегра – Мегрега – Мехренга*, *Кемь – Кема*, *Молога – Молома – Молохта – Молонда* [Соболевский 1927: 6-7].

2. Выявлен ряд формантов: *-ома* (*Кострома*, *Маткома*), *-ым* (*Ухтым*, *Мандым*), *-оба* (*Андоба*, *Сундоба*), *-она* (*Сухона*, *Кобона*), *-ос* (*Пирос*, *Тулос*) [Соболевский 1927: 10, 21].

3. Существенны некоторые фонетические наблюдения: выделение названий с консонантными группами *-стр-* (*Кострома*, *Кестрома*, *Костря*) и *-сн-* (*Шексна*, *Тиксна*, *Емсна*), отождествление групп *-хр-* и *-гр-* (*Яхрома*, *Рушеягр*; *Мехренга*, *Мегрега*), фиксация перехода *-гр->-вр-* (*Кегрольский городок > Кевроль*), установление соответствий *-с- ~ -кс-* в суффиксах (*Тулос – Тулокса*), *с ~ ш-* в анлауте, а также отсутствия групп согласных в начале слова [Соболевский 1927: 4, 6, 8-9, 14, 22-23].

Мысль о том, что среди субстратных топонимов РС есть названия балтийского происхождения, принадлежит Я. Розгадовскому [Rozwadowski 1913: 44-45]. Интерпретируя название *Двина* как индоевропейское, он считал, что и гидронимы *Юра*, *Юрас* на РС связаны с литов. *jūra* «море», а *Юрмала* объяснял из латыш. *jur-mala* «морской берег», ссылаясь на противопоставление *юрмольской* и *горной* земли в письменных источниках [Rozwadowski 1913: 45-46]. Впоследствии М. Фасмер [Vasmer 1934: 393, 429] подверг это предположение резкой критике, указав, что топоним (*Северная*) *Двина* перенесен русской колонизацией, а единичное *Юрмала* ничего не доказывает и случайноозвучно с балтийскими данными [Vasmer 1934: 429].

Вообще говоря, перенос названия на столь значительную реку как *Сев. Двина* маловероятен, хотя фонетический облик этого топонима, какой бы спорной не была его этимология [Фасмер I: 488], явно индоевропейский. Сравнение с фин. *Väinä* – Зап. *Двина*, *Viena* – Сев. *Двина* указывает на то, что не индоевропейская форма восходит к финской, а финская к индоевропейской (*dv->v-*, а не *v->dv-*)¹. Все же это никак не свидетельствует в пользу пребывания индоевропейцев в бассейне Сев. *Двины*, так как столь большая река была, несомненно, известна племенам, жившим значительно южнее, и могла получить свое имя от них.

Что касается названия *Юрмала*, которое похоже на какой-то термин (ср. *Смердья Юрмала*), то оно действительно очень напоминает латышское сложное слово, засвидетельствованное в названии города-курорта Юрмала на Рижском взморье. Письменные источники, казалось

¹ Если индоевропейская форма не является результатом народной этимологии.

бы, подтверждают этимологию Розвадовского, ср.: «горьни земли и юрмольский земли» [ДГ, № 116], «земли горные и юрмольские» [СГКЭ I, № 61], «горнюю землю и юрмольскую землю» [СГ, № 63], ср. еще «бережное да горное поле» [ДГ, № 132]. А.И. Попов считает, что термин *Юрмала* обозначал какой-то вид земельного угодья и сравнивает это слово с эст. *juurima* «корчевать», *juuri* «корень» [Попов 1947а: 293-294]. Я. Калима видит в нем образование на *-la* от **Jurma*, которое в свою очередь восходит к основе **jur-* [Kalima 1946: 128-129]. Оба эти предположения по уровню аргументации уступают этимологии Розвадовского, слабость которой прежде всего в ее изолированности.

Учитывая своеобразие некоторых субстратных топонимических типов РС, в частности, названий на *-ас* и *-ус*, автор настоящей работы в свое время выдвинул гипотезу о их балтийском происхождении, указывая в то же время на необходимость считаться с пермскими и саамскими данными [Матвеев 1962]. Кроме фонетических наблюдений, был предложен ряд этимологий. Эту точку зрения подверг критике Е.М. Поспелов [Поспелов 1965]. Тем не менее совсем отказаться от поисков индоевропейского компонента в СТРС, пожалуй, рано: названия типа *Модлона*, *Нондрус* и т. п. в фонетическом отношении близки к индоевропейским и не имеют убедительных финно-угорских соответствий.

Особое место среди гипотез о дофинно-угорском субстрате занимает сформулированная в ряде статей Б.А. Серебренникова волгоокская гипотеза (наиболее важны: [Серебренников 1955; 1959б; 1968б]). Она сводится к следующим основным положениям.

1. Финно-угорскому населению Европейской части СССР предшествовали нефинно-угорские волго-окские племена, создатели культуры ямочно-гребенчатой керамики, которые заселили с течением времени и север Европейской части СССР [Серебренников 1955: 31]. Прибалтийские финны, а также другие финские племена пришли на эту территорию после волго-окских племен и угров [Серебренников 1968б: 136].

Новым в этой концепции по сравнению с построениями Д. Европеуса и А.И. Соболевского является сопоставление лингвистических

данных с археологическими и предположение о существовании особого нефинно-угорского этноса, лингвистическая принадлежность которого, однако, не охарактеризована.

2. Волго-окская гидронимия образует древнейший пласт субстратных названий на РС. Первоначально Серебренников относил к ней вообще все субстратные названия на *-га*, *-ма*, *-ша* и тому подобные «суффиксы» [Серебренников 1955: 23-27]. Позднее среди названий на *-га* выделяются топонимы на *-Vnъga*, *-уга*, *-юга* (*-уг*, *юг*), которые считаются угорскими или угройдными и приписываются более новому пласту западносибирского происхождения [Серебренников 1968б: 137].

3. Все выделенные суффиксы типа *-га*, *-ма*, *-ша* и т. п. признаются гидронимическими терминами со значением «вода», «река», т. е. «речными суффиксами» [Серебренников 1955: 27]. Аналогичные «суффиксы» обнаруживаются и на территории Сибири, что ведет к признанию существования там в древности некой общности, родственной волго-окским языкам, представляющей по отношению к финно-угорским, тюркским и тунгусо-маньчурским языкам единый субстрат [Серебренников 1959б: 115].

Не касаясь сложного вопроса о возможных генетических связях между топонимией РС и Сибири, заметим, что в самой волго-окской гипотезе есть ряд уязвимых мест, обусловленных методическими просчетами.

1. Анализируя древнюю и сложную по составу гидронимию, не следует упускать из виду более поздние и относительно прозрачные микротопонимию и ойконимию, которые объясняют многие темные места гидронимии. Серебренников этого не делает, его попытки стратифицировать гидронимию неубедительны.

2. При исследовании топонимического субстрата обязателен учет русской фонетической и морфологической адаптации. А. Соважо был прав, указывая на то, что Серебренников не считается с русской адаптацией [Sauvageot 1958: 1-7], хотя сам Соважо был знаком с топонимией РС очень плохо и допустил в своих этимологиях явные промахи (ср. *Cура* < мар. *šur*, к.-зыр. *šur* «рог» или «формант» *-мега* в гидрониме

Воймега < фин. *mäki* «холм»), что и было справедливо отмечено Серебренниковым [Serebrennikov 1959: 412].

3. В работах Серебренникова не рассматриваются те гидронимические типы или отдельные названия, которые свидетельствуют против волго-окской и угорской гипотез. Так, он проходит мимо гидронимов с детерминантами *-важ* «приток», *-оя* «речка» и др., а также лимонимов на *-Vzp(V)*, *-(C)Vp(V)* и т. п. со значением «озеро», явно восходящих к финским языкам (см. 3.3.).

4. Одно из основных требований к топонимическому исследованию – учет ареальных данных, основанный на картографировании. Серебренников не использует этот важнейший прием топонимических разысканий (в его работах нет ни одной карты). Поскольку исследования Серебренникова лишены той необходимой и надежной опоры, которую дает топономастике лингвистическая география, его выводы в отношении реального существования и распространения тех или иных явлений (например, «речных суффиксов») чаще всего бездоказательны.

Все сказанное не означает, что автор подвергает сомнению некоторые хорошо известные общие положения, использованные Б.А. Серебренниковым: 1) мнение о существовании генетически близких элементов в топонимии средней и северной части Восточноевропейской равнины (Д. Европеус, А.И. Соболевский); 2) предположение о дофинно-угорском субстрате (А.И. Соболевский, М. Фасмер); 3) данные археологии о заселении севера Европейской части России из района Волго-Окского междуречья. Однако, не отрицая в принципе возможности существования дофинно-угорского субстрата, автор полагает, что используемые методы изучения субстратной топонимии должны быть корректны, если мы хотим иметь сколько-нибудь убедительные доказательства реальности этого феномена.

1.1.4. Краткие выводы

1. Проблему происхождения СТРС до сих пор приходится считать одним из самых запутанных вопросов, которыми занимается отечественная топономастика. Обилие высказанных гипотез свидетельствует об их слабости и лишний раз подтверждает мнение, что мы имеем дело

с вопросом, окончательное решение которого еще впереди. Тем не менее следует признать выдающийся вклад ряда ученых в решение проблемы и прежде всего назвать имена А.И. Шёгрена, Д. Европеуса, М. Фасмера, А.И. Попова.

2. Главным препятствием на пути решения проблемы все время были неполные и некачественные материалы и неразработанность методов изучения субстратной топонимии.

3. История вопроса свидетельствует о борьбе финской концепции с различными другими взглядами, появление которых обусловлено необъяснимостью всех явлений СТРС на основе живых финских языков. Историю вопроса можно свести к дискуссии вокруг альтернатив – «финно-угорского или нефинно-угорского» и «финского или угорского» происхождения СТРС.

4. Апробация высказанных концепций возможна только при учете уровня доказательности. С этой точки зрения и следует рассматривать степень приближения той или иной гипотезы к истине. Изучение истории вопроса свидетельствует о том, что финская гипотеза несравненно доказательнее угорской, индоевропейской и других гипотез.

1.2. Границы региона

Термин «субстратная топонимия Русского Севера (СТРС)» обозначает дорусскую топонимию севера Европейской части России. Возникает, однако, вопрос о границах этого региона и принципах их установления. Термины «топонимический регион» и «топонимический ареал» необходимо различать. Топонимический ареал – площадь (зона) распространения того или иного топонимического явления или группы явлений. Он устанавливается исключительно в ходе исследования и является его результатом. Топонимический регион – категория другого порядка, так как определяется не только на основе топонимических (как правило, предварительных), но и нетопонимических данных (лингвоэтнических и историко-географических) и охватывает весь топонимический континуум соответствующей территории. Ареал может совпадать с границами региона, выходить за его пределы, охватывать несколько

регионов, занимать лишь некоторую часть региона. Выделение топонимического региона позволяет осуществить комплексное ретроспективное изучение географических названий на определенной территории, начиная от настоящего времени вплоть до глубокого прошлого. Региональное изучение топонимии и последующие интеррегиональные сопоставления в свою очередь ведут к выявлению и уточнению топонимических ареалов.

Топонимический регион «Русский Север» (РС) выделен в качестве отдельной территории исследования прежде всего в соответствии с лингвоэтническими данными, которые наиболее существенны. Во-первых, эта территория (современные Архангельская и Вологодская области) этнически однородна. Она издавна заселена русскими¹, и здесь нет сколько-нибудь компактных скоплений иноязычного населения². Во-вторых, на всей этой территории русские являются пришельцами, ассимилировавшими более древнее неславянское население, создавшее субстратную топонимию, характеризующуюся общим фонетическим единством и специфическими структурно-словообразовательными типами. Одни из этих типов в пределах РС широко распространены (*-ac*, *-Vga*, *-Vma*, *-Vnъga*), другие локализуются на ограниченной территории (*-бой*, *-вей*, *-енгарь*, *-курга*), одни засвидетельствованы исключительно на РС (*-бой*, *-вей*), у других здесь наиболее значительная часть ареала (*-Vga*, *-Vnъga*), одни выходят далеко за пределы РС (*-ac*, *-Vksa*, *-Vkша*, *-Veda*, *-Vxma*, *-Vma*) и встречаются на различных территориях (названия на *-Vma* зафиксированы в Мурманской области, Карелии и Волго-Окском междуречье), другие имеют более ограниченный ареал (названия на *-Veda*, *-Vxma* распространены в Волго-Окском регионе, но не засвидетельствованы на Кольском полуострове и в Карелии).

Наличие многочисленных типологических сходств между субстратной топонимией РС и географическими названиями Республи-

¹ Именно поэтому термин «Русский Север» наиболее удачен, так как к северу Европейской части России относятся еще и Республика Карелия, Республика Коми, а также Мурманская область, коренное население которой – саамы.

² За исключением небольшой части крайнего северо-запада Вологодской области, где в Бабаевском и Вытегорском районах есть несколько вепсских населенных пунктов.

ки Карелии, Республики Коми, а также Мурманской и Ленинградской областей не препятствуют выделению топонимического региона РС, так как древний субстратный пласт на этих территориях перекрыт не русской, а финно-угорской топонимией. Сравнение результатов раздельного изучения топонимии всех этих регионов и РС должно стать предметом особого исследования. Действительно, лингвистический анализ СТРС имеет своей целью установить, существует ли здесь финно-угорская по происхождению топонимия и с какими финно-угорскими языками она связана. Между тем в Республике Карелии, Республике Коми, в Мурманской, а частично и в Ленинградской областях проживает финно-угорское население и имеется мощный пласт современной финно-угорской топонимии (карельской, коми, саамской, вепсской), что делает излишним доказательство финно-угорского происхождения верхнего пласта названий.

Типологические сходства с СТРС обнаруживаются и в Волго-Окском регионе. Общими для этих двух территорий, давно освоенных русскими, являются, например, названия на *-Укса*, *-Укиша*, *-Угда*, *-Ухта*. Однако ряд субстратных топонимических типов РС вообще не имеет параллелей в Волго-Окском междуречье (топонимы на *-бой*) или представлены там слабо (названия на *-Уньга*). Особенно важно, что в Волго-Окском регионе не встречаются основные микротопонимические типы РС, например, названия на *-лахта*, *-нема* и др. (см. 3.1.), что свидетельствует о существенных лингвоэтнических различиях между древним населением РС и Волго-Окского междуречья и обуславливает необходимость раздельного изучения субстратной топонимии этих территорий, результаты которого должны быть затем сопоставлены.

Не подлежит сомнению целесообразность выделения топонимического региона РС и с историко-географической точки зрения. При установлении региона учитывалось, что лингвоэтнические основания для его выделения согласуются со свидетельствами истории, так как большая часть РС в те времена, когда происходила ассимиляция дорусского населения, был воспринят субстратный топонимический пласт и заложены основы русской топонимической системы, представляла со-

бой достаточно обособленную от других феодальных территорий Двинскую землю (Новгородское Заволочье)¹. Еще одно основание для выделения этого топонимического региона можно видеть в относительной географической изолированности его территории, которая прилегает к бассейнам рек Онеги, Сев. Двины и Мезени. Здесь на землях, свободных от татарского ига, где господствовало государственное и монастырское землевладение, на «боковом ареале», и возник своего рода музей русской археики – этнической, языковой, фольклорной.

Границы территории, охватываемой регионом РС, на западе, северо-востоке и востоке совпадают с этническими и проходят по линии контакта русского населения с вепсами (живущими вдоль границы Ленинградской и Вологодской областей), карелами, ненцами, коми. На севере границу региона образует береговая линия, на юге – достаточно условно – южная граница Вологодской области. Основанием для этого служит исчезновение ряда субстратных топонимических типов РС в Ярославской и Костромской областях, примыкающих с юга к Вологодской.

Таким образом, топонимический регион РС включает в себя территорию Архангельской области (без Ненецкого автономного округа, исключаемого по лингвоэтническим признакам) и Вологодской области. Но поскольку некоторые топонимические типы РС распространены и за его пределами, в ряде случаев анализируется топонимический материал, относящийся к смежным с РС районам областей с русским населением – Кировской, Костромской и Ярославской. Географические названия, аналогичные СТРС, встречаются и в Ленинградской области, особенно в ее северо-восточных районах, Республике Карелия, Мурманской области, главным образом по побережью Белого и Баренцева морей, в Республике Коми, а также в западной части Ненецкого автономного округа (включая полуостров Канин). Субстратная топонимия этих территорий используется при сопоставлениях.

¹ За исключением Белозерского края и юго-востока Подвилья (Устья, Кокшеньга, нижняя Сухона, Великий Устюг), тяготевших к Ростово-Суздальской земле.

Разумеется, с помощью соображений общего характера, например, указывая на факт существования обширной археологической культуры ямочно-гребенчатой керамики на территории северной и центральной части Восточноевропейской равнины, можно обосновать выделение более широкой области исследования – ареала топонимии волго-окского типа [Серебренников 1955:23–25] или ареала субстратной топонимии русского Севера [Поспелов 1967:83], охватывающего чуть ли не всю территорию к северу от линии Ленинград – Москва – Казань – Сыктывкар – устье Печоры. Выбор территории исследования в этом случае обусловлен целеустановкой: выявлением общих топонимических элементов в зоне одной археологической культуры. Такой «глобальный» подход к изучению топонимии вполне возможен, особенно если он является предварительным приемом исследования, позволяющим выйти за пределы конкретного региона и учесть топонимическое окружение. «Региональная» и «глобальная» методики при их разумном сопотношении не только не противостоят, но и дополняют друг друга.

1.3. Источники

Основной источник нашего исследования – картотека Топонимической экспедиции кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета (ТЭ). В отделе Русского Севера этой картотеки на 1 января 2001 г. насчитывалось около 1 300 000 карточек, приблизительно 300 000 из них содержат сведения о субстратных топонимах, 600 000 – о топонимах русского происхождения, 400 000 – лексику русских говоров, в том числе большое количество заимствованных слов и субстратных включений. В картотеке субстратных топонимов приблизительно 200 000 карточек, составленных в ходе полевых работ, 100 000 – в результате обработки карт и других письменных источников. Так как в картотеке много дублирующих карточек, составление которых необходимо для повышения достоверности материала, общее количество субстратных топонимов, засвидетельствованных в картотеке, естественно, значительно меньше.

Картотека была составлена в ходе полевых и камеральных работ Топонимической экспедиции. Основные источники картотеки: 1) полевые записи¹, 2) современные топографические карты и карты, на них основанные, 3) прочие письменные источники.

1. Важнейшим источником картотеки являются полевые записи, так как только они дают возможность зафиксировать всю топонимию на данной территории², включая микротопонимию, установить точную фонетическую форму топонимов и их взаимосвязь, ознакомиться с физико-географическими свойствами соответствующих реалий. Полевые материалы, собранные фронтально, как правило, системны, что является их важнейшим преимуществом перед картами и другими письменными источниками, отражающими топонимическую систему приближенно, односторонне или вообще фрагментарно.

Полевые записи ТЭ производились в ходе маршрутных и стационарных работ, как правило, группами из 2–6 человек. В процессе маршрутных работ, целью которых являлось общее ознакомление с топонимией региона, материал собирался по основным водным путям в отдельных населенных пунктах, отстоящих друг от друга в среднем на 15–20 км. Группа работала в населенном пункте 1–2 дня. В первую очередь фиксировались гидронимия и названия населенных пунктов, хотя был собран обширный материал и по микротопонимии. После того как маршрутами были покрыты основные водные артерии региона, экспедиция приступила к фронтальному сбору всей топонимии, который осуществлялся стационарными группами, обследовавшими все населенные пункты в пределах заданного района (сельсовета, группы сельсоветов, бассейна реки, квадрата топографической карты). Стационарные группы не только собирали материал у местных информантов (не менее 2–4 в каждом населенном пункте), но и производили сверку за-

¹ Если топонимы зафиксированы в полевых записях или на топографических картах, помета, указывающая на источник, не ставится, кроме тех случаев, когда она почему-либо представляется важной. В огромном большинстве субстратных топонимов ударение стоит на первом слоге, поэтому оно отмечается только в редких исключениях из этого правила (также и в апеллятивах).

² Точнее *почти* всю, поскольку даже при самом тщательном сборе остается какое-то количество невыявленных названий.

фиксированных фактов с топографическими картами и местными письменными источниками (старыми картами, списками населенных пунктов и сельскохозяйственных угодий).

За сорок лет работы ТЭ (1961–2000 гг.) стационарными группами были обследованы все районы Архангельской и Вологодской областей, причем наиболее интересные с точки зрения бытования субстратной топонимии микрорегионы посещались повторно (бассейны рек Ёрга, Устья, озер Воже, Мошинское и др.).

К этой же группе источников относятся немногочисленные печатные и рукописные работы, содержащие полевые материалы других исследователей по отдельным районам РС. Так, весьма ценные сведения приведены в труде М.К. Герасимова «Словарь уездного череповецкого говора» [Герасимов], недостатком которого, однако, является отсутствие точной географической привязки. Интересные данные можно найти и в работе Г.Я. Симиной «Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории (бассейн реки Юлы, Пинежский район Архангельской области)» [Симина 1969], а также в некоторых других исследованиях, основанных на полевых записях.

2. Другой источник картотеки – современные топографические карты масштаба 1:100 000 и 1:200 000, а также карты административных районов, схемы землепользования, планы лесничеств (все они основаны на топографических картах), обработанные сотрудниками экспедиции.

Полевые сборы показали, что картографические формы топонимов бывают ошибочными, и это снижает их ценность для лингвистического анализа (см. табл. 1).

Табл. 1

фактически	на карте	фактически	на карте
Бохтеньга	Богтеньга	Палшема	Палшма
Егреньга	Егринка	Пашпаденьга	Пашпаньга
Ездреньга	Ездринга	Сёнгас	Сеньгас
Казема	Казъема	Серюга	Серъга
Кузега	Кузига	Солос	Солось
Кыргус	Кыргусь	Тормарас	Гормарас
Манбас	Намбас	Чёлас	Челус
Мурденьга	Мудреньга	Чуплега	Чупленьга

Подсчеты свидетельствуют, что в среднем на РС в той или иной степени ошибочно 5% картографических форм субстратных топонимов, причем ошибки в формантах встречаются в 2,5 раза чаще, чем в основах. Это объясняется прежде всего слабой (безударной) позицией форманта. Вполне возможно, однако, что в ряде случаев различия между устными и картографическими формами обусловлены существованием фонетических вариантов названия. Это в первую очередь относится к вокализму, так как в условиях взаимодействия русского литературного языка с говорами РС в безударном форманте могут иметь место вторичные модификации гласного. Возможно, что и ряд других различий вызван существованием вариантов (*Райдус – Райдус*). Некоторые очень грубые ошибки обязаны своим появлением неумению или небрежности составителей карты: *Бохтенъга – Богтенъга, Тормарас – Гормарас*.

Сопоставление картографических форм с устными свидетельствует о том, что хотя картографические ошибки встречаются часто, они в основном относятся к определенным случаям и позициям. Поэтому современные картографические формы с известной осторожностью могут привлекаться для лингвистического анализа. Результаты анализа основ должны считаться достаточно надежными, тем более что картографические ошибки в основах легко устанавливаются в тех случаях, когда они нарушают общие фонетические закономерности русского языка и СТРС: *Богтенъга* (*гт!?*), *Гормарас* (начальное *г* не встречается в других названиях рек на *-ас*) и т. п. Частое искажение формантов компенсируется их повторяемостью в пределах ареала и, следовательно, возможностью выявления ошибок. Все это, конечно, не гарантирует полностью от казусов при лингвистическом анализе отдельных картографических форм. Так, выделяя субстратный элемент *-гусь* со значением «река», Е.М. Поступов исходит из картографической формы *Кыргусь* [Поступов 1965: 35], в то время как в действительности, по данным ТЭ, местное население произносит *Кыргус*, что доказывает связь этого названия с топонимами на *-ус* и опровергает тезис о том, что оно будто бы представляет собой сложение *к.-зыр.* *кыр* «обрыв» с неизвестным по проис-

хождению словом *гусь* «река» (других названий с «формантом» -*гусь* вблизи картографического топонима *Кыргусь* нет).

Картографические источники особенно ценные в тех случаях, когда необходимы уточнение или проверка географической привязки. Кроме того, вследствие относительной полноты картографической топонимии и компактности ее подачи карты бывают полезны для установления системных связей между топонимами.

3. Основную массу среди прочих письменных источников составляют различные исторические документы (летописи, грамоты, писцовые и переписные книги и т. п.), старинные карты, а также списки населенных пунктов. Краткое, но очень полезное описание этой группы источников и характеристика их достоинств даны А.И. Поповым [Попов 1965: 10-16]. Ценность документов такого рода для топонимических исследований огромна и хорошо известна, поэтому целесообразно остановиться только на особенностях их использования в нашей работе.

При исследовании топонимии столь значительной территории, как РС, немыслимо изучить весь громадный материал, зафиксированный различного рода письменными источниками, да в этом и не было необходимости, так как автором не ставилась и не могла ставиться задача полностью интерпретировать даже те факты, которые имелись в его распоряжении. Поэтому использованные документы составляют лишь часть всего фонда письменных источников разных времен, полный учет которого будет возможен только при составлении региональных словарей и атласов отдельных микротерриторий РС.

В настоящее время картотека ТЭ включает в себя весьма значительное количество субстратных топонимов, которые содержатся в уже опубликованных исторических документах – летописях, грамотах, писцовых книгах и т. п. Все эти факты были изучены автором, но учитывались только в тех случаях, когда отсутствовали в полевых записях и на топографических картах¹ (ср. *Кундаранда* [СГКЭ I, № 74, 1535 г.])² или

¹ В памятниках могут быть зафиксированы субстратные топонимы, которые уже неизвестны местному населению.

² В топонимах, извлеченных из письменных источников, сняты особенности графики и орфографии, не имеющие существенного значения для работы.

расходились с ними, например, более старые формы (ср. современные *Немюга*, *Рушалда*, *Фёхтальма*, *Холмогоры*, *Чухчера*ма при исторически засвидетельствованных *Немюга*, *Рушеягр*, *Хехталема*, *Колмогоры*, *Чухченема*). В огромном же большинстве случаев данные письменных источников совпадали с фиксациями полевых записей и топографических карт и не учитывались, так как в этом не было необходимости. Исключения делались только в тех случаях, когда по какой-либо причине необходимо было показать архаичность современных форм.

Среди фактов, извлеченных из письменных источников, много обычных для памятников «кописок» и «ослышек». Однако сопоставление современных данных с историческими почти всегда дает возможность обнаружить ошибочные написания и избавиться от тех трудностей, с которыми встречается исследователь, оперирующий только письменными формами.

По сравнению с древне- и старорусскими письменными памятниками намного меньше значат для изучения СТРС карты XVIII–XIX вв. и так называемые «Списки населенных мест». Автор почти не пользовался свидетельствами, извлеченными из старых карт, так как эти последние неизмеримо уступают современным топографическим картам в точности передачи названий и содержат относительно мало новых фактов. При составлении картотеки ТЭ обрабатывались различные списки населенных пунктов («Списки населенных мест»), однако извлеченные из них данные учитывались только в тех случаях, когда они не были засвидетельствованы экспедицией и не фигурировали на топографических картах, что случалось редко. Следует заметить, что списки населенных пунктов содержат много канцеляризмов и ошибок, ср. *Каскомень* (Пин) и *Коскоменское* [CHM Арх 1859, № 1271], *Шиднема* (Пин) и *Шуднемская*, *Шудменская* [CHM Арх 1859, № 1381], *Пимбера* (Пин) и *Пишбера* [CHM Арх 1905, Пин, № 211] и т. п. Этот же недостаток «Списков населенных мест» как источника отмечает и А.И. Попов [Попов 1965: 15].

Автор не использовал гидронимический словарь М. Фасмера [WRG], хотя признает некоторую ценность этого труда как своего рода

сводки русской гидронимии. Источники, положенные в основу словаря Фасмера, для РС сводятся прежде всего к тем же «Спискам населенных мест» и старым картам, которые, как уже было сказано, содержат много ошибок и мало существенно новых данных по сравнению с полевыми материалами и современными топографическими картами. Разделяя мнение О. Н. Трубачева, заметим, что подобные источники «сами нуждаются в текстологической и филологической проверке и обработке» [Трубачев 1968: 9].

Кроме охарактеризованных видов письменных источников, принимались во внимание разные материалы для структурных и семантических сопоставлений, подтверждающих ту или иную этимологию. Источники такого рода были необходимы при выявлении аналогий в финской, карельской, саамской, марийской топонимии. Как правило, это списки населенных пунктов, различные каталоги (озер, рек, торфяников), топонимические перечни и т. п. В этих же целях использовалась картотека русской топонимии ТЭ. Весьма ценные для этимологического анализа субстратных топонимов сведения о заимствованных словах в говорах РС были извлечены из лексического отдела картотеки ТЭ и диалектологических словарей русского языка.

Как известно, одно из важнейших требований к топонимическим исследованиям состоит в том, что топонимы должны быть достаточно точно привязаны географически, а изучаемая территория обследована не только полностью, но и равномерно. При нарушении этого искается плотность ареала и его конфигурация. Кроме того, неравномерность обследованности территории может привести к тому, что будет утрачен ряд важных для целей словообразовательного и фонетического анализа данных. Это требование было реализовано в ходе сорока-летних полевых работ ТЭ, обеспечивших сбор топонимии на всей территории РС. Названия, собранные ТЭ и извлеченные из письменных источников, картографировались только в тех случаях, когда их географическая привязка была точно установлена.

1.4. Методы

Проблема методов изучения субстратных топонимов много-гранна и сложна, причем ее различные аспекты разработаны, а сами методы апробированы в разной степени. Однако характеристика всего комплекса вопросов, связанных с методикой изучения субстратных топонимов, здесь нецелесообразна, во-первых, потому, что она заслуживает отдельного монографического исследования, а во-вторых, поскольку уже достаточно полно освещена именно на материале СТРС или близком к нему в типологическом отношении [Дульzon 1959; 1966; Попов 1947а: 258-267; 1948б: 164-167; 1949; 1964б; 1965; Серебренников 1959а; Steinitz 1963; Матвеев 1960; 1964б; 1965а; 1967; 1969б; 1969в; 1970а: 144-188; 1972а; 1973б; 1974; 1976; 1977а; 1986; 1989а].

Если обратиться к конкретным приемам исследования, то давно апробированы формантный метод, использованный уже в работах Шёгрена [Sjögren 1861] и Европеуса [Европеус 1874] и близкий к нему метод географических терминов (ср. [Поспелов 1970]), картографирование топонимов (см. [Поспелов 1964; 1971; Матвеев 1974]), сопоставление параллельных форм («метод переводных имен») [Попов 1949: 49-56; 1965: 122-134], использование данных антропонимии и этнонимии при этимологизации топонимов [Попов 1949: 57-62; 1965: 76-85], статистическое изучение топонимического материала (структурно-фонетический метод, фоностатистика) [Никонов 1960; 1964б; Матвеев 1960: 105-109; 1964а]¹, учет фонетической и морфологической адаптации [Дульзон 1959], семантической мотивированности топонимов [Матвеев 1965а: 14-15; 1969б; 1986: 43-56], использование физико-географических данных об объектах [Матвеев 1960: 117-118; 1965а: 11-13; 1965в], сопоставле-

¹ Для работ этимологического плана, основанных на установлении или использовании фонетических соответствий и учете адаптации, этот внешний прием, предшествующий этимологическому анализу, имеет вспомогательное значение. Его результаты могут существенно отличаться от действительных звуковых характеристик реконструируемого языка. Поэтому фоностатистика – лишь элемент технологии доэтимологического исследования, общедоступный и неточный. Однако значение этого приема неизмеримо возрастает в тех случаях, когда не удается установить связь субстратной топонимии с какими-либо известными языками: таким путем можно получить хотя и скучную, но тем не менее очень ценную информацию.

ние субстратных топонимов и субстратных (заимствованных) апеллятивов [Попов 1949: 62-64; Матвеев 1960: 117; 1973б] и т. д. Естественно, нет необходимости останавливаться и на общих принципах этимологизирования, приложимых в равной мере к апеллятивной лексике и ономастике. Поэтому автор посчитал целесообразным обратиться в настоящей работе только к некоторым вопросам методики топонимических исследований, по его мнению, актуальным и в настоящее время: значению русской топонимии¹ для интерпретации субстратных географических названий, основным принципам исследования субстратных топонимов и методам выявления системных отношений в субстратной топонимии.

Методы изучения «по определению» должны быть общими для субстратной топонимии любого региона, но их применение во многом обусловливается спецификой языков, а также характером былых лингвостнических контактов и самих уцелевших реликтов. Личный опыт автора связан с изучением субстратных названий агглютинативно-суффиксальных языков, что не могло не сказаться на его методических предпочтениях.

1.4.1. Значение русской топонимии для интерпретации субстратных географических названий

Этот вопрос совсем не так прост, как может показаться на первый взгляд. У него по крайней мере три аспекта, которые в той или иной степени заслуживают обсуждения.

Прежде всего необходимо иметь ввиду, что языковой, а следовательно, и топонимический, субстрат – двухсторонний феномен, который возник в одном языке и продолжает жить в другом. В настоящее время субстратные топонимы – русские слова, специфика которых в том, что они не имеют русской внутренней формы. Но разграничение субстратных и собственно русских названий не всегда легко осуществляется. Если исследователь топонимического субстрата забывает об этой

¹ Здесь и далее под русской топонимией понимаются собственно русские названия, которым противостоит корпус субстратных топонимов.

простой истине, а его поисковый азарт не знает пределов, к субстратным названиям могут быть причислены и собственно русские слова, «темные» на самом деле или в представлениях исследователя. Этому, как правило, способствует недостаточное знание тех пластов русской топонимии, которые содержат диалектную лексику, архаизмы, а также антропонимию во всех ее многообразных проявлениях и к тому же сплошь и рядом связанную с иноязычными, например, с тюркскими, источниками. Недооценка данных функционирующего языка, предвзятое отношение к топонимии того или иного региона, стремление во чтобы то ни стало отыскать «свое» порождают фантомы, желаемое принимается за действительное и появляется псевдосубстрат.

Так, А. Альквист считает мерянскими по происхождению такие названия населенных пунктов и уроцищ, как *Сафоново*, *Софроново*, *Семиградовское*, *Харилово*, *Харино* (<Харитон>), *Хреново*, *Хрениха*, *Ядрениха*, *Ядрово*, *Ярцевка* и т. п. [Альквист 2000: 21-26], в которых русскую основу легко определит даже не лингвист. Другие примеры сложнее [Альквист 2000: 23-31], но и в этих случаях русский источник можно обнаружить, если, как уже было сказано, обратиться к диалектной лексике и ономастике: *Бекрево* –ср. *Бекряши* «прозвище крепкого здорового человека» [СРНГ 2: 207], а также названия деревень *Бекрино*, *Бекрятия* (от патронима *Бекрятия* «потомки Бекри»), *Инархово* –ср. календарное русское имя *Иринарх* (>*Инарх*) и фамилию *Иринархов* / *Инархов* [Унбегаун 1989: 51], *Кренево* –ср. распространенную русскую фамилию *Кренев* < прозвище *Крень* < диал. *крень* «кремень», «плотные слои дре-весины», «упрямый человек» [СРНГ 15: 214], *Пестерюгино* –ср. диал. *пестерюгога* «заплечная корзина» [СРНГ 26: 313], *Сандыревское* –ср. гипокористику *Сандр* (>*Сандыр*, *Сандор* и т. п.) от *Александр* [СРЛИ: 36], *Суборъ* –ср. диал. *суборъ* «переходный тип леса от бора к тайге или от леса к болоту» [ТЭ], *Шабурново* –ср. диал. *шабур* «рабочий армяк» [Даль IV: 618], *шабурный* –прилагательное к *шабур* [ТЭ] и др.

Приведем еще более трудный случай, связанный с нашим собственным опытом.

Находящееся в окружении субстратных гидронимов название реки *Свидь*, собственно протоки, соединяющей крупные северные озера Воже и Лача, не входит ни в один из формальных типов СТРС, а считать его основой, уцелевшей при утрате форманта, мешает отсутствие других аналогичных наименований. Если допустить, что это название субстратного происхождения, то прежде всего надо попытаться интерпретировать его на финской почве, опираясь, в частности, на такое наименование, как *Свирь*, обозначающее тоже своего рода протоку, соединяющую Онежское и Ладожское озеро, тем более, что гидроним *Свирь* имеет довольно убедительную финскую этимологию (*Syväjärvi* «Глубокое озеро» > *Syväri* > *Свирь*).

Если предположить, что в названии *Свидь* скрывается слово **süv(ə)* «глубокий», то, разумеется, сначала следует обратиться к физико-географической характеристике объекта, но она не дает определенного результата: глубина Свиди колеблется от 70 см до 10 м, а в среднем течении это быстрая и даже порожистая река. Если же попробовать восстановить первоначальную структуру гидронима, можно реконструировать что-то подобное фин. *Syvävesi* (карел. *-veži*, *-vezi*) «Глубокая вода», но в этом случае в русском языке ожидалось бы нечто вроде *Свись*, *Свизь*, *Свишь*, *Свижь*, но никак не *Свидь*. Можно, конечно, представить в роли детерминанта какое-то субстратное слово типа морд. *ведь*, мар. *вўд* «вода», но сочетать прибалтийско-финскую основу с мордовским или марийским формантом недопустимо без солидного обоснования, а таковое трудно найти, поскольку никаких следов формантов *-ведь* и *-вўд* на РС нет. Таким образом, финская версия происхождения гидронима *Свидь* не находит сколько-нибудь приемлемой аргументации.

Интереснее балтийские данные. На возможность сопоставления с ними гидронима *Свидь* уже указывалось [Матвеев 1969в: 54]. Прежде всего обращают на себя внимание литов. *svidus* «яркий», «светлый», латыш. *svēts* «святой», а также названия рек *Сведь* (басс. Березины) и *Свидовка* (басс. Припяти) [Топоров, Трубачев 1962: 206]. Однако этот весьма привлекательный балтийский материал может стать сколько-

нибудь доказательным только при выявлении здесь других балтийских названий. Но их пока обнаружить не удалось.

Остается еще один путь – обратиться к русским источникам. В этом случае предпочтительно сопоставление гидронима *Свидь* с рус. диал. *свид, свиды* «свидание» (В-Т), ср. также название деревни *Свиды* в Кировской области. Эта неожиданная семантика становится понятной, если учесть, что берега Свиди, соединяющей два больших озера, пригодны для жилья только в среднем течении, где они сухие, напротив, ее верховья и низовья – низменные и топкие. Среднее течение Свиди, где расположены многочисленные населенные пункты, удалено на равное расстояние от северного конца озера Лача и южного конца озера Воже. Здесь, видимо, и была первоначальная *Свидь*, где встречались караваны лодок, плывущих навстречу друг другу с севера (из озера Лача) и юга (из озера Воже).

Этот пример – наглядная иллюстрация: казалось бы, субстратное название находит удовлетворительное объяснение в русском языке. Отсюда следует необходимость тщательного разграничения субстратной и собственно русской составляющих топонимического фонда, особенно важного при решении сколько-нибудь принципиальных вопросов. Исследователю топонимии нужно обладать здоровым скепсисом к своим собственным построениям, тем более что многочисленны переходные случаи, когда вследствие какой-либо аттракции трудно определить, что в первоисточнике – субстратное или русское слово. В конечном счете нельзя исключить, что и гидроним *Свидь* относится к числу таковых.

Изучение русской топонимии помогает отвергнуть ошибочные «финские» этимологии и находить альтернативные решения. Но значение русской топонимии для интерпретации субстратных наименований не только в этом. Исследование русских названий способствует совершенствованию этимологического процесса, поскольку позволяет выявить основу семантического фонда субстратной топонимии, и, таким образом, русские названия становятся своего рода ключом к субстратным.

Топонимия – не кривое зеркало. В целом она объективно, хотя и неполно, отражает окружающий мир. Региональные исследования подтверждают существование топонимических универсалий и целесообразность семантических классификаций. Географическая терминология, флористические и фаунистические наименования, названия объектов по величине и форме и т. п. регулярно представлены в топонимических системах. Хотя у известного принципа «относительной негативности названий» [Никонов 1958: 67-71; 1964а: 77-79] до сих пор есть сторонники, а признавая этот принцип, волей-неволей приходится считать топонимию кривым зеркалом, подавляющее большинство топонимистов использует в своей исследовательской практике как топонимические универсалии, так и лежащие в их основе семантические классификации. Более того, речь идет уже о создании идеографических и частотных словарей топонимов, которые могли бы способствовать совершенствованию этимологического изучения географических названий.

Концепция «относительной негативности» отвергается самой топонимической действительностью. Разумеется, названия нередко «относительно негативны», но они несравненно чаще даются по распространенному признаку. В топонимической системе господствует хорошо известный «принцип матрешки» (точнее, принцип «пересекающихся матрешек»), а в пределах минимальной микросистемы (например, населенного пункта) действует правило обязательного различия названий: их сравнительность предопределяет необходимую неповторяемость. Частотность или раритетность топонимической лексемы в этом отношении не играют роли: исключается дублирование тех и других. Но естественно, что типичные лексемы в пределах каждой отдельно взятой микросистемы встречаются чаще, чем раритетные, а сложение микросистем неизбежно дает эффект преобладания высокочастотных лексем. В.А. Никонов и его последователи абсолютизируют раритетность названий и не учитывают сложную структуру топонимической системы, а это неизбежно ведет к искажению ее реального семантического содержания. Между тем топонимический мир – не скопище случайных названий, которое вряд ли может возникнуть в естественном языке.

Смена этносов, конечно, сказывается на семантическом содержании топонимии, но основная реальная база (географическая среда, растительный и животный мир и т. п.) переходит в наследство от одного этноса к другому¹, поэтому выявленные в русской топонимии семантические закономерности с известными поправками (например, на языческую и христианскую религию) могут прилагаться и к субстратным названиям, а это будет облегчать их этимологическое исследование. В некоторых случаях возникновению семантической общности русских и субстратных наименований могло способствовать и широкое распространение калькирования при двуязычии. Теоретически очень многие русские названия являются кальками, хотя доказать это (кроме случаев метонимического калькирования) удается редко. Так или иначе, изучение типовой семантики русских топонимов несомненно способствует прогрессу в интерпретации субстратных.

Наконец, русская топонимия может быть источником сведений о древнем населении РС, но в этом случае перед нами, если развивать ту же метафору, чаще всего, осколки разбитого зеркала: топонимические факты, несущие историко-культурную информацию, несравненно менее устойчивы, чем названия, связанные с окружающей природой, поскольку испытывают непосредственное воздействие тех или иных изменений в обществе, нейтральных по отношению к природным объектам или влияющих на них опосредованно. Значение свидетельств такого рода не только в том, что они отражают какие-либо исторические факты. Эти сведения наряду с историко-этнографическими данными могут указывать на наиболее интересные с исторической и лингвистической точки зрения территории, в топонимии которых можно ожидать проявления субстрата, что способствует направленному (адресному) сбору субстратных названий.

¹ Разумеется, при этом бывают потери: озера становятся болотами, могут исчезнуть определенные виды флоры и фауны и т. п., и тогда «расшифрованные» топонимические свидетельства представляют особую ценность для палеогеографии. Однако с учетом того, что усвоение субстратных названий русскими происходило много веков тому назад, когда еще не действовали жестокие тенденции современной экологии, следует полагать, что в семантическом плане исходные системы универсалий древнего населения РС и русских пришельцев были достаточно близкими.

Естественно, свидетельства русской топонимии о древнем населении РС не следует рассматривать только как своего рода индикаторы. Они имеют и самостоятельную научную ценность, иногда немалую. Однако эти свидетельства крайне разнородны и преимущественно несопоставимы по исторической достоверности и ценности. Этническая принадлежность древнего населения РС, его быт и культура наиболее надежно раскрываются прежде всего путем изучения субстратной топонимии и диалектных заимствований, тогда как русская топонимия дает очень фрагментарное, преломленное, а порой и искаженное представление о древних насељниках.

Тем не менее указания на местонахождение древнего населения, как прямые, так и косвенные, служат некими ориентирами и могут быть использованы при поиске субстратных топонимов. В этом объективная ценность свидетельств русской топонимии о древнем населении: на начальных этапах исследования их необходимо тщательно анализировать и при апробации учитывать в дальнейшем. В то же время актуальны проблемы верификации и классификации этих свидетельств, большей или меньшей информационной ценности выделенных типов, а в конечном счете целесообразности их использования при реконструкции лингвоэтнической карты прошлого. Не надо забывать также о тех трудностях и опасностях, которые подстерегают исследователя при извлечении лингвоэтнической информации о древнем населении из русских географических названий. Таким образом, этот в сущности частный и периферийный вопрос представляет немалый интерес и с методической точки зрения.

В состав русской топонимии, кроме названий, образованных на русской почве от славянских корней, входят и некоторые другие наименования, производные от заимствованных слов. Очевидно, к русским топонимам следует причислять названия, образованные от старых заимствований, например, нарицательных обозначений деревень типа *улус* (< тюрк.) или *чум* (< коми?), а также топонимические производные от заимствованных этнонимов *корела*, *лопь*, *меря* и т. п. Названия деревень типа *Улус*, *Чум* и по своей природе не должны быть субстратными, по-

скольку местные коренные жители обозначают поселения на своем языке особыми ойконимами, которые при определенных условиях и становятся субстратом. Внешние этнонимы типа *лопь* не могут быть субстратными «по определению»: сами *лопари* называют себя *саамами*, поэтому не случайно самоназвание *саам* не отражено в русской топонимии, тогда как *лопь*, *лопарь* засвидетельствованы в ней неоднократно. Этнонимы-самоназвания, которые одновременно являются и внешними этнонимами (*корела*, *карела* > *карелы*), могут быть как субстратными включениями, так и заимствованиями, если при ассимиляции они сохраняются в памяти населения соседних деревень.

Наиболее очевидные и подчас предельно конкретные указания на дорусское население содержат этнотопонимы, что уже давно установлено и неоднократно использовалось в исследовательской практике [Попов 1965: 76-85]. Ср. этноним *меря* и название урочища *Мерьские Болота* (К-Б), этноним *лопь* (производное – *лопарь*) и ойконим *Лопариха* (У-Куб).

Все названия такого рода, даже если они единичны, представляют значительный интерес. Это своего рода сигналы, указывающие на то, что к данной территории нужно проявить внимание и что здесь возможны ценные находки. В то же время роль единичных этнотопонимов не следует преувеличивать, как, впрочем, и вообще значение этнотопонимии для лингвистических исследований, поскольку эти названия далеко не всегда могут быть основанием для корректных историко-лингвистических выводов. Многое затрудняет или даже делает невозможным использование этнотопонимических фактов.

1. Уже давно установлено, что очень многие этнотопонимы фактически являются этноантропотопонимами, т. е. географическими названиями, образованными от антропонимов, в основе которых этнонимы, т. е. от этноантропонимов. Так, в Шекснинском районе Вологодской области записано название урочища *Меричевых Чица*. В основе фамилии *Меричев* логично видеть этноним *меричи*, производный от *меря* и аналогичный таким названиям, как *вятычи*, *русичи* и т. п. Это очень интересное название – типичный этноантропотопоним, который не может

рассматриваться как свидетельство былого пребывания мери на территории Шекснинского района даже при наличии других данных о том, что она там обитала, поскольку *Меричевы* могли быть мигрантами. Положение меняется, если *Меричев* – местная фамилия, но это очень трудно доказать. Поэтому в целом этноантропотопонимы дают мало материала для серьезных лингвостнических выводов, особенно такие единичные, как *Меричевых Чица*.

2. Важно учитывать частотность этнотопонимов. Даже бесспорно этнодифференцирующие названия типа *Корелы* или *Марьские Болота* могут содержать дезориентирующую информацию, если они единичны на данной территории (микротерритории). Причиной их появления может быть переселение одной семьи (и даже одного человека) или транспортировка названия русскими. Достаточно надежные сведения, которые могут быть положены в основу лингвостнических выводов, должны иметь сколько-нибудь систематический характер.

3. Фактический материал не подтверждает широко распространенный тезис о том, что этнотопонимы встречаются *чаще всего* в зоне пограничного (маргинального) контакта двух народов [Попов 1965: 83]. Во всяком случае к территории РС это положение неприменимо. Русские и финно-угры жили здесь длительное время чересполосно и контакты между ними носили внутрирегиональный характер. Поэтому возникли этнотопонимические зоны, охватывающие обширные территории [Пантелейева, Янчевская 1966]. Этнотопонимический ареал *карел* занимает северо-западную половину РС, совпадая в основном с зоной распространения прибалтийско-финских микротопонимических типов. Топонимы, образованные от этнонима *чудь*, больше тяготеют к юго-восточной половине РС, а географические названия, производные от *самоед*, характерны для севера Архангельской области и оконтуривают зону хозяйственных интересов ненцев. В Волго-Окском междуречье названия, содержащие этноним *меря*, распространены почти по всей территории исторических мерянских земель, что также доказывает внутрирегиональный характер финно-угорско-русских контактов. Более того, появление самих этнотопонимов не является императивом: в бас-

сейне Ваги в Архангельской области на весьма ограниченной территории жители тридцати деревень имеют коллективное прозвище *зырь* (> *зыряне*) и все приписываемые дорусскому населению атрибуты (нечистоплотность, некультурность, драчливость и т. п.), но здесь не зафиксировано ни одного этнотопонима, производного от *зырь*.

4. Наименования древних и средневековых племен и народов сплошь и рядом переносились на соседей. Известно, например, что *остяками* называли чуть ли не все население Западной Сибири. По существу недифференцирующим стал широко распространенный на РС этноним *чудь* (ср. названия типа *Чудская Стена* – каменная гряда в реке Устья и т. п.), закрепившийся за всем дорусским населением. Заметим, однако, что некоторые из предшествующих русским племен отличали себя от чуди, ср. название мыса *Чудьнема* «Чудской мыс» в прибалтийско-финской топонимии верхней Пинеги. По-видимому, и средневековое русское население различало *чудь* и *лопь*, *чудь* и *корелу* и т. п. Этнотопонимический ареал *чудь* на РС позволяет видеть в ней древнее севернофинское население и, возможно, историческую Чудь Заволочскую. Поэтому, считая этноним *чудь* недифференцирующим, приходится признать, что этнотопонимы, образованные от *чудь*, по крайней мере в некоторых районах РС, сохранили свои этнодифференцирующие свойства, реализуемые в ареальных оппозициях.

По всей вероятности, и этноним *зырь* в Поволжье обозначал не коми-зырян, а какой-то другой народ, территориально локализуемый, но лингвоэтнически пока неидентифицированный (предположения см. [Матвеев 1984; 1998: 100-101]).

Таким образом, этнотопонимическая информация может быть и очень богатой и крайне фрагментарной, а иногда и совершенно стертой временем. Она бывает полезна в той или иной степени, но требует строгой верификации и критической оценки.

Этнотопонимы содержат прямые указания на дорусское население. Некоторые косвенные данные о древних жителях РС можно извлечь из других топонимических источников.

Во-первых, полезно обращать внимание на названия разновидностей административно-территориальных единиц и населенных пунктов. Иногда они могут в той или иной форме указывать на этническую специфику местных жителей. Так, наименования *Устьянские волости* и *Чарондская округа* не вписываются в традиционное для средневекового РС членение на многочисленные уезды. Действительно, есть ряд топонимических данных, особенно по Устьянским волостям, заставляющих думать об этническом своеобразии местного населения, проживавшего в этих административных образованиях уже в русский период. Допустима и несколько иная точка зрения: здесь жили русские, но еще сохранялась историческая память о специфике местного населения в прошлом. Это могло поддерживать традицию существования особой административной единицы.

Названия видов населенных пунктов также могут косвенно указывать на этническое своеобразие местного населения. Так, наличие в составе Чарондской округи «улусцев» *Солза*, *Тордокса*, *Чужсга* [Колесников 1971: 116-118] наводит на мысль о том, что местное население в них первоначально отличалось от русского. Названия деревень *Вежса*, *Улус*, *Чум* также могут указывать на этническую специфику жителей в прошлом. Однако при анализе таких фактов следует учитывать бытование соответствующих терминов в местных русских говорах и возможную полисемию. Подобные топонимы не являются сколько-нибудь надежными маркерами, указывающими на древнее население, но они помогают сориентироваться и сузить круг поисков.

Во-вторых, косвенными этническими индикаторами нередко являются наименования, которые так или иначе могут указывать на существование в прошлом языческих представлений (урочища *Боги*, *Богова Гора*, *Болванское*, *Медвежьи Моляны*, *Молебное* и т. п.), но их сложно отделять как от различных образных названий, так и от официальной и народной христианской терминологии, ср. в народном языке *бог* – «икона» («сын-от богов в музей отдать хотел», «это божница, тут бог стоит» и т. п.). Более конкретны указания близких к этой группе производных от слова *поганый* в значении «языческий», ср. деревня *Поганцы* (теперь

Городецк), река *Поганец* (Пин) и наименование проживавшего в этих местах племени *Сура Поганая* (в памятниках XV в.), ср. еще *тоймицы* («тоймичи») *погани* (в памятнике XIII в.), а также коллективное прозвище жителей деревень Искробольского прихода в мерянских землях на северо-востоке Ярославской области – *поганки*. Но и в подобных случаях возможны иные толкования, связанные с более поздним значением прилагательного *поганый*.

Русская топонимия рассматривалась здесь с той точки зрения, насколько она значима для выявления лингвоэтнического субстрата. Казалось бы, следует сделать не особенно оптимистичный общий вывод, так как налицо множество пестрых, допускающих разные толкования фактов, среди которых есть единичные и сомнительные. В основном такие топонимы указывают с той или иной степенью определенности только на наличие контактов на данной территории между русскими и каким-то иным населением, этническую принадлежность которого далеко не всегда удается установить. Однако значение таких фактов возрастает, когда они рассматриваются в комплексе со свидетельствами смежных наук или другими языковыми материалами.

Так, название деревни *Карельское* (Плес) становится более ярким этнодифференцирующим свидетельством, если учесть следующий текст, записанный в этой деревне: «Валун у нас был посреди поляны, *Бабкой* его называли, мы этой *Бабке* поклонялись и матери наши поклонялись, вроде как святой камень. Кто цветочки приносил, кто хлебушка». В этом высказывании отчетливо выступают черты финно-угорского поклонения святым камням. Значит, и название *Карельское* – не модификация какого-нибудь этноантропотопонима (например, *Карелинское* > *Карельское* и т. п.) или результат переноса. Можно допустить, что здесь действительно жили карелы.

Но наиболее интересны такие относительно редкие случаи, когда в комплексе выступают однородность фактов, их высокая частотность, ареальная смежность, иногда соотносительность с памятниками материальной культуры и корреляция с аналогичными явлениями на других территориях. Это создает системообразующую группу топони-

мов, их комплекс, нередко однозначно указывающий не только на зону расселения дорусского населения, но и на его лингвоэтническую принадлежность.

Так, в Переяславском и Ростовском районах Ярославской области, по данным А. Альквист, засвидетельствовано 14 *Синих Камней*, связанных с языческими представлениями древних мерян [Альквист 1996]. В других местах на территории России это обычные цветовые названия, нигде не образующие скопления столь высокой плотности, как в ярославских краях, за исключением, однако, региона Поволжья в Архангельской области, где на примерно такой же по площади территории зафиксировано 13 *Синих Камней*. Ясно, что такое соответствие не может быть случайным. Легко представить ценность этих данных, учитывая, что имеются и другие сведения о мерянских мигрантах в Поволжье.

1.4.2. Основные принципы исследования субстратной топонимии

Исследование субстратной топонимии связано с рядом трудностей. О языках ее создателей в одних случаях вообще нет никаких данных, в других – имеются самые общие сведения. Так, исторические источники свидетельствуют о том, что древнее население РС – чудь – было родственно финским народам – саамами (лопью), карелами (корепой), вепсами (весью), древнепермянами (пермью), проблематичнее его связь с югрой (обскими уграми или их близкими родичами) и самоедью (ненцами). Однако о «чудских» языках мы почти ничего не знаем, так как они не были закреплены письменно. Если не считать топонимических данных, то источником наших знаний в этой области могут быть только субстратные и заимствованные слова в русских говорах, а также живые финно-угро-самодийские (уральские) языки. Этого, разумеется, мало даже для того, чтобы получить самую общую характеристику какого-либо субстратного языка.

Когда сведения о языке-источнике недостаточны или вообще отсутствуют, необходимо обращаться к самой топонимии, изучение которой в силу специфики географических названий отличается как от

дешифровки забытых письменностей и языков, так и от этимологических исследований в области лексики.

Существенные различия между дешифровкой собственно языкового и топонимического материала обусловлены тем, что последний не представляет таких возможностей для интерпретации, как связный текст¹. Изучив значительный текст на неизвестном языке и выявив его статистические закономерности, можно получить обширную информацию о фонетической структуре языка, типах словообразования и изменения, характерных синтаксических конструкциях, наиболее частых лексических единицах. Это в свою очередь подготавливает почву для последующей полной интерпретации текста. Между тем топонимическая система как по своей функциональной ограниченности, так и потому, что в нее входит только часть элементов системы языка, не способна породить текст. С утверждением В.Н. Топорова о том, что карта или список являются текстом для топонимических названий [Топоров 1962: 5], можно согласиться, только понимая это в общесемиотическом смысле.

Из сказанного следует, что интерпретация текста на неизвестном языке может быть подтверждена анализом других текстов, тогда как интерпретация субстратного топонимического материала почти всегда условна, поскольку в большинстве случаев не может быть проверена. Отсюда следует, что этимологическим разысканиям в области субстратной топонимии должно предшествовать тщательное типологическое, лингвогеографическое и структурно-фонетическое изучение материала для того, чтобы иметь какой-то минимум надежных исходных данных². Однако полученная таким путем информация всегда будет очень неполной, во-первых, в силу ограниченности самого топонимического материала по сравнению с породившим его языком, а во-вторых,

¹ Интерпретацию субстратных топонимов, зафиксированных на определенной территории, можно сравнивать только с дешифровкой неизвестного языка (текст можно прочитать, хотя он и непонятен), но не с дешифровкой неизвестных письменностей.

² Кратко, но очень ясно принципы изучения субстратной топонимии, предшествующие этимологической обработке, сформулированы в тезисах А.П. Дульзона «Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока» [Дульзон 1966].

вследствие того, что возможности изучения субстратной топонимии имеют свои пределы, зависящие от объективных качеств материала. Если бы мы попытались изучать какой-либо живой язык только по топонимическим данным, то очень скоро убедились бы в том, что функционирующая топонимическая система не содержит полной информации даже о фонетической структуре языка (например, об интонации) и именном словообразовании, поскольку в топонимах может быть представлен далеко не весь деривационный инвентарь. Что касается лексики, то она отражена в топонимии уже в высшей степени однобоко и избирательно, а словоизменение и синтаксис вообще фрагментарно.

Так как семантику лексических и грамматических элементов субстратной топонимии раскрыть трудно, первоначально необходимо выявить и изучить формальные типы, поскольку они образуют систему и могут служить объектом типологического, лингвогеографического и структурно-фонетического исследования. Только после того, как топонимический материал будет обработан формальными методами (выявлены форманты и основы, составлены топонимические карты, проведен фонетический анализ) можно переходить к этимологическим построениям.

Однако, используя формальные методы, необходимо иметь в виду специфику их применения к субстратной топонимии: на географические названия нельзя механически переносить все принципы изучения appellativов, так как семантика нарицательных, от которых образованы топонимы, неизвестна¹. Поэтому на доэтимологическом этапе изучения субстратной топонимии должны учитываться только те закономерности, которые абсолютны или проявляются достаточно регулярно. Доказать наличие частных факультативных тенденций в языке (или языках), исходя лишь из топонимического материала, чрезвычайно трудно, потому что всегда можно обнаружить более или менее близкие по звучанию топонимические единицы, истинного значения которых мы не знаем.

¹ Cp.: «Wir entbehren hier des Stützpunktes, den in der etymologischen Forschung bei den Appellativen die Bedeutung des zu untersuchenden Wortes bietet...» [Kalima 1946: 131].

Так, на формальном уровне обнаруживается, что для СТРС характерны ударение на первом слоге, отсутствие групп согласных в анлауте (кроме *кв*, *св*) и префиксов, но невозможно, минуя этап этимологизации, доказать отражение в СТРС процессов деназализации и сужения гласных, известных, например, в пермских языках [Серебренников 1966: 61-62]. Сравнивая форманты *-Vg(a)* и *-Vn(ъ)ga* с предполагаемым значением «река», казалось бы, можно допустить, что и в этом случае проявились аналогичные тенденции, так что, например, форманты *-уга*, *-юга*, *-уг*, *-юг* восходят к *-ен(ъ)га*¹. Но основы топонимов никаких закономерностей, связанных с деназализацией и сужением гласных, не отражают, что хорошо доказывается примерами, в которых обнаруживается, во-первых, отсутствие деназализации (*Анданга – Андуга*, *Лундонга – Лундуга*), а, во-вторых, как «тенденция» к сужению (*Паденьга – Подюга*, *Пененга – Пинюг*, *Шарденьга – Шортюг*, *Ерзеньга – Урзуга*, *Марденьга – Мурдюг*), так и «тенденция» к расширению (*Шиленьга – Шелюг*, *Коченьга – Кацуг*, *Циленга – Целуга*, *Сученьга – Сечуга*, *Силенга – Селюга*) (ср. [Серебренников 1966: 61]). Таким образом, о наличии деназализации и сужения гласных в языке (языках) топонимов с формантами *-Vg(a)* приходиться судить по единственному соответству *-Vn(ъ)ga > -Vg(a)*. Пользуясь подобной методикой, легко обнаружить «родственные» элементы в самых разных топонимических типах.

Вольное применение формальных методов часто приводит к грубейшим ошибкам. Именно поэтому «метод формантов» очень жестко критикует А.И. Попов [Попов 1965: 37-38, 50-51, 101-122, 148]. Эта критика во многом справедлива: нельзя не считаться с явлениями взаимовлияния и выравнивания формантов, однако «метод формантов» (и, соответственно, «метод основ»), как показывает практика, достаточно эффективен при должной строгости подхода, а в сочетании с картографированием становится наряду с этимологизацией важнейшим орудием исследователя субстратной топонимии. Поэтому никак нельзя согласиться с мрачным резюме: «метода формантов» в настоящем научном

¹ А.И. Шёгрен в случаях *inga*, *enga* видел, напротив, назализацию гласного (<*jega*) [Sjögren 1861: 301].

топонимическом исследовании не существует и существовать не может, – это просто есть первоначальное вспомогательное средство при пробах изучения массовых явлений» [Попов 1965: 122].

Кратко сформулируем основные принципы формального анализа субстратных топонимов.

1. Под формальным анализом субстратных топонимов подразумевается выделение в названиях каких-либо регулярно повторяющихся и занимающих определенную позицию компонентов с неизвестной или предположительно установленной семантикой – формантов (токоформантов) и основ (токооснов), а также звуков и их сочетаний. Применительно к территории РС форманты всегда находятся в конце слова и обычно варьируют. Изменения формантов могут возникнуть в русском языке вследствие адаптации и восходить к языку-источнику. Картографирование формантов (основ, а также фонетических единиц) осуществляется в случае необходимости и представляет собой элемент формальной процедуры.

2. При исследовании субстратных топонимов выделение формантов (и их вариантов) должно рассматриваться как первоначальный методический прием. В дальнейшем варианты формантов сопоставляются и по возможности сводятся к инвариантам. Это же относится к основам. Эффективно также сравнение формантов и основ. В необходимых случаях все эти процедуры сопровождаются картографированием. В ходе последующей интерпретации устанавливается, является ли формант географическим термином в составе топонима (детерминантом), словообразовательным аффиксом (суффиксом) или псевдоформантом (семантически «пустым» высокочастотным сочетанием звуков, ошибочно принятым за формант). Картографирование (отсутствие выраженного ареала) обычно позволяет достаточно эффективно отделять истинные форманты от ложных. Если разновидности форманта обусловлены их происхождением из различных родственных языков, выделяется группа формантов (детерминантов или аффиксов).

3. Широко распространенное мнение о том, что в агглютинативно-суффиксальных языках полностью господствует атрибутивная

конструкция (определение + определяемое = географический термин-детерминант) не соответствует действительности. Детерминанты могут отсутствовать, однако такие топонимы обычно имеют в своем составе словообразовательные аффиксы (суффиксы). Соответственно и в субстратных топонимах, которые восходят к агглютинативно-суффиксальным языкам, форманты могут оказаться словообразовательными аффиксами, а детерминанты изначально отсутствовать. Детерминанты факультативны и в субстратных топонимах (субсубстратных по отношению к русскому языку), усвоенных агглютинативно-суффиксальными языками. Это связано с утратой топонимами исходной семантики, а следовательно, с отсутствием условий для возникновения атрибутивной конструкции, компоненты которой должны семантически коррелировать.

Возможности формальной методики ограничены, а ее недостатки очевидны. Так, она не позволяет распознавать родственные детерминанты, единообразно передаваемые русским языком (-юга «река» может восходить к карел. *jogi*, саам. *jogk*, мар. *йогы*); различать гомогенные и гетерогенные по структуре названия с одним и тем же детерминантом (в Чухченема можно видеть как гетерогенное сложение чухч- «глухарь» < саам. и -нема «мыс» < приб.-фин., так и чисто саамский топоним, поскольку подобный финскому *nieti* географический термин существовал и в наречиях древнего саамского населения РС); устанавливать истину при ретросубSTITУции (см. 2.2.). Тем не менее формальные методы совершенно необходимы на доэтимологическом этапе изучения субстратной топонимии. Более того, как следует из сказанного выше, этимологизация субстратных топонимов является непосредственным продолжением формального исследования.

Этимологическое изучение субстратной топонимии точно так же, как и этимологическое исследование заимствованных апеллятивов, основывается на сравнительно-историческом методе, осложненном в силу специфики топонимии некоторыми особыми приемами разыска-

ний¹: исследуются слова, не имеющие сигнификативной семантики, которые по этой причине склонны подвергаться нерегулярным фонетическим и морфологическим изменениям, а также народной этимологии. Поэтому достаточно полную картину фонетического и морфологического усвоения субстратных топонимов установить трудно. Именно это, очевидно, имеет в виду А.И. Попов, критикуя «непогрешимые» фонетические законы, которые в топонимической действительности очень часто нарушаются [Попов 1965: 146-148]. Не сомневаясь в возможности установления фонетических соответствий между языком усвоения и языком субстрата в тех случаях, когда материал для сравнения достаточно велик (см. [Дульzon 1959: 41-46]), заметим, что трудности определения исходной семантики субстратных названий и их относительно частые нерегулярные фонетико-морфологические изменения ведут к необходимости более осторожного применения как формальных, так и этимологических методов исследования топонимов по сравнению с изучением апеллятивов, когда известно значение, ограничивающее «возможности» этимологизации.

Сложность изучения топонимического субстрата связана еще и с тем, что интерпретируются реликты мертвых языков (ср. [Попов 1965: 114])², при исследовании которых могут быть выявлены фонетические, словообразовательные и лексические факты, не соответствующие традиционным представлениям. Звуки, форманты и лексемы, которые считаются нетипичными для языка сравнения, могут оказаться обычными для восстанавливаемого мертвого языка, как и древние формы, которые были известны только «под звездочкой»: современномусаамскому *s* в древних саамских наречиях РС соответствовало **š* < фин.-угор. **s* (ср.

¹ Г.С. Кнабе утверждает, что в силу значительного своеобразия топонимов недопустимо перенесение на них тех приемов и методов лингвистических исследований, которые были выработаны на материале апеллятивов [Кнабе 1959: 255]. С этим категоричным мнением согласиться нельзя: специфика топонимических исследований не означает, что их методика в корне отлична от приемов изучения апеллятивов. Л.А. Гиндин считает, что этимологизация топонимов вообще мало чем отличается от этимологизации апеллятивов [Гиндин 1969: 216], что является другой крайностью.

² Ср. наивное: «Вообще на севере мне никто не мог объяснить ни одного названия реки» [Орлов 1907: 25].

основы *шид-* «селение», *шуб-* «осина» и др.), а финским словам *lahti* «залив», *salmi* «пролив» суффиксальные топонимы *Логдуз* (< *Лохтус), *Солмас*, лингвоэтническая принадлежность которых окончательно еще не определена. В то же время могут быть обнаружены такие явления, которые составляют специфику только данного языка или группы вымерших языков (древние ли это черты или инновации). Могут, наконец, быть зафиксированы различные промежуточные по своему генетическому положению языки. Все это в высшей степени осложняет исследование субстратной топонимии. Очевидно, имея дело с мертвыми языками, при изучении которых легко встретиться с самыми неожиданными фактами, нарушающими традиционные взгляды, нельзя подходить к ним с готовой меркой, заранее определив аналог среди живых языков.

Поэтому, основываясь на уже известных фактах, следует, как и при дешифровке неизвестных языков, постепенно ограничивать область поисков, последовательно исключая те или иные группы языков (или языки) и тем самым суживая круг возможных источников происхождения топонимов. В частности, в ходе наших исследований так были исключены самодийские и угорские языки [Матвеев 1964а; 1970б]. Естественно, что подобный анализ должен основываться в первую очередь на выявлении и учете дифференцирующих моментов, тем более что в древности родственные языки были значительно ближе друг к другу, чем в настоящее время. Это означает, что показательны прежде всего этимологически прозрачные дифференцирующие форманты и основы и что результаты изучения основ убедительнее исследования формантов, поскольку основы несравненно многочисленнее и создают больше возможностей для сопоставления. Кроме того, фонетические варианты основ могут указывать на различную языковую (диалектную) принадлежность топонимов в тех случаях, когда они характеризуются одинаковыми формантами (ср. основы *яvr-*, *яgr-*, *яр-*, *яхр-* «озеро»).

Однако и сопоставление топонимов с одинаковыми основами требует соблюдения определенных правил. Этим приемом в свое время уже оперировали А.И. Соболевский [Соболевский 1927] и Я. Калима [Kalima 1944а], тем не менее он должен применяться с большой осторожностью.

рожностью, так как даже на доэтимологическом этапе следует учитывать фонетические соответствия между сравниваемыми названиями. Доэтимологическое изучение топонимов должно основываться на двух типах фонетических соответствий: а) полных, которые могут свидетельствовать об одинаковом отражении исходного состояния в двух (или более) топонимах (*Анданга – Андюга*, *Варзеньга – Варзуга*); б) неполных, которые могут указывать на различное отражение исходного состояния в двух (или более) топонимах, ср. основы *кызг-* ~ *кыск-*, *тыж-* ~ *тыши-*, *сукс-* ~ *шукши-*, *сул-* ~ *шул-* и т. д. Оба типа соответствий могут относиться как к одному, так и к разным языкам: слова «исходное состояние» указывают только на наличие какого-либо общего источника. Неполные соответствия могут возникнуть также в результате адаптации в различных условиях.

Полные звуковые соответствия нередко наблюдаются во многих топонимах с общей основой (все подобные случаи должны тщательно учитываться, так как свидетельствуют о важности топонимической лексемы), однако они, естественно, прежде всего характеризуют форманты. Неполные соответствия в равной мере типичны для основ и формантов. Регулярность и ареальная противопоставленность неполных соответствий подтверждают реальность их существования. Таковы основы *бохт-*, *вохт-*, *охт-*, *ухт-* и *яvr-*, *яgr-*, *яр-*, *яhr-*. Напротив, сравнение редких основ *себр-* (*Себреньга*) и *шубр-* (*Шубрюг*) без учета фонетических соответствий и географии – примерно то же, что сопоставление русских слов *семь* и *шум* или *бред* и *пруд*.

Как уже было сказано, и топонимы с полным звуковым соответствием типа *Анданга – Андюга – Андома – Андоба*, зафиксированные в пределах одного региона, могут восходить к разным языкам. Трудность состоит в понимании того, что даже полное звуковое сходство основ не означает непременно, что соответствующие топонимы принадлежат одному языку, ср. фин. *kalma* «смерть» и морд. *kalmo*, *kalma* «могила», фин. *palo* «пожар» и морд. *paloms* «гореть» и т. д. Поэтому зафиксированные в пределах одного региона параллели типа *Ухтаньга – Ухтуяга*, *Паленъга – Палуга* сами по себе еще не свидетельствуют о

принадлежности разных топонимических типов одному языку. Выводы об этом должны основываться на изучении всего относящегося к вопросу материала, особенно данных лингвистической географии.

Таким образом, даже «черновые» приемы сравнительного языкознания в области топонимии должны использоваться по определенным правилам, и уже на формальном этапе исследования учет фонетических и ареальных данных обязателен. При переходе же на этимологический уровень должен учитываться весь комплекс критериев правильности этимологии: фонетических, структурных, семантических, лингво-географических и экстралингвистических.

Исследование субстратной топонимии предполагает всестороннее изучение фактов различными методами, первоначально – формальными (доэтимологическими), а затем – этимологическими, применение которых обуславливает окончательного решение вопроса.

1.4.3. Методы выявления системных отношений в субстратной топонимии

Топонимы, как и все собственные имена, обозначают объекты, выделенные из ряда однотипных. Природа не терпит штампов, и природные объекты всегда по-своему уникальны. Язык беднее природы, поэтому случается, что исследователь, отталкиваясь от свойств объекта, выходит на семантику имени. Однако это бывает редко.

Эффективность и доказательность этимологизации прямо связаны с выявлением системных отношений между субстратными топонимами. Наличие такой системы или хотя бы ее фрагментов указывает на то, что для исследования выбран правильный путь. Поэтому поиск оптимальных приемов выявления системных отношений в субстратной топонимии является одной из важнейших задач этимологической топономастики. Наиболее перспективны здесь изучение названий по микрорегионам, что особенно результативно при выявлении микросистем и этимологическом анализе микротопонимов, а также моделирование компонентов систем при интерпретации массового топонимического материала.

Новые возможности открывает прежде всего целенаправленное и всестороннее исследование субстратных микротопонимов. Сейчас уже ни один серьезный исследователь не сомневается в том, что язык субстрата может отражаться не только в гидронимии, но и в микротопонимии. Хорошо известно и то обстоятельство, что субстратная микротопонимия характерна для многих территорий РС. Однако субстратная микротопонимия, подобно гидронимии, до сих пор рассматривалась как совокупность названий, характерных для РС в целом или для какой-либо его крупной части, например, бассейна Пинеги [Симина 1962]. Такие работы, как описание топонимии замкнутой микротерритории бассейна реки Юла, притока Пинеги [Симина 1969], представляют собой исключение. Поэтому и принято говорить о субстратных гидронимах РС на -уга, -юга, -уг, -юг и т. п. или о субстратных микротопонимах РС на -лахта, -нема, -мина и т. п. Отсюда эффект усреднения, стирание лингвогеографической специфики названий, искажение реального соотношения топонимических зон, смешение типов русской адаптации, а главное – нарушение регионального принципа исследования топонимии, как показывает практика, особенно целесообразного при изучении субстратных микротопонимов, которые должны рассматриваться в рамках микрорегионов, но немаловажного и при исследовании гидронимии.

Первоочередная задача изучения СТРС – выявить и этимологически идентифицировать верхний слой субстратных названий, представленный прежде всего микротопонимией, чтобы затем перейти к интерпретации субстратной и субсубстратной гидронимии. В общих чертах этот верхний слой в северо-западной половине РС, заключенной в треугольнике между Онежской губой, Белым озером и устьем Мезени, уже выявлен, и определен как прибалтийско-финско-саамский (А.И. Шёгрен, М. Фасмер, А.И. Попов, А.К. Матвеев и др.), однако географическое распределение прибалтийско-финских и саамских элементов и их соотношение во многом еще не ясны. Между тем от определения микротопонимических зон и уточнения локализации прибалтийско-финских и саамских микротопонимов зависит и выявление прибалтий-

ско-финской и саамской гидронимии, что в свою очередь позволит аргументированно выделить гидронимический субсубстрат.

Таким образом, предстоит сделать следующий шаг – перейти от макрорегиональных исследований к микрорегиональным, к комплексному анализу топонимии отдельных небольших территорий. Это позволит осуществить сплошной сбор микротопонимии, намного повысит надежность анализа и создаст дополнительные возможности для интерпретации топонимов, поскольку последние будут рассматриваться не только как совокупность названий с тем или иным формантами, но и как отражение некогда существовавших топонимических микросистем. Сам по себе этот прием не нов, но к СТРС он по существу не применялся. Правда, попытки М. Фасмера рассматривать топонимию по уездам [Vasmer 1934; 1935; 1936] в какой-то мере являлись реализацией микрорегионального принципа, но весьма ограниченные топонимические материалы при почти полном отсутствии микротопонимии не могли стать основанием для сколько-нибудь серьезных выводов.

Микрорегиональный принцип исследования находит историко-этнографическое обоснование в тех надежно установленных фактах, что для РС характерен кустовой тип поселений, а также этническая пестрота в прошлом и связанная с ней языковая (диалектная) мозаичность субстратной топонимии, особенно микротопонимии, плотные очаги которой возникали при обрушении местного населения. Именно поэтому изучение отдельных микротерриторий может дать очень интересные результаты. Ясно, что такой подход не имеет ничего общего ни с глобальным изучением СТРС в целом, охватывающим и Костромской край и даже Волго-Окское междуречье, ни с интеррегиональными сравнениями субстратной топонимии РС и Сибири.

Для реализации намеченной программы территории РС приходится делить на микрорегионы разного порядка, в конечном счете деление может производиться до кустов деревень и даже до отдельных населенных пунктов. Выделение таких микротерриторий достаточно условно и должно корректироваться результатами последующего анализа.

Естественно, что окончательная картина членения всей территории РС на микрорегионы будет очень отличаться от моделируемой в начале.

При выявлении верхнего пласта СТРС важна трактовка термина «микротопонимия», о значении которого давно идут споры, хотя его внутренняя форма (*микро-* «малый») точно определяет семантику: микротопонимы – названия малых объектов. Поэтому к микротопонимам следует относить не только названия уроцищ – лугов, полей, участков леса, как это обычно делается, но и островов, мысов, небольших возвышенностей (микрооронимы), ручьев и небольших озер (микрогидронимы и микролимнонимы). Так как на РС почти нет значительных возвышенностей, вся оронимия фактически может считаться микрооронимами. Поскольку субстратные названия населенных пунктов на РС в своем большинстве восходят к наименованиям уроцищ или других микрообъектов, их также приходится рассматривать вместе с микротопонимией.

Подробно опыт применения этой методики к конкретному микрорегиону РС (Нижняя Онega) охарактеризован в нашей статье [Матвеев 1989а], где интерпретируется большое количество субстратных топонимов карельского происхождения.

Вычленение и изучение топонимических микрорегионов на всей территории РС позволит с течением времени создать его подробную лингвостническую карту на период, предшествовавший русскому усвоению, ускорить появление обобщающих работ по топонимической этимологии и лексикографии, приблизить решение проблемы происхождения глубинных слоев гидронимии. В дальнейшем было бы заманчиво определить лингвостническую принадлежность микротопонимии отдельных кустов населенных пунктов, но это возможно только при наличии значительных материалов по каждому кусту и проведении целенаправленных повторных выездов на места. При этом большую помощь могла бы оказать фиксация местных антропонимов, а также субстратных включений в лексике, хотя топонимия все равно останется наиболее значительным системообразующим источником для изучения вымерших языков.

Поиск системных отношений в очень значительном по количеству, но ареально рассеянном корпусе субстратных топонимов, особенно гидронимов и лимнонимов, продуктивно осуществляется путем моделирования компонентов топонимических систем. Если при изучении названий по микрорегионам поиск системных связей основывается на предположении о генетической однородности смежных названий в пределах микрорегиона, то при моделировании компонентов топонимических систем используются принципы семантической типологии и искусственного порождения языка-эталона.

Нередко указывают, что массовость топонимических этимологий – лучшее доказательство их правильности в целом. Однако эта точка зрения представляет собой печальное заблуждение: в истории топономастики было много попыток доказать то или иное ложное построение при помощи массовых этимологий. Следовательно, сама по себе массовость интерпретаций отнюдь не является гарантией их правильности и не спасает от ошибок. Многообразие возможностей толкования субстратных топонимических лексем, семантика которых скрыта от нас, может завести очень далеко даже самого добросовестного ученого.

Исследователи географических названий знают, сколь разными путями приходится искать в этой области истину и что только на определенном уровне разысканий иногда возможен качественный скачок. Как правило, это бывает в тех случаях, когда материал достаточно велик и в нем обнаруживается определенная система.

Есть два пути реализации системного подхода к этимологическому изучению субстратных топонимов.

Первый путь – поиск коррелятивных членов в фонетике, семантике, словообразовании топонимов, а также установление ареальных оппозиций на основе топонимических универсалий и данных русской топонимии. Так, общераспространенная корреляция «большой» – «малый» обнаруживается в названиях соседних ручьев *Ширвоя* и *Ленвоя* (Нижняя Онega), которые объясняются из карельского языка как «Большой ручей» (карел. *šiuri* «большой») и «Малый ручей» (карел. *pieni* «малый»). Прием этот достаточно хорошо известен и довольно

эффективен, хотя методика его использования все еще не вполне отработана. В частности, явно недооценивается вытекающая из факта существования корреляций в топонимии возможность прогнозирования и направленного поиска субстратных топонимов на одной или смежных территориях. Так, на основе ареального противопоставления основ *нюхч-* «лебедь», *чехч-* «осенняя стоянка», *чухч-* «глухарь» (север Архангельской области): (?), *чеки-*, *чуки-* (Белозерский край) было высказано предположение, что в Белозерье должна встретиться и основа *нюкич-*, которая затем и была зафиксирована топонимической экспедицией (*Нюкиша, Нюкиозеро*). Теперь накоплен довольно значительный опыт по такому прогнозированию. Оказалось, что этот прием (поиск недостающего члена оппозиции) сам по себе весьма ценен. Однако возможности его использования ограничены, поскольку подобные корреляции обнаруживаются не слишком часто. Кроме того, употребительность корреляций в русской и субстратной топонимии по тем или иным причинам может не совпадать. Приведем показательный пример.

Корреляция *верхний – нижний*, типичная для линейных гидрообъектов (рек, ручьев и т. п.) – одна из самых распространенных пространственных моделей русской топонимии. На РС засвидетельствовано около 500 «верхних» топонимов и около 420 «нижних» [Березович 1998: 91], т. е. перевес «верхних» над «нижними» невелик, а это, как будет видно в дальнейшем, очень существенно.

Среди субстратных основ РС одна из самых распространенных – *ил-*, встречающаяся в сочетании с разными формантами (*Илас, Илеза, Илекса, Иленза, Илезьма* и т. д.). Эта основа имеет значение «верхний», а производные от нее гидронимы означают «Верхняя (река)», «Верхнее (озеро)» и т. п., что подтверждается : 1) регулярностью нахождения *ил-* объектов (а их несколько десятков) в верховых рек, 2) метонимическими кальками (например, река *Верхняя* течет от своего истока до озера Калгачинское, а ее продолжение от озера Калгачинское до Водлозеро называется *Илекса*), 3) употреблением основы *ил-* в производных топонимах в качестве определения (у реки *Вама* в *верхнем* течении есть приток *Ильвама*, т. е. «Верхняя Вама»). Основа *ил-* имеет соответствия

во всех финно-угорских языках, ср. фин. *ylä* «верхний», морд. *велькс* «верх», мар. *ылвал* «верхний», коми *ылыс* «верхний» и т. п. Наиболее близки прибалтийско-финские соответствия (фин. *ylä* «верхний» и др.). Гидронимы с основой *ил-* широко распространены на РС, но их язык-источник пока точно не установлен. Возможно, им был один из севернофинских языков, промежуточных между прибалтийско-финско-саамскими и волжско-финскими наречиями.

Экстраполяция выводов, полученных при анализе русской топонимии, на субстратные географические названия с целью обнаружить следы субстратной основы со значением «нижний» в тех же местах, где распространены названия с основой *ил-*, принесла отрицательные результаты. До сих пор эту основу даже не удалось выявить: нет ни одной сколько-нибудь распространенной основы, которая могла бы составить коррелятивную пару с основой *ил-*. Очень показательны в этом отношении и такие микросистемы гидронимов, когда один из членов оппозиции восходит к определительной конструкции, ср. уже упомянутые *Вама – Ильвама* (т. е. «Верхняя Вама»), а также *Сима – Ильсима* (т. е. «Верхняя Сима»). Ильвама и Ильсима действительно верхние притоки Вамы и Симы, а коррелятов со значением «нижний» нет.

Как это следует интерпретировать? Видеть в отсутствии *нижних* топонимов результат русского усвоения невозможно. Оно не могло быть столь последовательным, особенно на фоне сохранившихся во множестве названий с основой *ил-*. Следовательно, причину нарушения оппозиции надо искать в самом языке субстрата. Очевидно, носители языка субстрата маркировали и называли верховье реки, которое противостояло не какому-то определенному пункту ниже по течению, а всему течению реки в целом. И связано это было с тем, что верховье реки являлось пределом, рубежом, за которым следовал другой, часто уже «чужой» мир. Напротив, низ – не маркировался, потому что любой пункт по течению реки относительно верховья был низом. Соответствующее обозначение было бы неточным и становилось ненужным. Возможно также, что поселения коренных жителей (если у них были постоянные жилища) тяготели к устьям рек. И в этом случае тоже понятно,

почему семема «нижний» не выявляется в гидронимических коррелятивных парах.

Но почему, в таком случае, «*нижние*» топонимы обычны у русских? Дело в том, что радиальное (домоцентрическое) видение земледельцев распространялось и на реку, на берегах которой возникали многочисленные поселения и угодья. Высокочастотные «*верхние*» и «*нижние*» топонимы прилагались прежде всего к ним, а также к рекам со смежными устьями.

Носители древнего субстрата были охотниками, рыболовами, может быть, оленеводами. Для тех и других характерно маршрутное видение и сезонные перекочевки, поэтому для них было важно прежде всего верховье, где часто кончалась уже освоенная хозяйственная зона. Не стоит забывать и том, что в старину лодка была важнейшим способом передвижения по таежному краю и что именно от верховья нередко начинался волок к другому водному пути.

Разный образ жизни вел к различным системам видения и обозначения. Отсюда же следует, что было бы большой ошибкой всегда ставить знак равенства между семантикой русских и субстратных топонимов. Их корреляции могут быть не абсолютны, даже, казалось бы, в априорных случаях, и поэтому не могут использоваться без учета других как собственно лингвистических, так и внешних факторов.

Второй путь – поиск значения «от понятий», моделируя компоненты топонимии. Этот путь, основанный на принципах ономасиологического подхода, представляется перспективным еще и потому, что изучение субстратных названий смыкается здесь с другой важной задачей топономастики – уже не только теоретической, но и прикладной – изучением принципов номинации географических объектов и выработкой рекомендаций по их наименованию. Если первая задача – изучение субстрата – целиком обращена к прошлому, то вторая – к будущему. Но обе они в равной мере объясняют рост интересов к топонимической ономасиологии.

Широкое развитие ономасиологических исследований и накопление некоторого опыта в области применения ономасиологического

подхода к изучению ономастических фактов позволяют по-новому взглянуть на проблему методов этимологизации топонимов и предложить еще одну процедуру изучения субстратной топонимии на базе предварительно установленных ономасиологических моделей.

Выявление топонимических универсалий и их использование в практике этимологизации еще не решают проблему совершенствования методов изучения субстратной топонимии, так как учет семантической мотивированности (принципов номинации, топонимических универсалий) (см. об этом [Матвеев 1969б]) также не вполне гарантирует от ошибочных построений. Чтобы наметить пути решения вопроса, необходимо уяснить принципиальную разницу между семасиологическим и ономасиологическим подходом к интерпретации топонимов.

Разумеется, о семасиологическом подходе к этимологизации субстратных названий можно говорить только условно, поскольку их семантика скрыта и задача сводится именно к тому, чтобы ее установить. Поэтому правильнее было бы вести речь об изучении топонимов «от звукового комплекса», обозначающего определенный объект, т. е. «от слова». Этот путь сейчас и является основным при этимологическом изучении субстратной топонимии. Но если идти «от слова», необыкновенно широки возможности этимологического объяснения, обусловленные самой природой субстратных топонимов: исследователь часто не знает, к одному или нескольким субстратным языкам восходит интерпретируемый материал и что представляют собой эти языки. И даже если он верно определил источник топонимии и правильно этимологизировал ряд топонимов, то и в таком случае часто бывает очень далек от установления регулярных фонетических соответствий, столь необходимых для того, чтобы сделать эти этимологии доказанными.

Учет семантической мотивированности, конечно, несколько дисциплинирует процесс этимологизации субстратных топонимов, но не меняет его сути, так как поиск все равно идет «от звучания», и ономасиологическая модель используется лишь как вспомогательное средство, помогающее принять или отвергнуть этимологию топонима. Прoverять же таким способом этимологии топонимических основ и фор-

мантов с невысокой частотой употребления вообще затруднительно, поскольку их семантику почти невозможно предугадать.

Итак, при «семасиологическом» подходе отсутствует главное – строгость и последовательность метода. Так как исследователь встречается с топонимами различного происхождения и вынужден обращаться к разным языкам, возникает множество возможных вариантов решения, поскольку и от одного топонима и от целой группы топонимов можно прийти к различным словам и значениям разных языков. В сущности, от одного исходного факта мы идем к их множеству.

Задача, следовательно, состоит в том, чтобы заменить более или менее произвольный поиск такой процедурой, которая оставляла бы меньше возможностей для блужданий в этимологическом тумане, то есть создать более рациональную и в то же время более строгую методику исследования субстратных топонимов, которая ввела бы исследование в ограничивающие рамки и позволила быстрее устанавливать системные связи. Ономасиология в этом отношении способна в какой-то мере помочь ущербной топонимической семасиологии, поскольку имеет возможность опираться на семантические модели-эталоны, господствующие на данной территории. Иными словами, именно потому, что семантика субстратных топонимов неизвестна, лучше идти ономасиологическим путем, построив такую методическую схему, которая позволяет путем последовательных ее изменений контролировать полученные результаты и выявлять закономерное в процессе топонимической этимологизации.

Очевидно, что поставленную задачу можно решить лишь в том случае, если для сравнения с фактами субстратной топонимии будет привлечен только один язык или последовательно ряд языков. При этом должна быть использована такая система (сетка) соответствий в рамках языка, привлекаемого для сравнения, которая, во-первых, охватывала бы наиболее важный для топонимии круг апеллятивной лексики, а во-вторых, не была бы чересчур громоздкой. Такую систему можно создать только при ономасиологическом подходе к топонимии, построив искому модель и сравнивая языковые факты одного порядка с суб-

стратными топонимами. Плюсы такого приема велики: закономерное сопоставляется с закономерным, поэтому ошибочность тех или иных решений обнаружить намного легче.

Итак, методически целесообразнее идти не от топонима к исходному апеллятиву, подбирая в различных языках «подходящие» звучания и значения, а построив ономасиологическим путем на материале привлекаемого для сравнения языка (диалекта) сетку апеллятивных компонентов, постулируемых для данной топонимической системы, идти от нее к топонимам, т. е. составив перечень лексем, которые должны функционировать в топонимии, вести целеустремленный поиск в области субстратной топонимии, «направленную этимологизацию».

Естественно, такой поиск возможен далеко не всегда и в качестве непременного условия для него необходимо наличие в пределах определенного региона достаточно богатой и разнообразной субстратной топонимии и микротопонимии, что мы и находим, в частности, на территории РС.

Однако в этом случае должны изучаться прежде всего основы топонимов, несмотря на утверждение, что наиболее надежен путь выявления и изучения формантов, «чья повторяемость (а значит и надежность) несравненно выше, чем повторяемость лексических основ» [Никонов 1964б: 19]. Но частотность и системность – отнюдь не одно и то же. Основы неизмеримо многочисленнее формантов, и это позволяет путем изучения основ с большой полнотой устанавливать системные связи между субстратными топонимами.

Кроме того, исследование «от форманта» часто дает искаженную картину, поскольку форманты (во всяком случае в субстратных топонимах финно-угорского происхождения) находятся в слабой позиции конца слова и поэтому особенно подвержены интенсивной переработке, нередко выступают в стертом виде, влияют друг на друга и нивелируются. Между тем, основы сохраняются лучше, так как находятся в начальной сильной позиции под ударением (ср. *Перхлойда*, *Перхлуды* и *Перховта* < *Перхлохта*, где во всех случаях представлена одна основа *перх-*, но совершенно изменен детерминант *-лохта* «залив»).

Поэтому, если исследуемый материал достаточно велик, изучение основ в принципе намного перспективнее, чем формантов. К тому же, все форманты, восходящие к географическим терминам (детерминантам), как правило, находят соответствие и в основах. Наконец, ничто не мешает учитывать и форманты. Вот почему поиск системы в субстратной топонимии должен осуществляться прежде всего путем исследования основ с привлечением результатов изучения формантов.

В основу метода положены следующие соображения общего характера.

Во-первых, топонимическая лексика тематически ограничена. И уже поэтому неизбежны значительные совпадения в семантике топонимов разных народов. Эти «общие места» еще более характерны для топонимии соседних народов, а также для топонимии субстрата и сменившего его языка.

Во-вторых, топонимическая система в определенной мере воспроизводит систему языка в области фонетики, словообразования, лексики (подробнее см. [Матвеев 1965а: 5]). Это позволяет выявлять фонетические, словообразовательные, лексические оппозиции в пределах топонимии одного или нескольких языков.

В-третьих, обладая знанием ономасиологических моделей, распространенных в топонимии функционирующего языка, можно построить с определенным приближением систему ономасиологических моделей языка субстрата.

Смысл процедуры сводится к тому, что, выбрав язык для сравнения (язык-эталон), мы переводим смоделированную систему семем топонимии языка субстрата на язык-эталон. Тем самым искусственно порождается лексико-семантическая система, относительно близкая, с точки зрения исследователя, как по своей семантике, так и по фонетической и словообразовательной структуре к топонимии субстрата. Это позволяет при сравнении заметить наиболее существенные различия между лексическими элементами субстратной топонимии и искусственно порожденной системы языка-эталона, поскольку сопоставляются не изолированные факты, а семантически аналогичные серии компонентов

топонимических систем, что в свою очередь способствует установлению регулярных фонетических соответствий между языком-эталоном и языком субстратной топонимией.

Процедура четко делится на три этапа (подробно см. [Матвеев 1976]), в процессе реализации которых следует: 1) смоделировать словарь важнейших семем, предположительно употребляемых в субстратной топонимии данной территории, 2) перевести его на язык-эталон, 3) наложить полученную сетку лексем языка-эталона на субстратную топонимию.

1 этап. Чтобы установить перечень семем тех исходных апеллятивов, которые предположительно должны быть отражены в субстратной топонимии, логичнее всего использовать топонимию языка, функционирующего на исследуемой территории в настоящее время, в нашем случае – русского языка. Это означает, что мы должны составить идеографический словарь компонентов русской топонимической системы региона на основе выявленных топонимических универсалий. Для этого следует установить наиболее важные ономасиологические модели русской топонимии и распределить их по тематическим группам. Такой путь оправдан: русская топонимия за сотни лет своего развития очень полно впитала в себя апеллятивы, отражающие географические условия, растительный и животный мир и вообще специфику края. В то же время естественно думать, что на одной территории и при смене языка в топонимии должна сохраняться семантически близкая номенклатура. Это обусловлено наличием общей природной среды и способов ее освоения, а также широким распространением калькирования.

После проведения этой процедуры был получен список из 400 нарицательных, наиболее полно отраженных в русской топонимии региона и составляющих 22 тематические группы: гидрография, рельеф, почвы и полезные ископаемые, лес и лесное хозяйство, виды деревьев, кустарников и травянистых растений, дикие животные, домашние животные, птицы, рыбы, прочая фауна, люди, населенный пункт и постройки, общественные учреждения и отношения, сельское хозяйство, охота и рыболовство и др.

Разумеется, составив такой идеографический словарь, мы не имеем права утверждать, что предусмотрели все наиболее существенное из того, что могло быть отражено в субстратной топонимии: идеографические словари русского языка и языка субстрата вследствие большой разницы в общественно-экономической структуре не могут совпадать полностью. Поэтому трудно предусмотреть возможную конкретизацию и выделить все видовые понятия, важные для древнего населения и потенциально отраженные в топонимии (например, названия разновидностей оленей, оленевых пастбищ и т. п.).

2 этап. Переводу идеографического словаря на язык сравнения (язык-эталон) должно предшествовать изучение историко-географических сведений и предварительный лингвистический анализ топонимического материала. В нашем случае есть много оснований для того, чтобы обратиться к саамскому языку, поскольку уже имеется ряд этимологических данных, указывающих на наличие саамского компонента в СТРС [Матвеев 1969в: 42-48]. Для сравнения были выбраны диалекты кольских (кильдинский, йоканьгский) и колтовских саамов (нотозерский), территориально наиболее близкие к РС, что позволяет предполагать большее фонетическое и лексическое сходство между ними и постулируемым саамским языком (диалектами) субстратной топонимии.

После того как идеографический словарь компонентов топонимии был переведен на саамский язык, оказалось, что иногда из-за разницы в природных условиях (в рельефе, ландшафте, растительном и животном мире) между Кольским полуостровом и РС в саамских диалектах Кольского полуострова отсутствуют лексические эквиваленты, поскольку там нет и соответствующих реалий, т. е. в лексической сетке языка-эталона возникает пробел. Так, например, барсук, обычное для РС животное, на Кольском полуострове не водится, нет там и лиственницы, нечасто, но все же встречающейся на территории РС. Следовательно, уже при переводе идеографического словаря можно получить интересные результаты вследствие разницы в составе лексики функционирующего языка (русского) и языка-эталона (саамского): естест-

венно предполагать, что в субстратной топонимии РС должны быть отражены апеллятивы со значением «барсук» и «лиственница».

Табл. 2

1	2 Кильдин	3 Йоканьга	4 Нотозеро	5 саам. норв.	6 СТРС
ворон	kārn̄es	kārn̄as	kārn̄as	gārānās	Карнаш, Карныш
гага	a <u>ŋ</u> d̄t	a <u>ŋ</u> d̄t	a <u>ŋ</u> d̄t	hawda	Авда, Авдюга
гагара	toχt	—	toχti	dovtā	Тохта, Тохтозеро
глухарь	čuχč	—	čuχč	čukča	Чухча, Чухченема
гусь	čueñ	čiñ	čuañ	čuonja	Чёнаучей, Чёнозеро, Чуньякара
журавль	—	—	—	guorgā	Коргозеро, Коргучей
кукушка	kīGk	kīGk	kiekk	giekkā	Кегозеро, Кегостров; Киглохта, Кигун
лебедь	ńuχč	ńuč	ńuχč	njukčā	Нюхчозеро, Нюхчурчей
орел	kuečkem	kječkem	kuačkem	goaskem	Кочкомозеро, Кочкомурчей
птица	loñd̄t	loñd̄te	loDt	lodde	Лондышка, Лонда
тетерев	—	—	—	—	?
утка	čuečs	—	čuačs	šuorššo	Шоршена, Шоршима

Примечание. Основной источник саамских названий – ККС. Транскрипция упрощена. Пробелы в графах означают отсутствие данных.

На табл. 2 в графе 1 можно видеть фрагмент идеографического словаря (тематическая группа «птицы»), а в графах 2, 3, 4, 5 последовательно даны переводы семем на саамские диалекты, а также на норвежско-саамский язык. Таким путем получаем сетку лексем, закономерно

соотнесенных как друг с другом, так и с идеографическим словарем. В результате на базе языка сравнения искусственно создается основа топонимической системы, возможно, отраженной и на соседней территории РС.

3 этап. При наложении полученной лексической сетки на субстратную топонимию, отражающую некую искому систему (см. графу 6), субстратная топонимия в своей массе сравнивается не с разнородным материалом, а с данными одного порядка, поэтому закономерное легче обнаружить.

Моделируя сетку компонентов и накладывая ее на топонимический континуум, мы должны получить регулярные фонетические соответствия, если находимся на верном пути, и это дает надежный ключ к этимологизации. Таким образом, предложенная методика позволяет сделать выводы, принципиально отличные от итогов выборочного этимологического анализа, поскольку последовательно интерпретируется наиболее важная «топонимическая» лексика.

Этимологический анализ по сеткам тематических групп показал, что в СТРС очень полно отражен языковой материал, близкий, но не во всем идентичный говорам кольских саамов. Был установлен ряд фонетических соответствий, что позволило произвести коррекцию некоторых ранее предложенных этимологий. Ограничимся двумя иллюстрациями.

1. Уже давно установлено, что консонантные группы назальный + гоморганный согласный сохраняются в кильдинском, йоканьгском и бабинском диалектах саамского языка, т. е. наречиях кольских саамов, а в остальных диалектах, включая нотозерский, в этих группах носовые были ассимилированы [Wiklund 1896: 74-75]. По этой черте вымершие саамские диалекты РС объединяются с диалектами кольских саамов, что можно объяснить как архаичностью саамских диалектов РС, так и их ареальной общностью с кольскими диалектами, которые сохранили носовые в этих сочетаниях (см. табл. 3).

Табл. 3

1	2 Кильдин		3 Йоканьга		4 Ното- зеро	5 саам. норв.	6 СТРС
	имен. п.	род. п.	имен. п.	род. п.			
место бывшего жилья	kiñ ^d t	kinÐ ^A	kiñ ^d t	kìnÐa	kieDt	giedde	Киндога, Киндозеро
дикий олень	koñ ^d t	konÐ ^E	koñ ^d te	konÐe	koDt	godde	Кондица, Кондозеро
хороший	kuñ ^d t	kunÐ ^A	—	—	koDt	guddâ	Кундыбой, Кундыш
пруд	lañ ^d t	lanÐ ^A	lāñ ^d ta	lānDa	laDt	laddo	Ланда, Ландручье
птица	loñ ^d t	lonÐ ^E	loñ ^d te	lonÐe	loDt	lodde	Лонда, Лондушка
берег	rjñ ^d t	rjñÐ ^A	riñ ^d ta	rinÐa	reDt	riddo	Рында, Рындобала
талый	suñ ^d t	—	suñ ^d te	—	suDt	sudde	Шундова, Шундозеро
болото	jieŋ ^g k	jienG ^E	—	—	jeGk	jægge	Янгозеро, Янголохта
ветер	piŋ ^g k	piŋÐ ^A	piñ ^g k	piñÐa	pieGk	bieggâ	Пиньга, Пиньгова
палка	sueñ ^b p	suemB ^E	siem ^b pe	siemBe	suaBp	soabbe	Шомбамина, Шомбозеро

2. В этой же таблице обращает на себя внимание регулярная передача в СТРС русскими звонкими второго компонента саамских консонантных групп. Поскольку в сильной ступени (имен. п.) представлены глухие (⁴t, ^gk и т. п.), а в слабой (род. п.) – медиальные (D, G и т. п.), естественно возникает предположение, что русские топонимы фонетически ближе к форме слабой ступени.

Было бы, конечно, наивно думать, что предложенная методика позволит с легкостью и в полном объеме установить систему фонетических соответствий между языком субстрата и языком-эталоном. Топонимический материал сам по себе очень ограниченно представляет язык, поэтому некоторые закономерности отражаются в нем весьма фрагментарно. Сложные процессы адаптации и нивелировки на русской почве со своей стороны затрудняют выявление закономерного в языке субстратной топонимии. Кроме того, и в языке-эталоне некоторые процессы могут быть очень непоследовательны. Наконец, следует считаться с диалектной дробностью в языке субстрата, т. е. с наличием определенных фонетических изоглосс.

Особую и притом очень интересную тему представляет собой интерпретация пробелов, возникающих как в языке-эталоне, так и в языке субстратной топонимии. Дело в том, что, зная ряд членов системы, можно вести поиск запрогнозированного, но почему-то отсутствующего члена. Поэтому наличие пробела не менее важно, чем прямая корреляция.

Прежде всего данным идеографического словаря может не быть аналогов в языке-эталоне. Так, весьма популярным в русской топонимии семемам «барсук» и «тетерев» в саамских говорах Кольского полуострова нет эквивалентов, поскольку там отсутствуют соответствующие реалии. Между тем в СТРС аналоги должны быть обязательно, так как эти реалии важны для охотничьих племен. Поэтому вполне допустимо, что часть названий с основой *meqr-* восходит к саамской субстратной топонимии (*Meqra*, *Meqriish*), хотя соответствующий апеллятив засвидетельствован только в прибалтийско-финских языках (карел. *mägrä* «барсук»).

Другая ситуация возникает, когда прогнозируемая основа отсутствует в языке субстрата. В этом случае параллели в топонимии также следует искать, исходя из других родственных языков. Так, показательна интерпретация пробела, создаваемого отсутствием на РС саамской основы с топонимически чрезвычайно важным значением «камень» (в русской топонимии – сотни фиксаций). В саамских диалектах «камень» *kieđgF* (Нотозеро), *kieđgk* (Кильдин), *kieđgke* (Йоканьга) при норвежско-саамском *gađge*. Однако в СТРС эта основа не отражена. Наличие пробела позволяет обратить внимание на высокочастотную основу *кив-*, *кев-* «камень», сопоставляемую с самыми разными финно-угорскими данными, начиная от прибалтийско-финских (фин. *kivi* «камень») и кончая мордовскими, марийскими, пермскими и угорскими. Дифференцирующего значения эта основа не имеет, но на фоне других высокочастотных саамских основ топонимы с основой *кив-*, *кев-* также могут рассматриваться как саамские именно в связи с охарактеризованным выше пробелом. Таковы *Кив*, *Кивмыс*, *Кивозеро*, *Кивой*, *Кивокурья*, *Кивомох*, *Кивручей*, *Кивуй*, *Кевбово* и т. п. Разумеется, среди этих топонимов могут оказаться и прибалтийско-финские, но это уже другой вопрос.

Наконец, может встретиться ложный пробел, возникающий в тех случаях, когда основа по тем или иным причинам (чаще всего вследствие фонетических изменений) оказалась неопознанной. Поэтому при наличии пробела важно учесть все основы, фонетически близкие к запрогнозированной. Так, саамское слово *riem̩n* (Нотозеро), *rīm̩n* (Кильдин), *rīm̩ne* (Йоканьга) «лиса» специфично и четко дифференцирует саамский материал, однако запрогнозированные основы *rimnъ-*, *remnъ-* на РС не зафиксированы. Создается впечатление, что мы имеем дело с пробелом, однако тщательное изучение фактов наводит на мысль, что это ложный пробел, возникший вследствие переработки в русской среде крайне неудобной для произношения консонантной группы *-мнъ-*. Действительно, в СТРС находим такие названия, как *Ремюга*, *Римрека* (*Remprekka*), *Римка*, которые можно возвести соответственно к **Ремнюга*, **Римньрека* и **Римнька* с тем большим правом, что основы *ремл-*, *рим-*,

рем- не находят приемлемой интерпретации на саамской и прибалтийско-финской почве.

Предлагаемая методика может использоваться не только при этимологизации основ. Зная, что в качестве детерминантов обыкновенно выступают географические термины, можно сравнить уже выявленные и идентифицированные основы с формантами или прямо наложить соответствующие сетки тематических групп языка-эталона на весь континуум формантов. Этот же прием моделирования может быть использован и для решения еще более сложных комплексных задач, например, при сопоставлении субстратной топонимии с рядом языков, в том числе отдаленно родственных и даже вообще неродственных: сохранив в своей основе систему семем, можно перевести ее на любой язык-эталон и наложить на топонимию исследуемой территории. Если источник для сопоставления выбран ошибочно, то будет получен отрицательный ответ: отсутствие сколько-нибудь регулярной фиксации моделируемых основ в топонимах и, естественно, фонетических последовательностей.

В заключение несколько слов о другой интересной задаче, представляющей уже следующий этап исследования – возможности моделирования самих топонимов, а не только компонентов топонимической системы. В какой-то мере эта задача также разрешима с помощью разработанной методики. Так, если установлена типичная структура топонимов, например, имя + имя-географический термин (как это характерно для финно-угорских языков), то не столь сложно из компонентов языка-эталона конструировать цельные топонимические единицы и затем пытаться отыскать их в субстратном континууме. В этом отношении также уже накоплен определенный опыт. В частности, по модели карельского (ливвиковского) названия *Mustijogi* «Черная река» (компоненты *mustu* + *jogi*) был сконструирован гидроним *Мустюга, *Мустёга, зафиксированный впоследствии ТЭ в форме *Мустюга* (приток Уфтиюги в бассейне Сев. Двины).

Моделируются даже образные названия. Так, зная, что названия частей тела метафорически употребляются в географической терминологии и топонимии живых языков очень широко, можно попытаться

применить соответствующие образные модели к субстратной топонимии. В частности, саам. норв. *njupne*, Кильдин, Нотозеро *tipp*, Йоканьга *nippe* «нос» было спроектировано в СТРС с предполагаемым метафорическим значением «мыс» (ср. рус. *нос* = *мыс*), при этом были сконструированы топонимы **Нюнь*, **Нюня* «Нос», **Нюнебой* «Носовой ручей», **Нюнюга* «Носовая река». При наложении этих конструктов на субстратную топонимию в ней были обнаружены названия *Нюня* (покос), *Нюни* (покосы), *Нюнебой* (ручей), *Нюнега* (река), *Нюнесполя*.

1.4.4. Краткие выводы

Лингвистическое изучение субстратной топонимии представляет собой комплексное исследование, основанное, во-первых, на формальных методах, во-вторых, на сравнительно-историческом методе и других атрибутах этимологической науки, в-третьих, на учете специфики самого топонимического материала. Эти три стороны исследования неразрывно связаны, однако, в силу трудностей применения сравнительно-исторического метода к десемантизованным единицам, особое значение на первых этапах работы наряду с разного рода формальными методами имеют специфические приемы изучения топонимии, дополняющие этимологические разыскания (поиск микросистем, моделирование компонентов топонимии).

Методы изучения топонимического субстрата, по-видимому, будут еще совершенствоваться, хотя основные принципы уже выработаны, а приемы опробованы. От исследователя зависит, насколько корректно применяются эти методы. Целеустановка часто порождает предвзятость, которая обусловливает односторонность в выборе метода и отборе материала, а все вместе может привести к результату, нужному для исследователя, но бесполезному для науки. Многообразие топонимических методов и возможности их комплексного применения позволяют контролировать полученные результаты и надеяться на адекватное решение тех трудных задач, которые поставила перед топономастикой проблема СТРС.

2. Общая характеристика субстратной топонимии Русского Севера и проблемы ее адаптации

2.1. Субстрат и заимствование в топонимии

Всё возрастающий интерес к лингвоэтногенезу объясняет, почему проблемы изучения субстрата на всех языковых уровнях по-прежнему актуальны. Пристальное внимание исследователей привлекает и топонимический субстрат, тем более что существование бессубстратных территорий сомнительно или они крайне редки [Трубачев 1991: 15]. В связи с этим важен вопрос о соотношении субстрата и заимствования в топонимии.

Если понимать под субстратом реликты вымершего языка, которые сохранились после ассимиляции одного народа другим, и строго следовать этому принципу, то при выявлении субстрата и разграничении субстрата и заимствования встретятся две основные трудности. Во-первых, база для сравнения может быть недостаточна или вообще отсутствовать, если совсем нет фактов, которые способны объяснить предположительно субстратное явление. Во-вторых, языковой факт, который, казалось бы, должен рассматриваться как субстратный, в действительности может оказаться заимствованным.

Естественно, что решающим фактором при различении субстрата и заимствования является наличие или отсутствие этнической ассимиляции, поскольку субстратные элементы могут возникать только

при поглощении одного народа другим. Но на практике такая дифференциация неизменно трудна, поскольку различны прежде всего механизмы процессов, а их результаты сплошь и рядом совпадают.

Как известно, предположения о субстрате в области фонетики и грамматики почти всегда встречают очень сильные контрагументы и само наличие субстрата тем самым становится проблематичным: достаточно вспомнить длительные споры о происхождении германского передвижения согласных и вообще специфики германских языков, аканья и цоканья в русском языке, конструкции *косить трава* в севернорусских говорах и т. п. Но даже если допустить, что германское передвижение согласных, аканье, цоканье и т. п. действительно имели иноязычный источник (что, вообще говоря, в разной степени сомнительно), а не возникли в результате спонтанного развития, фактически невозможно сколько-нибудь солидно аргументировать, что все эти явления именно субстратного типа, а не были заимствованы в давние времена из какого-либо смежного языкового источника, т. е. что не произошло заимствование, внешне напоминающее субстрат, но по механизму своего возникновения не имеющее с ним ничего общего.

Изучение субстрата в лексике несколько продуктивнее, чем в фонетике и грамматике. Его приметами могут быть, например, фонетические особенности слова, ср. в архангельских говорах *вагмас* «заболоченный труднопроходимый лес» при фин. *vehmasto* «очень густой лиственный лес или кустарник», *чильма* «окно воды в болоте» (ср. рус. диал. *глазина*, *глазовина*, а также *зенка* с тем же значением) при фин. *silmä* «глаз», саам. норв. *čalbte*, Кильдин *čait* «то же», т. е. это слово характеризуется прибалтийско-финским вокализмом, но саамским консонантизмом (подробности см. [Матвеев 1978]), *сурпа* «вид рыболовной снасти» при манс. *siip* «то же» [Попов 1955: 7-8]. На субстрат могут указывать также генетическая изолированность слова [Попов 1955: 16-17], остаточный («островной») ареал или корреляция ареалов [Востриков 1990: 82-91] и т. п. Но и при наличии специфических указаний на субстрат фактически любое из приведенных слов могло быть заимствовано в русские говоры из смежного «чудского» языка (диалекта), который

впоследствии был ассилирован. Следовательно, по механизму своего возникновения оно не является субстратным. Даже фиксация в одном единственном населенном пункте не доказывает субстратное происхождение иноязычной по своему фонетическому облику лексемы: она могла быть заимствована из языка «чудских» соседей лишь в этом селении или со временем произошло сокращение ареала. Только различные дополнительные сведения могут в той или иной степени подтвердить предположение о субстратном источнике слова: письменные и устные свидетельства о дорусском населении, этнонимы и этнотопонимы, субстратная микротопонимия, групповой характер лексем, для которых предполагается субстратное происхождение и т. п. Однако ценность таких данных тоже относительна и последующие разыскания нередко лишают их доказательной силы. Например, предположение о том, что слово *сурпа* принадлежит лексике «поганых» тоймичей, о которых упоминают древнерусские памятники [Попов 1955: 7], не согласуется с зоной его распространения, охватывающей почти всю восточную часть Подвина и даже некоторые территории Костромского края.

Таким образом, и в лексике субстратные включения и заимствования различать очень трудно.

Как правило, сравнительно легко выделяется топонимический субстрат с его точной локализацией и значительной устойчивостью, но оказывается, что и в этом случае могут возникнуть свои трудности.

Обычно все дорусские иноязычные названия считаются субстратными. Между тем и в топонимии тоже есть субстратные включения и заимствования, которые необходимо различать. Можно ли, например, считать субстратными названия таких рек, как *Волга*, *Двина*, *Мезень*, *Печора*? Чтобы знать о них и даже о намного менее значительных реках, совсем не обязательно было жить на берегах этих рек и ассилировать местное население.

Известно, что интенсивное освоение РС новгородцами началось в XI–XII вв. Но уже в первой половине XII в. в уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича (1136/37 г.) упоминаются топонимы *Онъгъ*, *Ракоула*, *Кегрела*, *Вагъ*, *Моша* и другие обозначения

крупных объектов – значительных рек и центров будущих волостей [ДКУ: 147-148]. И уже поэтому, а также из-за ранней датировки грамоты есть большие основания считать зафиксированные в ней названия заимствованными, хотя прямые доказательства отсутствуют, так как нет точных исторических данных о русских первоходцах в Заволочье.

Таким образом, перед нами нечто вроде «культурных слов»¹, которые чаще всего прилагаются к более или менее крупным объектам (рекам, озерам, населенным пунктам) и связаны с древними торговыми и военными экспедициями. Объясняется это прежде всего важностью водных путей в старину и широкой иррадиацией связанных с ними наименований.

Однако процесс заимствования географических названий охватывает в какой-то степени и более мелкие объекты, особенно если они связаны с традиционными водными путями, а также деятельностью первоходцев, путешественников и их проводников. Все ситуации и возможности трудно предусмотреть, но в целом такие топонимы, напоминающие субстратные названия, можно назвать квазисубстратными. Чем активнее была в прошлом торговая и военно-экспедиционная деятельность народа на той или иной территории, тем больше в его топонимии должно быть явлений квазисубстрата.

Квазисубстратные заимствования, казалось бы, можно рассматривать как адстрат, но это справедливо лишь до некоторой степени. Квазисубстрат – явление более сложное: в его составе могут быть не только адстратные элементы, возникшие при маргинальном контакте, но и заимствования, связанные с волной иррадиации (с многостепенной иррадиацией при передаче языковых данных от народа к народу) или маршрутным контактом. Квазисубстратные элементы могли восприниматься в разное время и восходить к самым различным источникам, иногда географически несмежным с языком-реципиентом. Такой квазисубстрат неоднороден и многообразен. В сущности, он нередко пред-

¹ Ср.: «культурные имена... проникают в каждый язык вследствие культурных контактов... это имена зарубежных деятелей культуры, названия иностранных государств и их наиболее известных географических объектов и т. п.» [Теор. и метод. оном. иссл. 1986: 132].

ставляет собой смешение фрагментов различных топонимических систем.

Вывод о том, что многие названия, которые считаются субстратными, фактически являются заимствованиями, отнюдь не означает, что топонимический субстрат так же неуловим, как проявления субстрата в других сферах языка. Топонимический субстрат может обладать высокой степенью достоверности [Матвеев 1986: 7], но приходится всегда иметь в виду, что субстратные названия часто встречаются в сочетании с квазисубстратными, причем их соотношение может быть разным, а отличить субстрат от квазисубстрата в большинстве случаев очень трудно или вообще невозможно.

В свете сказанного распространенный взгляд на гидронимию, особенно названия значительных рек, как на наиболее яркое проявление древних субстратов, нуждается в уточнении. Наиболее доказателен прежде всего многочисленный и плотный микротопонимический субстрат. Нет, например, сомнения в наличии мощного пласта субстратной прибалтийско-финской микротопонимии в низовьях Онеги [Матвеев 1989а], но в то же время сам гидроним *Онега* (ср. также оз. *Онега* > *Онежское*) и названия наиболее крупных притоков этой реки (*Волошка*, *Кена*, *Моша*) могут быть и квазисубстратными. Убедительно указывают на субстрат и плотные скопления иноязычных названий малых рек и ручьев, особенно с общим формальным показателем. Таковы на РС гидронимы на *-важ* (*Астваж*, *Ратваж*, *Ухваж* и т. п.), *-енгарь* (*Коненгарь*, *Синенгарь*, *Юченгарь* и т. п.), *-юг* (*Кузюг*, *Нюрюг*, *Рыстюг* и т. п.).

Таким образом, структура дорусской иноязычной топонимии сложна. Она представляет собой своего рода сплав субстрата и квазисубстрата, находящихся в различном соотношении на разных территориях. Механизм образования субстрата и квазисубстрата всегда различен, тогда как результаты процесса могут и совпадать и различаться. Иногда это удается использовать и соответствующим образом интерпретировать. Следовательно, постулат о квазисубстрате может иметь определенное методическое значение.

1. Становится ясным, почему во многих случаях названия крупных рек, а иногда и наименования менее значительных географических объектов трудно этимологизировать, обращаясь к местным языкам. Дело здесь не только в том, что эти названия могут быть очень древними. Такие топонимы бывают и относительно новыми. Важно другое: они могут быть заимствованы не там, где находится сам объект. Поэтому их этимологию иногда приходится устанавливать, опираясь на материал территориально далеко отстоящих языков. Это и оправдывает поиск индоевропейской этимологии для такого гидронима как *Двина* [Матвеев 1987: 69-70], находящегося в зоне былого расселения финских народов, а также помогает понять существование фонетического феномена названия *Двина* с недопустимым для финно-угров инициальным консонансом *дв-* на фоне полного господства финского субстрата и квазисубстрата. При учете фактора квазисубстрата становится излишним и предположение о переносе названий крупных рек, например, (*Западная*) *Двина* > (*Северная*) *Двина* [Фасмер I: 488], вообще говоря, и в принципе сомнительном.

2. Из всего сказанного следует, что квазисубстратные топонимы не могут использоваться как надежные этнические определители, ср. «макротопонимы... этногенетически непоказательны» [Трубачев 1991: 36-37].

3. Превращаясь в своего рода топонимическое койне, квазисубстратные топонимы нивелируются. «Бездialectность» древнеевропейской гидронимии, на которую указывают ученые [Трубачев 1991: 20], возможно объясняется как раз тем, что она во многих случаях заимствовалась, а не «включалась».

4. В силу своего лингвоэтнического характера и связи с двуязычием субстрат в топонимии более системен, чем заимствования, которые часто выходят за рамки топонимического типа и выглядят аномально. Поэтому системность иноязычных топонимических фактов всегда заставляет уделять топонимии определенной территории повышенное внимание, что в свою очередь способствует отделению субстрата от заимствования. В то же время следует иметь в виду, что топоним может

оказаться субстратным (субсубстратным) для одного этноса и квазисубстратным для другого.

В отличие от квазисубстрата топонимический субстрат возникает как и любое субстратное явление, но из-за своих специфических качеств (относительной устойчивости, обусловленной функциональной ограниченностью и территориальной прикрепленностью) более приспособлен для длительного существования в чужеродной языковой среде. По этой причине наиболее показательны проявления языкового субстрата именно в области топонимии, особенно принадлежащей отдаленно родственным или вообще неродственным языкам (славянская топонимия в Германии, финно-угорские географические названия на РС и т. п.). Топонимия такого рода, резко отличающаяся от исконных топонимов функционирующего языка отсутствием внутренней формы, своеобразием звукового облика и формальных примет, иногда опознается как чужеродный материал самими местными жителями. Когда субстратные элементы топонимии достаточно многочисленны, лингвист тем более уверенно идентифицирует их как более древний языковой пласт.

Следовательно, топонимия – вообще говоря, довольно однообразная подсистема языка – представляет большой теоретический интерес именно потому, что во многих случаях является доказательным проявлением субстрата. Однако это совсем не основание для противопоставления топонимического субстрата общезыковому. Нельзя согласиться с утверждением, что топонимический субстрат показателен только при очевидных следах субстрата в фонологии и грамматике [Общ. языктн. 1970: 295-296]. Логично, однако, предполагаемое тем самым включение топонимического субстрата в общезыковой субстрат. Действительно, топонимический субстрат – лишь наиболее простая и распространенная его разновидность.

2.2. Финно-русское языковое взаимодействие и эволюция субстратной топонимии РС

Историко-географическое положение РС, где вдали как от татаро-монголов, так и от московских князей консервировалась русская старина, сыграло большую роль и для сохранения древней топонимии, которая в течение столетий, начиная с XI–XII вв., воспринималась русскими от аборигенов.

Как известно, отношения между побеждающим и побеждаемым языком складываются по-разному, и это не может не влиять на судьбу усваиваемой топонимии. Более или менее полное усвоение субстратной топонимической системы возможно только при постепенной ассимиляции одного народа другим в условиях длительного совместного проживания и хозяйствования, а усвоение массового топонимического субстрата всегда предполагает промежуточный этап двуязычия ассимилируемого народа, так что в этом случае правильнее говорить не о заимствовании субстратной топонимии русскими, но о сохранении ее у обруссевшего коренного населения.

Финская чудь и русские сосуществовали сотни лет, в течение которых происходила ассимиляция чуди. Не идеализируя этот процесс, всегда трудный для ассимилируемого народа (жители некоторых деревень РС до сих пор помнят, кто из них по происхождению чудской выходец, а кто русский-новгородец), заметим, что в целом ассимиляция чуди происходила мирным путем. Постепенное обрусение чуди сопровождалось развитием общих форм хозяйствования и быта (подсечно-огневое земледелие, охота и рыболовство, кустовой способ расселения и т. п.). Поэтому в эпоху феодального средневековья РС представлял собой сложную мозаику русских и чудских территорий и поселений. Относительную хронологию обрусения той или иной группы чуди запечатлела топонимия: полевые сборы в районе Кирилло-Белозерского монастыря обнаружили удручающее бедный (по сравнению с другими районами РС) субстратный слой с почти полным отсутствием дорусской микротопонимии; между тем в юго-западной части Белозерского края

субстратная топонимия исключительно богата, причем засвидетельствована масса микротопонимических названий. Достаточно взглянуть на карты русского землевладения Белозерского края в XV–XVI вв. [Копанев 1951: приложения № 1, 2], чтобы установить, что в этот период юго-запад Белозерья еще не был заселен русскими и, как свидетельствует топонимия, был занят чудью, в то время как район Кирилло-Белозерского монастыря был прочно освоен русским населением.

Таким образом, процесс обрусения отдельных территорий РС происходил неравномерно, с различной скоростью и интенсивностью, и завершился неодновременно. Естественно, что и длительность этапа двуязычия могла быть различной: топонимия юго-западного Белозерья свидетельствует о медленном обрусении местной чуди, названия района Кирилло-Белозерского монастыря – о более интенсивном процессе ассимиляции при развитии феодального хозяйствования. Как следствие всего этого на разных территориях был различен и характер взаимодействия усваивающего языка и его складывающейся топонимической системы с языком и топонимией коренного населения, причем чем дольше был этап билингвизма, тем, очевидно, более многообразным становилось взаимодействие языков. С этой точки зрения РС представляет собой уникальную топонимическую лабораторию, на территории которой в течение нескольких веков происходило контактирование русского языка с чудскими, и иноязычные факты, иногда тысячелетней давности, проходили через горнило русского усвоения. Поэтому, установив формы языкового взаимодействия в сфере географических названий, можно использовать их в качестве эталонов при интерпретации топонимического субстрата.

Рассматривая вопрос о различных формах взаимодействия языков в топонимии, прежде всего необходимо иметь в виду, что многоязычная по происхождению географическая номенклатура, спроектированная в функционирующую топонимическую систему языка-победителя, отражает два ряда корреляций – синхронический, представляющий собой соотношение различных, но одновременных фактов субстратных языков, и диахронический, фиксирующий взаимодействие

русских компонентов с субстратными. Факты синхронического ряда могут возникнуть в языках-источниках в разное время, но тем не менее входить в одновременно функционирующие топонимические системы. Поскольку язык-победитель также мог усваивать субстратную топонимию в разное время, постулируемый синхронический срез очень часто предстает перед нами в «искаженном» диахронии виде (ср. передачу приб.-фин. *lahti*, *laht* «залив» как *Лохта* и *Лахта* [Матвеев 1968а]). Возникающие при этом диахронические корреляции, как правило, представляют исключительную ценность с точки зрения сравнительно-исторической фонетики. С другой стороны, некоторые субстратные топонимы (особенно микротопонимы) появились в языках-источниках уже после того, как на смежных территориях РС русскими были усвоены чудские названия. Это доказывается существованием «гибридных» топонимов (см. ниже).

Синхронические корреляции выявляются при использовании метода картографических оппозиций, так как предположение о коррелятивности тех или иных элементов субстрата (фонетических, лексических, словообразовательных) прежде всего подтверждают данные картографирования. Для этимологического изучения топонимии важны все виды корреляций, но особенно перспективны лексические, отражающие различную языковую (или диалектную) реализацию одной семемы, при этом наличие ареального противопоставления свидетельствует одновременно в пользу двух (или более) этимологий. Так, семема «сосна» реализуется в основе *мянд-* (ср. карел. *mändi*) на северо-западе региона и в основе *печ-* (ср. саам. Кильдин *pieDts*) – на севере и юге. При употребительности соответствующей семемы установление одного коррелята облегчает поиск другого. Если же этимология ошибочна, второй член корреляции «обнаружить» весьма сложно, так как возможности этимологического поиска ограничены соотношением ареалов.

Диахронические корреляции в топонимии проявляются в многообразных типах усвоения субстратных топонимов русским языком (или субсубстратных топонимов языком субстрата).

М. Фасмер насчитывает пять основных типов усвоения прибалтийско-финских названий русской топонимической системой [Vasmer 1941: 22-25]: 1) полное усвоение топонима с сохранением обеих частей названия (*Саруя* < *Saraoja* «Осоковый ручей»), 2) частичный перевод (*Коткозеро* < *Kotkajärvi* «Орлиное озеро»), 3) эллипсис форманта (*Мегра* < **Megra-Rека* < *Mägräjoki* (*jogi*) «Барсучья река»), 4) полный перевод (*Хлебной Наволок* < *Leipäniemi*), 5) усложнение субстратных топонимов русскими аффиксами под влиянием русской словообразовательной модели (*Kuningala* – *Кунинголово*), что, по мнению Фасмера, характерно для названий населенных пунктов. Кроме того, Фасмер указывает, что всюду, где происходила смена одного населения другим, в названиях смежных объектов встречаются параллельные формы, одна из которых является переводом другой (*Гора Харакку* и *Сорочья Гора*, *Кивика* и *Камешиная*).

Типы усвоения топонимов, указанные Фасмером, охватывают, однако, не все возможные результаты взаимодействия языков в топонимии. Приложение его классификации к СТРС свидетельствует, что она нуждается в некоторых уточнениях.

Существование первых двух типов усвоения прибалтийско-финских названий в топонимии РС не подлежит никакому сомнению и подтверждается множеством примеров (ср. карел. *Perttiniemi* «Избной наволок», *Perttioja* «Избной ручей» ~ *Пертнема*, *Пертоя* – *Пертнаволок*, *Пертручей* и т. п.)¹. Очень широко распространен и пятый тип усвоения, характерный, однако, не только для названий населенных пунктов, но и для топонимической системы в целом (ср. названия рек *Печеньга* – *Печеньжица*, *Ухтома* – *Ухтомица*). Спорны и поэтому заслу-

¹ Для большинства русских детерминантов, которые входят в состав полукалеk, не-трудно найти эквиваленты как в субстратной топонимии, так и в ныне существующих финских языках, ср. *-наволок* ~ *-нема*, *-немь*, *-мень* и т. п. ~ фин. *niemi* «мыс», *-ручей* ~ *-оя*, *-ой* и т. п. ~ фин. *oja* «ручей» и т. п., но точную фонетическую форму субстратного детерминанта можно выявить только при фиксации еще не калькированного названия в памятниках. Поэтому наиболее перспективно изучение субстратных основ полукалеk. Это особенно полезно при установлении ареалов основ и в микрорегиональных исследованиях. Сопоставление ареалов субстратных детерминантов и ареалов русских детерминантов полукалеk может, однако, принести некоторую пользу при составлении лингвостнических карт.

живают особого рассмотрения вопрос об эллипсисе (*Перта*) и о полных топонимических кальках (*Пертоя – Избной ручей*).

Вопрос об эллипсисе в СТРС, казалось бы, сводится к тому, считать ли элемент *перт-* в гидронимах *Перта*, *Пертеньга* и т. п. основой с определенных лексическим значением на уровне исходного апеллятива (ср. карел. *pertti*, мар. *nõrt* «изба», «дом»), а топоним *Перта* – эллиптической формой, получившей на русской почве оформление *-а*, или название *Перта* следует членить *Пер-та*, выделяя формант *-та* со значением «река» и допуская тем самым гетерогенность гидронимов типа *Пертеньга*. Существование нескольких десятков бессточных озер с названием *Пертозеро* явно свидетельствует в пользу первого предположения. Показательно также сопоставление топонимов с соответствующими нарицательными словами, заимствованными русскими народными говорами из финских языков (см. табл. 4).

Табл. 4

Топоним с формантом	Эллиптический топоним	Соответствие в финских языках	Русский диалектный апеллятив
<i>Каскоя</i>	<i>Каска</i>	ливв. <i>kaski</i> «подсека»	<i>каска</i> «подсека»
<i>Корбанга</i>	<i>Корба</i>	карел. <i>korbi</i> «глухой лес»	<i>корба</i> «глухой лес»
<i>Лахтуга</i>	<i>Лахта</i>	ливв. <i>lahti</i> «залив»	<i>лахта</i> «залив»
<i>Лухтомень</i>	<i>Лухта</i>	карел. <i>luhta</i> «заливной луг»	<i>лухта</i> «заливной луг»
<i>Мурдоя</i>	<i>Мурда</i>	вепс. <i>murd</i> «мусор», «сор» эст. <i>turd</i> «бурелом», «валежник»	<i>мурда</i> «грязь», «иil»
<i>Пертоя</i>	<i>Перта</i>	карел. <i>pertti</i> «изба»	<i>перть</i> «изба (у карелов)»
<i>Себренъга</i>	<i>Себра</i>	ливв. <i>siebru</i> «общая работа»	<i>себра</i> «общее дело»
<i>Чёлмохта</i>	<i>Чёлма</i>	саам. <i>coalbte</i> «пролив»	<i>чёлма</i> «пролив»
<i>Шарденъга</i>	<i>Шарда</i>	мар. <i>шарды</i> «лось»	<i>шардун</i> «олений самец (второгодок)»

Однако вопрос об эллипсисе в топонимии нельзя решать слишком прямолинейно. Во-первых, в тех случаях, когда в основе выступает географический термин (см. *Каска*, *Корба*, *Лахта*, *Лухта*, *Чёлма* и т. п.), могут быть не эллиптические топонимы, а географические термины в топонимическом употреблении. Во-вторых, обращает на себя внимание ряд названий, в основу которых положены апеллятивы, обозначающие различных животных, ср. *Кярныш* (вепс. *karniš*, саам. *kärnes* «ворон»), *Мегра* (карел. *mägrä* «барсук»), *Нюхча* (саам. *niixč* «лебедь»), *Сотка* (карел. *sołka* «утка»), *Чухча* (саам. *ciixč* «глухарь»), *Шарда* (мар. *шаарды* «лось») и т. п. В то же время оказывается, что другие апеллятивы, обозначающие, например, деревья, в топонимах подобного типа выступают значительно реже. Это наводит на мысль, что среди перечисленных есть псевдоэллиптические названия, представляющие собой случаи топонимического употребления тотемистических или прозвищных наименований, которые могли быть перенесены на географический объект с названия племени или рода.

На первый взгляд, такие образования не характерны для финской и русской топонимии, однако это не так. Наименования типа *Kuikka* «Гагара» и *Kurki* «Журавль» обычны в топонимии прибалтийско-финских населенных пунктов и уроцищ. Что касается русской географической номенклатуры, то в ней эта семантическая модель распространена и в гидронимии. На территории Архангельской области засвидетельствованы названия ручьев *Глухарь*, *Горностай*, *Кобыла*, *Лисица*, *Пескарь* и многие другие. Разумеется, ни прибалтийско-финские, ни русские топонимы такого типа в ономасиологическом отношении не являются полными аналогами предполагаемым псевдоэллиптическим наименованиям СТРС, тем не менее они подтверждают возможность существования этой семантической модели.

Вопрос о полных топонимических кальках представляет проблему совсем в ином отношении. На территории РС не зафиксированы параллельные названия одного и того же объекта, представляющие собой разноязычные корреляты, но их и не может быть, так как в настоящее время (и уже несколько сот лет) РС заселен только русскими. Фик-

сация параллельных форм, характеризующих один и тот же объект, происходит, как правило, при наличии двуязычия, которое на территории РС представляет собой давно миновавший этап взаимодействия языков. Напротив, на территории Карелии билингвизм до сих пор является живым процессом, широко отраженным в топонимии. Отсюда следует, что этот тип усвоения субстратной топонимической системы не может быть характерен для давно обруseвших территорий, например, для РС. Поэтому здесь бесперспективен поиск параллельных названий, прилагаемых к одному объекту, очень полезный при изучении топонимии территорий с живым двуязычием, например, Карелии (см. [Попов 1949: 48-55; 1965: 122-134]).

Следует, однако, теоретически осмыслить хорошо известные в топономастике¹ факты фиксации в топонимических системах ныне одновременно однозначных территорий с ярко выраженным субстратным слоем, одинаковых в плане содержания, но различных в плане выражения (разноязычных) обозначений смежных объектов, которые удобно называть метонимическими кальками. Обычно в таких случаях фиксируются названия двух смежных объектов (одинаковых или разных) – субстратное и русское, но иногда метонимия распространяется и на третий смежный объект (см. ниже Чуга).

Возможны два пути возникновения метонимических калек. В первом случае одно из двух субстратных названий смежных объектов сохраняется, а другое калькируется; во втором – субстратное название или его калька переносится на часть объекта или смежный объект, т. е. происходит своеобразное «расщепление» топонима, который в эпоху двуязычия прилагался к одному объекту. Какой из этих двух путей реализован в каждом конкретном случае – решить трудно, но более обычен, видимо, второй.

Приведем несколько метонимических калек, засвидетельствованных на территории РС.

¹ Об этом явлении знал уже Д. Европеус [Европеус 1868: 64].

1. Часть Кенозера называется *Ровдозеро* («Железное», ср. карел. *rauda*, саам. *ruowde* «железо»), а рядом находится пролив *Железные Ворота*.

2. Река *Илекса* («Верхняя», «Вершина», ср. фин. *ylä* «верхний») вытекает из озера, в которое впадает река *Верхняя*.

3. Село *Керга* («Церковь», ср. фин. *kirkko*, саам. *kirko* «церковь») расположено рядом с селом *Церковное*.

4. В *Рабучей* («Грязный ручей», ср. вепс. *raba* «гуша», «грязь») впадает ручей *Грязный*.

5. В озеро *Чачема* («Водяное», ср. саам. *časce* «вода») впадает река *Мокрая*.

6. Деревня *Чуга* («гора», ср. саам. *čokkä* «вершина») расположена рядом с деревнями *Гора* и *Холм*.

7. Около *Шидмозерко*¹ («Деревенское», «С селением, жильем», ср. саам. *siidä* «зимняя деревня») находится озеро *Жилое*.

Примеры такого рода можно значительно умножить, но уже этих фактов достаточно для того, чтобы показать, сколь ценны для изучения субстратных географических названий метонимические кальки, соответствующие на одноязычных территориях топонимическим параллелям двуязычных и многоязычных территорий. Метонимические кальки трудны для обнаружения, но они часто имеют решающее значение для интерпретации.

Существование метонимических калек позволяет допустить, что на РС очень многие русские названия (река *Березовая*, озеро *Долгое* и т. п.) представляют собой кальки субстратных топонимов, однако доказать это за очень редкими исключениями невозможно, кроме тех случаев, когда удается выявить микросистему, состоящую из русского (предположительно калькированного) и субстратного названий с коррелятивной семантикой. Может быть, такую микросистему образуют гидронимы *Сухона* и *Вычегда*.

¹ Компонент *-м-* в *Шидмозерко*, очевидно, восходит к словообразовательному формантому *-Vm-*.

Название левой составляющей Сев. Двины *Сухона*, несмотря на явную близость к слову *сухой*, из-за ударения на первом слоге и необычного для исконно русских гидронимов РС суффиксального оформления, ассоциируется с субстратными наименованиями типа *Сояна*, *Сямжена* и вынуждает думать о народной этимологии на русской почве. Однако М. Фасмер справедливо настаивал на славянском происхождении этого гидронима, который он выводил из **Суходъна* или непосредственно из др.-рус. *сухона* «сухость», «жар», зафиксированного в документе XIV в. [Фасмер III: 814]. Вторая версия находит убедительное подтверждение в аналогичных топонимах РС, прилагаемых к объектам, находящимся далеко от Сухоны в Архангельской области: ручей *Сухонец* (басс. р. Устья), река *Сухона* (басс. р. Онега), луг *Сухоны* (низовья Сев. Двины). По-видимому, в говорах РС ранее существовало слово *сухона* со значением «сухое место» или близким к нему. Предлагаемая этимология согласуется и с физико-географическими характеристиками объекта: «нижняя часть Сухоны... так мелководна, что для глубоко-сидящих судов может служить только весною...» [Зубов 1911: 13]. Основа *сух-* не засвидетельствована в субстратной гидронимии РС, что также поддерживает версию о славянском происхождении этого наименования.

Таким образом, есть основания видеть в названии *Сухона* русский гидроним с суффиксом *-на* (см. [Варбот 1969: 75]). На РС обычны адъективные образования *Сухой* (ручей), *Сухая* (речка), *Сухое* (болото). *Сухона* – единственная и притом не очень распространенная субстантивная топонимическая модель, мотивированная прилагательным *сухой*. Исчезновение апеллятива повлияло и на судьбу топонима. Деэтимологизация обусловила формальное соотнесение названия с субстратными гидронимами на *-Vна*, имеющими ударение на первом слоге. Но при всем этом возможно, что русский топоним является калькой, особенно если считать Вычегду правой составляющей Сев. Двины и вспомнить старую этимологию Д. Европеуса, в соответствии с которой *Вычегда* восходит к угор. *выт* «вода», «водяной» + *шагет* «рукав (приток)» [Европеус 1868: 63]. Наличие микросистемы в этом случае вполне допус-

тимо, однако, учитывая формант *-Ухта*, *-Угда*, членить гидроним следу-
ет на основу *выч-* и формант *-егда*, сопоставляя название в целом с
предположительно мерянским *Выжсегда* в Волго-Окском междуречье.
Если эта версия верна, то основы *выч-*, *выж-* должны иметь значение
«вода» в языках севернофинско-мерянского типа.

Кроме установленных М. Фасмером основных типов усвоения
субстратных топонимов русским языком, следует упомянуть еще неко-
торые особые случаи проявления взаимодействия языков в сфере топо-
нимии и в первую очередь гибридные названия. Сразу же заметим, что
эти названия не имеют ничего общего с гетерогенными топонимами,
возникающими при усвоении одной топонимической системы другой,
по схеме древний компонент (основа или весь топоним) + новый ком-
понент (суффикс или детерминант). Так, на уровне взаимодействия суб-
стратной и русской топонимии гетерогенные топонимы *Канзиха*, *Канзов*,
Канзово (ср. вепс. *kanz* «семья»).

Под гибридными названиями прежде всего имеются в виду то-
понимы, содержащие гетерогенные составные части в необычном соот-
ношении, а именно субстратный элемент в форманте, русский – в осно-
ве. Нетрудно понять, что такие, на первый взгляд, противоестественные
сложения могли возникнуть в следующих случаях: при проникновении
в язык субстрата русских заимствований, что особенно характерно для
эпохи билингвизма, хотя, несомненно, происходило и до нее, при «реа-
лизованной» народной этимологии субстратных названий на русской
почве [Матвеев 1959: 96] и при втягивании русских названий в ряд суб-
стратных топонимов. Различать эти три типа скрещения нелегко¹, одно-
ко наличие ударения не на первом слоге свидетельствует в пользу втя-
гивания русского слова в ряд субстратных топонимов (ср. *Ольшáнга* <
*Ольшанка, *Худáнга* < *Худанка). К собственно гибридным названиям
следует относить только первый из охарактеризованных трех типов
скрещения, который, однако, трудно отличать от второго, ср.: *Беломень*

¹ Кроме тех случаев, когда известна древняя форма топонима, ср. *Колмогоры* > *Холмо-
горы*, где определенно имела место народная этимология.

(-мень < -немь, ср. карел. *nieti* «мыс»)¹, *Братинемская, Бродбой, Прудбуй, Стремянбой, Царстванъга* и др.

Особенно интересен ойконим *Царенда* (в письменных источниках), в записях ТЭ – *Царандо, Сарандо, Черендово*, бывшая деревня на берегу Кубены близ ее впадения в Кубенское озеро. Деревня расположена на Лысой горе, где, по преданию некогда стояли терема, дворы и церковь местных князей Заозерских (XIII–XIV вв.).

Это название поражает многим. Письменная форма – *Царенда* – входит в ряд субстратных названий на -нда, среди которых есть реки (*Мулонда, Суланда*), населенные пункты (*Чаронда*), уроцища (*Лопанда, Русанда*). Варьирование -нда ~ -ndo, на первый взгляд, надо объяснять втягиванием ойконима в ряд русских названий населенных пунктов на -о. Загадочно ударение на последнем слоге в устной форме: при наличии явно нерусского форманта оно ожидалось бы на первом. И уже совершенная странность – начальная группа *ца-*, нетипичная для субстратных топонимов. Спорадически фиксируются только *це-*, *ци-* (*Цема, Ценовары, Цигломин* и т. п.).

Поэтому допустимо видеть в основе топонима рус. *царь*, т. е. название представляет собой гибрид – сочетание заимствованного из русского языка слова с нерусским суффиксом. Трудно сказать, в какой мере это соответствует народному преданию о том, что именно здесь жили князья Заозерские, еще труднее определить время возникновения названия, но рус. *царь* (диал. *чарь*) безусловно было известно местному финскому населению, ср. фин. *tsaari*, карел.-ливв. *tšoari*, *tšuari*, *tsuari*, люд. *tsuar*, *tsuari*, *tsaär*, вепс. *tsaär*, *tšaär*, эст. *tsaar*, ср. также саам. Нотозеро *cärr*, Кильдин *tsäär* [SKES: 1373-1374]. Реконструируемая семантика «Царево место» находит точное подтверждение в финском суффиксе *-nto*, *-ntö*, обозначающем именно место, чаше в отлагольных образованиях, но не исключительно, ср. фин. *kesä* «лето» и *kesanto* «пар (вид пашни)», *oja* «ручей» и *ojantö* «руслло ручья» [Грамм. фин. яз. 1958: 256-257]. Соответственно получает полное объяснение и оформление

¹ Если это не чисто русское образование, ср. *глоломень, голомень* «открытое место на озере» [СРНГ, 6: 319].

русского слова: устная форма сохранила первоначальный облик, а письменная форма *Царенда* является канцеляризмом, приспособленным к названиям на *-нда*. Проясняется и вопрос с ударением. Поскольку в многосложных субстратных топонимах главное ударение на первом слоге часто сопровождается дополнительным на последнем (особенно заметным в четырехсложных словах, ср. *Чүхченемä*), можно предположить, что в процессе русского освоения усилилось дополнительное ударение.

Сказанное совсем не означает, что ойконим *Царандö* непременно восходит к прибалтийско-финским источникам. Слово *царь* есть и в марийском языке (ср. прежнее название Йошкар-Олы *Цäрлä* – Царево-кокшайск), и оно наверняка было в наречии вологодской (кубенской) мери, которое могло иметь в своем составе как волжско-финские, так и прибалтийско-финские элементы.

Аргумент, что слово *царь* стало известно местным жителям сравнительно поздно (первым себя так именовал, как известно, Иван Грозный в XVI в.), вряд ли состоятелен. Во-первых, название могло возникнуть в XVI–XVII вв., когда в Прикубенье еще сохранялись островки финно-угорского населения. Во-вторых, на территории Вологодчины много бесспорно русских названий со словом *царь* (река *Царева*, деревни *Царева Горка*, *Царево*, *Царевская*, *Цариха*, луг *Царев* и др.). Вряд ли всё это просто образные наименования. Но даже если и так, то ведь и *Царандö* в принципе может быть образным названием, возникшим на финской почве.

Иногда гибридные названия возникали в результате заимствования русскими говорами географического термина, который затем был утрачен в качестве апеллятива, но зафиксирован в топонимии. Однако доказать это очень трудно, хотя есть факты, подтверждающие, что некогда русскому населению были известны такие заимствованные апеллятивы, которые в настоящее время встречаются только в географических названиях. В частности, фиксация субстратного топонима во множественном числе часто свидетельствует о наличии в его составе географического термина, утраченного апеллятивной лексикой, так как употреб-

ление топонима во множественном числе предполагает понимание значения соответствующего апеллятива (если только это не обычная аналогия). Название поля *Монепелды* («Многие поля», «Многополье», ср. карел. *tońi* «многий» и *peldo* «поле») прекрасно иллюстрирует это положение. В сущности, аналогичны случаи *Мурда – Мурды* («Лом» – «Лома», ср. эст. *turd* «бурелом», «валежник»), *Пелтасы* («Поля», ср. фин. *peltö* «поле»), *Шубач – Шубачи* («Осинник» – «Осинники», ср. саам. *suppe* «осина») и др. Отсюда следует, что каждый факт употребления субстратного топонима во множественном числе должен тщательно учитываться, поскольку такое название может восходить к еще не опознанному географическому термину. Иногда в этом же отношении показательны сочетания и сложения русских лексических компонентов с субстратными, ср. название озера *Черная Чачка* (саам. *čacse* «вода»), т. е. «Черная водичка» и болота *Редкошубачное* (ср. саам. *suppe* «осина»), т. е. «С редким осинником». Названия такого рода могут быть и гибридными по происхождению, но в своем большинстве они, видимо, представляют собой поздние русские образования, возникшие на основе субстратных топонимов. Это хорошо иллюстрирует наименование уроцища *Низепочь* на берегу реки *Поча* ниже деревни *Почезерье*, т. е. «Низ Почи». Стечение согласных в **Низепочь* устраняется эпентетическим гласным. В других случаях исчезает согласный, что приводит к деэти-мологизации и некоторым трудностям при установлении семантики таких псевдогибридных названий, ср. *Конепоньга* (залив *Поньгозеро* в верховьях реки *Поньга*), *Конишоговара*, деревня, смежная с селом *Шоговара* (официальное *Шеговары*), в которых компонент *коне-*, *кони-* явно восходит к рус. *конец*, т. е. следует реконструировать исходные **Конец Поньги*, **Конец Шоговар*.

Гибридные названия представляют интерес в том отношении, что могут указывать на генетическую связь определенных топонимических компонентов с последним дорусским пластом. Кроме того, эта группа топонимов свидетельствует о глубоком взаимопроникновении контактирующих языков в сфере географических названий.

О другой форме скрещения, которую можно назвать ретросубституцией, видимо, следует вести речь в таких случаях, как *Габлахта* и *Лёхлуда*. Так как детерминанты *-лахта* и *-луда* отмечены в русской диалектной лексике в качестве апеллятивов (*лахта* «залив», *луда* «каменистая мель»), топонимы *Габлахта* и *Лёхлуда* могут оказаться частичными кальками (второй тип по М. Фасмеру), в которых «субстратный» формант фактически является русским географическим термином прибалтийско-финского происхождения (фин. *lahti* «залив», карел. *luodo* «каменистая мель»). Это позволяет объяснить отсутствие на РС в функции второго компонента топонимов карельского коррелята *-лакша* (< карел. *lakši*), ожидаемого на западе региона (ср. *Перилахта* в районе Кенозера), и русского соответствия *-губа* (ср. *Лейгуба*, *Пергуба* и т. п. в Карелии), а также наименования типа *Хомшалги* и *Шублахта*, в которых детерминанты идентичны русским географическим терминам (*шалга* «большой лес», «гора, покрытая лесом» ~ фин. *sellä*, карел. *sel'gä* «лесная грива» и *лахта* «залив»), а основы соответственно восходят к прибалтийско-финским (*хонг-* > *хом-* ~ ливв. *hongu*, вепс. *hong* «сосна») и саамским (*suppe* «осина») источникам.

Существование различных форм калькирования и гибридизации географических названий свидетельствует о том, что усвоение субстратной топонимии русским языком нельзя представлять как прямолинейный процесс, результаты которого легко предвидеть. Усвоение чудских названий начинается с проникновением в Заволочье первых русских поселенцев, достигает своего апогея в период совместной жизни чуди и русских, продолжается и в наши дни. Однако полное вымирание древних финских языков привело к тому, что лишь некоторые из типов усвоения субстратных топонимов продуктивны до сих пор. Взаимодействие живых топонимических систем неадекватно процессу усвоения субстратной топонимии русским языком. Совершенно очевидно, что появление новых полных калек, метонимических калек и гибридных названий в настоящее время столь же невероятно, как и возникновение новых субстратных топонимов. С другой стороны, превращение полукалок в эллиптические названия, преобразование топонимов на почве

русской аффиксации, народная этимология, втягивание в ряд и дальнейшее приспособление субстратной топонимии к русской фонетической и морфологической системе долго будут живым процессом, многие стороны которого еще предстоит выяснить. Изучение взаимодействия языков в топонимии позволяет увидеть сложность путей формирования системы субстратных топонимов и выработать конкретные приемы их интерпретации. Надо, однако, иметь в виду, что во многих случаях именно из-за взаимодействия топонимов очень трудно, а иногда и невозможно выбрать один-единственный путь для этимологизации субстратного названия.

Показательно, например, наименование крупного притока Онеги *Волошка* (*Волошка*). Казалось бы, гидроним *Волошка* входит по основе в один ряд с такими наименованиями, как *Вологда*, *Волома*, *Волонга*, *Воломень*, *Волюга*, а по форманту восстановливаемая форма **Волоша* (> *Волош-ка*) соответствует названиям типа *Коноша*, *Ундоша*, *Шоноша* и т. п. Но местное население употребляет и другую форму этого гидронима – *Волга*. Следовательно, можно отнести название *Волга* к ряду *Волгозero*, *Волгуда*, *Волгуша*, *Волгуж* и т. п., считая наименование *Волга* изначальным, совпадающим с наименованием великой русской реки и возможно генетически одного с ним происхождения. Однако все может обстоять еще сложнее, так как в памятниках XVII в. засвидетельствован географический термин *волосжска* (< *Волга*), первоначально обозначавший рукав (приток) Волги или Камы. Этот термин иногда утрачивает связь со своим этимоном, деэтимологизируется и варьирует фонетически, семантически и структурно, ср. пермское *волосика* «приток», «рукав реки», ярославское *волосха* «речка», архангельское *волоса* «рукав», «пролив, соединяющий две речки». Теперь остается только гадать, что могло произойти: перешло ли местное название *Волга* в *Волосжса* > *Волошка* или русские перенесли на север географический термин *волосжска*, *волосика* и т. п., а вариант *Волга* был извлечен из *Волосжса*. Кроме того, ничто не мешает восстановить исходную форму **Волоша* (или **Волосжса*), восходящую к языку коренного населения, которая затем была осмыслена как русский географический термин, т. е. подвер-

глась народной этимологии. Таким образом, взаимодействие собственно русской и субстратной топонимии ведет в этом случае к такому множеству решений, что все возможности трудно учесть.

2.3. Фонетические особенности субстратной топонимии РС и фонетическая адаптация

Этимологические разыскания в области субстратной топонимии невозможны без учета фонетических соответствий между: 1) языком усвоения и языком субстрата, 2) языком субстрата и родственными ему известными (описанными) живыми и мертвыми языками, 3) языком субстрата и другими неизвестными субстратными языками региона, 4) языком субстрата и языком субсубстрата¹. Если язык субстрата письменно не засвидетельствован, приходится устанавливать все эти соответствия, основываясь прежде всего на топонимическом материале.

Установление первой группы соответствий приводит к выявлению особенностей фонетической адаптации языка-источника языком усвоения, второй и третьей группы соответствий – к идентификации языка-источника и определению его места в той или иной группе языков, а четвертой группы соответствий – к выявлению особенностей фонетической адаптации языка субсубстрата языком субстрата.

Все четыре типа соответствий устанавливаются в процессе этимологического анализа топонимов и в то же время корректируют его, так как позволяют контролировать достоверность этимологических сопоставлений с помощью фонетических правил. В процессе этимологизации уточняются и те звуковые закономерности, которые были выявлены при структурно-фонетическом анализе топонимов (подробнее [Матвеев 1960: 105-109, 116-117]).

Второй, третий и четвертый типы соответствий не имеют отношения к проблеме адаптации субстратных топонимов русским языком. Их установление относится уже к следующим этапам разысканий. Соответствия такого рода, свидетельствующие о звуковой специфике

¹ Первая, третья и четвертая группы соответствий могут распространяться как на родственные, так и на неродственные языки.

древних языков РС, рассматриваются в дальнейшем, но только в той степени, в какой они представляют новизну по сравнению с уже установленными фонетическими соответствиями финно-угорских языков (см. [Wiklund 1896; Setälä 1899; Szinnyei 1910; 1922; Posti 1953; Лыткин 1964; Lakö 1968; ОФУЯ 1974; 1975; 1976; Korhonen 1981] и др. работы).

Таким образом, в этом разделе рассматриваются соответствия первой группы, отражающие адаптацию топонимов финских субстратных языков русским языком. Основная трудность, возникающая при установлении соответствий этой группы, состоит в том, что фактическое состояние звуковой системы бесписьменных вымерших языков нам неизвестно, а поэтому фонетический и этимологический анализ субстратной топонимии приводит в конечном счете не к восстановлению системы звуков языка-источника, а лишь к определению системы рефлексов этих звуков в заимствующем языке. Причем наряду с субSTITУцией, в усваивающем языке нередко происходят комбинаторные изменения, так как семантическая пустота субстратных названий и их звуковое своеобразие обусловливают широкое распространение не соответствующих субSTITУций фонетических изменений топонимов при их усвоении языком адаптации. Это чрезвычайно осложняет реконструируемую картину. Кроме того, для конца слова актуальна морфологическая адаптация (см. 2.4.).

Общие принципы фонетической и морфологической адаптации субстратных названий, установленные в процессе изучения топонимии Западной Сибири, охарактеризованы А.П. Дульзоном [Дульзон 1959: 35-46]. Это позволяет не останавливаться на таких вопросах, как необходимость считаться с особенностями переработки иноязычного материала в отдельных диалектах, а также с возможностью существования различных позиционных вариантов в языке (языках) субстрата, что может в свою очередь обусловить специфику адаптации и т. п. Заметим только, что установить характер адаптации при отсутствии сколько-нибудь надежных данных о языке-источнике и его генетических связях несравненно сложнее, чем выявить особенности усвоения в тех случаях, когда происхождение субстратного языка не является тайной. Так, в

настоящее время уже нет пельмского и тавдинского диалектов мансийского языка, однако сохранилось множество субстратных топонимов, происхождение которых связано с этими диалектами. При наличии квалифицированных записей Б. Мункачи и А. Каннисто удалось довольно быстро определить характер адаптации субстратных мансийских названий и их интерпретировать [Глинских 1976; 1978]. Если же этимологический анализ осуществляется одновременно с установлением особенностей адаптации, только с течением времени одни интерпретированные факты начинают способствовать толкованию других. Наиболее показательными при этом, разумеется, будут соответствия, подтверждаемые большим количеством примеров.

Есть, однако, обстоятельство, во многом облегчающее положение исследователя СТРС и позволяющее остановиться только на нескольких наиболее важных вопросах фонетической и морфологической адаптации субстратных топонимов русским языком, не затрагивая всю систему соответствий в целом. Дело в том, что верхний слой субстратной топонимии на территории РС в значительной степени связан по происхождению с прибалтийско-финскими источниками или подвергся прибалтийско-финской адаптации, поэтому при ретроспективном анализе наиболее важны сведения об адаптации прибалтийско-финских топонимов русским языком. Между тем система прибалтийско-финско-русских фонетических соответствий детально разработана в известных работах Й. Микколы [Mikkola 1938: 20-43] и Я. Калимы [Kalima 1919: 33-76; 1952: 30-73]. Хотя соответствия, установленные на материале сравнения апеллятивов, не объясняют всех особенностей усвоения субстратных прибалтийско-финских топонимов русским языком (вследствие своеобразия субстратных языков и большой древности ряда топонимических фактов), нет никаких оснований для пересмотра системы соответствий в целом, тем более что она подтверждена в существенных чертах и разысканиями З.М. Дубровиной о прибалтийско-финских топонимах в Ленинградской области [Дубровина 1969: 82-85]. Но эта система соответствий, в свое время уже использованная М. Фасмером, естественно, корректировалась в той мере, в какой топонимический мате-

риал РС обнаруживал свои особенности. Сказанное относится и к установлению соответствий между русским языком и другими финскими языками, отражение которых можно предположить в СТРС (саамский, коми, марийский и др.) (см. [Itkonen 1932; Kalima 1911: 15-34; 1927: 9-14; Лыткин 1949; Саваткова 1969: 14-53] и др.).

Кроме того, как показало сопоставление несомненно прибалтийско-финских субстратных топонимов с некоторыми названиями, которые считаются неприбалтийско-финскими (на *-Vma*, *-Vnъga* и др.), в основах этих наименований имеется много общих элементов. Независимо от того, подверглись ли предполагаемые неприбалтийско-финские названия прибалтийско-финской адаптации или они фонетически близки к прибалтийско-финской топонимии и являются общими для родственных субстратных языков, полезно приложение уже установленных прибалтийско-финско-русских соответствий и к этим неприбалтийско-финским названиям в качестве первоначального «рабочего» эталона. Установить прямые соответствия между русскими звуками и звуками неприбалтийско-финских языков в настоящее время очень трудно, хотя и не исключено, что в ряде мест русские ассимилировали неприбалтийско-финское население. Во всяком случае, очевидно, что надо идти от известного к неизвестному, и это тем более справедливо по той причине, что пока ясно лишь очень немногое из области языковых взаимоотношений русских с субстратным неприбалтийско-финским населением и прибалтийских финнов с их предшественниками. Поэтому автор стремился объяснить прежде всего то, что не укладывается в уже апробированную схему прибалтийско-финско-русских соответствий.

2.3.1. Общие фонетические закономерности субстратных языков РС

С вопросом о фонетической адаптации тесно связана проблема отражения в СТРС общих звуковых закономерностей древних языков и, в частности, фонетической структуры слова. Обладая очень слабой дифференцирующей способностью, они тем не менее позволяют несколько сузить круг вероятных языков-источников верхнего пласта субстратной топонимии, а также дают возможность интерпретировать не-

которые «нарушения» фонетической системы, например, появление *б* и *д* в анлауте субстратных названий. Характеризуя фонетическую структуру слова в языках-источниках, необходимо прежде всего обратиться к таким специфическим особенностям СТРС, как 1) употребление консонантных групп, 2) консонантизм анлаута, 3) место ударения.

1. В абсолютном начале слова группы согласных не встречаются, за исключением довольно редких *кв* и *св* (ср. *Квазеньга*, *Квалмин*, *Кванды*, *Кванзонема*, *Кварзеньга*, *Квахтюга*; *Свага*, *Сваркурья*)¹, происхождение которых связано или с лабиализацией согласных **k* и **s* в языке-источнике (**k^w*, **s^w*), или с наличием в первом слоге дифтонгов типа **ua*, **uo* (ср. варианты географического термина *сара*, *сора* и *свара*, *свора* «развилка», «ветвь реки», «рассоха»). Существование специфических начальных сочетаний *кв* и *св* хорошо согласуется с отсутствием всех других сочетаний согласных в начале слова, при этом следует учесть, что группы *кв* и *св* не могли возникнуть из **cъв* и **kъв*, так как если допустить, что они появились вследствие падения редуцированных, то существовали бы и иные начальные группы согласных.

В интервокальном положении отмечены разнообразные двухконсонантные, а изредка даже трехконсонантные группы (*Лёкима*, *Нондрус*, *Пыстрома* и т. п.), среди последних есть возникшие уже на русской почве (см. 2.3.4.).

2. В начале слова почти не встречаются звонкие смычные *д*, *г* и фрикативные *ж*, *з*. Согласный *б* в анлауте более распространен, а на территории Белозерского края высокочастотен. Глухие эквиваленты этих звуков *п*, *т*, *к*, *ш*, *с* обычны на всем РС.

Поскольку начальное *г* выступает в основном в соответствии с приб.-фин. *h* (см. 2.3.3.), здесь рассмотрим только случаи появления звонких *б* и *д*. Начальное *д* отмечается крайне редко: *Далтора*, ур. (Бел), *Дублас*, р. (В-Т), *Дульметка*, ур. (Плес). Надо думать, что этот звук возник уже в русском языке на почве комбинаторных изменений. Кроме

¹ Есть еще группа *дв* в *Двина* и *Двиница* (притоки Ваги и Сухоны). Как бы ни трактовать эти загадочные слова, они явно не относятся к субстратным названиям финского типа.

того, зафиксировано δ' в *Дъяргумузь*, ур. (Бел), которое, видимо, отражает вепсский переход $j > d'$ (ср. вепс. *d'ärv* «озеро», *d'ögi* «река»). Более показательны фиксации начального *b*, характерные прежде всего для Белозерского края: *Баботозеро*, *Базега*, *Баксолово*, *Белдозеро*, *Белянда*, *Бозелега*, *Бонга*, *Бонема*, *Бояро*, *Буеро*, *Буйлохта*, *Буксозеро*, *Буюзеро*, *Бярнаг* и т. п.

Так как случаи озвончения начального *v* засвидетельствованы и в вепсском языке¹, а также известно, что вепсы (летописная Весь) составляли древнее население Белозерья, широкое распространение субстратных названий с анлаутом *b* в этом микрорегионе нельзя не связывать с вепсскими данными. В то же время трудно сказать, отражено ли в топонимии звуковое состояние вымерших вепсских говоров Белозерья или изолированные случаи перехода *v > b* в вепсском языке обусловлены довепсским субстратом.

Относительно часто названия с начальным *b* фиксируются и на крайнем северо-востоке РС, где они нередко связаны с коми языком, ср. *Байдвожса* (к.-зыр. *байд* «ива» + *вож* «приток»), *Бармас*, *Барнейвожса*, *Баскурья* (к.-зыр. *бас* «украшение»), *Батлук*, *Бодручей*, *Буепожня*, *Бурдуй*, *Бурлуга*, (к.-зыр. *бур* «хороший») и др. Значительно реже названия с начальным *b* встречаются на других территориях региона: *Бабальнема*, пож. (Он), *Базлук*, н. п. (Лен), *Батермола*, пож. (Холм), *Бингозеро* (Вин), *Борехнема*, пож. (Плес), *Бормас*, лес (Карг), *Бугручей* (Плес), *Будрозеро* (Карг) и некоторые другие.

Названия с начальным *b* засвидетельствованы также в памятниках XV–XVI вв., относящихся к Белозерскому краю: *Болгаминский Наволок* [АФЗХ 1, № 307], *Бонема*, р. [ACBP II, № 189], *Боизора*, р. [ACBP II, № 286]. Ср. еще *Базлуга*, д., низовья Вычегды [ACBP III, № 291] и *Буркурья*, низовья Сев. Двины [АЛЦ, № 300]. Древность фактов также свидетельствует о их связи с субстратными источниками, но, конечно, *b* иногда возникало не в результате перехода *v > b*, а другими путями. В

¹ Ср. вепс. *boηg* «комут» и *Бонга* (в других микрорегионах *Вонга*). Однако случаи типа вепс. *barb* «небольшая ветка кустарника» (ср. фин. *varpa*) сюда не относятся, так как в них предполагается ассимиляция [Kettunen 1922: 112].

отдельных случаях можно допустить и русское происхождение начального *б*.

Существенно, что начальное *б* обнаруживается и в топонимах с основой *бохт-* (*Бохтема*, *Бохтенъга*, *Бохтуга*), которым в других частях региона соответствуют названия с основами *вохт-*, *охт-*, *ухт-* (*Вохтома*, *Охтома*, *Ухтома* и т. п.). Эти примеры явно свидетельствуют о переходе *v > b*, так как в данном случае трудно представить иной путь фонетического развития¹. Кроме того, соответствие *вохт- ~ бохт-* указывает на то, что *в* в топонимах с основой *вохт-* не может быть русского происхождения (ср. *восемь*), так как переход *в > б* русским говорам неизвестен.

Заметим, что *v > b* обнаруживается и в инлауте основ прибалтийско-финского или прибалтийско-финско-саамского происхождения, ср. *куйб-* «сухой», *ладб-* «вершина», *сейбас-* «кол», *«жердь»*, *тырб-* «смола»². Все эти основы зафиксированы к западу от Сев. Двины преимущественно в бассейне Онеги. Они образуют ареал, частично совпадающий с зоной распространения начального *б*. Охватывает этот переход и формант *-бой*, *-буй*, очень характерный для Белозерского края и восходящий, видимо, к саам. **voi*, **vui* «ручей» или близким к нему источникам. Колебания такого рода изредка встречаются в вепсском языке, ср. *kerbas*, *kervas* «круто, туго (скручивать нить, веревку)» [СВЯ: 195], однако в целом субстратная топонимия отражает *v > b* намного последовательнее, чем современный вепсский язык. Можно высказать предположение, что этот переход был известен вымершим прибалтийско-финско-саамским наречиям юго-западной части региона или в них сохранился древний билабиальный **w*, рефлексом которого в современных прибалтийско-финских и саамском языках является *v* [ОФУЯ 1974: 130].

¹ Если только начальные *в* и *б* в гидронимах с основами *вохт-* и *бохт-* не отражают разные варианты одной фонемы (например, *v* и *w*).

² М. Фасмер отмечает *v > b* в названиях *Ярбозеро* [Vasmer 1936: 214] ~ фин. *järvi* «озеро» и *Кирбас* [Vasmer 1934: 384] ~ фин. *kirves* «стопор» = Кирбасово, д. (Кир) [ТЭ]. Ср. еще *Кайболка*, р. (Кир) и фин. *kaivo*, вепс. *kaiv* «колодец».

3. Еще одной яркой чертой СТРС следует считать регулярную постановку ударения на первом слоге (*И́хальнема*, *Ню́чча*, *Ня́ндома* и т. п.). Исключения типа *Онéга* единичны на фоне тысяч примеров, подтверждающих эту закономерность. В редких случаях отмечаются параллельные формы, ср. *Мéхренъга* и *Мехрénъга*, *Пóкшеньга* и *Покшéньга*. Четырехсложные названия, как правило, имеют вспомогательное ударение на последнем слоге (*Вáймозеро*, *И́хальнемà*, *Хáтарнemà* и т. п.). Однако в полукальках нередка постановка ударения на форманте в соответствии с местом русского ударения – *Шáрдозеро* и *Шардóзеро*.

Подводя итоги изучению вопроса об отражении общих фонетических закономерностей верхнего пласта субстрата в топонимии, отметим, что отсутствие групп согласных в анлауте исторически свойственно всем уральским языкам и поэтому не обладает дифференцирующей способностью на уровне этих языков, глухой зачин позволяет исключить пермские языки¹, в которых звонкое начало обычно, ударение на первом слоге характерно для ряда финно-угорских языков, поэтому также обладает очень слабой дифференцирующей способностью.

Все общие черты, отраженные в СТРС, свидетельствуют о господстве здесь агглютинирующего уральского типа.

2.3.2. Адаптация гласных

Изучению вокализма СТРС во многом способствует относительно хорошая сохранность географических названий, обусловленная тем, что субстратная топонимия, во-первых, не утратила древнее ударение на первом слоге, а, во-вторых, вокализм окающегося севернорусского наречия близок к вокализму древнерусского языка, в период существования которого происходило массовое усвоение субстратных названий. Тем не менее в вокализме СТРС со временем происходили изменения. Некоторые из фонетических особенностей, затемняющих вокализм языка-источника, связаны со спецификой субSTITУции звуков (фин. *a* –

¹ Кроме крайне восточных частей региона, где пермские элементы отчетливо представлены в верхнем пласте (см. [Матвеев 1968]).

рус. *o*), другие возникли уже на русской почве, например, переход *a* в *e* между мягкими согласными под ударением.

Наиболее существенны следующие вопросы: 1) отражение в субстратной топонимии фонетических явлений, характерных для древнерусского языка старейшей эпохи, 2) соответствие фин. *a* – рус. *o*, 3) происхождение *ы*, 4) соответствие фин. *ä* – рус. *e*, 5) особенности отражения дифтонгов.

1. Вопрос об отражении в СТРС фонетических черт древнерусского языка старейшей эпохи очень актуален, так как его решение позволяет установить относительную хронологию усвоения русскими иноязычной топонимии на этой территории и принять или исключить ряд возможных фонетических соответствий. Речь идет прежде всего о передаче прибалтийско-финских *i*, *й* русскими редуцированными звуками, отражении древнейших носовых гласных и полногласия.

Случаи замены прибалтийско-финских *i*, *й* русскими *ъ*, *ъ* (с последующим падением редуцированных), а также факты отражения носовых и полногласия в субстратной топонимии финно-угорского происхождения давно известны, однако все они относятся к районам, прилегающим к Новгороду, Финскому заливу и Ладожскому озеру, что свидетельствует об очень раннем освоении этой территории русскими, ср. *Мста* < **Мъста* – фин. *musta*, *Ижера*, *Ижора* – фин. *Inkeri*, *Норова*, *Нарова* – эст. *Narva-jõgi* [Mikkola 1938: 10, 15-16; Эрнитс 1965: 129]. Несмотря на ограниченный ареал этих явлений, М. Фасмер распространяет некоторые из них и на СТРС. В частности, он допускает, что на территории РС действовало соответствие фин. *й* – рус. *ъ* > *о* [Vasmer 1934: 381-383, 386]. В действительности же фин. *й* регулярно передается здесь русским *у*, ср.: *Куркагора*, *Куркала*, *Куркач*, *Кургозеро*, *Кургручей*, *Кургонемь* и фин. *kurki*, карел. *kurgi* «журавль», *Лухтозеро*, *Лухтомень* и фин., карел. *luhta* «заливной луг», *Мустозеро*, *Мустюга* и фин. *musta*, ливв. *mustu* «черный».

Названия такого рода имеют большое значение для установления относительной хронологии. Если на территорию современных Новгородской и Ленинградской областей русские пришли еще до падения

редуцированных (ср. *Mста* из **Мъста* < фин. *musta*), то на территории РС они закрепились в то время, когда фин. *й* воспринималось уже как русское *у*. В абсолютной хронологии здесь соответственно надо говорить о времени до X–XI вв. для *Mста* и после XI–XII вв. для *Мустозеро*. Все это хорошо соответствует историческим сведениям. С другой стороны, если бы в топонимии РС было отражено падение редуцированных, то в анлауте субстратных названий возникли бы разнообразные группы согласных, кроме *кв*, *св*, о которых уже шла речь, однако этого не наблюдается. Разумеется, можно представить положение дел таким образом, что на РС при обычном ударении в субстратных словах на первом слоге редуцированный первого слога всегда оказывался в сильном положении (*и* > *ъ* > *о*), поэтому консонантные группы в анлауте не возникали, однако нет ни одного доказанного случая *и* > *ъ* > *о*, так как построения типа фин. *luhta* > **льхта* > *лохта* опровергаются при сравнении фин. *lahti* и рус. *лахта*, *лохта* (см. [Матвеев 1968а]). Фин. *й* в *luhta* как в топонимии, так и в апеллятивной лексике (рус. *лухта* «заливной луг») передается только русским *у*.

Основываясь на фонетических критериях, полногласным считают топоним *Вологда*, сопоставляя его с фин. *valkea*, вепс. *väuged* [Mikkola 1902: 75–76]. Однако пример единичен, и уже это обстоятельство заставляет сомневаться в его правильности. Действительно, в названии *Вологда* по формальным и лингвогеографическим основаниям следовало бы выделять формант *-Угда* (ср. *Вычегда*, *Керогда* и т. п.). Это сразу же опровергает предложенную этимологию. Почти ничего не дают примеры *Соломбала*¹ (в настоящее время часть Архангельска), *Соломцелья* (ср. фин., ливв., люд. *salmi*, эст. *salm* «пролив»), так как в субстратных топонимах засвидетельствованы и основы *салм-*, *солм-* (*Салмозеро*, *Солмас*). Кроме того, в обоих топонимах с основой *солом-* могли произойти комбинаторные изменения. В то же время можно при-

¹ Я. Калима приводит полногласные апеллятивы *соломы* и *коломице* [Kalima 1919: 54], но они скорее всего были заимствованы русскими в собственно новгородских землях. Слово *салма* «пролив» известно только на крайнем западе РС, тогда как на большей его части в этом значении употребляется *чёлма* (< саам.), а *коломице* упоминается в документе, относящемся к Вотской пятине [Средневеский I: 1258].

вести множество примеров, свидетельствующих о том, что полногласие на РС уже не было живым процессом, ср.: *Варбач*, *Варбмох*, *Варбозеро*, *Варбруней* и фин. *varga*, карел. *varba* «прут», *Каргала*, *Каргова*, *Каргой*, *Каргонема*, *Каргозеро*, *Каргополь*, *Каргоручей*, *Каргоя* и фин., ливв. (фольк.) *karhu* «медведь», *Халмозеро* и фин. *halme* «возделанная пожога» и т. п.

Нет на РС и следов существования носовых гласных, так как здесь в изобилии представлены сочетания типа *Vn* между согласными, ср.: *Канза*, *Канзапелда*, *Канзов*, *Канзозеро*, *Канъзело* и фин. *kansa* «народ, люди», ливв. *kanzu* «семья, группа людей», вепс. *kanz* «семья», *Линдогора*, *Линдозеро* и фин. *lintu*, карел. *lindu*, вепс *lind* «птица», *Меньдюга*, *Мяндова*, *Мяндозеро*, *Мяндручей* и фин. *mänty*, карел. *mändi*, эст. *mänd* «сосна» и т. п.

Все эти факты говорят о том, что в период колонизации РС в языке переселенцев не было ни редуцированных, ни носовых гласных, очень сомнительно и наличие полногласия как живого процесса. По-видимому, освоение субстратной топонимии русскими началось здесь не ранее XII века.

2. Из довольно старых прибалтийско-финско-русских соответствий в топонимии РС отражено только приб.-фин. краткое *ă* – рус. *о* (для периода ранних контактов) при приб.-фин. *ă* – рус. *а* (для более позднего времени). Соответствия эти рассматриваются в трудах Й. Микколы [Mikkola 1938: 20-21] и Я. Калимы [Kalima 1919: 46-47]. Первое соответствие *ă – о* отражено, например, в русских названиях народов *Коръла*, *Лопь* при фин. *Karjala*, *Lappi* [Kalima 1919: 47], а второе *ă – а* зафиксировано в ряде русских диалектных заимствований из прибалтийско-финских языков: рус. *лахта* «залив» – фин. *lahti* «то же» [Kalima 1919: 151], рус. *ламба* «озерко (в лесу)» – фин. *lampi*, карел. *lambi* «то же» [Kalima 1919: 149]. Поскольку общеприбалтийско-финское **ă* сохранилось во всех прибалтийско-финских языках, нет оснований думать, что в вымерших прибалтийско-финских наречиях РС этот звук был представлен каким-либо особым рефлексом.

Отвечая на вопрос, отражает ли в апеллятивных заимствовани-ях двоякий рефлекс *ă* – *o* и *ă* – *a* два хронологически разных слоя, Ка-лимова приходит к заключению, что в ряде случаев приб.-фин. *ă* соотв-етствует рус. *o* даже в недавних заимствованиях (ср. *рабач* и *робач* «низ-кое кривое дерево») [Kalima 1919: 47, 192–193], но в старых приб.-фин. *ă* всегда передается рус. *o* [Kalima 1919: 47]. Таким образом, в лексических заимствованиях для более раннего времени имеем *ă* – *o*, для более позднего как *ă* – *a* (обычно), так и *ă* – *o*¹.

Вопрос о причинах различного отражения приб.-фин. *ă* в рус-ском языке выходит за рамки этой работы. Нас интересует только воз-можность использования приведенных соответствий при этимологиза-ции субстратных топонимов. Ограничимся наиболее важным случаем – позицией первого слога как в основах, так и в детерминантах.

Уже Я. Калимова знал, что в СТРС отражено как соответствие *ă* – *o* (*Лохта*), так и *ă* – *a* (*Лахта*) [Kalima 1919: 151]. Позднее об этом пи-сал М. Фасмер, высоко ценивший значение фонетических критериев для эти-мологизации топонимов и пытавшийся использовать наличие соот-ветствий *ă* – *o* и *ă* – *a* при изучении СТРС [Vasmer 1934: 360–361; 1935: 587]. Однако в работах Фасмера соответствия *ă* – *o* и *ă* – *a* учитываются непоследовательно, особенно в лингвогеографическом отношении, хотя различное отражение приб.-фин. *ă* в топонимии могло быть вызвано тем, что разные микрорегионы осваивались русскими не в одно и то же время. Несмотря на то, что Фасмер не смог установить региональные особенности в отражении приб.-фин. *ă*, он все время говорит о терри-ториях раннего и позднего заселения, чем и обусловлена противоречивая интерпретация фактов в его работах. Так, в Тихвинском уезде *Сорвозе-ро* возводится к фин. *sarvi* «рог» [Vasmer 1934: 376], а р. *Сарка* к фин. *sara* «осока» [Vasmer 1934: 378], в Белозерском уезде *Ломбозеро* связы-вается с фин. *lampi* «озеро, пруд» [Vasmer 1934: 380], а *Хамбуй* с фин. *hamppri* «конопля» [Vasmer 1934: 380–381], в Лодейнопольском уезде

¹ Возникает, однако, вопрос, не следует ли и в этом случае рассматривать формы с *o* как более древние. Если же *робач* < *рабач* на русской почве, то это уже явление иного порядка.

Ладвозеро сравнивается с фин. *latva* «вершина» [Vasmer 1934: 394], а *Солозеро* с фин. *salo* «глухой лес» [Vasmer 1934: 396], наконец, в Архангельском уезде *Солозеро* опять-таки возводится к фин. *salo*, а *Мадюга* к фин. *mato* «червь» [Vasmer 1934: 418].

Таким образом, Фасмер фактически допускает, что на РС везде действовало как соответствие *ä – o*, так и *ä – a*, хотя это никак не аргументировано. Между тем решение рассматриваемой проблемы имеет первостепенное значение для интерпретации субстратных топонимов. Так, основу *коск-* можно возводить к фин. *koski* «порог», но в зоне *ä – o* и к фин. *kaski* «пожога».

Но имеются ли такие зоны в действительности, есть ли какая-то регулярность в отражении рассматриваемых соответствий? Для установления этих зон картографировались прежде всего топонимы с этимологически прозрачным детерминантом *-лахта*, *-лохта* «залив» (~ фин. *lahti*). Картографирование показало (см. карту 1), что соответствие *ä – o* отражено в топонимии Белозерского края, а также в микрорегионах озера Воже, верховий Моши и нижнего течения Пинеги. Напротив, на Онежском полуострове, в низовьях Сев. Двины, микрорегионах Ундозера, Кенозера, озер Лача и Ковжское отражено соответствие *ä – a*. Широкое распространение рефлекса *ä – o* на территории Белозерского края не должно удивлять, так как Белозеро упоминается в русских летописях очень рано: 862 г. – о княжении Синеуса на Белозере, 989 г. – о княжении Всеволода Ярославича, 1071 г.– известие о белозерском бунте, а от XIV–XVI вв. до нас уже дошла масса документов белозерских монастырей – Кириллова и Ферапонтова. Очевидно, эта территория была освоена русскими, когда соответствие *ä – o* еще имело силу.

Изучение других типов субстратной топонимии Белозерского края подтвердило значимость соответствия *ä – o* для этой территории, сп. *-loyd* в *Кызголойда*, *Перхлойда* и др. (см. 3.1.3.), а также *Волгома* (фин. *valkama*, юж.-карел.-ливв. *valgamo* «пристань»), *Лохтозеро* (фин. *lahti*, вепс. *laht* «залив»), *Моткозеро* (вепс. *matk* «путь»), *Солмас* (< **salmas*, сп. фин. *salmi* «пролив») и т. п.

Все эти примеры, казалось бы, свидетельствуют о том, что Белозерье – действительно зона распространения соответствия *ā* – *o*, которое и следует учитывать при этимологизации субстратных топонимов. В других микрорегионах соответствие *ā* – *o* менее частотно и нуждается в проверке. Однако есть случаи, когда и на территории Белозерского края приб.-фин. *ā* отражено как рус. *a*: *Канзово* (вепс. *kanz* «семья»), *Маткозеро* (вепс. *matk* «путь»), *Рандогач*, *Рандольня* (вепс. *rand* «берег»), так что, видимо, и здесь усвоение происходило неодновременно и прибалтийско-финское население обруслено в разное время.

Вместе с тем обращает на себя внимание последовательная смена названий на *-лахта* в крайне западных районах РС примыкающими к ним с востока топонимами на *-лохта*. Возникновение названий на *-лахта* в этих местах объясняется поздней прибалтийско-финской экспансиией, хотя их можно рассматривать и как результат ретросубституции (см. 2.2.). Напротив, названия на *-лохта* могут быть интерпретированы не только на прибалтийско-финской, но и на саамской почве, если допустить, что *o* – не русская субSTITУция приб.-фин. *ā*, а отражение звука типа **o* древних саамских наречий РС, в той или иной степени близкого к прасаамскому **o*, ср. *-лохта* и прасаам. **lōktē* [YS: 70], *Маткозеро* и прасаам. **mōlkē* [YS: 78] и т. п. Реальная картина затемняется тем, что своеобразный параллелизм географического распределения названий на *-лохта* и *-лахта* можно интерпретировать по-разному: как смежность зон с относительно более ранней и более поздней русской колонизацией или с различным древним населением – саамским и прибалтийско-финским. Решить проблему можно только при полном микрорегиональном изучении субстратной топонимии соответствующих территорий. Поэтому в настоящее время необходимо учитывать обе эти возможности.

3. Вопрос о происхождении *ы* в СТРС очень сложен. Заметим прежде всего, что приб.-фин. *i* обычно соответствует рус. *и* [Kalima 1919: 50], исключения из этого правила редки и проблематичны [Kalima 1919: 51]. Между тем в СТРС этот звук в подударном положении встречается довольно часто, причем именно в тех топонимах, которые могут

быть интерпретированы на прибалтийско-финской почве, ср.: *Вынохлошта* (< ? *Вынохлохта), *Вынохма* и карел., вепс. *veneh* «лодка», *Кысковер*, *Кыскозеро*, *Кыскуя* и фин., ливв. *keski*, вепс., эст. *kesk* «средний», *Лынцевера*, *Лынгора* (< *Лындгора), *Лындога*, *Лыдранский* (< *Лындранда), *Лындуй*, *Лындыги* и фин. *lintu*, ливв. *lindu*, люд., вепс. *lind* «птица», *Тырвица*, *Тырвяя* и фин., карел. *terva*, вепс. *t'erv*, эст. *tõrv* «смола», «деготь» и т. п.

В свое время Т. В. Марадудина, изучая вопрос о сингармонизме в субстратных топонимах, высказала осторожное предположение о том, что в СТРС отражен звук *i*, который передавался русским *ы* [Марадудина 1965: 12]. Этимологический анализ и картографирование топонимов подтвердили это предположение, однако картина оказалась более сложной, поскольку русскому *ы* в субстратных топонимах соответствуют как отодвинутые назад прибалтийско-финские **i* и **e*, так и приб.-фин. *ii*.

О существовании в древней прибалтийско-финской речи особых звуков **i* и **e*, отличных от **i* и **e*, известно достаточно хорошо [Бубрих 1948: 20-21; Аристэ 1953: 293]. Изучение субстратных топонимов РС показывает, что они отражают два различных состояния одного и того же слова, ср. фин. *terva* при эст. *tõrv* «смола», «деготь» и *Тервич*, но *Тырвяя*, *Тырвица* (также *Тырбуй*, *Тырбус*), фин. *lintu* при эст. диал. *lind* [Аристэ 1953: 293] «птица» и *Линдгора*, *Линдогора*, *Линдозеро*, но *Лынцевера*, *Лындога*, *Лындуй* и т. п. Кроме того, различные рефлексы обнаруживаются и в некоторых из тех слов, фонетическая структура которых не позволяет установить с **i*, **e* или **i*, **e* мы имеем дело, ср. фин. *risti*, эст. *rist* «крест» и *Ристемена*, но *Рыстов*, *Рыстозеро*, *Рыстюг*, фин., эст. *vene*, вепс. *veneh* «лодка» и *Венегора*, *Венеручей*, но *Вынохлошта*, *Вынохма*, ср. еще фин. *keski*, эст. *kesk* «средний» и *Кыскозеро*, *Кыскуя*.

Картографирование соответствующих топонимов показало, что формы с *e*, *ii* характеризуют крайний запад региона, а также образуют несколько гнезд восточнее, в частности, в бассейне Пинеги. Соответственно можно утверждать, что в основном формы с *e*, *ii* коррелируют с

зоной детерминанта *-лахта* и должны рассматриваться как поздние, а формы с *ы* – с зоной детерминанта *-лохта* и считаться ранними.

Учитывая все эти данные, можно допустить, что в СТРС сохранились рефлексы древних приб.-фин. **i* и **e* или, если считать детерминант *-лохта* саамским (ср. выше), звуков среднего ряда типа саам. *i, e*¹.

Может быть, на отражение *e* в русском языке в виде *ы* указывает и апеллятивное заимствование *мыльца* «рукоять весла» (фин. *mela*, эст. *tbla* «то же»), хотя Калима считает эту этимологию слишком смелой [Kalima 1919: 169]. Что касается самой субSTITУции звуков типа *i, e, j, e* рус. *ы*, то она закономерна, так как рус. *ы* – звук среднего ряда.

Другая сторона вопроса состоит в том, что в некоторых субстратных топонимах рус. *ы* соответствует приб.-фин. *ii*, ср. фин. *kylmä* «холодный» и *Кюльма*, но *Кыльма*, *Кылмачеро*, *Кылмова*, *Кыльмова*, фин. *suvä* «глубокий» и *Сывозеро*, *Сывоя*, фин. *syrjä* «сторона», «край» и *Сюра*, *Сюрапалда*, *Сюрева*, *Сюрга*, *Сюрей*, *Сюрий*, *Сюрнем*, *Сюрай*, *Сюроя*, но *Сырнема*, *Сырова*, *Сырья*.

Картографирование основ дает ту же самую картину, что и в первом случае, т. е. зоны распространения *ы ~ i, e, j, e* и *ы ~ ii* совпадают. Напротив, основы *кюльм-* и *сюр-*, в которых приб.-фин. *ii* соответствует рус. 'у, фиксируются на крайнем юго-западе региона (запад Белозерского края), а также в пределах вкраплений поздней прибалтийско-финской топонимии в бассейне Пинеги.

Таким образом, приб.-фин. *ii* в большинстве случаев соответствует *ы*, но иногда 'у. Замена приб.-фин. *ii* рус. 'у обычна [Kalima 1919: 32], сложнее объяснить соответствие приб.-фин. *ii* – рус. *ы*. Случай передачи фин. *ii* рус. *и*, отмеченные З.М. Дубровиной в прибалтийско-финской топонимии Ленинградской области (*Кильмую* – фин. *kylmä*, *Сагомилье* – фин. *Sahamylly*, где *milly* «мельница», *Илики* – фин. *Ylikylä* «Верхняя деревня») [Дубровина 1969: 85], свидетельствуют о том, что нетипичный для русского языка приб.-фин. *ii* передается разными путями². Соответствие приб.-фин. *ii* – рус. *и* в начальном положении хорошо

¹ Ср. также рус. *Вымь*, *Вычегда* и к.-зыр. *Емва*, *Эжва* (*Вымь* < **em* или **im* «река»?).

² Ср. еще рус. *кинжас* – карел. *kînži* «гвоздь» [Kalima 1919: 54].

подтверждает основа *ил-* (в *Илозеро*, *Илокса* и т. п.), соотносимая с фин. *ylä* «верхний».

Очень важное свидетельство содержится в пинежской писцовой книге 1686 г. (см. [Симина 1966: 154]), где гидроним *Сюрей* (басс. Юлы) приводится в форме *Сырвей*. Заимствованный русскими этноним *зырянин* (*сырянин*) (см. об этом слове [Матвеев 1984]), сопоставляемый с фин. *syrjä* «край», *syrjäinen* «отдаленный», также свидетельствует о том, что первоначально приб.-фин. *и* соответствовало рус. *ы*.

Таким образом, сам по себе факт соответствия приб.-фин. *и* – рус. *ы* сомнений не вызывает. Трудность состоит в том, чтобы найти объяснение фиксации *ы* вместо ожидаемого *и*. Одна из более или менее убедительных трактовок состоит в том, что в прошлом рус. *ы* артикуляционно был ближе к фин. *и*, чем к рус. *и*. В связи с этим нельзя не вспомнить, что некоторые ученые считают праславянский **у* и древнерусский *ы* лабиализованными звуками (см. [Бернштейн 1961: 176-177; Иванов 1968: 59]). Так как фин. *и* также лабиализован, он артикуляционно мог быть ближе к *ы*¹, чем к *и*. Твердость предшествующих начальных согласных в языке-источнике также могла способствовать этой субSTITУции. Конечно, уже сам факт существования лабиализованного *ы* в северорусских говорах вызывает определенные сомнения. Но, пожалуй, больше озадачивает существование коррелятивных основ *kyльм-* ~ *кюльм-* и *сыр(ы)-* ~ *сюр-*. Остается предположить, что первоначально приб.-фин. *и* передавалось рус. *ы* (примерно до XVII в.)², а затем '*у* (или *и*), и, следовательно, зона приб.-фин. *и* ~ рус. *ы* (как и **и*, **и* ~ *ы*) указывает на сравнительно рано ассимилированные прибалтийско-финские наречия. Возможна, однако, и другая постановка вопроса: рус. *ы* (~ приб.-фин *и*) отражает звуки среднего ряда, восходящие к какому-то языку саамского типа (ср. основу *пыш-* ~ прасаам. **pęsē* [YS: 96] ~ фин.

¹ Примечательна и замена рус. *ы* в карел. *tihla* «мыло» и *vuit't'i* «выть» [Mikkola 1938: 32]. Ср. еще *Выгозеро* (р. *Выг*) и фин. *Uikujärvi*.

² Ср., однако, *ил-* в начальном положении (*Илозеро*, *Илокса* и т. п.) при фин. *ylä* «верхний».

ruhā «святой»). В этом случае основы типа *кюльм-*, *сюр-* указывают на островки прибалтийско-финских наречий среди саамских диалектов.

В целом картина генезиса *ы* в СТРС представляется очень сложной. Последующие разыскания покажут, насколько воспроизведенная схема соответствует истине, но уже сейчас ясно, что при этимологизации надо тщательно учитывать возможность сопоставления *ы* как с приб.-фин. *j*, *e*, *ü*, так и с саамскими гласными среднего ряда *j*, *e*.

Заметим еще, что в таких случаях, как *кылъм-*, (*кылъм-*) – *kylmä*, *кыск-* – *keski* (ср. еще *Кыма* – фин. *kumi* «большая река») вполне могло законсервироваться древнее состояние, т. е. *кы-* (до перехода в *ки-*), которое в севернорусских говорах, по мнению А.А. Шахматова, сохранялось до XIII–XIV вв. [Шахматов 1886: 169], но против этого часто встречающееся инициальное *ки-* (*Кимболото*, *Кимпавна* и т. п.), совершенно затемняющее картину.

4. Я. Калима установил, что приб.-фин. *ä* в русских апеллятивных заимствованиях могут соответствовать '*а* и *е* [Kalima 1919: 52]. Это подтверждают и наблюдения З.М. Дубровиной о том, что фин. *ä*, *ä* > рус. *е*, '*а* [Дубровина 1969: 85]. Существенно, однако, в каких случаях *ä* в положении под ударением передается соответственно '*а* и *е*. Есть основания считать, что в СТРС переход приб.-фин. *ä* > рус. '*а* > *е* наиболее последовательно происходил между мягкими согласными, ср. фин. *mänty*, карел. *mändi* «сосна» и *Меньдюга*, но *Няндома* (< **Мяндома*), карел. *mägrä*, вепс. *mägr* «барсук» и *Мехренъга* (< **Мегренъга*), но *Мягрома*. Это правило, приложимое и к собственно прибалтийско-финским топонимам и к названиям, воспринятым прибалтийскими финнами от предшественников, прямо связано с очень широко распространенным в севернорусских говорах явлением изменения *а* > *е* под ударением между мягкими согласными (*n'am' > n'em'*, *v'z'am' > v'z'em'*) [Аванесов 1949: 213], которое отмечено уже в новгородских памятниках XIII–XIV вв. [Борковский, Кузнецов 1963: 134]. В.И. Лыткин насчитывает в коми языке множество русских по происхождению слов, отражающих переход '*а*' > *е* в русском языке (ср. сев.-рус. *преник*, *меч* «мяч» и к.-зыр. *прен'ик*, *меч'* и др.), однако, по его мнению, в районах, соседних с коми

населением, этот переход произошел не раньше XV–XVI вв. [Лыткин 1949: 149–157]. Соответственно для территории РС время перехода '*a*' > *e* следует приурочить приблизительно к XIV–XV вв. Заметим также, что '*a*' > *e* широко отмечается и в прибалтийско-финской по происхождению апеллятивной лексике, ср. *jám’ëga – jäm’ëga* «шпагат для сшивания сетей», *k’äbr’uïka – k’ëbr’uïka* «берестяной поплавок» [Сало 1966б: 94].

5. Прибалтийско-финским **ē* и **ō*, впоследствии развившимся в *ie*, *uo*, в СТРС, как и в апеллятивной лексике [Kalima 1919: 56–58] соответствуют *e* и *o*, однако примеров мало и не все убедительны, наиболее яркий – *Немюга* <*Немьюга* [ACBP III, № 15], *Немъкуря* (карел. *niemi*, вепс. *nëet* «мыс»). Следует отметить, что основа *немь-* и формант *-немь* на западе региона иногда выступают в виде *ним-* (*Нименьга*), *-ним* (*Чиглоним* [НПЛ, 1419–1420 гг.]), *-нима* (*Хечинима* [НПЛ, 1419–1420 гг.]), что, возможно, отражает эволюцию **ē* > *ie* > *ń* > *u*, для новгородских по происхождению говоров вполне возможную. Ареал -луда в Двинской губе свидетельствует об *uo* > *u* на русской почве, причем Калима [Kalima 1919: 55–58] считает эту субSTITУЦИЮ более древней, чем фин. *io*, вепс. *o* > рус. *o*. Видимо, *луда* – старое апеллятивное заимствование, выступающее в топонимах вследствие ретросубSTITУЦИИ (см. 3.1.2.).

Нельзя исключить, что СТРС в целом отражает относительно более древнее состояние системы прибалтийско-финского вокализма **ē*, **ō* (или *e*, *o*, зафиксированное вепсским языком). Вместе с тем возможно, что на западе региона в специфической субSTITУЦИИ *ie* > *u* и *uo* > *u* отражены уже карельские *ie* и *uo*. Следует, однако, иметь в виду, что в олонецкой группе северорусских говоров между мягкими согласными *ń* > *u* (или очень закрытое *ē*), а в северной – *ń* > *e*, что может привести к затенению системы рефлексов.

Нисходящие дифтонги с *i* передаются сочетаниями *ai*, *ej*, *oi*, *uy*: *Поигозеро* – карел. *poiga*, вепс. *poig* «мальчик», *Куйкалахта* – карел. *kuikka* «тагара». Дифтонги с *u* (*i*) в отдельных случаях также передаются близко к языку-источнику (*Хаукой* – карел. *haukka* «ястреб»), однако обычно перерабатываются в группу *Vb*: *Лавдоя* – карел. *lauda*, вепс.

laud «доска», *Хавкала* – карел. *haukka* «ястреб» и т. п. [Kalima 1919: 59–60].

2.3.3. Адаптация согласных

Вопросы адаптации прибалтийско-финских согласных звуков в целом проще, чем адаптации гласных. Особого внимания требует только субSTITУЦИЯ приб.-фин. *h* > *x*, *g*. Кроме того, необходимо сделать несколько общих замечаний, касающихся усвоения согласных.

Во-первых, геминаты на русской почве обычно упрощаются: *Нокола* – фин. *nokka*, карел. *nokka*, эст. *nokk* «клюв», «нос», «выступ»; ср. топонимы *Nokka*, *Nokkala*, *Nokkola* в Финляндии. Если же они сохраняются, то это свидетельствует об относительно позднем освоении названия: *Леппозеро* – фин., карел. *leppä*, эст. *lepp* «ольха». Топонимы такого рода встречаются на крайнем западе региона. З.М. Дубровина отмечает, что фин. *pp*, *tt*, *kk* в топонимии Ленинградской области в русской трактовке часто выступают без изменения – *Акково*, *Леппязи* [Дубровина 1969: 83]. Это также объясняется неполным усвоением названий.

Во-вторых, очень широко распространено смягчение первого согласного консонантной группы, происходящее в тех случаях, когда второй согласный мягок. Явление это хорошо известно в русском языке. Например, регулярно происходит смягчение *c*, *з* в сочетаниях с *t'*, *d'*, *n'*, *l'*. Обычно смягчается и *h*, перед мягкими губными отмечается как твердые, так и мягкие и т. д. [Рус. грамм. 1980: 28-29]. Эта фонетическая тенденция реализуется и при усвоении субстратной топонимии: *Синдоши*, но *Синьдюк* (< **Синьдюг*), *Канзапелда*, но *Каньзело*, *Ихала*, но *Ихальнема*, *Колдома*, но *Кольдема* и т. д. Из этих корреляций следует, что и в таких случаях, как *Розменьга*, вполне можно допустить смягчение первого согласного перед вторым, мягким по положению (ср. ливв., люд. *ruozme*, вепс. *rozme* «ржавчина на болоте, воде»).

В-третьих, звонкие согласные в интервокальном положении и сочетаниях с сонорными, видимо, могут восходить не только к соответствующим звонким согласным, но и к медиальным. В связи с этим ин-

тересно замечание З.М. Дубровиной о том, что в прибалтийско-финских названиях Ленинградской области начальное *s* передается *c*, а между гласными и в сочетании с сонорными *s > z* [Дубровина 1969: 83].

Из отдельных звуков наибольшую сложность представляет усвоение приб.-фин. *h*. Обнаружена следующая закономерность: почти на всей территории региона в начальном положении приб.-фин. *h* регулярно соответствует рус. *x*: *Хабозеро, Хабокурья, Хабуха* – фин. *haara*, карел. *hoaba*, вепс. *hab* «осина»; *Хайнова, Хайнозеро, Хайноручей* – фин., карел. *heinä*, вепс. *hein*, эст. *hein, hain* «сено», «трава»; *Хярга, Хяргокор* – фин. *härkä*, карел. *härgä*, вепс. *härg* «бык». Исключение представляет район между Лекшмозеро и Кенозеро, где наряду с субSTITУцией *h > x* (*Хижгора, Хемегора, Хергозеро*) отмечается и *h > z* (*Габозеро, Габлахта, Гарозеро*). Иногда начальное *z* встречается также на крайнем западе Вологодской области и в Онежском районе Архангельской¹. Фиксация начального *z* в субстратной топонимии крайне западных районов Архангельской и Вологодской областей хорошо согласуется с тем, что в топонимии Карелии (особенно южной) между Ладожским озером и Онежской губой наряду с *x* в русифицированных формах встречается очень часто и *z*: *Габозеро, Гавгозеро, Гавдозеро, Гаврозеро, Гаужозеро* и т. п.

Я. Калима отмечает колебания в отражении *h* (*z, x*), но не объясняет их [Kalima 1919: 41]. З.М. Дубровина также указывает на эти колебания (*h > z, x*) [Дубровина 1969: 83]. И.В. Сало считает, что в апеллятивной лексике русских беломорских говоров *h > z* (карел. *harva > гарва* «редкая сеть») по той причине, что в этих говорах нет *y* [Сало 1966: 95]. Однако с этой точкой зрения нельзя согласиться, так как почти на всей территории РС нет фрикативного *y* и в русских диалектах употребляется *z*, тем не менее в топонимии *h* регулярно отражается в виде *x*. Это явление, видимо, следует объяснить иначе. В олонецких говорах на территории, примыкающей к Онежскому озеру, в интервокальном положении встречается *y* [Русск. диалект. 1964: 72-73; Аване-

¹ Немногие названия с *z* в анлауте в топонимии бассейна р. Вашка связаны, очевидно, с коми языком.

сов 1949: 137-138, 216], и здесь же в субстратных топонимах широко распространено *г* в анлауте. Эти два факта нельзя не связывать. Очевидно, к прибалтийско-финскому *h* акустически ближе русское *х*. В свою очередь ослабленное *γ*¹ ближе к *h²*, чем к *г* и *х*, но так как *γ* коррелирует с *г*, то, естественно, что *h* передается *г*, что и фиксируется в топонимии. Очевидно, что и апеллятивы типа *гарва* по происхождению связаны с олонецкой территорией.

В других позициях находим как *h > г*, так и *h > х*: *Каргомень*, *Каргозеро*, *Каргоручей*, *Каргоя* – фин., ливв. *karhu* «медведь», *Лагнозеро* – фин., карел. *lahna*, вепс. *lahna* «лещ», но *Ихала*, *Ихалица*, *Ихальнема* – карел. *ihala*, ливв. *ihalu*, *ihal* «красивый», «прекрасный», «живописный (о местности)», *Лахтозеро* – фин., ливв. *lahti*, вепс. *laht* «залив». В одних случаях (*лахт-*) это связано с адекватным русским усвоением, в других (*лагн-*) – с географией топонимов (соответственно зонам начальных *г* и *х*), однако в некоторых основах (*карг-*) *h > г* трудно интерпретировать. Видимо, все же артикуляция *h* между гласными и рядом с сонорными несколько отличалась от позиции анлаута, что и приводило к озвончению (через этап *γ ?*).

2.3.4. Комбинаторные изменения

В заимствованных словах комбинаторные изменения обычны, но особенно часто они происходят в субстратной топонимии, так как в этом случае заимствования десемантизированы. Выявление комбинаторных изменений в топонимах сложно, поскольку условия и направление изменений трудно предугадать, однако можно считать точно установленным, что эти изменения возникают прежде всего на стыке форманта и основы, особенно в тех случаях, когда основа кончается на согласный (или группу согласных), а формант начинается с согласного (*Пильнема* из **Пильднема*,ср. смежное *Пильдозеро*). В частности, ин-

¹ Ср. в говорах северной и олонецкой групп: *доброго ~ доброю ~ доброо* [Аванесов 1949: 216].

² Ср.: «По сравнению с русским *х* финское *h* произносится слабее; это разные звуки, хотя и близкие по звучанию» [Грамм. финск. яз. 1958: 24].

тенсивная фонетическая переработка происходит, когда согласный конца основы взаимодействует с начальным *j* форманта.

1. Среди комбинаторных процессов первое место принадлежит ассимиляции разных типов (ср. в 2.3.3. о смягчении согласного перед мягким согласным), при этом надо заметить, что ассимиляция часто встречается в вариантах топонима, не являясь еще устоявшимся фактом, ср. *Батермола* и *Батербола*. В других случаях ассимиляция прочно закрепилась: так, сопоставление смежных речных названий *Маймарас*, *Тормарас*, *Узнарас* ясно показывает, что в последнем топониме произошла ассимиляция по месту образования (*zm* > *zn*). Ср. еще **Мяндома* > *Няндома* (~ фин. *mänty*, карел. *mändi*, люд. *mänd* «сосна»). Формант *-сора* часто переходит в *-зора* после звонких согласных (*Лавзорка*, *Явзорка*, *Ялзора*).

Особое внимание следует уделить ассимиляции на стыке форманта и основы. Необходимо различать два случая.

1) На месте *j* возникает согласный *л'*. Это обычно происходит после губных (ср. *1 epentheticum*), но отмечено и после других согласных, особенно после *p*. Видимо, появлению *л'* в наибольшей степени способствовало наличие предшествующего губного или плавного *p*. Случай этот настолько распространен и поучителен, что на нем следует остановиться особо.

Оказывается, среди множества названий рек на *-уга* нет ни одного случая употребления интервокальных консонантных групп типа *Сл*, а среди всей массы топонимов на *-уга*, *-юга*, *-уг* и *-юг* нет достоверных случаев фиксации в анлауте сочетаний *лю-*, *ля-*, свидетельствующих о мягком *л'* (но ср. *Латьюга*, *Лоптуога*, *Лундюога*, *Луюга*, *Лантуог*, *Лаптуог*, *Лунтуог*), однако в названиях на *-юга*, *-юг* перед формантом часто появляется звук *л'*: *Евлюга*, *Киперлюга*, *Коглюга*, *Мурлюга*, *Ремлюга*, *Сартлюга*, *Семлюга*, *Томлюга*, *Юрлюга*; *Варлюг*, *Верлюг*, *Томлюг*, *Шарлюг*. Все это указывает на комбинаторную природу происхождения *л'*. Сравнение основ таких названий с основами топонимов других субстратных типов дает неожиданный результат: эти основы больше нигде не засвидетельствованы. Но достаточно отбросить *л'* и появятся парал-

лели: *Вареньга – Варлюг, Верала – Верлюг, Мурлахта – Мурлюга, Томанга, Томаша – Томлюга, Томлюг, Юрома – Юрлюга и др.* Таким образом, л' перед формантом -юг(а) возникает на почве ассимиляции в положении перед j.

Отсюда следует, что надо этимологизировать основы *вер-*, *мур-*, *том-*, *юр-* и др., а не *верл-*, *мурл-*, *томл-*, *юрл-* и др. Сказанное всецело относится и к гидрониму *Шубрюг*, который в живом произношении встречается в вариантах *Шубрюг* и *Шублюг*. Поскольку основа *шубр-* в других топонимах не встречается, а *шубл-* отмечена только в *Шублега*, есть все основания предполагать, что исходной была основа *шуб-* (саам. *suppe* «косина»), засвидетельствованная во множестве случаев (*Шубач*, *Шубова* и т. д.), т. е. **Шубјиг* > *Шублюг* > *Шубрюг* и **Шубјуг(а)* или **Шубјег(а)* > *Шублега*.

Есть и проблематичные случаи. Так, гидроним *Чуплега* сопоставляется с основой *чуп-* (ср. фин. *suppi*, карел. *śipri*, вепс. *śip* «угол»). Действительно, эта река длительное расстояние течет точно с запада на восток, затем круто поворачивает на юг и до впадения в Пинегу течет в этом направлении, образуя тем самым прямой угол. Однако ср. и гидроним *Чублас*.

Переработка групп *Cj* > *Cл'* не является, однако, абсолютно регулярной, ср. *Евлюга*, но *Евьюга*, а также *Нювюга, Попьюга, Цебьюга*.

2) Второй случай совершенно аналогичен первому, только группа *Cj* перерабатывается в *Cн'*, что происходит исключительно в словах, имеющих начальное *н'*, ср. засвидетельствованное в памятниках XV–XVI вв. *Немьюга* и современное *Немнюга* – фин. *niemi*, карел. *niemi*, вепс. *n̄em*, эст. *neem* «мыс»; ср. также *Нельнюга, Нернюга*. Как и следовало ожидать, фиксаций основ *нем-*, *нельн-*, *нерн-* с другими формантами в топонимии РС нет, но в ней широко представлены основы *нем(ъ)-, нел-, нер-*.

Таким образом, наличие группы *Cj* на стыке основы и форманта вызывает ассимиляцию, а ее характер обусловливается предшествующим согласным (губной, *p*), иногда даже на расстоянии (*н'*).

2. Диссимиляция в СТРС также встречается довольно часто, но, как и ассимиляция, не всегда устойчива. Наиболее распространена диссимиляция носовых, которая происходит, например, в форманте *-нема* (~ фин. *niemi* «мыс» и т. п.) > *-лема*, *-рема*, *-нево* (*Чухченема* > Чухчелема, Чухчерема и т. п.) и диссимиляция заднеязычных, при которой *x* > *ф/в* (Пихкало, Пихкозеро, но Пивкова, Пивкозеро (фин., карел. *pihka*, вепс., эст. *pihk* «живища», «смола»)¹. Ср. еще *г* > *x* (*Мегра*, но *Мехренъга* < **Мегренъга*, Ягрема, но Яхренъга < **Яхренъга*).

Заметим, что во многих случаях факт диссимиляции уже трудно установить. Так, выяснилось, что некоторые согласные звуки форманта отсутствуют в основах топонимов данного типа, например, в основах названий на *-Vга* и *-Vн(ь)га* не встречается *г*. В многосложных названиях на *-Vла* (-ала, -ела, -ила, -ола, -ула) интервокальный л в предшествующем слоге вообще не зафиксирован, а начальный отмечен только в единичных случаях (*Лавела*, *Ластола*). Можно поэтому предположить, что происходила диссимиляция латеральных, вследствие которой интервокальный л основы был утрачен (во всех остальных типах он обычен).

В конечном счете, можно даже говорить о тенденции: согласные форманта обычно редки в основе. Не подлежит сомнению, что этот процесс представляет собой диссимиляцию, но трудно сказать, где она происходила – в русском языке или языке субстрата (при освоении субсубстратных названий).

3. Неоднократно засвидетельствована и метатеза: **Шукюмень* > *Шукомень* (ср. р. *Шукша*, на которой находится это урочище), *Чермосола* (в памятниках XV–XVI вв. *Чулмасара*, *Чюлмосара*, *Челмосарка*, *Чеморсалка*). Метатеза отмечена также в форманте *-нем(a)*, *-немь* > *-мень* (ср. в памятниках XV–XVII вв. *Каргонема*, *Кузонема*, *Кургонема* и современные формы *Каргомень*, *Кузомень*, *Кургомень*).

4. Есть бесспорные случаи диерезы, ср. *Пертема* (в памятниках *Пертнема* – карел. *peritti*, вепс. *perī'* «изба», «баня») с выпадением со-

¹ Я. Калима отмечает, что приб.-фин. *h* изредка передается рус. *в* (карел. *pihka* > *pivka*), но не указывает, что в этих случаях происходит диссимиляция [Kalima 1919: 41-42].

гласного на стыке основы и форманта. Т.В. Марадудина, по-видимому, не без основания считает, что диереза гласного и образование трехконтактных групп часто происходили при стечении трех длительных звуков, ср. варианты *Пельшима* и *Пельшема*, а также *Коршима*, *Шоршима*, которые, видимо, первоначально характеризовались формантом *-ема* или *-еима*, ср. еще *Лекимозеро*, *Токимозеро*, где, возможно, сохранилась не только субстратная основа, но и редуцированный формант *-м* [Марадудина 1969: 103-104].

Таким образом, одна из особенностей субстратных топонимов, воспринятых из агглютинирующих языков, состоит в том, что на стыке основы и форманта (детерминанта) вследствие комбинаторных изменений как в языке-источнике, так и при адаптации топонима в языке усвоения может происходить существенная переработка конечных звуков основы вплоть до их исчезновения (*рист-* > *рис-*). Известно, что основы типа *CVC*- в СТРС очень много, причем значительная часть их возникла из основ со структурой *CVCC*- . Естественно, что основы типа *CVC*- (<*CVCC*-) должны вписываться в зону основ со структурой *CVCC*- , что является лингвогеографическим критерием правильности реконструкции. Соответственно семантический критерий состоит в том, что основы типа *CVC*- (<*CVCC*-) не получают убедительных этимологий, кроме тех случаев, когда они случайно совпадут с какими-либо широко распространенными основами типа *CVC*-.

Так, в полукальках с русскими детерминантами, начинающимися на согласный кроме *r* (-*болото*, -*гора*, -*пожня* и т. п.) абсолютно господствуют субстратные основы типа *CVC*- (*Матболото*). Напротив, перед детерминантами с начальным гласным (-*озеро*, -*остров*) и сонантом *r* (-*река*, -*ручей*) наряду с основами типа *CVC*- обычны и названия со структурой *CVCC*- (*Варзозеро*, *Калгучей*). Это доказывает, что перед детерминантами с начальным согласным (кроме *r*) часто происходила диереза и что основа здесь выступает в усеченном виде (*CVCC*- > *CVC*-) [Панаева 1979], ср. **Кыската* > *Кыспала*, *Кыскора* > *Кыссора* [Матвеев 1977б: 167]. В то же время наблюдается диереза начального *r* детерминанта *-ручей* в случаях *Пилькучей* (ср. *Пилькозеро*), *Пермучей* (ср.

Пермозеро), Чургучей (ср. Чургозеро) и т. п. [Панаева 1979: 101]. Следовательно, начальный *p*, как и положено сонанту, столь же терпимо относится к предшествующим группам согласных, что и гласные, но болезненно реагирует на предшествующие консонансы с *л* и особенно *p*, следствием чего является его диереза.

5. Эпентеза отмечена в топониме *Озарнема* (~ карел. *ozra*, вепс. *ožr* «ячмень»), так как предполагается исходная форма **Ozrnem(a)* (при **Ozranema* вряд ли была бы необходимость в метатезе, хотя совсем исключить эту возможность нельзя). Ср. еще *Рандростров* < *Рандостров* (~ карел. *randa*, вепс., эст. *rand* «берег»), в котором под влиянием двух *r* появилось третье вставное. Оба эти примера иллюстрируют взаимодействие звуков на стыке основы и форманта. Допускается также возможность эпентезы *d*, *t* в названиях типа *Ездренъга*, *Пыстрома* [Марадудина 1969: 102-103] (ср. рус. *ндрев*, *страм*), однако трехконсонантная группа **str* была характерна и для прибалтийско-финского праязыка [Setälä 1899: 158-160], поэтому нет необходимости обязательно считать группу *str*, *zdr* результатом эволюции сочетаний **sr*, **zr*.

6. Протеза *в* встречается в своей обычной позиции перед начальным *о*: ср. *Окитома*, *Вождорома* (*Вокитома*, *Ождорома* в памятниках XV–XVII вв.). Кроме *в* можно предполагать и протезу *j*. В субстратной топонимии РС почти не зафиксированы названия с начальным э (только Эдаполы с вариантом *Едолопла* и Эстваж с вариантом *Естваж*), тогда как топонимы, имеющие в анлауте *e* (= *jэ*), многочисленны. Очевидно, звук э в этом положении подвергался на русской почве йотации: в исконных словах русского языка начальное э встречается довольно редко.

7. Комбинаторные процессы охватывают субстратную топонимию очень широко и глубоко, поэтому часто происходят столь серьезные изменения, что при отсутствии исторических свидетельств нет никакой возможности раскрыть былую структуру названия. Сравнение современных устных форм топонимов с более ранними письменными формами тем не менее показывает, что комбинаторные изменения прежде всего затрагивают стык основы и форманта, а также сам формант

(даже русские детерминанты, ср. выше о *-ручей*). Реже они распространяются и на основу. Рассмотрим несколько показательных случаев.

Перхлохта (~ фин. *lahti* и т. п. «залив») > *Перховта*. Здесь происходит диереза в возникшей на стыке основы и форманта группе *rхl* (> *px*) и диссимиляция заднеязычных фрикативных *x - x* > *x - ф* (в).

Рушеягр > *Рушалда*. Изменение столь серьезно, что этапы в его эволюции почти невозможно восстановить. Однако по аналогии с *Конагра*, *Оногра*, *Суегра* и другими озерными названиями на *-Vgra* можно предположить, что лимоним *Рушеягр* был переработан в **Рушагра* или **Рушегра* с последующей диссимиляцией вибраторов *p - p* > *p - л* (по типу *прорубь - пролубь*) и появлением форм **Рушагла* или **Рушегла*. Отсутствие «форманта» *-гла* могло вести к метатезе **Рушалга*, **Рушелга* и втягиванию в ряд названий на *-шалга*, *-шелга* (*Кимшалга*, *Куршиелга*) с последующим переходом в *Рушалда*. Разумеется, истинная эволюция топонима могла быть и иной.

Хехтальма (< **Хехтанема* по диссимиляции носовых) > *Фёхтальма* с последующей диерезой гласного и диссимиляцией заднеязычных фрикативных *x - x* > *ф - x*.

Комбинаторные изменения такого рода были, очевидно, очень характерны для эпохи усвоения субстратной топонимии и продолжаются в настоящее время (ср., например, название деревни *Заворье* < *За Ворьгой* < р. *Ворьга* с возможной народной этимологией к рус. диал. *заворы* «поперечные жерди, закрывающие проход в изгороди»). Так как они искажают первоначальную систему рефлексов, нетрудно понять значение наблюдений над комбинаторными изменениями не только для этимологизации отдельных слов, но и для установления общих тенденций: например, становится ясным, что звук *ф* отсутствовал в субстратных языках РС и появлялся на русской почве только при комбинаторных изменениях¹.

¹ В районе города Кириллова есть несколько гидронимов с начальным *ф*, среди которых могут быть и субстратные (*Фатыма*, *Фонозеро* и др.), но это не меняет картину в целом.

В то же время необходимо иметь в виду, что не все изменения в фонетическом составе субстратных топонимов могут трактоваться как комбинаторные. Например, обращает на себя внимание последовательный параллелизм формантов с начальными *e* и *o*: *-егда* ~ *-огда*, *-ежма* ~ *-ожма*, *-езьма* ~ *-озьма*, *-ема* ~ *-ома*, *-енъга* ~ *-онъга* и т. п. Повидимому, в этих случаях произошло своеобразное приспособление топонимов с их интуитивно выделяемыми на русской почве формантами к русской фонетико-морфологической модели образования сложных слов с соединительными гласными *e* и *o* (*корнеплод*, *овцевод*, *пешеход*, *древосек*, *хлебороб*) или слов с суффиксальными образованиями, имеющими параллельные формы с *e* и *o* (*-евка*, *-овка*, *-енка*, *-онка* и т. д.), т. е. здесь проявляется себя своеобразная фонетико-морфологическая адаптация на стыке основы и форманта.

2.4. Морфологическая адаптация

2.4.1. Усвоение конца слова

Проблема русской морфологической адаптации ауслаута субстратных топонимов имеет большое значение, так как от выяснения характера адаптации во многом зависит установление принципов вычленения и интерпретации формантов. В сущности, эта проблема сводится к тому, возник ли звук *-a* в названиях рек *Немлюга*, *Ухтома*, *Сарчема*, *Сойга*, *Майда* и тысячах других им подобных на русской почве или он восходит к языку-источнику. При этом особую важность представляет решение вопроса об адаптации двухсложных гидронимов на *-a*, так как при анализе многосложных названий обычно не возникает сомнения в существовании форманта и не так уж важно, входит ли *-a* в состав форманта или возник на русской почве.

Почти все исследователи единодушны в том, что окончание *-a* в речных названиях представляет собою результат русской адаптации [Дульзон 1959: 36-40; Попов 1965: 108-110, 114-115; Симина 1962: 89-92 и др.]. Разделяет этот взгляд и автор с той лишь оговоркой, что, по его мнению, *-a* в ряде случаев может восходить и к языку-источнику [Матвеев 1964б: 66-67; 1967: 145-149]. Казалось бы, здесь все уже ясно.

Однако вопрос настолько важен, что стоит еще раз к нему обратиться и кратко изложить свое видение процесса усвоения ауслаута.

Почему иноязычные по происхождению названия рек в русском языке оканчиваются либо на согласный, либо на гласный *-a*, между тем как все другие гласные в абсолютном конце гидронимов не употребляются? Более или менее систематически иные гласные окончания, в частности *-e*, *-o*, встречаются изредка лишь на территориях, население которых обруслено сравнительно недавно, ср. в Восточных Саянах названия рек *Алло*, *Дизо*, *Орье*, *Пезо*, *Улье* и т. п. Обычно же названия на согласный при заимствовании подводятся под тип склонения мужского рода¹, а названия на *-a* закономерно включаются в тип склонения женского рода на *-a*. Проблему создает только усвоение иноязычных топонимов с такими конечными гласными, которые для русского языка нехарактерны.

Морфологическая адаптация, представляющая собой средство приспособления иноязычного материала к усваивающему языку, при всем разнообразии ее путей не может не отражать закономерностей усвоения: иноязычные факты, несоответствующие морфологическим категориям языка адаптации, вводятся в его систему, в определенные морфологические разряды слов. Поэтому факты адаптации в основном регуляры, что, кстати, и доказывается закономерностью соотнесения названий на твердые согласные и гласный *-a* с аналогичными морфологическими моделями русского языка.

Это полностью согласуется с тем общепризнанным взглядом, что заимствованные слова (*Lehnwort* в отличие от *Fremdwort*) усваиваются в соответствии с закономерностями заимствующего языка². Так, все прочно усвоенные (склоняемые) существительные русского лите-

¹ Названия на согласный в гидронимии могут перейти в группу слов женского рода на *-a*, увеличивая ее численность, но этот переход нерегулярен. В апеллятивных заимствованиях он также встречается и тоже незакономерен [Матвеев 1959: 99-100].

² Ср.: «Получившие право гражданства иностранные слова подвержены всем происходящим в языке звуковым изменениям, ничем не отличающимся в этом отношении от всех остальных его слов» [Пауль 1960: 465]; ср. еще: «Иностранный языковой элемент становится заимствованием только тогда, когда он употребляется в языковых актах отдельных лиц по образцу традиционных элементов» [Пиззани 1956: 58].

турного языка в единственном числе не могут характеризоваться окончаниями *-и*, *-у*, а в говорах изменяются даже *депо* и *кино* (род. ед. *депа*, *кина*). Исключения из этого правила типа *какаду*, *кенгуру*, *колибри* относятся к числу неосвоенных экзотических слов или сравнительно недавних заимствований как *жюри* [Крысин 1968: 36, 49-51]. Это означает, что для прочно усвоенных слов, какими всегда являются давно воспринятые субстратные топонимы, следует допустить регулярный переход названий, имевших окончания *-и*, *-у* в языке-источнике в ту или иную морфологическую группу слов русского языка. При этом для гласного окончания, разумеется, наиболее обычна замена на гласное же окончание (*-а*, *-е*, *-о*) как по причине стремления языка к адекватной замене двусложной заимствованной структуры на двусложную, так и вследствие необходимости сохранения гласного окончания при наличии двух согласных в основе. Однако окончание *-а* в гидронимии оказывается единственным гласным окончанием, поскольку субстратные названия рек адаптируются по модели женского рода *вода*, *река* (ср. в названиях смежных объектов *Кургозеро* – р. *Курга*, *Шардозеро* – р. *Шарда*), тогда как в микротопонимии широко распространены и субстратные названия на *-е*, *-о* (ср. названия полей *Каньзело*, *Уронемо*). Таким образом, в число гидронимов на *-а* должны войти все названия, имевшие в языке-источнике окончание на различные гласные звуки (*i*, *e*, *u*, *o*, *a* и т. п.).

Обратимся теперь к апеллятивным заимствованиям, морфологическая адаптация которых прозрачна и потому особенно показательна. В известной работе Я. Калимы «Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen» [Kalima 1919] приводится 430 русских существительных прибалтийско-финского происхождения, выявленных в севернорусских говорах (имеются в виду основные варианты, вынесенные в заглавия словарных статей). Из них только три зафиксированы в форме среднего рода: *гарьё* «плоский берег, видимый с моря», *пуло*, *пульё* «поплавки, поддерживающие невод в вертикальном положении» и *себье* «деревянные крюки для укрепы на дне моря сетей», но и эти формы являются собирательными. Есть еще несколько параллельных образований типа *копало* при обычном *копала* «глухарка», *нодьё* при обычном *нодья* «вид

охотничьего костра». Следовательно, группа существительных среднего рода в русских диалектах почти не обогащается за счет заимствований, которые становятся существительными мужского или женского рода. Аналогичные результаты дало изучение морфологической адаптации финно-угорских заимствований в русских говорах Северного Урала: из 200 слов только одно имело форму среднего рода [Матвеев 1959: 100].

Посмотрим теперь, как усваиваются иноязычные слова с исходом на гласные. Интересный материал приведен в упомянутой работе Калимы [Kalima 1919: 63–70]: 1) приб.-фин. окончанию *-a*, *-ä* обычно соответствует рус. *-a*: *maksa* > *макса*, *rändä* > *рянда*; 2) приб.-фин. *-o* – рус. *-a*: *luodo* > *луда*, *orgo* > *орга*; 3) приб.-фин. *-i* – рус. *-a*: *korbi* > *корба*, *lahti* > *лахта*; 4) приб.-фин. *-u*, *-ü* – рус. *-a*: *tuhu* > *туха*, *mändü* > *мянда*. Таким образом, конечные гласные прибалтийско-финских слов регулярно передаются русским *-a*. Исключения из этого правила (*lohi* – *лох*) очень редки. Но то, что справедливо для апеллятивной лексики, еще более верно для топонимии, поскольку субстратные топонимы являются особым видом заимствованных слов, которые в силу своей десемантизации испытывают со стороны морфологических моделей значительно большее воздействие, чем апеллятивы (см. ниже). Именно поэтому в СТРС нет названий рек, которые в исходе имели бы какой-либо другой гласный, кроме *-a*.

Более того, окончание *-a*, замещающее прибалтийско-финские *i*, *e* и т. п., фиксируется не только в гидронимии, но и в ойконимии и микротопонимии (*-lahti* > *-лахта*, *-peldo* > *-пелда*), причем наличие консонантной группы создает дополнительные условия для возникновения на русской почве гласного окончания, т. е. *-a*. Однако определяющим является согласование по роду. Это хорошо подтверждают исторические памятники. Так, в «Переписной окладной книге Вотской пятины» (ПОКВП 1852) карельские *järvi* «озера» и *laksi* «залив» передаются только в формах *-ярва* (*-ерва*) и *-лакши*, но надо иметь в виду, что соответствующие названия прилагаются не к озерам (озеро – сп. р.) и заливам (залив – муж. р.), а к деревням (деревня – жен. р.) (ср. [Симина 1962: 89]). Таковы *Узерва*, *Кимерва*, *Петерва*, *Ульлиярва*, *Кирбиярва*, *Рюри-*

киярва, Косутъярва, Равдоярва, Унисъярва, Ускоярва, Кокоярва, Сарь-ярва, Ругоярва, Корбоярва, Пуроярва, Уксоярва, Ригоярва, Яглиярва, Вагвоярва и др.; Кюлолакша, Равдолакша, Латилакша, Вочелакша, Габалакша, Кочелакша, Соролакша, Сандолакша, Имбилакша, Сиголакша, Леполакша, Игалакша, Ялгалакша и др. Следует добавить, что и названия на *-лахта*, *-пелда* и т. п. во многих случаях представляют собой названия деревень, являясь микротопонимами только по происхождению.

Засвидетельствовано множество примеров доказанной русской адаптации этого типа, ср. в гидронимии: фин. *Vuoksi* – рус. *Вуокса*, карел. *Yläjoki* – рус. *Улялега*, морд. *Урлей*, *Пишлей*, *Кудолей* – рус. *Урля*, *Пишля*, *Кутля* [Смирнов 1895: 9]; к.-perm. *Пышью*, *Кордью*, *Кузью*, *Шудью*, *Урю* – рус. *Пышья*, *Кордья*, *Кузья*, *Шудья*, *Урья* [Кривошекова-Гантман 1965: 39] и т. п. Гидронимы на *-вожса*, *-боjsa* в низовьях р. *Вашка*, восходящие к коми-зырянским названиям на *-вожс* (*Байдвожса*, *Лумбожса* и др.), также иллюстрируют наличие общей тенденции к усвоению субстратных названий по аналогии к словам *вода*, *река* [Матвеев 1965б: 31-34].

В субстратной топонимии находим и другие примеры усвоения названий в соответствии с родом географического термина, свидетельствующие о значительно большей роли морфологических моделей в топонимии по сравнению с нарицательной лексикой: оз. *Оногро* – р. *Оногра* [СГКЭ II, № 100], оз. *Водло* – р. *Водла*, оз. *Ковдо* – р. *Ковда*, оз. *Узерво* – р. *Узерва* [КБЧ: 152-153]; оз. *Онёго* (местное название Онежского озера) – р. *Онега*¹; о. *Мудьюг* – р. *Мудьюга* (Прим), мыс *Шиднем* – д. *Шиднема* (Бел). Хороший пример приводит Г.Я. Симиша: гор. *Пинег* – р. *Пинега* («Ф Пинегу две церкви были») [Симиша 1962: 90-91]. Все это позволило А.И. Попову говорить о параллельных рядах речных названий на *-ма* и озерных на *-мо*: р. *Палежма* – оз. *Палежмо* [Попов 1965: 108]. Есть факты, указывающие на активность этих адаптационных моделей в относительно недавнее время, ср. названия полей *Уранемо*, *Чоманемо* (поле – ср. р.).

¹ Ср. также оз. *Волго* – р. *Волга*, зафиксированные уже С. Герберштейном [Герберштейн 1908: 113].

Резюмируем. Широкое распространение окончания *-а* в субстратной топонимии бесспорно объясняется влиянием лексико-морфологических моделей *вода*, *река* и *деревня*, а также объективными закономерностями морфологического освоения конца слова в русском языке. Однако не следует упрощать. В некоторых случаях окончание *-а* могло возникнуть на почве полной переработки детерминанта, ср. *Тырва*, р. (Холм) < *Тырвя* [ДГ, № 11], а также параллельные формы гидронимов *Унзбой* ~ *Унзба*, *Шиньбуй* ~ *Шиньба* (басс. Шексны). Иногда двусложное название на *а* образуется из трехсложного в результате диэрезы (см. 2.3.4.). С другой стороны, конечное *-а* могло быть и в языке-источнике. Так, оно часто встречается в саамском языке, а саамский компонент в СТРС прослеживается достаточно хорошо. Тем не менее из сказанного следует, что выделение формантов (= «речных суффиксов») типа *-ба*, *-га*, *-да*, *-ма* и пр. с дорусским *-а* в двухсложных гидронимах невозможно сколько-нибудь доказательно обосновать. Действительность же показывает пестроту образований подобного рода. В то же время сравнение двусложных топонимов на *-а* с многосложными, характеризуемыми той же основой, свидетельствует о существовании среди двусложных названий большого количества эллиптических наименований, представляющих собою субстратные основы, осложненные русской адаптацией.

2.4.2. Редеривация

В СТРС встречаются названия с формантами, которые не интерпретируются как географические термины в роли топонимов и не получили удовлетворительного объяснения как словообразовательные суффиксы финских языков. Таковы, например, топонимы с формантом *-Уэс* (*Ваймэж*, *Пудож*). Возможно, что эти и некоторые другие названия возникли уже в русском языке в результате редеривации.

Название населенного пункта *Пудож* в Карелии близ границы с Архангельской областью, расположенного на протоке р. Водла, М. Фасмер сопоставлял с фин. *pudas*, карел. *puvaš* (род. ед. *pudahan*) «круяв реки», «проток», указывая при этом, что народная форма прилагатель-

ного от *Пудож* – *Пудожемский* образуется как *Уфимский* от *Уфа* [Vasmer 1934: 404]. Позднее карельские ученые, уточняя эту этимологию, сравнили название *Пудож* с вепскими и карельскими данными и построили словообразовательный ряд *Pudahan* – *Пуда(о)га* – *Пудожский* – *Пудож* [Керт, Мамонтова 1982: 76-77], который фактически может рассматриваться как случай редеривации.

Указанная Фасмером народная форма прилагательного *Пудожемский* со своей стороны аналогична определяющей части названия *Пудожемский рукав* (*Пудожемское устье*) в дельте Сев. Двины, позволяющего реконструировать исходную форму топонима в виде **Пудога*. В то же время возникает соблазн извлечь из названия двинского устья форму **Пудожма*, которую можно было бы сопоставить с гидронимами на *-Ужма*. Уже этих примеров достаточно для того, чтобы показать важность учета фактической и потенциальной редеривации при интерпретации субстратных топонимов.

Так, название самого значительного притока Мезени р. *Вашка* < *Важска*, засвидетельствованное в грамоте 1471 г. [ACBР III, № 15], может быть связано как с наименованием *Vaga* (> *Важска*), так и с обозначением притока в одном из субстратных языков РС – **Важ* (< **важ*) > *Важска*. Но столь же вероятно, что название *Vaga* извлечено из *Важска*. Все это в равной мере относится и к наименованию крупного притока Сев. Двины реки *Vaga*.

Возможности интерпретации субстратных топонимов расширяют и «аномальные» формы оттопонимических прилагательных. Так, при закономерных *Вологда* – *Вологодский*, *Вычегда* – *Вычегодский*, зафиксированы *Вожега* – *Вожегодский*, *Синега* – *Синегодский*, *Ёрга* – *Ёргодский*, *Шемокса* – *Шемогодский*, *Шомокша* – *Шомоходский* (*Шомогодский*), *Шохта* – *Шогодский*, а также *Пожег* – *Пожегодский* в Республике Коми. Возникновение этих форм скорее всего связано с аналогией к общеизвестному *Вологда* – *Вологодский*, обусловлено эвфоническими причинами и в принципе относится к явлениям того же порядка, что и *Уфа* – *Уфимский* (см. выше). С учетом этого можно при засвидетельствованном *Виледь* – *Вилегодский* восстанавливать древнюю форму

гидронима в виде **Вилегда*. В то же самое время нельзя исключить, что формам *Вожега* и *Синега* предшествовали **Вожегда* и **Синегда*, вытесненные с течением времени намного более популярными на РС названиями на *-ега*. И уже совсем загадочная ситуация складывается в случаях *Маега – Маегонский* и *Еленга – Елегонский*, так как, принимая во внимание редеривационные процессы, можно допустить, что из **Маеньга* (через *Маегонский*) возникло *Маега*, а из **Елега* (через *Елегонский*) – *Еленга*.

Достаточно надежным средством, позволяющим снять сомнения в подобных случаях и уменьшить амплитуду этимологического выбора, является лингвогеографический анализ, но его эффективность велика применительно к многочисленным топонимическим типам. Если же топонимы с неясными по семантике формантами встречаются редко и имеют рыхлый ареал, есть большие основания считать, что перед нами своеобразные фантомы, порожденные русским усвоением. Возможно, к числу топонимов с такими «пустыми» формантами относится на РС часть названий на *-огда*, *-егда*, *-ожма*, *-ежма*, *-ож*, *-еж* и ряд других.

2.5. Структура субстратных топонимов РС

2.5.1. Географические термины в субстратной микротопонимии РС

Топонимические исследования должны основываться на фундаменте прочно установленных фактов. Это обуславливает необходимость ретроспективного рассмотрения материала, т. е. последовательного изучения топонимических пластов, начиная с наиболее позднего. В силу относительно регулярной зависимости между величиной объекта и древностью его названия в микротопонимии должен отражаться преимущественно верхний слой субстрата. Следовательно, в тех случаях, когда субстратная топонимия содержит много микротопонимов, наиболее логично первоначально изучить микротопонимию, в подавляющем большинстве случаев более позднюю по сравнению с гидронимией или одновременную с ней, но никак не более раннюю.

На большинстве территорий РС вследствие длительного контакта русских с чудью субстратная микротопонимия представлена достаточно хорошо и менее деформирована, чем более древняя гидронимия. Поэтому микротопонимы в большей степени, чем гидронимы, прозрачны для этимологического анализа и могут служить базой для последующих разысканий в области гидронимического субстрата.

Структурные типы субстратных микротопонимов тождественны структурным типам субстратных гидронимов и сводятся к хорошо известной в агглютинативно-суффиксальных языках триаде: 1) существительное (очень часто географический термин), которое может быть осложнено аффиксом; 2) атрибутивное сложение, представляющее собой сочетание имени (существительного, прилагательного, числительного), которое также может быть осложнено аффиксом, с существительным – географическим термином (детерминантом); 3) эллиптический топоним, возникший из атрибутивного сложения вследствие утраты детерминанта. Уже эта классификация показывает, сколь важное место занимают географические термины в системе субстратной микротопонимии.

Однако выявление географических терминов, употребляемых в субстратной микротопонимии, имеет большое значение еще и потому, что вследствие разнообразия микрообъектов эти термины очень многочисленны, что существенно для установления языка-источника и определения его ареала, а также создает необходимые условия для проверки предположения о принадлежности терминов одному языку. Кроме того, изучение микротопонимии способствует исследованию субстратных названий населенных пунктов, которые на РС обычно восходят к соответствующим микротопонимам¹, являясь их метонимическими корреля-

¹ Разумеется, к микротопонимам восходят не все субстратные названия населенных пунктов: часть из них произошла от гидронимов (ср. р. *Юмиж* > с. *Юмиж*), а некоторые характеризуются специфическим прибалтийско-финским суффиксом места *-la* (*Корбала*, *Ракула*), так что трудно установить, существовало ли название урочища до возникновения населенного пункта. В то же время и противопоставление микротопонимов гидронимам относительно, поскольку в одних случаях гидронимы вторичны по отношению к урочищам (мыс *Пурнема* > р. *Пурнема* [Vasmer 1934: 416]), а в других урочища получают свое наименование по гидрообъектам (р. *Каргой* > ур. *Каргой*).

тами (ср. название деревни *Канзапелда* ~ ливв. *Kanzapeldo* «Семейное поле», «Общинное поле»).

Таким образом, роль географических терминов в формировании субстратной микротопонимической номенклатуры очень значительна, при этом в отличие от гидронимических терминов, обычно извлекаемых из названий посредством этимологического анализа, географические термины, встречающиеся в микротопонимии, могут употребляться и в русской апеллятивной лексике. Это ведет к неразличению субстратных топонимов и названий русского происхождения, восходящих к заимствованным апеллятивам. Следовательно, фиксация термина в лексике русских говоров, позволяющая установить семантику соответствующих микротопонимов и способствующая раскрытию их происхождения, вместе с тем уменьшает ценность этих названий для определения границ субстратного лингвоэтнического ареала. М. Фасмер счел нужным специально подчеркнуть, что топонимы *Сельга*, *Мандера*, *Лахта*, несмотря на финское происхождение соответствующих апеллятивов, не свидетельствуют о том, что данные объекты получили названия от финского населения. Эти заимствования усвоены русским языком, а топонимы могли иметь русское происхождение, возникнув, например, при переселении русских. Такие названия нельзя поэтому использовать при топонимических исследованиях [Vasmer 1934: 365]. Высказанное Фасмером положение верно в принципе, но оно не охватывает всех возможных случаев употребления терминов в топонимии¹.

Интерпретация топонимического материала, собранного на территории РС, свидетельствует о том, что необходимо различать несколько случаев бытования географических терминов в субстратной микротопонимии, дифференцируемых по употреблению терминов в роли детерминантов, в качестве топонимов, а также по наличию или отсутствию соответствующих терминов в апеллятивной лексике русских говоров.

¹ Сам Фасмер нарушал это правило, ср. анализ таких топонимов, имеющих в лексике русских говоров апеллятивные соответствия, как *Лухта* [Vasmer 1934: 379], *Салма* [Vasmer 1934: 392, 405], *Лахоукая* < *Лахта* [Vasmer 1934: 417].

1. Термины встречаются только в роли детерминантов, случаи их употребления в качестве топонимов неизвестны, в апеллятивной лексике местных русских говоров термины не засвидетельствованы. Значение терминов устанавливается при сопоставлении ряда топонимов с рядом обозначаемых объектов. Степень надежности при воспроизведении субстратного лингвоэтнического ареала очень высока, так как почти исключается употребление терминов в русских народных говорах (даже в прошлом). Названия такого рода встречаются в субстратной микротопонимии РС довольно часто, ср. *-нем(a)*, *-пелда*, *-ранда*, *-солово* (см. 3.1.).

2. Термин бытует как детерминант и в топонимическом употреблении, но отсутствует в апеллятивной лексике русских говоров. Степень надежности при установлении ареала высока, но несколько меньше, чем у группы 1, так как термины в качестве топонимов (а теоретически и в функции детерминантов, хотя возможность этого очень невелика) могут восходить к русским диалектам, которыми они были сперва восприняты, а затем утрачены. Наиболее сомнительны случаи употребления терминов в роли топонимов, зафиксированные вне ареала названий с соответствующими детерминантами. Значение терминов также устанавливается при сопоставлении ряда топонимов с обозначаемыми объектами. К этой группе относится, например, *-лойда*, *-матка*, *-пога* (см. 3.1.).

3. Известны все три типа функционирования географических терминов. Надежность высокая, но все же ниже, чем у 1 и 2 групп, так как возможна ретросубституция (см. 2.2.). Этот случай бытования терминов встречается очень часто, ср. *-лахта*, *-луда*, *-шалга* (см. 3.1.).

4. Термин засвидетельствован только в топонимическом употреблении. Надежность при установлении лингвоэтнического ареала ниже, чем у 3, а особенно 2 и 1 групп, так как нельзя исключить русское посредство (с последующим исчезновением слова из русского диалекта). Этот тип бытования терминов встречается нечасто и обычно характеризуется ограниченным количеством фактов, ср. *Вонга*, *Чарокша* (см. 3.1.3.).

5. Термин неизвестен в роли детерминанта, но обычен в качестве топонима и бытует в лексике местных русских говоров. В практике топонимических исследований такие случаи функционирования терминов встречаются очень часто. При обширности ареала их надежность для лингвоэтнических сопоставлений минимальна. Так, если ареалы термина-топонима и соответствующего апеллятива совпадают со всей территорией распространения говоров РС или близки к этому, название не должно учитываться при ареальном исследовании субстратной топонимии, поскольку очень возможно его русское происхождение. Таковы *Лухта* (*лухта* «заливной луг»), *Чёлма* (*чёлма* «пролив») и т. п.

На табл. 5 воспроизведено соотношение всех рассматриваемых случаев употребления географических терминов¹ в порядке убывания надежности при установлении лингвоэтнического ареала².

Табл. 5

№ п/п	Термины			Значение термина
	в роли детерминанта	в качестве топонима	в функции апеллятива	
1.	<i>Канзапелда</i>	—	—	«поле»
2.	<i>Ирдоматка</i>	<i>Матка</i>	—	«путь»
3.	<i>Майлахта</i>	<i>Лахта</i>	<i>лахта</i>	«залив»
4.	—	<i>Вонга</i>	—	«комут»
5.	—	<i>Чёлма</i>	<i>чёлма</i>	«пролив»

Реальная картина употребления географических терминов в субстратной микротопонимии еще сложнее, поскольку термин на одной территории может быть известен и как апеллятив, и как топоним, а на другой – только как топоним. Поэтому топонимический ареал, как правило, шире соответствующего лексического или совпадает с ним.

¹ Возможны еще два случая: 1) термин зафиксирован только в апеллятивной лексике, 2) термин известен в роли детерминанта и в апеллятивной лексике. Первый случай не имеет отношения к рассматриваемому вопросу, второй пока не засвидетельствован и вообще маловероятен.

² Конечно, всегда могут быть последующие уточнения, в результате которых термин из одной группы должен будет перейти в другую. Так, при обнаружении топонима **Пелда* соответствующий термин из группы 1 перейдет в группу 2.

Усвоение географических терминов в микротопонимии – весьма сложный и длительный процесс, связанный как с периодом ассимиляции чудских языков, так и с процессом усвоения заимствования уже в самом русском языке. Есть некоторые факты, подтверждающие предположение о том, что некогда русскому населению были известны такие заимствованные апеллятивы, которые в настоящее время отмечаются только в топонимии. В частности, фиксация субстратного топонима во множественном числе часто свидетельствует о том, что перед нами географический термин, утраченный апеллятивной лексикой. Так, вероятны «скрытые» географические термины в названиях *Пелтасы*, *Хаймы*, *Шидры*, *Ягры* и некоторых других (ср. 2.2.).

2.5.2. Структурные типы субстратной топонимии РС

Способы построения топонимов отнюдь не универсальны. Они определяются прежде всего структурным типом языка-источника и распространенными в этом языке моделями словообразования и словосочетания. В структурно-словообразовательном отношении субстратные топонимы РС образуют три группы: 1) собственно субстратные топонимы, характеризуемые субстратными основой и формантом (*Неми-юга*, *Роч-уга*), при этом формант может быть этимологически ясен, затемнен и опущен (в случае эллипсиса), 2) топонимы-полукальки («полупереводы») с субстратной основой и русским географическим термином-детерминантом (*Каргозеро*, *Кушерека*), 3) топонимы с субстратной основой и русским аффиксом или аффиксами (*Лопозеро* > р. *Лопка*). В свою очередь собственно субстратные топонимы РС тоже членятся на три в количественном отношении очень неравные группы.

Первую, относительно небольшую, группу образуют односложные субстратные топонимы (ср. названия рек *Из*, *Ледъ*, *Пыш*, *Юг* и др.), которые оканчиваются на согласный и в своем большинстве представляют собой эллиптические формы, возникшие вследствие утраты форманта (ср. *Пыш* и *Пышега*) или географические термины в топонимическом употреблении (ср. *Юг* «Река» и *Рыстюг*).

Вторую, во много раз более значительную группу составляют двухсложные и многосложные названия с формантами типа *-VC*, причем согласными обычно являются спиранты *c*, *ш*, *ж* и аффриката *ч* (ср. *Илас, Юрас; Нондрус, Шултус; Кумыш, Ягрыш; Ваймеж, Юмиж; Колкач, Шубач* и т. п.). От них следует отличать образования с детерминантами *-важ* «приток» (*Реваж, Эстваж*), *-бой*, *-вей*, *-ой*, *-уй* «речка» (*Андобой, Вырвей, Мурдой, Сямуй*), *-юг*, *-уг* «река» (*Нюрюг, Мичуг*), *-немь* > *-мень* «мыс» (*Шардонемь* > *Шардомень*) и некоторые другие.

Наконец, третью, самую многочисленную группу субстратных топонимов образуют двухсложные и многосложные названия с исходом *-CV*, точнее *-Ca*. Сразу же следует заметить, что объединение двухсложных названий на *-Ca* с многосложными в огромном большинстве случаев обусловлено только наличием общего окончания *-a*, в сущности же это типологически разные названия.

Двухсложные топонимы на *-a* во многих случаях относятся к названиям рек и возникли в результате русской адаптации эллиптических форм (субстратных основ) по образцу слов *вода, река* (*Кожозеро* и р. *Кожса, Тегрозеро* и р. *Тегра*), т. е. они приобрели окончание *-a* на русской почве. Возможны и другие пути образования двухсложных на *-a*, например, переход трехсложных названий в двухсложные, связанный с диерезой гласного после мягких согласных (*Луюга* > *Луйга, Союга* > *Сойга, *Кудема* > *Кудьма* и т. п.). Могут быть среди наименований этого типа и географические термины в топонимическом употреблении. Естественно, интерпретация каждого такого случая требует обоснования. По этой причине в двусложных топонимах на *-a* нецелесообразно без дополнительной аргументации выделять форманты *-ба, -да, -га, -жса, -за, -ма, -са, -та* и т. п. Хотя все эти названия относятся к одному формальному типу двусложных на *-a*, они могут восходить к совершенно разным источникам. Практически в финалях таких топонимов, как *Корба, Ёрга, Варда, Кивжса, Ижма, Мокса* и т. п. приходится видеть псевдоформанты, и лишь в некоторых случаях со временем удастся доказать, что в финали *CV* скрывается редуцированный формант.

Трехсложные и четырехсложные названия на *-а* образуют наиболее важную группу среди субстратных топонимов как вследствие многочисленности, так и богатства содержащейся в них информации, поскольку они, как правило, сохраняют основу и формант.

Среди этих названий прежде всего выделяется многочисленная группа топонимов с ясно выраженным детерминантами, значение которых установлено: *-ега, -ога, -уга, -юга* «река» (*Пинега, Андога, Рочуга, Менъюга*), *-егра, -огра* «озеро» (*Суегра, Оногра*), *-лахта, -лохта* «залив» (*Маткалахта, Янголохта*), *-пелда* «поле» (*Канзапелда*), *-ранда* «берег» (*Кукранда*) и др. Сюда же относится группа ойконимов и микротопонимов с локативным аффиксом *-ла* (*Веркола, Корбала*). Им противостоят столь же многочисленные в основном гидронимические названия с формантами, семантика которых до сих пор не определена или спорна: *-Vн(ь)га* (*Яхреньга, Салонга*), *-Vма* (*Кирчема, Андома*), *-Vжма* (*Маложма*), *-Vзыма* (*Селезьма*), *-Vса* (*Ираса, Нюгуса*), *-Vкса* (*Варзокса, Кирокса*), *-Vша* (*Томаша, Ваймуша*), *-Vкиша* (*Канакиша, Шомокши*), *-Vнда* (*Веренда, Чаронда*), *-Vгда* (*Вологда, Рочегда*) и др.

Формант нередко реализуется в ряде вариантов, ср. *-анъга, -енъга, -инъга, -онъга*, обобщенно *-Vньга*. Встречаются группы родственных формантов (*-Vкса, -Vкиша*). Естественно, что подобное варьирование может восходить к языку-источнику (языкам-источникам) и явиться результатом русской адаптации. Так, например, колебание *-бой / -буй* (*Ангобой, Шидбой – Хамбуй, Шиньбуй*), допустимо связывать с языком-источником, хотя оно могло появиться и на русской почве. Напротив, варианты *-бово* (*Шидбово*), *-ба* (*Шиньба*) явно возникли в русском языке. Аналогичны случаи *Луюга > Луйга, Солуга > Сойга*, на которые уже указывалось. Таким образом, форманты живут в целом ряде синхронических и диахронических вариантов. Установление связей между ними нередко является очень сложной задачей, решению которой всегда способствует картографирование.

Части субстратного топонима, остающейся после выделения форманта (предшествующей форманту) и именуемой основой (токоосновой), ср. *Перт-оя, Шуб-оя, Явер-оя*, где формант *-оя* «речка», основы –

перт-, *шуб-*, *яэр-*, на уровне языка-источника соответствует определяющая часть атрибутивного словосочетания или словосложения, ср. карел. *Perttioja* (*pertti* «изба», *oja* «речка»).

Эффективным приемом выявления формантов является сопоставление ряда топонимов с общей основой как смежных (*Сытуга – Сытозеро*, *Ундоша – Ундозеро*, *Юменьга – Юмозеро*), так и несмежных (*Чёлмохта, Чёлмус, Чёлмозеро*).

Часто встречающиеся основы объединяют различные структурные типы (в том числе и полукалькированные), ср. *Пертеньга, Пертнема, Пертоя, Пертуга, Пертозеро*. Картографирование таких основ имеет большое значение для изучения субстратной топонимии. При этом существенна задача сведения к исходной основе ее вариантов, базирующаяся на принципе дополнительной дистрибуции и, в частности, на положении, что основа типа *CVCC*- обычно сохраняется перед гласным, но может быть переработана в *CVC*- перед согласным, ср. *Мустюга*, но *Музгумзь* < **Mus(t)gumzь*, *Ристемень*, но *Рислууда* < **Ric(t)luda* (подробнее см. 2.3.4.).

В СТРС крайне редки названия, в которых можно выделить две основы или два форманта. Случай типа *Шереньга – Вамишереньга, Паденьга – Паишаденьга* в наименованиях смежных объектов при этом объясняются наличием дополнительного дифференцирующего определения (основы *vam-*, *pash-*). Отсутствие же «двойных» формантов (ср. редкое по структуре название *Ухтомъярское* < **Uxt-om-яр*), на первый взгляд, весьма странное, может получить объяснение на базе тезиса о нечленности и семантической неясности субстратных топонимов для носителей функционирующего языка с агглютинативно-суффиксальным строем [Матвеев 1989б: 9].

Фонетическая и морфологическая адаптация и взаимовлияние топонимических типов сильно затемняют и усложняют и без того многообразную структурную организацию СТРС, порождая множество модификаций формантов, которые необходимо сводить к единым архестипам.

2.6. Проблемы стратификации субстратной топонимии РС

Едва ли не самую сложную проблему при изучении субстратных топонимов, даже если пути их этимологизации просматриваются достаточно хорошо, составляет стратификация – установление относительной хронологии топонимических пластов в ретроспективной последовательности, начиная с верхнего – русского пласта (о послойном анализе названий см. [Дульzon 1959]). Это в наибольшей степени способствует объективизации метода, так как изучение начинается с современного топонимического материала. Однако топонимия вследствие своей структурной ограниченности и зависимости от адаптации далеко не всегда открывает возможности для стратификации, которая становится поэтому одним из наиболее уязвимых мест топонимического анализа. Не исключение и РС с его многочисленной, пестрой по генетическому составу и структурным типам топонимией, образующей сложную мозаику ареалов, соотношение которых устанавливается с большим трудом. Мало помогает и «метод географических терминов», якобы последовательно наслаждающихся в агглютинативно-суффиксальных языках при освоении топонимии аборигенов пришельцами и тем самым прямо указывающих на соотношение топонимических типов и пластов. Это явление факультативно [Матвеев 1989б: 8-10], а на РС фактически отсутствует: при неясной семантике основы индикатор класса географического объекта в сущности излишен. Во всяком случае известно немного таких показательных примеров, как название озера *Ухтомъярское*, в котором, кроме основы *ухт-*, четко выделяются русское оформление (*-ское*), прибалтийско-финско-саамский или волжско-финский «озерный» формант (*-яр-*) и загадочный компонент *-ом(ь)-*, являющийся гидрографическим термином или словообразовательным суффиксом, причем последнее более вероятно (о гетерогенности лимнонима *Ухтомъярское* см. также [Vasmer 1934: 380-381]).

Поскольку «наслаждение» формантов не может сколько-нибудь эффективно использоваться для построения стратиграфической схемы, необходимо учитывать и другие данные, которые могут помочь определить соотношение топонимических пластов хотя бы в общем виде и

способствовать процессу стратификации в целом – этнотопонимию и апеллятивные заимствования, чтобы затем обратиться к собственно топонимическим фактам – микротопонимии, обычно принадлежащей к верхнему пласту субстрата, и некоторым типологическим, ареальным, фонетическим и этимологическим характеристикам топонимов.

Этнотопонимия РС уже изучалась [Пантелеева, Янчевская 1966; Попова 1999]. Результаты ее исследования таковы.

1. В этнотопонимии РС с разной частотой отражены этонимы *карела* (*корела*), *чудь*, *самоед* (*самоед*), *пермь*, *лопь* (*лопарь*), *черемиса*, *меря*, *югра*.

2. Этнотопонимы, производные от *лопь* (*лопарь*) и *черемиса* встречаются редко. Несколько названий, связанных с этонимом *лопь* (*лопарь*) отмечены на западе региона, производные от *черемиса* – на крайнем юго-востоке. Засвидетельствован единичный этнотопоним от *югра*, по-видимому, связанный с каким-то переселением. Русские могли иметь на РС прямой контакт с отдельными группами всех этих народностей.

3. Этнотопонимы, производные от *самоед*, распространены в северной части региона близ Белого моря между Мезенью и Онежской губой и связаны с довольно поздним проникновением ненцев на эту территорию, которая в какой-то степени являлась зоной их хозяйственных интересов. Ненецкой топонимии в этой зоне нет.

4. Немногочисленные этнотопонимы, образованные от *пермь*, тяготеют к восточным границам РС.

5. В различных микрорегионах РС выявлены этнотопонимы, производные от *меря*: *Мерьское Болото* (К-Б), *Мерье*, бол. (Выт), *Мерья*, р. (Бел), *Мерчины* (*Мершины*), луг, поле (Мез, Он) и т. п. Это свидетельствует о важной роли мерянского лингвоэтнического компонента, видимо, близкого к северофинским наречиям, в формировании СТРС.

6. Наиболее многочисленны этнотопонимы, производные от *карела* (*корела*) и *чудь*. Первые распространены, главным образом, в нижнем течении Сев. Двины, северной части бассейна Онеги и нижнем течении Пинеги, а также в некоторых местах Белозерского края, вторые

зафиксированы в разных субрегионах РС, но больше всего их на юго-востоке региона – по Сев. Двине, Ваге и верхнему течению Пинеги.

Можно предполагать, что русские различали карельское и чудское население, под которым в пределах юго-восточной части РС возможно имелась в виду Чудь Заволочская. Русские бесспорно имели контакт с карелами и, вероятно, с Чудью Заволочской. О пребывании на РС каких-либо других прибалтийских финнов, кроме карел, этнотопонимических данных нет.

Другим источником сведений, важных для стратификации топонимов, могут быть апеллятивные заимствования, если они образуют достаточно мощный массив, как это имеет место на РС. Поскольку семантика апеллятивных заимствований в отличие от ономастических обычно известна, их этимологии чаще твердо установлены, что и повышает надежность операций с диалектным лексическим материалом и его сравнений с топонимией.

Сам по себе этот прием не нов. Апеллятивные заимствования давно с успехом используются при лингвоэтнической идентификации субстратных топонимов, а именно при этимологической интерпретации основ и формантов. В общем виде на значение областного словаря для изучения субстратной топонимии указывал А.И. Попов [Попов 1949: 62-63; 1965: 92-95]. Специально занимался этим вопросом автор [Матвеев 1973б]. Сейчас, однако, речь идет о другом: изучение апеллятивных заимствований на той или иной территории, предваряющее топонимические разыскания или осуществляющее одновременно с ними, может во многом определить направление топонимических поисков и способствовать стратификации топонимического материала. При этом целесообразно исходить из того, что наличие многочисленных апеллятивных заимствований в языке усвоения обычно указывает на существование генетически тождественного субстрата в микротопонимии (ойкономии), а отсутствие апеллятивных заимствований и соответственно микротопонимического субстрата свидетельствует о стратиграфически более раннем «чисто гидронимическом» субстрате и субсубстрате [Матвеев 1993: 91-94].

Как известно, вслед за верхним – русским – пластом, начиная со времен А.И. Шегрена и М.А. Кастрена, в субстратной топонимии РС выделяются прибалтийско-финские, саамские и пермские (коми-зырянские) элементы, причем прибалтийско-финские считаются обычно наиболее поздними. Изучение заимствованных апеллятивов, осуществленное Я. Калимой [Kalima 1919; 1927] и Т. Итконеном [Itkonen 1932] во многом подтвердило разыскания знаменитых финно-угроведов XIX в. В своем исследовании о прибалтийско-финских элементах русской лексики Калима [Kalima 1919], основываясь на многочисленных лексикографических источниках и прежде всего на словарях В.И. Даля, Г.И. Куликовского, А.О. Подвысоцкого, рассматривает более 500 русских диалектных слов, доказывая их прибалтийско-финское происхождение.

И хотя Калима, как это сейчас установлено, выявил далеко не весь прибалтийско-финский лексический материал, а иногда ошибочно включает в свой словарь неприбалтийско-финские слова (*телгас*, *шайма* и т. п.), его труд до сих пор остается непревзойденным. Некоторые упущения работы Калимы объясняются неполнотой и другими недостатками использованных им источников. Отсюда неточности в звуковой форме слов, очень общие указания на их распространение, а, главное, отсутствие множества лексем прибалтийско-финского происхождения, распространенных в говорах РС, но не засвидетельствованных к тому времени в словарях.

Вместе с тем следует заметить, что данные словарей, которыми пользовался Калима, воссоздают весьма своеобразную картину распространения прибалтийско-финских лексем на РС: Калима ссылается на олонецкий словарь Куликовского в 315 случаях, на словарь Подвысоцкого – в 155 (при этом на кольские, кемские, онежские говоры приходится более половины всех фиксаций). Все это ясно свидетельствует о том, что в работе Калимы отражена прежде всего лексика русских олонецких говоров, а также других смежных с карельским языком русских диалектов. В центре и на востоке РС прибалтийско-финские слова фиксировались значительно реже. Тем самым преимущественно адстратные

олонецкие материалы невольно смешивались с заимствованиями, локализованными на давно обрусленных архангельских и вологодских землях. Последующие разыскания вновь выявили обильную прибалтийско-финскую по происхождению лексику в зонах непосредственного контакта – Беломорье [Сало 1966а] и Обонежье [Мызников 1994]. Однако данные ТЭ, относящиеся ко всей территории РС, воспроизводят более сложную картину бытования прибалтийско-финских заимствований в русских говорах, хотя и совпадающую с предшествующими наблюдениями в основном: количество прибалтийско-финских лексем уменьшается с запада на восток и с севера на юг. Несомненно и то, что в своей совокупности прибалтийско-финские заимствования на РС явно преобладают.

Прибалтийско-финские лексемы образуют разные и порой очень специфичные ареалы – от островных до охватывающих практически весь РС. Они восходят к наречиям как карельского, так и вепсского типа, а возможно и к каким-то вымершим прибалтийско-финским диалектам, но только всестороннее изучение топонимического и апеллятивного материала позволит со временем в полной мере решить проблему их дифференциации. Пока же имеются фрагменты: показано, например, наличие вепсского элемента в лексике и топонимии Вытегорского района [Рут 1982], карельского – в топонимии нижней Онеги [Матвеев 1989а]. Однако в связи с проблемой стратификации СТРС наиболее важен общий вывод о господстве прибалтийско-финского элемента в верхнем слое иноязычных заимствований и его явной неоднородности.

В ряде случаев факты, приведенные Калимой, фиксируются и ТЭ, но при этом могут обнаруживаться фонетические расхождения. Так, вместо *зудега*, *юдега* «иней на деревьях» на северо-востоке РС записано слово *худега* «снег на ветках», что точнее соответствует прибалтийско-финскому оригиналу (ср. фин. *hiunde*, карел. *hiueh*, род. п. *hiuidehen* «иней»), хотя слово засвидетельствовано далеко от ареала современных прибалтийско-финских языков.

Некоторые прибалтийско-финские по происхождению лексемы распространены очень широко и во множестве вариантов. Так, кроме слова *хонга*, главным образом в значении «сухая сосна» [Kalima 1919: 238] ТЭ зафиксированы в говорах РС в том же и близких значениях *хонгарь*, *хонжса*, *хоножска*, *хоножник*, *хоночка*, *хонужска*, *хонушка*, *хонышка*, *хонъга*, *хонъжина*, *хонъка*, *хомга*, *хонда* (при фин. *honka*, ливв. *hoŋgu*, люд., вепс. *hoŋg* «кондовая сосна»), а также возникшие по ассимиляции *конга*, *конгар*, *конгор*, *конгочина*, *конжса*, *конжжина*, *конжинник*, *конжсовник*, *коноижник*, *конъга*, *конъжса*, *конъжсак*, *конъжжина*. Все это богатство русских форм, кроме *хонга*, *конга*, *конда* отсутствует у Калимы. Не менее важны и выявленные ареальные закономерности: *хонга* с вариантами распространено на севере региона практически по всей Архангельской области, *конга* и варианты фиксируется на востоке этой области наряду с *хонга* и востоке Вологодской области, *конжса* на юго-востоке РС. Здесь, конечно, не обошлось без обратного влияния широко распространенного в русских говорах и профессиональной среде *конда* (*хонга* > *конга* > *конда*), тем не менее ареальное распределение вторичных образований свидетельствует как о более раннем освоении русскими юго-восточной части региона, где сейчас преобладают формы типа *конга*, *конжса* с производными, так и о более позднем мощном прибалтийско-финском воздействии в северной части региона, где господствует *хонга* (с параллельным *конга* на Ваге, Сев. Двине и Пинеге).

В то же время следует заметить, что многих прибалтийско-финских слов, засвидетельствованных ТЭ, у Калимы нет. Они могут иметь крайне узкое распространение, например, *випа* (Лепшинский сельсовет Няндомского района) «ловушка на рябчика» < приб.-фин., ср. фин. *vipu*, карел.-ливв. *vipi*, *vibu*, люд. *bibu*, вепс. *bibu*, *vibu* «ловушка-силок» [SKES: 1782]. И достаточно широкое: в бассейне Онеги в значениях «иней, изморозь», а также «цветущая поверхность воды», «плесень» широко употребляется слово, зафиксированное в вариантах *харм*, *харма*, *хармах*, *хармаха*, *хармега*, *хармех*, *хармеха*, *хармовина*, *хармоха*, *херма*, *хермеха*, *хермиха*, *хермотина*, *хермотъ*, *херьмех*, *херьмеха*, связанное с фин. *härmä*, ливв. *härmii*, люд. *härm* «иней» [SKES: 99]. Богат-

ство форм несомненно возникло на русской почве, но первоисточником могли послужить разные прибалтийско-финские слова *härmä*, *härm*, а также **härmäh*, восстановливаемое по модели фин. *huude*, но карел. *huiueh*, люд. *hudeh*, вепс. *hudęg* «иней», фин. *korte*, но карел.-ливв., люд. *korteh*, вепс. *kortch* «хвоощ».

Это показывает, что в явно прибалтийско-финских по происхождению лексемах на РС могут быть свои особенности. К их числу прежде всего относится необычная суффиксация, например, *-ус* (< *-us*) в *вихтус*, *вихлус* «соломенный жгут для утепления входной двери» при фин., карел. *vihko*, люд., вепс. *vihk* «спук, связка», где произошла диссилияция в нетипичной для русского языка группе *-хк-* (< *-hk-*).

В некоторых случаях даже трудно восстановить первоначальный облик прибалтийско-финского слова, поскольку ближайшие аналоги в современных прибалтийско-финских языках обнаружить не удалось.

Таково слово *ripalo* «крышка пестеря, кузова», связанное с фин. *ripata*, вепс. *ripitada* «моргать» [SKES: 805], буквально «моггало», причем эта этимология хорошо подтверждается другим русским названием крышки пестеря – *веко*.

Наиболее существенно, однако, что зафиксирован ряд лексем, имеющих соответствия в прибалтийско-финских языках, но обладающих фонетическими различиями от них. Таково прежде всего соответствие приб.-фин. *e – a*, зафиксированное, например, в *вахка*, *вахта* «вахта трилистная» [Меркулова 1967: 37-38], ср. *вех* в Обонежье [Мызников 1994: 14] – фин. *vehka*, карел.-ливв. *vehka*, *vehku*, люд., вепс. *vehk*, эст. *võhk* «то же» [SKES: 1681], *вагмас* «заболоченный лес с буреломом и кустарником» – фин. *vehmasto* «очень густой лиственный лес или кустарник», эст. *võhmaas* «остров в болоте» [SKES: 1682], *шалга* «возвышенность, покрытая лесом» и в других значениях – карел. *šelgā* «то же» [SKES: 995-996] и т. п. Как бы ни объяснять это соответствие (а есть параллели и в саамском языке), приходится признать, что прибалтийско-финские наречия РС могли иметь свои особенности.

Судя по многочисленному апеллятивному наследию в русских говорах, именно прибалтийские финны составляли прежде всего дорусское население, представлявшее собой сложный этнический адстрат (по отношению к русским – субстрат). Можно допустить, конечно, что кое-где прибалтийские финны наслаждались на других прибалтийских финнов, но пока о таких случаях неизвестно.

Иначе представлены в говорах РС саамские апеллятивные заимствования. Своего рода дополнение к работе Калимы – краткую сводку саамизмов русского языка – составил Т. Итконен [Itkonen 1932]. В его работе приводится 90 слов, которые считаются саамскими и 26 – саамскими или прибалтийско-финскими. Подавляющее большинство из них, однако, относится к Кольскому полуострову, а также поморскому побережью. Они могут рассматриваться как саамские экзотизмы. Кроме того, в статье Итконена довольно много общеизвестных слов, вошедших в русский литературный язык, и профессионализмов: *важенка*, *камбала*, *камус*, *кумжа*, *морж*, *навага*, *няша*, *палтус*, *тикиша*, *торос*, *тундра*, *ягель* и др. Немногие собственно диалектные лексемы саамского происхождения обычно широко распространены на РС и также могли проникнуть сюда с Кольского полуострова и поморского побережья: *вальчак* «возрастная разновидность семги», *вачега* «суконная рукавица», *воюкса* «жир из вываренных рыбых внутренностей», *кережска* «сани для езды на оленях», *кошка* «песчаная отмель», *нюра* «подводная мель», *ропак* «обледенелый камень», *торох* «порыв ветра», *чит* «подмерзший снег» и т. п. Эти заимствования тоже скорее всего не связаны по своему происхождению с древним саамским населением РС. Однако здесь выявлено и некоторое количество явно местных саамских апеллятивных заимствований.

Прежде всего приведем такую яркую дифференцирующую лексему, как *чёлма* «пролив», ср. саам. норв. *coalbme*, прасаам. *cōlmē* «то же» [YS: 26]. Русский апеллятив в значениях «пролив», «проток», «залив», а также «горловая ловушка для рыбы» (ср.: «рыба в чёлму заходит в окошечко, а оттуда ей не выйти») распространен на РС западнее линии Емецк – Белое озеро, но не сплошным массивом, а отдельными

вкраплениями, как правило, в акватории больших озер (Андрозеро, Воже, Мошинское, Ундрозеро и др.). Эта зона изолирована от Поморья и Кольского полуострова, поэтому апеллятив *чёлма* должен считаться местным по происхождению. Примечательно, что в крайне северо-западной части региона между зоной распространения апеллятива *чёлма* и Карелией у местного населения (Он) в ходу прибалтийско-финский по происхождению апеллятив *салма* (ср. фин. *salmi* «пролив»).

Именно в этом «разорванном» ареале и встречаются чаще других мест саамские апеллятивы, ср., например, в Белозерском крае *мярда* «рыболовная ловушка» – саам. *maerde* «то же». Здесь же обычны географические термины *лохта* «залив» и *янга* «топкое болото», трудно отличимые от соответствующих прибалтийско-финских слов, хотя в настоящее время все больше свидетельств в пользу предположения, что русский апеллятив *лохта* «залив» (в роли топоформанта *-лохта*) восходит в основном именно к саам., ср. норв. *luokta*, прасаам. **lōkta* «залив» [YS: 70], а не к приб.-фин. *lahti* «то же» (подробности см. [Матвеев 1968а; 1979]).

Отсюда следует, что еще до прихода русских прибалтийские финны ассимилировали значительную часть древнего саамского населения, однако в некоторых «озерных» местностях саамы держались долго и были здесь ассимилированы русскими, усвоившими отдельные саамские апеллятивы.

Кроме бесспорно прибалтийско-финских и саамских заимствований, на территории РС засвидетельствовано большое количество «темных» слов с неясной этимологией. Среди них, конечно, могут быть пока не идентифицированные прибалтийско-финские и саамские лексемы, но в своем большинстве эти слова не находят убедительного объяснения на прибалтийско-финско-саамской почве. Заимствования такого рода явно восходят к какому-то неизвестному вымершему финскому языку или языкам. Таковы *согра* (*шогра*) «заболоченный лес», *пендус* (*пентус*, *пенус*) «травяное болото», *ягрыня* «яма с водой», *чинговатик* «тонкое, но очень твердое еловое дерево» и многие другие. Некоторые из этих слов находят соответствия в марийском языке. Нельзя исключ-

чить, что они восходят к вымершему языку (или языкам) Заволочской Чуди, которые мы условно именуем северофинскими, и рассматриваем как промежуточные между прибалтийско-финско-саамским и волжско-финским языковым состоянием. Возможно, что в СТРС отражены и собственно волжско-финские топонимические элементы марийского типа, но пока не удалось ареально и стратиграфически отделить их от северофинских. Они характерны прежде всего для гидронимии. О мерианской топонимии на РС и ее соотношении с марийскими элементами см. II.

Ввиду особой важности этой группы слов для идентификации субстратных топонимов, а также в связи с завязавшейся дискуссией о их происхождении [Шилов 1997], они будут обсуждены в разделе, посвященном северофинским языкам (см. II). Здесь же важно подчеркнуть их значение для стратификации субстратных топонимов. Во-первых, некоторые из этих слов широко распространены, что может указывать на прямой контакт русских с северофинским населением, во-вторых, не исключено, что до прихода прибалтийских финнов на РС здесь обитали саамы и северофинны. Поскольку саамские апеллятивы тяготеют к северной и западной части региона, можно думать о том, что северофинны примыкали к саамам с юга и востока. Это более или менее соответствует ареалу этнотопонимов, производных от *чудь*. В действительности же скорее всего было взаимопроникновение лингвоэтнических массивов.

Таким образом, изучение апеллятивов показывает, что верхний прибалтийско-финский пласт перекрывает предшествующие ему саамский и северофинский, но это перекрытие было неполным. Поэтому в некоторых микрорегионах русские контактировали с саамами и северофиннами. Предполагаемая схема находит подтверждение в ономасиологических закономерностях топонимии и прежде всего в специфике бытования микротопонимов.

Сущность ономасиологического критерия состоит в том, что субстратные названия малых и нелинейных объектов (гор, озер) обычно моложе наименований крупных и линейных объектов, т. е. микротопо-

нимия и тесно связанная с ней ойконимия (ср. 2.5.) обычно моложе гидронимии. Поэтому ретроспективный подход предполагает сперва изучение субстратной микротопонимии и ойконимии, в основном восходящих к последнему дорусскому пласту. Только после этого следует приступать к исследованию названий водных объектов. Однако и они не однородны. Известно, например, что наименования озер в целом моложе, чем названия рек. Не случайно на РС очень многие лимнонимы – полукальки.

Что касается гидронимов, то они, видимо, представлены как субстратными, так и субсубстратными названиями. Для этого есть прежде всего определенные теоретические основания, в частности, известное, впрочем, очень относительное, «правило большой реки», согласно которому названия значительных рек древнее. У В. Георгиева находим даже формулировку, что крупные реки обычно имеют более древние названия, чем средние, а средние, чем малые, что и продемонстрировано на материале болгарских, турецких и фракийских названий рек [Георгиев 1960: 71]. На РС это правило, однако, строго не прослеживается. Здесь более актуален ареальный критерий. Тем не менее применение ономасиологического принципа позволяет построить для двухслойного субстрата следующую стратификационную шкалу, которая, разумеется очень относительна.

Табл. 6

Субстрат	Микротопонимия и ойконимия Часть озерных и речных гидронимов
Субсубстрат	Часть озерных и речных гидронимов

Ономасиологический критерий имеет весьма общий характер. Он основан на изучении закономерностей и тенденций топонимии, и именно поэтому недостаточно конкретен. Тем не менее его значение велико, так как он позволяет противопоставить микротопонимию и ойконимию субсубстрату и обосновать тем самым необходимость их первоочередного исследования. Так, в северо-западной половине РС широко распространены прибалтийско-финские микротопонимические типы.

Местами выявляются вкрапления саамских микротопонимов. В гидронимии же здесь активен саамский элемент. Восточнее Двины в прибалтийско-финской микротопонимии встречаются прямые указания на предшествующее «чудское» население, ср. *Чудьнема* «Чудской мыс». В юго-восточной половине РС (приблизительно южнее линии Белое озеро – верховья Пинеги), особенно в бассейне Ваги и восточнее в микротопонимии усиливаются элементы северофинского типа. Прибалтийско-финский компонент здесь также присутствует (и фиксируется даже в Республике Коми и Костромской области), но он слабеет и, видимо, имеет уже адстратный характер. Одна из северофинских топонимических изоглосс *яхр-* / *ягр-* «озеро» четко противостоит саамской основе *яvr-* «озеро» и позволяет довольно точно локализовать северофинскую топонимическую зону на юго-востоке РС, где несомненно имели место контакты русских с северофиннами. В то же время гнезда северофинской топонимии обнаруживаются и много севернее (низовья Сев. Двины и микротерритория Мошинского озера).

Соответственно микрорегиональная методика, т. е. сопоставление микротопонимов и гидронимов по отдельным микрорегионам, позволяет отделить некоторые субстратные гидронимические типы от субсубстратных. Так, предположительно интерпретируются как субстратные названия рек на *-ой*, *-оя*, *-уй*, *-уя*, *-бой*, а также часть гидронимов на *-Vg*, *-Vga*. Полезно также учитывать типы бытования субстратных географических терминов в гидронимии по той же методике, которая была описана применительно к микротопонимии в разделе 2.5. Например, наличие ряда фиксаций гидронимов *Воя* и *Юг*, *Юга*, т. е. терминов в топонимическом употреблении (ср. детерминанты *-оя* «речка» и *-юг*, *-юга* «река») со своей стороны свидетельствует о том, что названия рек на *-ой*, *-оя*, *-уй*, *-уя*, *-бой*, *-юг*, *-юга* и им подобные относятся к субстрату, тогда как отсутствие гидронимов **Еньга* при исключительной массовости самого типа (*Мехренъга*, *Яхренъга* и т. п.) скорее указывает на субсубстрат или на нетерминологическое (словообразовательное) значение форманта (подробнее см. 3.2.1.). Такие названия озер на крайнем западе Архангельской области и в прилежащих районах Каре-

лии, как *Гузеньозеро* (р. *Гузеньга*), *Лиженъгозеро* (р. *Лиженъга*), *Маленьгозеро* (р. *Маленьга*) со своей стороны могут указывать на субсубстратный характер названий на *-еньга*, если допустить, что русский детерминант *-озеро* в этом случае является калькой карел. *järvı*, которое было присоединено к субсубстратному названию точно так же, как аналогичный «озерный» детерминант *-яр* был добавлен к субсубстратной основе *ухтом-* в лимониме *Ухтомъярское* (ср. часто встречающееся название *Ухтома*). Но и в этих случаях мы не можем совершенно исключить, что *Маленьгозеро* является полукалькой субстратного топонима, а **Ухтомъяр* – гомогенным субстратным названием, если допустить, что форманты *-еньг(a)* и *-ом(a)* – словообразовательные суффиксы. С другой стороны, если названия уроцища и реки имеют общую субстратную основу, т. е. произошла метонимия, и при этом название уроцища характеризуется прозрачным микротопонимическим формантом, а гидроним необъясним из языка микротопонимии, можно предположить, что название реки следует относить к субсубстрату, ср. гидронимы *Чухча*, *Шарда* и смежные микротопонимы *Чухчемень*, *Шардомень* (*-мень* ~ карел. *nieti* «мыс»). Но и тут необходима осторожность в связи с тем, что компонент *-мень* (< *-немь*) мог быть и в языке гидронимии, т. е. микротопонимы гомогенны, а в гидронимах произошел эллипсис.

Существование субсубстрата в гидронимии РС хорошо подтверждается тем обстоятельством, что древние названия на *-Ынъга*, ареалы которых выходят за пределы РС, на смежных с ним территориях являются субстратными и выступают в адаптированном виде, будучи усвоенными саамским, карельским, коми языком. Показательно, например, сопоставление русских форм некоторых гидронимов Кольского полуострова с саамскими: *Ваенга* – *Vaiŋž-joGk* [KKS: 1031], *Печенга* – *Pedtsam-jokk* [KKS: 1005], *Пиренга* – *Pirendžjok* [KKS: 1006], *Утонга* – *Udd'jokk* [KKS: 1030] и т. п. Подобные же факты находим в карельской и коми топонимии.

Существен для стратификации СТРС и фонетический критерий, позволяющий определить соотношение пластов по наличию или отсутствию характерного фонетического признака (признаков). Так, в юго-

восточной части РС имеется четкий гидронимический ареал с формантом *-важс* (варианты *-бажс*, *-мажс*, *-ваши*, *-баш*, *-маш*), значение которого устанавливается не только путем сопоставления гидронимов с реалиями, но и при сравнении с данными коми языка, где *вож* «приток», а также с марийским *воҗс*, *важс* «место разветвления» [КЭСК: 60]. Могут быть приведены различные соображения как в пользу пермского или волжско-финского происхождения этих топонимов¹, так и за их родство с субстратными названиями на *-Vн(y)га* и другими гидронимами РС. Не касаясь сейчас этого сложного вопроса (см. 3.2.2.), заметим только, что в пределах ареала *-важс* имеется более узкий ареал с формантом *-вежс* (варианты *-бежс*, *-межс*, *-мижс* и т. п.), который может рассматриваться как сингармоническое соответствие *-важс*. Так как ареалы *-важс* и *-вежс* полностью не совпадают, а сингармонизм в языках-источниках на детерминанты не распространяется, остается предположить, что на определенной части ареала *-важс* топонимия была со временем перекрыта каким-то языком с сингармонизмом, например, прибалтийско-финским. Это означает, что в пределах совпадения ареалов *-важс* и *-вежс* названия такого рода являются субсубстратными.

Таким образом, если учитывать весь комплекс имеющихся данных, неизбежен вывод, что в гидронимии РС имеются как субстратные, так и субсубстратные элементы. Это, конечно, отнюдь не свидетельствует о том, что субсубстратные названия являются дофинно-угорскими. Напротив, даже предварительный анализ древних гидронимических типов ясно указывает на их взаимосвязь и глубокие финно-угорские корни. Приведем показательную метонимическую кальку, указывающую на контакт саамов и северофиннов.

На РС два гидронима *Кулой*: название значительной реки, впадающей в Белое Море, и крупного притока Ваги. Эти наименования имеют общее происхождение. Еще М.А. Кастреном было установлено, что в основе названия *Kuloi* следует видеть саам. *kuolle* «рыба», а фор-

¹ В этих названиях не встречаются обычные прибалтийско-финские и волжско-финские группы согласных типа *ke*, *kii* при наличии характерного для пермских языков консонанса *ck* (< *ks), ср. *Пускважс*. Отсутствует также начальное *x*, обычное для прибалтийско-финских языков, но нетипичное для пермских.

мант он рассматривал как фин. *oja* «река», «речка», т. е. *Кулой* – «Рыбная река» [Castrén 1862: 96]. Ближе, однако, другая саамская форма – Кильдин *kull* [KKS: 172]. Формант также целесообразнее возводить к саамскому языку,ср. *oj*, *uaј*, *uoј*, *vuaј* «ручей», «река» [KKS: 765]. Отсутствие губного звука *v* в названии *Кулой* не должно смущать: в некоторых саамских по происхождению топонимах он явно субституирован, ср. *Шидбой* (Белозерский край), в других, напротив, отсутствует – *Явроя*. Как и при освоении конца слова (*ой* или *оя*), наличие этого звука или его адекватного рефлекса зависело от особенностей местного саамского диалекта и русской адаптации.

Самый крупный приток вожского Кулоя – река *Коленъга*. Поскольку это название относится к гидронимам на *-Vn(ъ)ga*, причем географически принадлежит почти к центру их ареала, есть все основания членить его *Кол-еньга*, выделяя тем самым основу *кол-*, которая может быть сопоставлена с мар. *кол* «рыба». В этом случае гидроним *Коленъга* допустимо рассматривать как метонимическую кальку к *Кулой*, считая, что *-Vn(ъ)ga = ой* и тоже имеет значение «река».

Так как гидронимия на *-Vn(ъ)ga* относится к северофинскому типу (см. о нем [Матвеев 1969в: 51–55]), кальку следует считать саамско-северофинской («чудской»). Из этого наблюдения можно сделать ряд выводов различной степени риска: о непосредственном контакте на территории РС в древности саамов и северофинской чуди, что, видимо, и соответствует действительности; о том, что саамское название в данном случае древнее, поскольку Кулой более значительная река, и было калькировано в «чудском» языке; о том, что саамы жили севернее, что подтверждается не только существованием беломорского Кулоя, но и множеством других, намного более доказательных фактов и т. д. Но наиболее важно все-таки, что это, пожалуй, первый случай засвидетельствованной в русской топонимии саамско-северофинской метонимической кальки, позволяющей надеяться на новые находки такого рода в будущем.

На РС множество прибалтийско-финских, саамских и северофинских топонимов. Если судить по распространенности в русских го-

ворах заимствований из коми и ненецкого языков, здесь должны также часто встречаться коми и ненецкие названия. В действительности это не так.

В свое время Я. Калимой были изучены коми заимствования в русском языке [Kalima 1927]. Он их называет «зырянскими», не дифференцируя коми-зырянские и коми-пермяцкие слова. Всего Калима анализирует 90 заимствований, из которых половина относится к РС (архангельским и вологодским говорам), остальные – к Уралу и другим регионам. В работе встречаются ошибочные этимологии (*куръя*, *няша*), много дискуссионных, тем не менее Калима выявил довольно значительный пласт коми-зырянских элементов в русской лексике, преимущественно в мезенских, пинежских, а также печорских говорах. Среди них такие широко распространенные на крайнем востоке РС близ границ с Республикой Коми слова, как *бака* «древесный гриб-трутовик», *виска* «проток, соединяющий озеро с рекой», *кулема* «ловушка, западня», *лузан* «вид охотничьей накидки», *мег* «мыс на изгибе реки», *мышиерина* «сырой смешанный лес», *тупысь* «ситный хлебец», *чир* «тонкая ледяная корка на снегу» и др. Сборы ТЭ позволили добавить еще некоторое количество явно коми-зырянских слов, за редким исключением зафиксированных восточнее Сев. Двины. Главным образом это лексика природы и охотничьего промысла, ср.: *еговна тропа* «охотничья тропа» – к.-зыр. *яг* «бор, лес», *керас* «высокий берег, поросший лесом» – к.-зыр. *керöс* «возвышенность, лес», *норса* «лыжное крепление – кольцо, надеваемое на ногу» – к.-зыр. *нöрыс* «шнурки, связки для ног (на лыжах)», *лызь-нöрыс* «петля на лыжах», *норма* «осиновый челнок – волокуша, в котором охотники по снегу возят припасы» – к.-зыр. *норт* «нарты» и некоторые другие. Довольно значительный апеллятивный материал находит на мысль о том, что в восточной части РС должна быть обильная пермская микротопонимия и гидронимия. На самом деле наличие коми топонимии в восточной части РС, кроме Лешуконского и Ленского районов Архангельской области, проблематично.

Как же тогда объяснить проникновение достаточно многочисленных апеллятивов коми происхождения в говоры РС, нарушающее

установленный принцип: заимствованные в большом количестве апеллятивы восходят к языку субстратной микротопонимии?

Работа Калимы свидетельствует о том, что коми заимствования на РС относятся прежде всего к географической и метеорологической терминологии, растительному и животному миру, охотничьему снаряжению, приспособлениям, быту. Сборы ТЭ подтверждают со своей стороны эти наблюдения. Хорошо известна мобильность и активность коми, замечательных охотников и путешественников, немало сделавших в свое время для открытия путей в Сибирь. Но охотничьи пути коми прошли и на запад – в восточную часть РС. Здесь могли возникать временные и даже постоянные поселения отдельных групп коми, однако это не вело к прочному освоению территории и формированию собственной топонимической системы. Более того, апеллятивные заимствования из языка коми, видимо, не относятся к очень раннему времени, будучи уже связаны с довольно поздними русско-permскими (коми-зырянскими) контактами. Именно поэтому они должны квалифицироваться в основном как адстратные. Здесь уместнее другая формула: наличие большого числа апеллятивных заимствований при отсутствии микротопонимии свидетельствует об адстрате.

Еще больше эта формула имеет отношение к ненецким апеллятивам на РС, образующим западный фланг заимствований, проникших также в русские говоры Припечорья и Нижнего Приобья, поскольку зона расселения тундровых ненцев протянулась на тысячи километров вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Ненецкие заимствования достаточно последовательно помечаются в словаре А.О. Подвысоцкого как «самоедские», однако соответствия приводятся не во всех случаях. Ряд ненецких по происхождению слов рассматривается в этимологическом словаре М. Фасмера. В статье А.А. Пантелеевой [Пантелеева 1969], учитывающей и материалы ТЭ, приводится более 50 ненецких заимствований, из них более половины были записаны в бассейне Мезени. За истекшие после этой публикации годы на северо-востоке РС было собрано еще около 30 ненецких слов, проникших в русские говоры.

Суммируя все эти данные, можно сделать вывод, что ненецкие слова, за немногими исключениями, бытуют на РС только в русских говорах Мезенского и Лешуконского районов Архангельской области. Здесь зафиксировано уже более 60 ненецких заимствований. Тематически почти все они связаны с терминологией оленеводства и бытом оленеводов. Это объясняется как знакомством русских старожилов с оленеводством, так и постоянными русско-ненецкими контактами. За пределы мезенской зоны проникают только отдельные слова, прежде всего названия одежды, которые фиксируются, например, в смежном Пинежском районе.

В своем большинстве ненецкие слова легко опознаются и этиологизируются, ср. из новых сборов: *амдер* «свернутая оленья шкура, которую кладут на нарту как сиденье» < ненец. *ӈамдёр*” «то же», *беньдя* «пучок волос под шеей оленя, оленья борода» < ненец. *пемдя* «то же», *мора* «начинающий расти мягкий олений рог» < ненец. *мора* «то же» и т. п. Судя по отсутствию рефлексов начального *н* (ср. *амдер*), источником заимствований на Мезени явились крайнезападные говоры тундрового наречия ненецкого языка, в которых начальный заднеязычный сонант утрачен.

Ненецкие элементы в русских говорах Примезенья должны рассматриваться как относительно поздние: они были усвоены после того, как русские познакомились с оленеводством. Несомненен их адстратный характер: ни в микротопонимии, ни в гидронимии Примезенья ТЭ не зафиксировала у русских ненецких географических названий. Это и позволяет находить общее между ненецкими и коми-зырянскими заимствованиями на РС.

Подводя некоторые итоги всем этим наблюдениям, отнюдь не преувеличивая их значение, можно тем не менее сделать вывод, что со-поставление апеллятивных заимствований с микротопонимией и гидронимией, а также учет их относительной частоты могут в известной мере способствовать построению или подтверждению стратиграфической схемы субстратной топонимии.

Применительно к РС намечается такая ретроспективная последовательность пластов: русский, прибалтийско-финский, саамский и северофинский. По-видимому, определенную роль в формировании СТРС играли и родственные северофиннам меряне, а также другие волжские финны («марицы»). Вместе с тем есть основания думать, что в намечаемой последовательности были нарушения, связанные с неравномерностью ассимиляционных процессов, поэтому русские могли в некоторых местах иметь непосредственный контакт и с саамским и с северофинским населением: еще до прихода русских лингвоэтническая карта и топонимический ландшафт РС образовывали сложную мозаику.

Естественно, что в субстратной топонимии РС могут быть столь древние элементы, что они не имеют и не способны иметь апеллятивных соответствий в русской диалектной лексике. Поэтому, например, отсутствие древнеугорских и древнесамодийских апеллятивных заимствований в русских говорах доказывает, что древнеугорские и древнесамодийские гидронимы, если они существовали, предшествовали саамскому и северофинскому слою.

3. Форманты субстратной топонимии Русского Севера

В обзор топонимических формантов, выявленных до настоящего времени в субстратных названиях на территории РС, включены, во-первых, детерминанты (и немногие наиболее употребительные словообразовательные суффиксы), которые характерны для микротопонимии и ойкономии и имеют установленную или предположительную этимологию (3.1.), во-вторых, те гидронимические и лимнонимические форманты, детерминантный характер которых очевиден (3.2. и 3.3.). Древние гидронимические форманты, семантика которых достоверно не установлена (*-Укса*, *-Укша*, *-Ухта* и т. п.) обсуждаются в II. Таким образом, в этой части работы рассматриваются преимущественно форманты верхних пластов СТРС. В обзор не включены форманты пермских по происхождению названий, распространенных на восточных окраинах Архангельской области, преимущественно в Ленском и Лешуконском районах, смежных с Республикой Коми. Это, как правило, относительно поздние топонимы, усвоенные русскими из языка коми.

К водным объектам отнесены названия рек, речек и ручьев, а также озер, однако форманты наименований заливов и проливов включены в микротопонимию. Чаще всего это названия речных заливов, которые переносятся и на небольшие реки (см. *-курья* в 3.1.1.). К микротопонимам достаточно условно приравниваются наименования орографических объектов (на РС в своем большинстве небольших возвышенностей), а также болот. Противопоставление микротопонимов и ойкономий

мов гидронимам и необходимость их раздельного обсуждения обоснованы выше (см. 2.6.).

Не учитывались при анализе полукальки (*Немболото, Пышмох* и т. п.) из-за невозможности уверенно восстановить соответствующий детерминант, усвоенный из языка-источника, а также топонимы без детерминантов. Однако весь этот материал в той или иной степени учитывался при анализе основ географических названий (см. II).

Форманты приводятся по алфавиту в словарных статьях, структура и величина которых факультативна и зависит от разных обстоятельств, но прежде всего от характера материала (частотности и вариативности форманта, степени адаптации, сложности этимологической интерпретации и т. д.). Все же наиболее обычна следующая схема: количественная, ареальная и фонетико-морфологическая характеристика форманта и его разновидностей, если они есть, примеры употребления (если формант встречается редко, то приводятся все засвидетельственные факты), соотношение с видом объекта, случаи употребления соответствующего географического термина в роли топонима, этимологический анализ. В заглавии словарной статьи представлена форма, наиболее распространенная или наиболее близкая к языку-источнику (языкам-источникам). Если трудно было сделать выбор, приводятся все формы. Детерминанты, осложненные русским аффиксом, не рассматриваются в качестве особого варианта. Если происхождение форманта уже обсуждалось, в конце статьи дается краткая сводка этимологий с указанием предполагаемого языка-источника и литературы.

Следует заметить, что соответствие между формантом и лексемой того или иного живого финно-угорского языка не означает, что топонимы с таким формантом непременно относятся именно к этому языку или даже группе языков (в силу «феномена мертвого языка»). Проблематичные случаи освещаются на уровне имеющихся в настоящее время сведений.

В зависимости от величины ареала различаются детерминанты широкого распространения (3.1.1. и 3.2.1.), детерминанты ограниченного распространения (3.1.2. и 3.2.2.) и детерминанты, образующие риф-

мованные сегменты (3.1.3. и 3.2.3.). Отдельно рассматриваются редкие и единичные детерминанты (3.1.4.), а также словообразовательные суффиксы (3.1.5.) микротопонимов и ойконимов.

Иногда первоначальная субстратная форма топонима восстанавливается на основании русской производной формы (**Воздрованга* < *Воздрованский*, **Лындрандा* < *Лындрянский*) или с учетом характера комбинаторных изменений (**Ракованга* < *Ракованда*, **Рушаванга* < *Рушаланга*), но только в тех случаях, когда реконструируемые названия находятся в зоне распространения соответствующего форманта (-ванга, -ранда) и относятся к объектам того же вида, что и другие топонимы этого типа.

3.1. Форманты микротопонимов и ойконимов

3.1.1. Детерминанты широкого распространения

-вар(a)

Редко встречающийся формант (21 топоним)¹, засвидетельствованный на всей территории РС в вариантах *-вар*, *-вара*, *-варо*, *-вары*, *-вора*, *-воры*, *-бар*. Ввиду редкости форманта о каких-либо закономерностях в его распространении говорить не приходится. Наиболее значительны лакуны в басс. Онеги и на юго-востоке региона, наибольшая концентрация названий в Белозерском крае и в басс. Ваги, но все это может объясняться случайными обстоятельствами.

Чаще встречаются варианты *-вары* (*Пиявары*), *-вара* (*Сендевара*), *-вар* (*Кочевар*). Нередки колебания (*Падчевары* – *Падчевара* – *Падчеваро*; *Венавары* – *Венавара* и т. п.). Все эти вариации обычны для РС и объясняются на почве русского языка согласованием по роду географического термина (см. об этом 2.4.1.) или плурализацией, однако форманты *-вара*, и особенно *-вар* могут восходить непосредственно к

¹ Статистические сведения отражают уровень наших знаний на данный момент. Со временем они несомненно будут изменяться в сторону увеличения, особенно в результате обработки исторических памятников, но вряд ли настолько существенно, что это повлечет за собой сколько-нибудь значительные изменения в соотношениях между типами. Однако учет исторических данных в некоторых случаях может серьезно повлиять на статистику вариантов в пределах определенного типа.

языку-источнику. Отмеченные в нескольких случаях образования на -вора, -воры (*Раговора*, *Иговоры*) являются вторичными и объясняются на русской почве колебаниями заударного вокализма в словах с неясной внутренней формой или прогрессивной ассимиляцией ($o - a > o - o$). Они могут быть и следствием неточной записи. Параллельные формы (*Ивара – Иворы*, *Раговора – Раговары*) хорошо подтверждают все это. Засвидетельствованные в Белозерском крае топонимы на -бар (*Кибар*, *Хонбар*) объяснимы с учетом известного на этой территории перехода $\mathfrak{v} > \mathfrak{b}$ (см. 2.3.1.). Напротив, название *Шембар* на Онежском полуострове загадочно.

В основном названия с детерминантом *var(a)* прилагаются к населенным пунктам и урочищам (мысам, возвышенностям, лесам, лугам), несколько гидронимов явно имеют метонимическое происхождение, ср. н. п. и р. *Кочевар*, оз. *Ценоварское* рядом с н. п. *Ценогора* (на соотнесенность этого форманта с русским -гора, -горы указывал еще Шегрен [Sjögren 1861: 290, 315]).

< Приб.-фин. или саам., ср. фин. *vaara* «гора», «сопка», карел.-ливв. *voara*, *vuara*, *vuaru*, *vaaru* «покрытая лесом сопка, гора» [SKES: 1580], саам. норв. *varre*, Кильдин *vārr*, Йоканьга *varre*, прасаам. **vārē* «гора», «сопка» [YS: 144-145]. Ср. также фин. *vuori* «гора», карел.-ливв. (< фин.) *vuori* «скалистая гора» [SKES: 1821]. Возможность прибалтийско-финского и саамского происхождения одинакова, так как отражения соответствующих слов в русской субстратной топонимии фонетически невозможно дифференцировать. Пермские и угорские соответствия имеют звуковые отличия, ср. к.-зыр. *vōr* «лес», удм. *vīr* «возвышенность, бугорок, холм», манс. *βōr* «лес» [Лыткин 1964: 142], однако ввиду возможной фонетической нивелировки при адаптации формант нельзя считать дифференцирующим.

В русских народных говорах известно нарицательное *вара*, засвидетельствованное в значениях «возвышенность», «холм», «гора», «лес на возвышенном берегу моря» и т. п. [СРНГ 4: 40]. Связь этого слова как с топонимами на -вар(а), так и с прибалтийско-финскими или саамскими источниками не подлежит сомнению, однако более точно

установить его происхождение затруднительно вследствие все той же фонетической недифференцированности [Kalima 1919: 82-83; Itkonen 1932: 62].

Топонимы этого типа обычны в прибалтийско-финской и саамской топонимии, ср. фин. *Jokivaara*, *Karhuvaara*, *Kitmavaara*, карел. *Ahvenvaara*, *Kalliovaara*, *Sammalvaara*, саам. *Kimes-värr*, *Kuoss-värr*, *Kuoikas-värr* и т. п., ср. еще фин. *Haukkavuori*, *Koiravuori*, *Suurivuori*. Все же нет полной уверенности в том, что на территории РС названия такого рода всегда восходят к прибалтийско-финским или саамским источникам. Они могут быть связаны и с северофинскими языками. Это относится прежде всего к юго-восточной части региона (*Кочевар*, *Певар*).

С названиями рассматриваемого типа бесспорно связаны и широко распространенные на всем РС полукальки с детерминантами *-гора* и *-горы*: *Видгора*, *Водогора*, *Ивгора*, *Кельчемгора*, *Немгора*, *Яргора* и т. п.; *Категоры*, *Кунжегоры*, *Палегоры*, *Пильегоры*, *Сетигоры* и т. п. Особено много названий на *-гора*, *-горы* в бассейнах Пинеги и Мезени, но встречаются они и по Сев. Двине, Онеге, в Белозерском крае. В басс. Пинеги эти названия явно коррелируют с топонимами на *-нем(a)* (фин. *nieti* «мыс»), обозначающими относительно пологие мысы (по сравнению с объектами, которые характеризуются названиями на *-гора*, *-горы*).

Детерминант *-гора*, как уже было сказано выше, связывал с формантом *-var(a)* еще Шёгрен. Предположение Фасмера о том, что детерминант *-горы* может восходить к фин. *kari* «риф, подводный камень, мель» [Vasmer 1934: 421] опровергается Поповым [Попов 1965: 131-132]. Действительно, невозможно допустить, чтобы многочисленные поселения, обозначаемые топонимами с детерминантами *-гора*, *-горы*, были связаны с подводными камнями и мелями. В то же время ясно: ничего не является столь удобным и безопасным для поселения, как крутые берега и возвышенности у реки.

Однако источники этих полукаек могут быть различны. Часть из них вполне могла возникнуть уже на русской почве (ср. явно русское по происхождению название пинежского села *Труфаногоры* = *Труфано-*

ва Гора = Труфанова), поэтому названия на *-гора*, *-горы* нельзя во всех случаях считать русским коррелятом топонимов на *-вар(a)*, хотя в основном, очевидно, именно так и было: подавляющее большинство названий на *-вар(a)* с течением времени стало полукальками на *-гора*, *-горы*, и только в отдельных случаях формант сохранился в своем древнем виде. К сожалению, фактов слишком мало для того, чтобы установить причину или причины этого явления. Ими могли быть и наличие *г* в основе (*Иговоры*, *Раговоры*, *Шоговары*), и соотнесенность исходного названия с рядом объектов (деревня *Ценогора*, но озеро *Ценоварское*) и другие обстоятельства. Соотношение названий на *-вар(a)* и полукалек на *-гора*, *-горы* носит довольно сложный характер, ср. в памятниках *Шогогора* [Попов 1948в: 172; 1965: 123] при современном *Шоговары*, *Шоговары*, *Шеговары*, ср. еще название пинежской деревни *Веевора* при более редком варианте *Веевора*. Все это позволяет допустить возникновение *в* из *г* в результате ассимиляции уже на русской почве в случае *Веевора*, а для *Иговоры*, *Раговоры*, *Шоговары* «восстановление» опять-таки на русской почве, первичного *в* из *г* вследствие диссимиляции заднеязычных (*г – г > г – в*).

– Приб.-фин. или саам. [Sjögren 1861: 290], приб.-фин. [Castrén 1862: 95-96, 102, 104], угор. [Европеус 1874: 12], саам. [Vasmer 1936: 192, 214], приб.-фин. или саам. [Попов 1948в: 172; 1965: 131-132].

-ерьма

Относительно редкий формант (35 названий), более или менее равномерно представленный на всей территории РС с двумя большими лакунами: на северо-востоке он не зафиксирован в бассейнах Мезени, Кулоя, Пинеги (ниже устья р. Сура), а на юго-западе в районе озер Белое, Воже и Лача. Наиболее обычны варианты: *-ерьма* (*Хидерьма*, *Чукчерьма*) – 11 фиксаций, *-ерма* (*Маерма*, *Лопадерма*) – 10, *-ерема* (*Кондерема*, *Пашерема*) – 5 и *-орма* (*Лагорма*, *Сухорма*) – 5, прочие варианты (*-арьма*, *-арма*, *-арима*, *-орома*) представлены единичными фиксациями. Наличие во многих случаях параллельных форм (*Водерьма* – *Водерма*, *Волощерма* – *Волощерема*) свидетельствует о том, что

названия на *-ерьма*, *-ерма*, *-ерема* образуют единый массив, тем более что почти все они сосредоточены в северной части региона (севернее линии озера Лача – устье Вычегды). Напротив, топонимы на *-арма*, *-орма* характеризуют прежде всего юг региона. Поскольку среди «южных» названий есть гидронимы, не исключено, что южная группа топонимов по своему происхождению отлична от северной. Малочисленность названий на *-арма*, *-орма* не позволяет, однако, сколько-нибудь адекватно судить о них, поэтому в дальнейшем речь пойдет исключительно о названиях на *-ерьма*, *-ерма*, *-ерема*.

В свое время, автор, выделив этот формант, сопоставил его с саам. Колтта *jērm* «омут, яма (в воде)», саам. норв. *jārem* «маленькое расширение в реке» и фин. диал. *jäärämä* (< саам.) «небольшой порог; глубокое и тихое место между порогами или быстринами» [SKES: 132],ср. также саам. Луле *jārte* «маленькая лужа, озерко; омут, заводь ниже порога», саам. норв. *jorbme*, Инари *jormo*, Колтта *jorm* «яма, омут ниже порога» [SKES: 126]. Для этого действительно были основания (подробности см. [Матвеев 1975]), тем более что в говорах РС засвидетельствовано *ярма* «глубокое место в реке или озере; омут», явно заимствованное из саамских или прибалтийско-финских источников. Однако собранные в течение последних лет материалы не позволяют в настоящее время распространять это предположение на все случаи, хотя оно и сохраняет силу для части названий.

Как выяснилось, названия этого типа соотносятся с разными реалиями, причем с гидрообъектами (яма в реке, омут, озерко) сравнительно редко, чаще – с обозначениями лугов, мысов и участков леса. Поэтому даже допуская наличие метонимии, рискованно соотносить все названия такого рода с вышеупомянутыми саамскими и прибалтийско-финскими данными, тем более что существуют и другие возможности для их интерпретации.

1. Имеется документально засвидетельствованный факт перехода форманта *-нема* (фин. *nieti* «мыс») в *-рема*: Чухченема [ДГ, № 12] > Чухчерема (Холм). Из этого следует, что иногда названия на *-ерема* могут оказаться результатом переработки топонимов на *-нема*. Учитывая,

что *-ерема* в заударной позиции может переходить в *-ерьма*, приходится допустить, что и некоторые названия на *-ерьма* могут восходить к *-нема* (ср. Чукчерьма).

2. В ряде случаев возможно иное членение топонима с выделением детерминанта *-ма* «земля», «место», ср. *Тетерьма*, где скорее всего надо видеть основу *teterъ-* (ср. фин. диал. *tetri*, карел.-ливв. *tetri, tedri* «тетерев»).

3. Иногда предпочтительнее выделять формант *-дерма* (*Лопадерма*), который можно рассматривать как отражение фин. *tõrmä*, карел.-ливв. *termä* или саам., ср. Луле *tiermē*, Инари *termi*, Кильдин, Йоканьга *tierm* «береговой обрыв» [SKES: 1504-1505].

4. Наконец, учитывая, что на прибалтийско-финско-саамской почве интерпретируется только часть названий этого типа, нельзя отказываться и от сопоставления с марийскими данными, в частности, с суффиксом *-эр*, который «образует имена существительные с собирательным значением от имен существительных, в основном обозначающих различные породы деревьев и кустарников» [Галкин 1966: 13]. Особенno любопытны такие образования, как *Куерма* (ср. мар. *куэр* «березняк») и *Шудерьма* (ср. мар. *шудер* «травянистое место»). Правда, в этом случае остается не объясненным компонент *-ма*, если только не допустить, что в языке местных «марийцев» употреблялась лексема **ta* «земля», «место»¹ (в современном марийском языке «место» обозначается словом *вер*), или что здесь наслойние двух суффиксов *-эр* и *-ме* (об этом см. [Галкин 1966: 22]), или, наконец, что компонент *-ма* является прибалтийско-финским детерминантом со значением «место» (фин. *taa* «земля», «местность»), наслойвшимся на «марийскую» форму.

Таким образом, возможности толкования разнообразны. По этой причине подобные названия могут учитываться при лингвоэтнической идентификации топонимов того или иного микрорегиона лишь с большой осторожностью. Более или менее достоверные результаты можно получить только при сопоставлении основ.

¹ Отражение древнего финно-угорского корня видят в марийском *tiänö* «в земле», *tiyöö* «в землю», «вниз» [SSA 2: 133].

Часто встречающийся детерминант (151 топоним), типичный прежде всего для северо-восточной и восточной части РС. Особенно много таких названий в низовьях Сев. Двины и верхнем течении Кулоя. Обычны они и на Сев. Двине между устьями Емцы и Вычегды. Редки названия этого типа в бассейнах Пинеги, Ваги, Сухоны (за исключением микрорегиона Кубенского озера). Их почти нет в басс. Онеги (кроме верхнего течения р. Моша). И совсем они отсутствуют в Белозерье и районе озер Воже и Лача. Эта северо-восточная и восточная ориентированность ареала немаловажна, как будет видно в дальнейшем, для решения вопроса о происхождении топонимов с детерминантом *-курья*, хотя в какой-то мере их редкое употребление западнее Сев. Двины может быть объяснено тем, что здесь нечасто встречаются речные заливы, которыми изобилует, например, дельта Сев. Двины и басс. Кулоя. Не случайно особенно много названий такого рода зафиксировано в исторических документах, относящихся к низовьям Сев. Двины.

Вариант *-курья* (*Лавкурья*, *Пачкурья*, *Тойнокурья* и т. п.) преимущественно встречается в названиях, прилагаемых к объектам, обозначаемым словами женского рода *старица*, *речка*, *пожня*, вариант *-курье* (*Валдокурье*, *Вондокурье*, *Улдокурье* и т. п.) прежде всего соотносителен с объектами, обозначаемыми словами среднего рода *озеро*, *урочище*, *место*, *село*. Параллельные формы (*Улукурья* – *Улукурье*) встречаются очень часто. Оба варианта широко распространены и нередко сосуществуют на одних и тех же территориях, хотя можно заметить, что в низовьях Сев. Двины преобладают названия на *-курья*, в басс. Кулоя – на *-курье*. Это может быть связано с характером географических объектов: в первом случае названия обычно относятся к речкам и протокам, во втором – к пойменным озерам.

Исходное значение термина – «речной залив» – устанавливается при обращении к лексике говоров РС, в которой слово *курья*, *курья* распространено очень широко как в значении «речной залив», так и в других близких значениях – «небольшая речка», «протока», «старица», «за-

водь», «комут» и т. п. [СРНГ 16: 151; ТЭ]. Колебание *-курья* ~ *-курье* безусловно возникло на русской почве. При этом исходным в русском языке следует считать вариант *-курья*, так как апеллятива **куръё* нет ни в СРНГ, ни в картотеке ТЭ. Не встречается он и в топонимическом употреблении, кроме одного сомнительного случая *Курьё* (Плес). Это в какой-то мере является доводом против ретросубSTITУционного характера подобных названий (см. 2.2.).

Изредка встречающиеся варианты детерминанта *-корья* (*Куськорья*, *Чучкорья*), *-корье* (*Мутокорье*) скорее всего возникли на русской почве в результате ассимилятивно-диссимилятивных и других комбинаторных процессов. На это указывают и параллельные формы *Будкурья* – *Будкорье*, *Вондокурье* – *Вондукорье*, *Пасакурья* – *Пасукорья*. На русской почве возник и аффиксальный вариант *-курка* (*Немкурка*, *Толбаскурки*, ср. также с. *Койдокурье*, но р. *Коидокурка*). Все прочие вариации (-*курь*, -*кура*, -*куры*) встречаются в единичных случаях (*Ешкурь*, *Кеккура*, *Пикуры*). В качестве апеллятивов и в топонимическом употреблении ни один из этих вариантов детерминанта также не встречается, между тем термин *курья* в роли топонима выступает очень часто. Все это также свидетельствует в пользу его первичного характера.

Зафиксированы отдельные случаи озвончения *k* > *g* в интервокальной позиции (*Кологорье*, *Римгурье* в микрорегионе Кубенского озера). По-видимому, оно произошло на русской почве под воздействием сonorных согласных. В *Кологорье* возможна и народная этимология к слову *гора*. О гидронимическом фортманте *-курга*, скорее всего генетически связанном с *-курья*, см. 3.2.3.

Несмотря на прозрачность семантики детерминанта, его происхождение спорно. Наиболее убедительные соответствия обнаруживаются в прибалтийско-финских и саамских источниках, ср. фин. *kuru* «длинное узкое углубление; залив или ложбина, ущелье или русло с крутыми берегами, борозда, складка; угол, проулок» и т. п., эст. *kuri* «угол, уголок», «узкий проход» = саам. норв. *gurra* «отверстие, ущелье, углубление, дырка», Луле *kurra* «отверстие; узкое углубление (проход) в горной тундре», Йоканьга *kurr* (= фин. *kuru*). При этом допускается,

что саамское слово заимствовано из финского, что сомнительно по ряду причин (см. ниже). Дальнейшие соответствия обнаруживаются в пермских и обско-угорских языках, правда, под вопросом [SKES: 247]. Как в саамской, так и в прибалтийско-финской топонимии есть аналогичные названия, ср. саам. *Kerkkōr*, *Sievnikorr*, *Tsingleskorr*, *Sarrkurr*, фин. *Pahakuru*, *Pikkukuru*, *Peurakuru*, *Ryhäkuru* и т. п.

Русская адаптация (-ку́рья, -ку́рье) в какой-то мере указывает на первичную форму со смягчением **kur'*, ср. вариант *Валдокурь* при *Валдокурье*, а также *Енгикурь*, *Ешкурь*.

Названия с формантом -ку́рья на РС могут быть связаны как с прибалтийско-финскими, так и с саамскими наречиями, ср. *Тойнокурья* и карел. *toine* «второй», «другой», *Хабокурья* и карел. *hoaba* «осина», но *Нюхкурья* < **Нюхчкурья* и саам. Кильдин *tihxč* «лебедь», *Шидукурье* и саам Кильдин *sijd* «поселение». Однако зона распространения названий на -ку́рья указывает, что в основном у них саамские источники. Вместе с тем не исключено, что часть этих топонимов, особенно близ Сев. Двины, восходит к севернофинским диалектам, ср. *Вондокурье* и мар. *вондо* «куст», *Шапкурья* и мар. горн. *шапки* «осина». С этим предположением необходимо считаться прежде всего потому, что в мерянских землях в бассейне Клязьмы распространены подобные названия озер и рек (*Качкур*, *Печкур*; *Вишкура*, *Печкура*; *Ункор*, *Учкор*; *Кочекоря* и т. п.), причем термин засвидетельствован в топонимическом употреблении (озера *Ку́ра*, *Куро*, ур. *Корья*). Как бы ни решать вопрос о происхождении этих названий, связь их и соответствующих топонимов РС несомненна.

Географический термин *ку́рья* в значении « заводь, залив (в реке и на озере)» широко распространен и в коми языке, однако его исконность оспаривается и, по-видимому, не без оснований [WU: 128; КЭСК: 147]. В топонимии Республики Коми названия с детерминантом -ку́рья (на картах -ку́рья) весьма обычны, ср. в Припечорье: *Ошкурья* «Медвежья курья», *Яранкурья* «Ненецкая курья» и т. п. Однако даже здесь не все названия с этим детерминантом восходят к коми языку, ср. к.-зыр. *Важкура* при рус. *Важкурья* [ССКЗД: 36], где русская форма древнее соответствующей коми-зырянской, явно деэтимологизированной и фо-

нетически измененной. Не вполне ясно, был ли географический термин *куръя* заимствован коми у древнего населения Заволочья еще до прихода русских или, напротив, при их посредстве, что с учетом его звуковой формы все-таки более вероятно. Некоторые топонимы северо-восточных окраин РС, особенно по Кулю и Мезени, явно обнаруживают коми-зырянское происхождение, например, *Кычанкуръя* (к.-зыр. *кычан* «птенок, собачка»), однако основная масса названий на *-куръя* не связана с пермскими источниками.

Трудная для решения проблема происхождения топонимов с детерминантом *-куръя* еще более осложняется русской адаптацией: слово было рано усвоено и стало употребляться на РС в качестве детерминанта в чисто русских сложениях, ср. *Быстрокуръя* [СГКЭ II, № 9], *Великокуръя* [ГВНП, № 271], *Малокуръя* [СГКЭ I, № 138], *Олешкокуръя* [СГКЭ, II, № 109] и т. п., что, вообще говоря, указывает и на вероятность ретросубSTITУции.

Близость прибалтийско-финской и саамской форм детерминанта, а также соответствия в коми языке затрудняют возможность его использования в качестве дифференцирующего признака. Вероятно, названия этого типа принадлежат различным вымершим языкам РС: прибалтийско-финским, саамскому, коми, северофинским.

– Фин., карел., к.-зыр. [Sjörgren 1861: 290, 318-319, 323], к.-зыр. [Castrén 1862: 101], угор. [Европеус 1874: 12], к.-зыр. [Kalima 1927: 28-29; Vasmer 1934: 420; 1936: 200], к.-зыр., фин. [Фасмер II: 431; Попов 1947а: 277-279], манс. [Серебренников 1968б: 138].

-лахта, -лохта

Детерминант *-лахта*, *-лохта* распространен в западной и северной частях региона. Зафиксировано 68 названий. Он не отмечен вообще восточнее линии озеро Белое – верховья Кубены – устье Ваги – устье Вашки. Отсутствует на Онеге и в басс. Емцы. Четкие зональные закономерности обнаруживаются и в распределении вариантов *-лахта* (*Куйлахта*, *Мудалахта*) и *-лохта* (*Пыжелохта*, *Чухлохта*). Вариант *-лахта* распространен на крайнем западе региона (оз. Ковжское, оз. Лা-

ча, Кенозеро, Ундоzero, а также на Онежском полуострове, в устьях Сев. Двины и районе с. Пинега). Вариант *-лохта* засвидетельствован южнее и восточнее в гнездах топонимов, идущих как бы параллельно названиям на *-лахта* (западнее и юго-западнее Белого озера, оз. Воже, верховья р. Моша, район гор. Холмогоры, а также район с. Пинега, где сходятся зоны *-лахта* и *-лохта*). Таким образом, названия на *-лахта* и *-лохта* в ареальном плане противопоставлены и дополняют друг друга (карта 1).

К названиям на *-лохта*, может быть, надо отнести и два пинежских топонима, обозначающих покосные угодья, с единичными формантами *-лоста* и *-лошта* (*Шишколовоста* < *Шишколохта и *Вынохлошта* < *Вынохлохта). Однако эти форманты могут восходить и к географическому термину *лоста* (*лошта*), обозначавшему определенный вид угодий, ср. к.-зыр. *ласта* «низменность», «равнина», «луг», «лужайка» [ССКЗД: 194].

Топонимы с детерминантами *-лахта*, *-лохта* прилагаются к различным географическим объектам: озерам, болотам, речкам и ручьям, лугам, населенным пунктам и т. п., но чаще всего к заливам. Исходное значение «залив» подтверждается также очень широким использованием соответствующих географических терминов (заимствованных или субстратных) в топонимическом употреблении (*Лахта*, *Лохта*) и в составных (почти всегда русских по происхождению) топонимах опять-таки прежде всего применительно к заливам (ср. названия заливов *Сударская Лахта*, *Старосельская Лохта*). Обычны на РС и апеллятивы *лахта* [СРНГ 16: 296; ТЭ] и *лохта* [СРНГ 17: 164; ТЭ] «залив» и в близких значениях.

Ареальное распределение апеллятивов *лахта* и *лохта* и случаев их топонимизации менее регулярно, чем субстратных топонимов, что объясняется большей подвижностью лексики, однако в основном соответствует ареалам топонимии на *-лахта*, *-лохта*. Последовательно это соответствие реализуется в Белозерском крае, районе оз. Воже и верховьях р. Моша, где детерминант *-лохта* всегда сопровождается апеллятивом *лохта* и его топонимизированными коррелятами.

< Фин., ливв. *lahti*, люд., вепс. *laht*, карел. *lakši, laksi*, эст. *laht* «залив» = саам. швед. *luokt, luokta*, Луле *luokta*, норв. *luokta*, Инари *luoxt*, Кильдин *luxt*, «залив» [SKES: 269] при прасаам. **lōktę* [YS: 70]. Конструкции с этими детерминантами очень широко распространены в прибалтийско-финской и саамской топонимии, ср. фин. *Heimälähti, Katajalahti, Koivulahti, Rapalahti* и т. п., саам. *Aitt-luot, Kiest-luot, Orž-luot, Rašt-luot* и т. п.

Требует объяснения соотношение *лахта* ~ *лохта*, замеченное уже Калимой, обнаружившим форму *Лохта* в топонимии [Kalima 1919: 151]. О тождестве белозерских *лахта* и *лохта*, соответствующих фин. *lahti* писал Попов [Попов 1948в: 170, 174]. Можно предположить, что *лохта* было заимствовано русскими из языка субстрата, когда еще имело силу соответствие приб.-фин. *a* ~ рус. *о*, а *лахта* усвоено позже, когда соответствие *a* ~ *о* уже не действовало (подробнее см. 2.3.2.). Есть, однако, и другая возможность трактовки соотношения *лахта* ~ *лохта*: формы на *-лохта* могут восходить к языку саамского типа, содержащему звук типа **o* в соответствии с приб.-фин. *a* (см. 2.3.2.), тем более что для этого слова восстанавливается саамская праформа **lōktę* [YS: 70]. Четкая ареальная корреляция названий на *-лахта* и *-лохта*, совпадение зон детерминанта *-лохта* с ареалами других детерминантов, которые могут быть идентифицированы как саамские, а также анализ основ обусловливают вывод, что во многих случаях вероятнее вторая возможность. В свою очередь это ведет к заключению, что русские осваивали прибалтийско-финскую топонимию в основном уже в то время, когда приб.-фин. *a* воспринималось как рус. *а*. Следует, однако, заметить, что в заударной позиции на русской почве могло возникнуть и позднее колебание *о* ~ *а*, ср. топонимы *Шублохты* (Мезень) и *Шублахта* (Пинега), в основе которых саамское слово *surpe* «осина».

– Угор. [Европеус 1874: 12], приб.-фин. [Kalima 1919: 151; Västmer 1934: 382-383, 417, 420 (*Лохта* < *luhta*)]; Попов 1948в: 170, 174; 1965: 123].

Детерминант *-ма* (*Алома, Вынохма, Пертема, Палома, Ялома*), изредка *-мо* (*Вылемо, Кудремо*), *-мы* (*Маромы*), распространен на западе региона (Белозерский край, басс. Онеги), намного слабее представлен на востоке. Он вообще не отмечен в среднем течении Пинеги и по Сев. Двине между Холмогорами и Верхней Тоймой. Почти не встречается этот детерминант южнее линии Белое озеро – устье Вычегды. Наиболее компактны скопления таких названий в басс. Моши, на нижней Онеге, в Белозерском крае. Зафиксировано в общей сложности 97 топонимов на *-ма*. Однако некоторые из этих названий могут относиться к другим типам, лишь формально совпадая с топонимами на *-ма*. Так, в засвидетельствованных в Вытегорском районе наименованиях *Кивежома, Койжома, Куйжома* надо выделять формант *-жома*, восходящий к вепсскому слову *žot*, имеющему значение собирательности и употребляемому в качестве второго компонента сложных слов [СВЯ: 553], ср. вепс. *kivi* «камень» – *kivižot* «место, изобилующее камнями» [СВЯ: 211], *koiv* «береза» – *koivžot* «березняк» [СВЯ: 218]. Сюда же возможно относится засвидетельствованное в памятниках *Варбозом, Ворбозом* [Попов 1948в: 170]. По крайней мере часть названий на *-лема* (*Матлема, Ридлема*), *-рема* (*Чухчерема*) и некоторые другие (ср. *Пертема* из *Пертнема*, засвидетельствованного в [АВВШ, № 104]) могла возникнуть из широко распространенных топонимов на *-нем(a)* вследствие диссимиляции или диерезы. Топонимы такого рода особенно распространены на правобережье Онеги, где в обилии встречаются названия на *-нем(a)* или их модификации. Не относятся к названиям на *-ма* и немногочисленные топонимы на *-Vхома, -Vгома* (*Кукахома, Кулухома; Едлёгома, Яндогома*), обозначения полей и покосов с детерминантом, который можно сопоставить со сложением карельских слов *aho* «поляна в лесу», «старая, поросшая лесом подсека» и *tia* «земля», «поле», ср. карел. *ahomoa, ahomia* «сухая земля» [KarKS I: 7].

Наиболее показательны случаи, когда *-ма* присоединяется к основе на согласный (*Вынохма, Тетерьма* и т. п.), так как при наличии основы на гласный детерминант *-ма* трудно отличить от гидронимиче-

ского форманта *-Vma* (*Палема*, *Пышлехтема*, *Линома* и т. п.). Поэтому для выявления детерминанта *-ма* прежде всего имеет значение вид соответствующего объекта: детерминант является индикатором названий урочищ и угодий и, кроме случаев метонимии, обычно не используется при номинации водных объектов.

Топонимы с детерминантом *-ма* прилагаются к самым различным реалиям: лугам, полям, лесам, мысам, заводям, тоням, болотам, островам, горам, населенным пунктам. Иногда они недифференцированно обозначают «место», «урочище». Это объясняется очень широким для географического термина значением апеллятива и в то же время его способностью обладать точной топонимической адресностью («место»). Не случайно при довольно высокой частотности в субстратной топонимии он не засвидетельствован в качестве заимствованного апеллятива и топонимизированного термина.

Неравномерность ареала, возможность происхождения названий на *-ма* из других типов вследствие адаптации, взаимодействие с гидронимией на *-Vma* типа *Ухтома*, *Ягрэма*, специфичность основ в юго-восточной части региона и другие факторы затрудняют использование микротопонимических названий на *-ма* в этнолингвистических целях. Кроме того, хотя сам формант этимологически прозрачен, он не является дифференцирующим, так как может быть связан с различными языковыми источниками, в частности, прибалтийско-финскими, пермскими и угорскими.

< Фин. *taa*, карел.-ливв.-луд. *tua*, *tua*, вепс. *ta*, эст. *taa* «земля», «местность», «край», «сторона» = удм., к.-зыр. *ti*, манс. *tā* «то же» [SKES: 324]. Детерминант широко употребителен в прибалтийско-финской топонимии, ср. фин. *Alataa*, *Katajataa*, *Ojataa*, *Peltomaa*, *Rajatamaa*, *Ruohtomaa*, *Saavimaa* и т. п.

На территории РС названия с детерминантом *-ма* характерны прежде всего для прибалтийско-финских названий и могут использоваться для различия их и саамских наименований (в саамской лексике соответствующее понятие обозначается другим словом). Основы многих топонимов на *-ма* хорошо сопоставляются с прибалтийско-

финскими данными (*Алома, Вынохма, Палома, Пертема, Рандома, Тетерьма, Ялома* и т. п.). В то же время следует заметить, что значительная часть названий этого рода, особенно на юге и юго-востоке региона специфичны и не интерпретируются из прибалтийско-финских языков (*Кудремо, Чадрома* и т. п.). Они могут быть связаны с северофинскими или волжскими источниками.

-матка, -мотка

Детерминант *-матка*, *-мотка* встречается сравнительно редко (31 название). Вариант *-матка* отмечен 20 раз (*Ирдоматка, Кисматка, Кучематка, Палматка, Сагарматка, Чуломатка* и т. п.). Есть случаи плурализации (*Сехматки, Телматки*). Вариант *-мотка* засвидетельствован в 10 случаях (*Пашимотка, Полмотка, Шухомотка* и т. п.). Кроме того, есть одна фиксация *-метка* (*Сельметка*), ср. явно вариантовую форму *Кярметка* при обычном *Кярматка* и более редком *Кярмотка*.

О соответствии приб.-фин. *a* – рус. *о* в *-матка* ~ *-мотка* см. 2.3.2. Но все больше оснований считать, что *-мотка* (как и *-лохта*) отражает вокализм саамского типа. Так, в ходе недавних работ ТЭ в басс. р. Лая (Прим) было выявлено гнездо саамских топонимов, среди которых 7 названий на *-мотка* (*Балмотка, Белмотка, Кородмотка, Литмотка, Немечмотка, Полмотка, Пулмотка*). Надо, однако, иметь в виду и возможность колебания на русской почве, ср. варианты *Кярматка* – *Кярмотка, Охтматка* – *Охтмотка* (близ Охтозера).

Детерминант зафиксирован преимущественно в названиях деревень и уроцищ (лугов, мысов, полей, лесов, болот и т. п.). В единичных случаях он фигурирует в наименованиях ручьев и озер. Названия этого типа рассеяны по всему региону. Кроме бассейна р. Лая, компактная группа из четырех названий на *-матка* отмечена в Вытегорском районе. Есть случаи фиксации терминов в топонимическом употреблении (*Матка, Матки*) и в составе русских вторичных образований (*Подматка*).

< Фин., карел. *matka*, люд., вепс. *matk* «путь», «дорога», «поездка», «расстояние» = саам. норв. *tiotke* «перешеек», «волок» [SSA 2:

154]; ср. прасаам. **mōtkē* «волок», норв. *tuotke*, Инари *myetki*, Колтта *muetkk*, Кильдин *mūlk* [YS: 78-79]. Детерминант употребителен как в прибалтийско-финской, так и в саамской топонимии, ср. фин. *Joutsimatto*, *Puolimatka*, *Suomatka*, саам. *MāDD-muetkk*, *Tuallat-muetkk* и т. п.

Названия на *-матка* должны рассматриваться как прибалтийско-финские, на *-мотка* как саамские. Однако учитывая гидроним *Моткангарь* в басс. р. Устья, явно связанный с мерянскими или марийскими данными, можно допустить, что детерминант *-мотка* на юго-востоке мог функционировать и в наречиях северофинского типа.

– Угор. («открытое поле») [Европеус 1974: 12], приб.-фин. [Попов 1947а: 295].

-нем(a)

Самый распространенный из субстратных микротопонимических формантов (418 названий). Отмечен на большей части региона: юго-восточная граница ареала проходит по линии Череповец – оз. Воже – Верховажье – верховье р. Кокшеньга – среднее течение р. Устья – р. Ёрга – устье р. Илеши (карта 1). Особенно много названий с этим формантом в нижнем течении Онеги и по ее притоку Кодине, в низовьях Сев. Двины, по всей Пинеге и ее притоку Вые, в верховьях Моши, среднем течении Мехренъги и ее притока Шорды, по Верх. Тойме и Ёрге. В южной части РС названия на *-нем(a)* образуют плотный ареал юго-западнее Белого озера, но почти не встречаются в бассейнах Сухоны, Юга и Малой Сев. Двины.

Формант существует во множестве вариантов, из которых наиболее распространены: *-нема* (134 фиксации), *-мина* (105), *-мень* (77), *-мино* (29), *-мин* (28). Засвидетельствованы также *-нем* (3), *-немо* (5), *-меня* (5), *-мена* (9), *-вина* (10), *-нева* (4), *-нево* (6), *-лема* (3) и ряд единичных (*-вин*, *-лима*, *-рема*). Статистика, однако, относительна, так как нередко одно и то же название имеет целый ряд синхронических и диахронических вариантов, ср. *Шуломенъ*, *Шуломеня* и *Шулонема* [ACBР III, № 16], *Хепельнима*, *Хепельмена*, *Хепельнева* и т. п. Тем не менее в

употреблении наиболее частотных вариантов обнаруживаются регулярности: названия определенных подтипов географически тяготеют друг к другу и образуют зоны уплотнений. Наиболее распространенный вариант *-нема* особенно характерен для удаленных мест по притокам больших рек, где чудское население сохранялось относительно дольше (бассейны Мехреньги, Кодины и т. п.). В давно освоенных русскими микрорегионах особенно распространены варианты *-мин*, *-мина*, *-мино*, а также *-вина* (низовья Сев. Двины, бассейны Моши, Устьи и т. п.). Сравнение современных и исторических вариантов ясно свидетельствует, что в русском языке первичны формы на *-нема*, ср.: *Каргоменъ* и *Каргонема* [ПК 1676–1682 гг.], *Кузоменъ* и *Кузонема* [ПК 1676–1682 гг.], *Кургонемъ* и *Кургонема* [ДГ, № 96]. На первичность образований на *-нема* указывает и лингвистическая география (см. выше). Все прочие варианты возникли в результате согласования с родом русского географического термина (мыс, луг, пожня, деревня, поле и т. п.), ср. *Шиднем* (остров), *Пурнема* (деревня), *Чоманемо* (поле), воздействия русских притяжательных форм на *-ин*, *-ина*, *-ино* (*Чурмин*, *Сеграмина*, *Соночмино*), а также вследствие разнообразных комбинаторных изменений, ср. *Фёхтальма* и *Хехтальма* [СГ, № 55], *Хехтонима* [Плат. кн. Карг.], *Хечемина* и *Хиченема* [АС I, № 125], *Чухчерема* и *Чухченема* [ДГ, № 12] и т. п. Нередко все эти факторы взаимодействуют.

< Фин. *niemi*, карел., ливв. *niemi*, люд. *niem*, *niemi*, вепс. *nem*, вод. *nēmi*, эст. *neem* «мыс» [SKES: 376].

Формант имеет прозрачную прибалтийско-финскую этимологию при полном отсутствии соответствий в других уральских языках (в том числе и в саамском). Этимология подтверждается сопоставлением с реалиями. Как правило, объекты, характеризуемые названиями на *-нем(a)*, расположены на мысах. Эти названия прилагаются или к населенным пунктам (*Кузоменъ*, *Шиднема*), или к различным урочищам, чаще всего лугам («пожням»), находящимся в излучинах реки (*Луднема*, *Явроменъ*). В любом случае они вторичны по отношению к исходному топониму, обозначавшему какой-либо мыс («нос», «наволок»).

В топонимии прибалтийско-финских народов названия с этим детерминантом встречаются очень часто (фин. *Ahvenniemi*, *Hietaniemi*, *Joutsenniemi*, *Rapaniemi* и т. п.), поэтому соответствующий субстратный формант указывает на прибалтийско-финское происхождение топонимического типа. Однако родственный географический термин, по всей видимости, существовал и в других вымерших финских наречиях РС как саамских, так и севернофинских. В этом отношении особенно интересны топонимы на *-мина*, *-нема* в басс. р. Лая (*Силосмина*, *Шубнема* и т. п.) и названия на *-мин(a, o)* в басс. р. Ёрга (*Сеграмин*, *Чухмин* и т. п.).

Реконструкция исходной формы детерминанта в этом случае сложна. Можно высказать следующие соображения. 1) В анлауте могло быть как **n*, так и **ñ*, поскольку в русском языке после *n* находится гласный переднего ряда. 2) Корневым гласным мог быть **ē* (> *e*) или **ie*, при этом **ē* (*e*) воспринималось русскими как *e*, а дифтонг **ie* как *ń* с последующим переходом *ń* > *u* (ср. [Kalima 1919: 58]). На это указывают такие наименования на *-ним*, *-нима*, засвидетельствованные в памятниках, как *Чиглоним* [НПЛ, 1419-1420 гг.], *Хечинима* [НПЛ, 1419-1420 гг.], *Лука Чухченимская* [ДГ, № 117] при *Чухченема* [ДГ, № 12]. Употребление *u* на месте *ń* – характерная черта новгородских говоров [Русск. диалект. 1964: 264; Зализняк 1995: 23-25], носители которых рано проникли в Двинскую землю. В некоторых случаях, однако, **i* (*i*) можно предполагать и в языке-источнике. Так, в басс. р. Ёрга на очень небольшой территории зафиксировано более 20 топонимов на *-мин(a, o)* при полном отсутствии названий других подтипов. Нельзя исключить, что исходным здесь было **ním (nim)* или **ñím (nim)*. 3) Ввиду возможности согласования по роду с географическим термином (ср. деревня *Шиднема* на острове *Шиднем*) трудно судить и о конце слова, в котором мог быть как гласный, так и согласный звук.

Таким образом, возможности реконструкции разнообразны: **niem(i)*, **ñiem(i)*, **ném(i)*, **ñém(i)*, **nem(i)*, **ñem(i)*, **ním (nim)*, **ñím (nim)*. К этому надо добавить, что в некоторых диалектах могло быть мягкое *m* (ср. такие случаи, как *Каргонемь*, *Пиринемь*, *Шардонемь*), хотя изменение *m* > *мь* могло произойти и на русской почве. Что касается

дистактной метатезы $n' - m' > m' - n'$ (-немь > -мень), то она легко объясняется фактами русского языка, в котором слов на -нь намного больше, чем на -мь – соответственно 278 и 11 [ОСРЯ: 565-567].

Подробнее вопросы фонетической адаптации этого форманта, усвоения ауслугта и формирования различных подтипов рассматриваются [Матвеев 1970а: 276-292].

Как с лингвистической точки зрения, так и по историческим условиям источником названий на -нем(a) прежде всего следует считать карельские и вепсские диалекты, однако этот популярный формант, как уже было сказано, мог восходить и к другим вымершим языкам РС, причем в этих языках он мог иметь разный фонетический облик, что со своей стороны способствовало возникновению его различных вариаций на русской почве.

– Приб.-фин. [Sjögren 1861: 290; Castrén 1862: 96-97], угор. (без соответствий) [Европеус 1874: 12], приб.-фин. [Kalima 1919: 262; 1944b: 156-157; Vasmer 1934: 382, 385, 416, 419, 421-423; Попов 1947: 289-290, 298; 1948в: 172-173; 1949: 50-51; 1965: 124-125], хант. [Серебренников 1970: 54].

-пол(a), -пала(a), -бол(a), -бал(a) и т. п.

Четкий ареал названий с этим формантом находится в бассейнах Пинеги, Кулоя и Мезени. Наиболее обычны (18 топонимов) названия с вариантом -пола (*Выноспола, Кушкопола, Летопола, Солопола*), которые часто имеют параллельные формы на -пала (*Никопола – Никопала, Чучепола – Чучепала*), отражающие $o > a$ в полудиалектном произношении или неточную запись. Сюда же бесспорно относятся три фиксации в форме множественного числа -полы (*Воеполы, Харополы, Шивполы*), единичные образования на -пала (*Еренала*), -паль (*Ащеналы*), а также на -болка (*Юкишеболка*) с широко распространенным на РС озвончением $n > b$. Более проблематична принадлежность к этому типу названий *Рымбала* и *Шумболка* ввиду возможности выделить здесь формант -ла (< -la, -la²).

Учитывая рус. *диал. ластепола, ластепала* (Леш, Пин) «длинная узкая полоса пологого берега реки, поросшая травой» [ТЭ] и *ласта* (Арх) «пойменный сенокосный луг» [СРНГ 16: 219] значение детерминанта в названии *Ластепола* (4 топонима)¹ реконструируется как «полоса», «сторона», «бок», «край». Поскольку топонимы с этим формантом распространены на северо-востоке региона, прежде всего напрашивается сопоставление с коми *ласта* «низменный луг» [ССКЗД: 194] и *нöл* «половина» [ССКЗД: 295], однако коми *ласта* заимствовано из русского языка [КЭСК: 158], а *-пла* семантически ближе к фин., карел. *puoli*, вепс. *pol'*, эст. *pool* «половина», «сторона», «край» [SKES: 646-647] и саам. норв. *bælle*, Кильдин *piell* «половина», «сторона» [KKS: 366-368]. Кроме того, коми *ласта* *нöл* означает собственно «половина ласти», ср. на Полярном Урале название реки *Кокпела* (< кок *нöла* «одноногий», буквально «полуногий»). Надо иметь в виду также, что некоторые топонимы не соответствуют фонетическим нормам коми языка, например, *Харополы*, поскольку в коми языке нет звука *x*.

Подобные образования существуют и в саамском языке, ср. рус. *диал. чурумбала* «половина задней части оленя» < саам. *t'sierm – biell* «то же» [Itkonen 1932: 62] и саам. норв. *Dåžđ – bælle* «норвежская сторона (пограничной реки)».

Таким образом, есть основания как для коми, так и, с большей вероятностью, для прибалтийско-финско-саамской этимологии. Но в действительности все обстоит еще сложнее, поскольку к ареалу *-пла* с юго-запада в басс. Сев. Двины примыкают названия на *-бала* (*Соломбала*, *Талубала*, *Удорбала*, *Ханабала* и др., всего 9 наименований), к которым далее в низовьях Ваги добавляются *Торопала*, *Курнополы*, а в басс. Онеги – *Рындобала*², *Шурамбала*. Сюда же может быть следует причислить онежские названия *Едололь*, *Каргополь* и не без сомнения (ввиду возможности выделения локативного аффикса *-ла*) *Кимбала*, *Нямбала*,

¹ Это, конечно, могут быть и русские географические термины в топонимическом употреблении, что, однако, в данном случае несущественно.

² Может быть, саамское соответствие вепс. *randpol'* «прибрежье» [СВЯ: 463], дословно «береговая сторона».

Шимпала. Речь может поэтому идти о продолжении ареала *-пола* в юго-западном направлении, хотя топонимия такого рода здесь очень разрежена и в то же время многообразна. Поскольку о пермских названиях в этих местах говорить не приходится, предпочтительнее и пинежско-мезенскую группу названий на *-пола* связывать с прибалтийско-финскими или саамскими источниками. Нельзя исключить, однако, и разное происхождение этих названий, учитывая, с одной стороны вепс. *pol'* «половина», «сторона», «край», «местность» [СВЯ: 428] для таких топонимов, как *Едолполь*, *Каргополь*, хотя конечное *-поль* здесь может быть и русского происхождения, ср. рус. *Чистополь*, а с другой, и это главное, мерянские данные (см. ниже).

В основном названия на *-пола* и т. п. обозначают уроцища, особенно поля и луга, а также деревни, в некоторых случаях – реки, наименования которых, видимо, вторичны.

Вопрос о происхождении названий на *-пола* осложняется и наличием в Белозерском крае ряда названий на *-пал*, *-бал* (*Андопал*, *Кодобал*, *Купчебал*, *Пахтабал* и др.), в басс. р. Устья наименований на *-пало*, *-бalo* (*Вороспало*, *Кубало*, *Обало*, *Солобало*, *Сорбало*), а южнее в мерянских землях многочисленных ойконимов на *-бал*, *-бол* и т. п. (*Куткобал*, *Яхробол* и др.).

На территории Белозерья зафиксировано 12 названий (9 на *-бал*, 3 – на *-пал*). Половина этих названий – наименования полей и покосов, другая половина – обозначения деревень. Таким образом, по соотношению названий с объектами белозерские топонимы в целом не отличаются от двинских и пинежско-мезенских. К востоку от Белозерского края засвидетельствовано название уроцища *Нембал*, а также ойконимы *Вожбал* и *Кушпал*, обозначающие одновременно смежные реки.

Все эти названия как будто бы образуют один общий подтип, который иногда как в полевых фиксациях, так и в памятниках имеет вариантические формы: *Амбал* и *Амбол*, *Андопал* и *Андобал*, *Вадбал* и *Вадбол*, *Ватбал*, *Ватбола*, *Вожбал* и *Вожбола*, *Купчебал* и *Купчебала*, *Маткобал* и *Маткоболь*, *Нембал* и *Нембала* и т. п. В некоторых случаях эти колебания объясняются согласованием по роду с названиями разных

смежных объектов. В целом, складывается впечатление, что белозерские, устьянские и другие подобные названия образуют как бы юго-западную периферию единого ареала от Мезени до Белого озера, но полной уверенности в этом все же нет из-за наличия еще более южных названий на -бал, -бол, распространенных на территории Костромской, Ярославской, Владимирской, Московской областей (*Кужбал*, *Пезобал*, *Кинобол*, *Шачебол*; *Хихиболы* и т. п.). В этих названиях формант достаточно надежно интерпретируется как обозначение поселения: многие топонимы с формантами -бал, -бол являются названиями населенных пунктов, причем вблизи нет рек с таким названием, и, следовательно, возможность переноса исключается. Ряд топонимов с этим формантами, которые называют населенные пункты, имеют структуру «название реки (на которой расположен данный населенный пункт) + формант -бал, -бол», например, *Пезобал* – н.п. на р. Пеза, *Яхнобол* – н.п. на р. Яхна и т. п.

Этот формант сопоставляется с такими угорскими данными, как венг. *falu* «деревня», манс. *päβl* «поселение» и, может быть, с фин. *palva* (в топонимах *Palvala*, *Palvajärvi*), карел. *palvi* «местожительство» [MSFE I: 180], а также с пермскими (удм. *пал* «сторона») и волжско-финскими источниками (мар. *вел* «сторона», морд. *веле* «село»). Несмотря на этимологические трудности, на территории Волго-Окского и Волго-Двинского междуречий названия такого типа считаются мерянскими [Vasmer 1935: 585-587; Попов 1974: 15-16, 22-23; Востриков 1979: 60-63; Ткаченко 1985: 61-62]. О возможной связи вологодских и архангельских наименований на -пал, -пол, -бал, -бол и т. п. с мерянскими или севернофинскими источниками см. [Матвеев 1996: 6-7, 13, 20-21; 1998: 92-93, 96-102].

Общая картина очень сложна. Ввиду разнообразия возможностей семантически и этимологически интерпретировать формант (форманты) крайне трудно. Не исключено все-таки, что мы имеем дело с двумя разными формантами, взаимодействующими друг с другом. Один из них мог иметь значение «сторона», «место», второй – «поселение». Учитывая, что различные виды угодий часто бывают на месте запустившихся населенных пунктов и, наоборот, населенные пункты возникают

около угодий, в этом случае открываются широчайшие возможности для взаимодействия и различных контаминаций, особенно ввиду фонетически близких русских топонимических компонентов *-полье*, *-поле*, *-поля*, *-поль*. Ср. в связи с этим *Едополь*, *Каргополь*.

Относительно редкие названия рек и озер на *-пал(a)*, *-пол(a)* и т. п. (при отсутствии параллельных названий смежных населенных пунктов и угодий) мало что доказывают, так как при запустении населенного пункта его название часто сохраняется в наименовании водного объекта. Поэтому нет никаких оснований увязывать *-бал*, *-бол* с венг. *folyó* «река», как это делает Европеус [Европеус 1868: 64]. Колебание *o* ~ *a*, как это уже было сказано, может быть объяснено на русской почве. Поэтому вряд ли *-бал* и *-бол* восходят к различным словам типа *falu* и *folyó* [Востриков 1979: 61-62].

Косвенно наличие двух формантов и, следовательно, двух ареалов подкрепляется и существованием в северо-восточной («пинежско-мезенской») зоне многочисленных русифицированных названий деревень и полей на *-полье* (*Азаполье*, *Ревполье*, *Совполье*, *Херполье*, *Чирополье* и т. п.), формант которых обычен и в чисто русских топонимах (*Черное поле* > *Чернополье*, *Чистое поле* > *Чистополье*, *Возле поля* > *Возлеполье*). Они могли явиться русской переделкой субстратных названий на *-поля*. Кроме того, здесь функционируют полукальки на *-поле* (*Мелополе*, *Мечполе*) и *-поля* (*Карполя*, *Никополя*). На юге и юго-западе региона такие названия не зафиксированы.

Могло быть и так, что названия на *-поля* перерабатывались в топонимы на *-полье*, а затем «восстанавливались» по принципу обратного словообразования в наименованиях на *-поле*, *-поля* и *-поль*, ср. *Едопола* (Мез), *Едополье* (Пин), *Едополь* (Он). К тому же последние сборы ТЭ в Мезенском районе ясно показали, что наименования типа *Совполье*, *Херполье* связаны с близлежащими ручьями *Сова*, *Херья* и вполне могли первоначально означать «Совская сторона», «Херьская сторона» (собственно «Бычья сторона», так как рядом находится луг *Бычник*, а фин. *härkä*, карел. *härgä*, вепс. *härg* имеет значение «бык»).

– Угор. («река») [Европеус 1868: 64; 1874: 12], приб.-фин. («пустошь») [Vasmer 1934: 420, 423], мерян. [Vasmer 1935: 585-587 (< Kalima); Попов 1974: 15-16, 22-23; Востриков 1979: 60-63; Ткаченко 1985: 61-62].

-пахта, -похта

Этот редкий формант распространен в западной части региона (к западу от нижнего течения Сев. Двины и Ваги), где засвидетельствовано 17 названий. Выделение форманта связано с рядом трудностей: на РС хотя и нечасто фиксируется формант *-охта*, *-ахта*, поэтому случаи типа *Лёпахта* (*Лё-пахта* или *Лёп-ахта*) трудны для интерпретации, колебание *a* – *o* в форманте может быть связано как с широко распространенным на РС соответствием *a* – *o*, возникшим в результате разновременной адаптации **a* (см. 2.3.2.), так и с изменением *o* > *a* на русской почве. Кроме того, варианты форманта могут восходить к разным языкам.

Ограниченнное количество фактов препятствует успешному использованию географического критерия при выделении форманта. Тем не менее определенные закономерности в распределении названий с *-пахта* и *-похта* все же прослеживаются: к западу от Онеги узкой полосой с севера на юг фиксируется только формант *-пахта* (7 фиксаций), причем в районе Кенозера отмечено сразу три названия – *Гойпахта*, *Валдапахта* и *Лайпахтина* (< **Лайпахта*), в Белозерском крае названия на *-похта* (*Сампохта*, *Амбохта* < **Ампохта*) сменяются юго-западнее в бассейне Суды наименованиями на *-пахта* (*Кумпахта* < **Кумпахта*, *Перпахта*, *Пельпахта*). Поэтому есть некоторые основания считать, что корреляция названий на *-пахта* и *-похта* должна интерпретироваться как закономерная и древняя, т. е. они принадлежат разным языковым общностям или были заимствованы русскими в разное время.

Для установления значения форманта важно сравнение топонимов с реалиями: в 11 случаев из 17 это названия болот, в остальных – озер, ручьев и населенных пунктов. Поэтому можно предположить, что детерминант *-пахта*, *-похта* обозначает какой-то вид болота с метони-

мией в некоторых случаях. Примечательно в этой связи, что близ деревни *Амбохта* (Бел) находится деревня *Запохотье* (< **Похта*). Русские народные говоры также подтверждают, что соответствующий географический термин обозначал вид болота, ср. белозерское *похта* «болото-зыбун», «болото вокруг озера», «заболоченный берег озера» (ТЭ), а также топонимы *Лундозерская Похта*, *Сотозерская Похта*.

Из-за различий в семантике детерминант вряд ли можно сопоставлять с вепс. *роht* «небольшой залив озера или реки» [СВЯ: 426], а также с саам. Патсйоки *pokk* «самое узкое место озера или реки», Сонгельск *poakk* «низина, ложбина (между двумя возвышенностями)», *роhk* или *роht* «узкое место в реке между скалами» [ККС: 391]. Более вероятна связь с саам. Патсйоки *ra~~h~~k'*, Нотозеро *ra~~z~~k'k'*, Кильдин *ra~~z~~k*, Йоканьга *ra~~z~~ke* «возвышенность, поросшая карликовой бересклетом и ягелем» [ККС: 33], ср. также саам. *na~~h~~kъ* «(тундровая) гора» [СРС: 244].

В басс. Пинеги записаны названия *Лапохта* (ручей), *Ламбахта* или *Ламбохта* (покос), *Шупахта* (озеро). Возможно, они относятся к рассматриваемому типу, поскольку в верхнем течении Пинеги (басс. Вили) засвидетельствован в местных русских говорах географический термин *пахта* «зыбучее болото», «травянистое сырое болото». Неоднократно в басс. Пинеги этот термин зафиксирован и в топонимическом употреблении (*Пахта*).

Вариант *-пахта* можно свести к *-похта* в связи с заударной позицией, но этому препятствует сосуществование географических терминов *пахта* и *похта*. Гипотетически допустимо, что *похта* восходит к саамским, а *пахта* по крайней мере в некоторых случаях (кенозерские *Валданахта*, *Гойпахта*, *Лайпахтина*) – к прибалтийско-финским источникам.

– Угор. («деревня») [Европеус 1868: 65], («горка») [Европеус 1874: 12], саам. («скала») [Vasmer 1936: 213].

-ранда

Названия с этим детерминантом встречаются очень редко (11 топонимов – *Вочаранда*, *Кавкаранда*, *Саваранда* и др.). Зона распро-

странения – северо-западная половина РС. Несколько больше их на севере Архангельской области и в Белозерском крае. С этими топонимами явно соотносится и название *Лигоронда* (Бел), где произошла прогрессивная ассимиляция гласных на русской почве (*o – a > o – o*). В варианте *-ронда* вряд ли следует видеть отражение старого соответствия приб.-фин. *a* ~ рус. *o*, поскольку имеются параллельные формы с *-ранда* и *-ронда* (*Вондронда* – *Вондронда*, *Кундаранда* – *Кундоронда*). Не исключено, что сюда же следует относить названия *Муронда* < ?**Мурранда*, *Коронда* < ?**Корронда* < **Корранда*, *Чаронда* < ?**Чарронда* < **Чарранда*, однако доказать это затруднительно.

В топонимическом употреблении и в русской диалектной лексике термин не зафиксирован.

Топонимы с этим детерминантом обозначают различные уроцища, расположенные на берегах рек (мысы, луга, рощи и т. п.), а иногда по метонимии ручьи и населенные пункты. Это полностью соответствует этимологии форманта.

< Приб.-фин.,ср. фин. *ranta*, карел. *randa*, ливв. *randu*, люд. *rand*, *randu*, вепс., эст. *rand* «берег» < герм. [SKES: 733-734]. Топонимы этого типа в прибалтийско-финской топонимии обычны, ср. фин. *Hiekkaranta*, *Kallioranta*, *Maitoranta*, *Siltaranta*, *Veneranta* и т. п.

– Угор. (без соответствий) [Евопеус 1874: 12].

3.1.2. Детерминанты ограниченного распространения

-ванга

Формант *-ванга* зафиксирован преимущественно в басс. Онеги. В нижнем течении этой реки засвидетельствовано 11 названий такого типа (*Кортеванга*, *Мареванга*, *Русованга* и др.). В басс. Моши (пр. Онеги) и ее крупного притока Лепши отмечено еще 9 названий с этим детерминантом (*Ватованга*, *Пелеванга*, *Ярванга* и др.). Возможно к ним надо отнести еще *Рушаванга* (? < **Рушаванга*), *Рытовалга* (? < **Рытованга*) и находящийся на Онеге ниже устья Моши топоним *Ракованда* (? < **Ракованга*). Кроме того, в документе, относящемся к устьям Сев.

Двины, упоминается тоня *Палованга* [СГКЭ I, № 6]. Таким образом, все названия этого типа находятся в северо-западной части региона.

Изредка встречающийся вариант *-вонга* всегда фиксируется наряду с *-ванга* и явно вторичен (*Мутованга* > *Мутовонга*, *Патованга* > *Патовонга*) и связан, очевидно, с прогрессивной ассимиляцией гласных на русской почве (*o – a > o – o*). В топонимическом употреблении термин не засвидетельствован. Отсутствует он и в русской диалектной лексике.

Почти все названия на *-ванга* обозначают луга и поля. Исключения – названия прибрежных онежских деревень *Кутованга*, *Кялованга*, *Ракованда* (быв.) и тони *Палованга* – объясняются метонимией.

< Приб.-фин., ср. лив. *vängä* «береговой луг» ~ эст. *vang* «рукожатка», «ручка», «изгиб», *vangitaa* «участок суши, ограниченный изгибом реки», «луг», фин. *vankko* «крюк, которым переворачиваются горящие стволы деревьев на пожоге» [LW: 470; SKES: 1635-1636].

Нельзя все же исключить, что иногда в этих названиях скрыт изменившийся на русской почве детерминант *-вонга* «комут», который тоже восходит к прибалтийско-финским источникам (см. 3.1.3. *-бонга*).

-гумузъ

Небольшой, но достаточно плотный (15 топонимов) ареал названий на *-гумузъ* находится юго-западнее и южнее Белого озера (Баб, Бел, Кад). Детерминант очень сильно варьирует. Наиболее обычны варианты *-гумузъ* (*Дъяргумузъ*, *Пигумузъ*) и *-гумъзъ* (*Музгумъзъ*, *Пергумъзъ*), но отмечены также *-гумезъ* (*Шелгумезъ*), *-гумзъ* (*Везгумзъ*), *-кумъзъ* (*Перкумъзъ*), *-кумзъ* (*Перкумзъ*), *-гумъ* (*Пажгумъ*), *-кумъ* (*Петкумъ*), *-умузъ* (*Редумузъ*), а также возникшие под русским влиянием *-гумецъ* (*Лугумецъ*), *-кумецъ* (*Челькумецъ*), *-умецъ* (*Сятурумецъ*). Поскольку нередки комбинаторные изменения, а в заударной позиции колебания гласного, встречаются и другие модификации форманта, ср.: *Музгумузъ*, *Музгумъзъ*, *Музгумецъ*, *Музгумъзъ*, *Музумецъ*; *Лугумузъ*, *Лугумызъ*, *Лугмозъ*, *Лугумецъ*, *Лугомецъ*, *Лугузъ*. Неустойчивость начального звука форманта в русском языке

позволяет думать, что в языке-источнике здесь мог быть звук типа приб.-фин. *h*.

Топонимы на -гумузъ обычно обозначают небольшие деревни в глухих местах или различные урочища («участок леса на болоте» и т.п.). Наименования деревень возникли в результате метонимии.

< Приб.-фин.,ср. фин. *halme*, карел., люд. *halmeh*, вепс. *haumeh*, *haumez*, *houmeh* «пожог (поле в лесу)», «растущие на пожоге хлеба» [SSA 1: 133], откуда рус. олон. *гумежи* «поле» [Kalima 1919: 94-95]. О передаче приб.-фин. *h* русским *г*, дифтонгов *ai*, *ou* русским *у* см. [Kalima 1919: 41, 60].

Источником русских субстратных форм явился, видимо, вепсский язык, во всяком случае вариант форманта -гумезъ точно соответствует вепсскому *haumez* (о детерминанте -*houmeh* «подсечное поле» в вепсском языке см. [Муллонен 1994: 47-48]). Исчезнение гласного в последнем слоге объясняется редукцией в безударном положении. В тех случаях, когда гласный сохранился, обычно происходила ассимиляция *у* – *e* > *y* – *y*, чему способствовал характер сдвинутого назад вепс. *e*. Гласный уцелел в финали -*ey*, уподобленной русскому суффиксу.

– Угор («холм») [Европеус 1974: 12], балт. [Семенов-Тян-Шанский 1926: 184 (< А.А. Шахматов)], приб.-фин. (вепс.) [Матвеев 1970а: 506-507; Чайкина 1977].

-кара

В северо-западной части Вологодской области (Выт), прежде всего в районах озер Ковжское, Кемозеро и Ундозеро засвидетельствовано 20 названий с формантами *-кара* (*Канзакара*, *Леутокара*, *Репанкара*, *Хабкара* и т. п.), *-кары* (одна фиксация – *Пичикары*). В своем большинстве они относятся к заливам, озерным тоням, иногда к прибрежным лугам, болотам, мысам. Значение детерминанта точно устанавливается при обращении к русской диалектной лексике, в которой на этой же территории зафиксирован географический термин *кара* «залив» [ТЭ;ср. СРНГ 13: 62-63].

< Вепс. *kar, kara* «небольшой залив, бухта», а также «щель», «отверстие», «дыра» [СВЯ: 179]. Калима, сопоставив русское *kara* с вепским словом, не решился, однако, определить направление заимствования, учитывая его изолированность в прибалтийско-финских языках [Kalima 1919: 104]. Фасмер, ссылаясь на Калиму, напротив, не сомневается в вепском происхождении русского слова [Фасмер II: 189].

С учетом других значений русского *kara*, засвидетельствованных в различных районах Архангельской и Вологодской областей, как-то «выдолбленная доска для чистки рыбы, рубки мяса, используемая также в качестве большой миски, блюда (для вареной рыбы)», «небольшое деревянное корыто», «желобок», «углубление», «надрез на дереве (при сборе живицы)» [ТЭ; СРНГ 13: 62-63], а также арх. *kara* «род блюда многоугольником, с которого поморы едят на своих судах» [Даль II: 89], вепское слово можно сопоставить с фин. *kaara* «миска», «корыто», саам. норв. *garre* «блюдо», «миска», «лохань» < сканд. (др.-швед.) *kar* «лохань», «chan» [SKES: 135] и считать саамизмом. Изменения в значении («миска», «корыто» > «небольшой залив» и т. п.) семасиологически объяснимы.

В SSA находим уточнения: фин. *kaara* и рус. *kara* выводятся из саам. *garre* и т. п., карел. *koara* «деревянная миска для еды (рыбы или мяса)», ? люд. *kuaru* «слив (для стока воды)», ? вепс. *kar* возводятся к саамскому или русскому (вепс. > рус. *kar*) [SSA I: 264-265]. Фактически соотнесение всех этих слов, по-видимому, еще сложнее,ср., в частности, люд. *kuar* «залив», а также топонимы с детерминантой *-kuare* в людиковской области [Nissilä 1967: 28-29]. Вепское происхождение русской лексемы поддерживается в [Мамонтова, Муллонен 1991: 41-42].

К этой же группе названий следует относить наименование урочища *Хяргокор* к северу от Белого озера [АС I, № 81], в котором отражено древнее соответствие приб.-фин. *a (kar)* ~ рус. *o (-кор)* и, может быть, название озера *Пыжакар* (*Пыжекоро, Пыжекаро*) (Баб).

Наиболее значительная группа названий этого типа находится в басс. Ваги и ее притока Устьи (18 топонимов). В анлауте детерминанта обычно фиксируются как *o*, так и *a* (*Кырконда – Кырканда, Нарконда – Нарканда* и т. п.), хотя встречаются топонимы только с *o* (*Майконда*) или с *a* (*Тепканда*). Это связано с влиянием постепенно распространяющегося аканья. Но поскольку названия относятся к одному компактному ареалу, следует считать, что первоначально детерминант во всех случаях имел форму *-конда*.

Небольшой очаг названий (4 топонима) на *-конда* отмечен на южном берегу Онежского озера (Выт) – *Перконда, Пешконда, Сидороконда, Якоконда*. Кроме того, засвидетельствованы топонимы *Чашконда* (К-Б), *Юконда* (Карг), а также *Конда* (Нянд).

В большинстве случаев (19) эти топонимы обозначают поля и луга, отмечены также названия деревень (6). Все это позволяет предложить прибалтийско-финскую этимологию: фин. *kontu* «дом», «усадьба», «хозяйство», «имущество», карел.-ливв. *kondu* «дом», «усадьба», «земельный участок», «угодие», люд. *kond, kondu* «двор», «усадьба», «поместье» [SKES: 216]. Ср. в финской топонимии *Kontu, Haudankontu, Rajakontu, Vaarankontu* и т. п. Поскольку в вепсской топонимии выявлены многочисленные следы былого функционирования лексемы **kond* «крестьянский двор с прилегающим участком земли» (ср. названия деревень *Kond, Minankond, Perjankond*, покосов и полей *Ukonkond, Ne-bokond, Ondrejankond* и т. п.) [Муллонен 1994: 59, 106-107], вытегорские названия, основы которых содержат прибалтийско-финские антропонимы русского происхождения¹, следует считать вепсскими. Название луга *Юконда* вероятно связано с фин., карел. *Jukka* – Иван, а ойконим *Конда* с карел.-ливв. *kondu*.

В то же время важские названия ареально коррелируют не с прибалтийско-финскими, а с предположительно мерянскими топонимами Поважья (подробнее см. II). Поэтому нельзя исключить, что в этом

¹ *Педроконда, Пекшоконда < Петр, Сидороконда < Сидор, Якоконда < Яков.*

случае в форманте *-конда* отражено слово, близкое к саам. Йоканьга *-kon^dte*, Кильдин *-koⁿt*, норв. *-godde* (в сложных словах), имеющее значение «округ», «местность», «население округа, местности» [KKS: 139]. Это саамское слово родственно в свою очередь фин. *kunta* «община», которое имеет соответствия и в других прибалтийско-финских языках, а также морд. *kon'd'a* «друг», «товарищ». Оно выявлено и в мерянях микротопонимах с основой **kund(V)-* (*Кунда*, *Кундыла*, *Кундынка*) на территории центральной мери [Альквист 1998: 8-10].

Таким образом, в истоуе детерминанта *-конда* в равной мере можно представить слово, родственное финским *kontu* и *kunta*, однако язык названий на *-конда*, по-видимому, не был прибалтийско-финским, тем более что в основах топонимов нет дифференцирующих прибалтийско-финских лексем (см. II).

– Угор. («порог в реке») [Европеус 1974: 12], приб.-фин. [Kalima 1944a: 114-116; Муллонен 1994: 59, 106-107].

-луда

Этот детерминант типичен для названий островов в Онежской губе – *Вайклуда*, *Лехлуда*, *Нюхаслуда*, *Перхлуда* и др. (10 топонимов) и в оз. Ковжском – *Ахуйлуда*, *Каласлуда*, *Коймыслуда*, *Чикайлуда*. Есть еще *Пажалуда* (Плес).

< Приб.-фин., ср. фин. *luoto*, карел.-ливв. *luodo*, люд. *luod*, вепс. *lod*, эст. *lood* «подводная скала», «каменистый островок», «отмель» [SKES: 313]. Детерминант широко распространен в прибалтийско-финской топонимии, ср. фин. *Kallioluoto*, *Kiviluoto*, *Rapaluoto*, *Suuri-luoto*, *Varishioto* и т. п.

Слово *луда* в тех же значениях рано проникло в русские народные говоры [СРЯ XI-XVII вв. 8: 292-293; СРНГ 17: 178]. Его прибалтийско-финское происхождение установлено Калимой [Kalima 1919: 155-156], который указал на древность субSTITУции приб.-фин. *uo* ~ рус. *у* [Kalima 1919: 56-57]. Поскольку слово *луда* очень широко распространено в говорах и топонимии РС (зафиксировано множество названий типа *Черная Луда*, *Хлебная Луда* и т. п.), не исключено, что некоторые

топонимы на *-луда* – полукальки, т. е. произошла ретросубституция. На это прямо указывают такие названия, как *Камень-Луда* (остров) в Онежской губе и *Коймыслуда* (рядом с мысом *Коймыс*) в оз. Ковжском. Гомогенные названия с формантом *-луда* являются карельскими.

В картотеке ТЭ засвидетельствовано также слово *лода* «каменистое место в озере, реке», «каменистая или песчаная отмель», «каменистый берег» и т. п. (Вель, К-Б, Уст; Вашк, Вож, Кир). Этот термин многократно зафиксирован и в русской топонимии: *Красные Лоды* (*Краснолода*), *Олексихина Лода*, *Петухова Лода* и т. п.

Слово *лода* вепсского происхождения, ср. вепс. *lodo* (в SKES – *lod*) «луда, мель в озере, реке» [СВЯ: 295]. В качестве форманта оно дважды засвидетельствовано западнее Белого озера – остров *Войлода* (Выт), луг *Кивлода* (Баб).

-орга

Плотная группа названий на *-орга*, мн. *-орги* (*Иморга*, *Лепорга*, *Пяжаорга*, *Чибичорги* и др.) выявлена на северо-западе Вытегорского района (9 названий). Отдельные топонимы засвидетельствованы и в других местах региона: *Кипорги* (Баб), *Кыскорга* (ОН), *Хаторга* (Холм), *Хаторги* (Пин), *Шуморга* (Карг), *Юкорга* (Нянд). Некоторые из этих названий могут, однако, принадлежать и к топонимам с редким топоформантом *-корга* (*Кыс-корга*, *Ю-корга*, см. 3.1.4.). Ср. также возможность членения *Гришик-орга* и *Гриши-корга* (Выт).

В большинстве случаев топонимы на *-орга* обозначают луга и другие уголья.

В говорах РС неоднократно зафиксировано нарицательное *орга* «ложбина», «низина», «овраг» и т. п. [ТЭ], «болотистое топкое место» и т. п. [СРНГ 23: 330-331]. Много раз термин засвидетельствован в топонимическом употреблении (*Орга*) и в русских сложениях (*Попова Орга*, *Смольная Орга* и т. п.).

< Приб.-фин., ср., фин. *orko* «сырая долина, низина», карел. *orko* «сырая, поросшая ельником долина, низменность», *orgo* «поросший сосновым лесом прибрежный луг», ливв. *orgo* «ущелье между двумя

хребтами», люд., вепс. *org* «овраг, низина», эст. *org* «долина» [SKES: 438].

Судя по всему, вытегорские названия вепсского происхождения.

-пелда, -палда

Все названия с этими формантами сосредоточены на северо-западе региона в пространстве между Онегой, низовьями Сев. Двины и верховьями Моши. На этой довольно значительной территории выделяются три микроареала. Первый – в нижнем течении Онеги – 7 названий на *-пелда*, иногда с вариантом *-пельда* (*Канзапелда* – *Канзапельда*, *Папелда*, *Пирзапелда*, *Монепелды* и др.), и одно на *-палда* (*Пачепалда* с единичной фиксацией варианта *-пелда* – *Пачепелда*). Большинство названий (5) обозначают поля и луга. В трех случаях зафиксированы ойконимы (в двух имеются и параллельные названия полей). Второй микроареал находится в среднем течении Мехреньги (пр. Емцы) и насчитывает 6 названий, из них 4 на *-палда*, *-пальда* (*Ерьпальда*, *Майпальда*, *Сюрапалда*, *Юропальда*) и 2 на *-пелда*, *-пёлда* (*Вымпелда*, *Тишепёлда*). Название *Майпальда* имеет вариант *Майпелда*. Все соответствующие объекты являются полями и покосами. Третий микроареал с названиями на *-палда*, *-полда*, *-болда* (< *-пальда*) относится к низовьям Сев. Двины. В памятниках, связанных с этой территорией засвидетельствованы названия деревни *Ижеболда* [ПК 1676-1682 гг.], сенокоса *Керопалда* [СГКЭ I, № 102], пустоши *Пехполда* [СГКЭ I, № 76], реки *Куропалда* [АХЕ 1663 г.: 248]. В полевых записях зафиксированы *Керепалда* и *Куропалда*¹.

Отметим еще два изолированных топонима – д. *Кучепалда* (Карг) и поле *Чепалда* (*Чеполда*), если членение *Че-палда* (Нянд).

¹ Название *Куропалда* вызывает сомнения в двух отношениях: во-первых, так именуется не поле, а река, причем довольно значительная, вытекающая из *Куропалдских* озер и протекающая по глухим местам, во-вторых, proximity находится озеро *Рушалда*, которое в источнике XV в. именуется *Рушеягръ*, что позволяет реконструировать ряды *Рушеягръ* > **Рушагра* > *Рушалда* и **Куропалда* > *Куропалда*.

В диалектной лексике соответствующий термин не зафиксирован. Отсутствует он и в топонимическом употреблении (носр. оз. *Пельдское* в пределах первого микрореала).

Формы на *-пелда* восходят к прибалтийско-финским языкам, ср. фин. *pelto*, карел.-ливв. *peeldo*, люд. *reld*, *reldo*, вепс. *röld*, *reud*, *röuid*, эст. *rold* «поле» < герм. [SKES: 516]. Фонетически ближе всего к форме *-пелда* карельско-ливвиковские и людиковские данные. В прибалтийско-финской топонимии названия этого типа обычны, ср. фин. *Alapelto*, *Hiekkapelto*, *Kaivopelto*, *Metsäpelto*, *Suopelto* и т. п. Часть форм на *-палда* (в нижнем течении Онеги и по Мехреньге) очевидно возникла из первичного *-пелда* в результате ассимиляции безударного *e* предшествующему ударному или послеударному *a* (*Майпелда* > *Майпалда*), хотя это объясняет не все случаи (ср. *Ерьпалда*).

Однако двинские формы на *-палда* (*Керепалда*, *Куропалда* и т. п.), где нет параллелей на *-пелда*, и единичное каргопольское *Кучепалда* должны, по-видимому, интерпретироваться иначе. Наиболее вероятно, что в этих случаях, источником был какой-нибудь саамский диалект, поскольку коррелятивные саамские слова имеют в соответствии с приб.-фин. *e* звуки, которые могли русскими восприниматься как *a*, ср. саам. швед. *pälđo*, *pälto*, норв. *bældo*, Инари *peäldu* «поле», Кильдин, Йоканьга *pealt* «площадь, поле, равнина» < фин. [SKES: 516].

На РС довольно часто встречаются и полукальки с русским термином *-поля* (мн.), возможно, отражающие субстратный формант *-пелда* (*-пелды*), *-палда*. Особенно они распространены в бассейнах Мезени (ср. *Калполя*, *Палполя*, *Хоиполя*) и Кулоя (*Карполя*, *Никополя*). Сюда же могут относиться и многочисленные названия на *-полье*, также широко распространенные на северо-востоке региона (*Азаполье*, *Карьеполье*, *Сомполье* и др.). Ясно, что русские географические термины в полукальках не обязательно отражают именно этот прибалтийско-финский детерминант. Ср. также *-пол(a)*, *-пал(a)* и т. п. (3.1.1.).

– Угор. [Европеус 1874: 12], приб.-фин. [Vasmer 1934: 401, 405; Попов 1949: 50; 1965: 125].

Названия с этим редким формантом (9 фиксаций) отмечены в основном в басс. Онеги, где они группируются в нижнем течении этой реки – 4 топонима (*Выльнопоча*, *Выръяпocha*, *Пурнopoча* и, может быть, *Верпучa*), а также в басс. ее притока Моши – 3 топонима (*Серпoча*, *Шарпoча* и явно принадлежащее к этой же группе *Шолопoчъ*). Одно название на *-пoча* (*Нюхпoча*) относится к району Кенозера и еще одно (*Лагопoча*) засвидетельствовано на левобережье Сев. Двины (В-Т).

Не установлено местонахождение топонима *Чушапoча* (Пин). Трудно сказать, связано ли с этой группой названий *Сенотповчa* (Леш).

Большая часть названий на *-пoча* (7) относится к заливам, старицам, ручьям.

Значение этого форманта можно считать точно установленным, так как в русских говорах известны арх. *потча* «залив» [Даль III: 360], олон. *пoча* «лужа, болото, старое русло реки» [Куликовский: 91], *потча* (Нянд, Плес), *пoчча*, *потшиа* (Плес), *пoча* (Вин, В-Т, Нянд, Он) «старица», «залив», «рукав реки» [ТЭ]. Фасмер считает это слово неясным [Фасмер III: 347].

Это слово как будто бы не имеет близких прибалтийско-финских соответствий, во всяком случае Калима не включил его в свой реестр прибалтийско-финских слов (см. [Kalima 1919]). Семантически близки, но по фонетическим причинам не могут рассматриваться как непосредственный источник вепс. *poht* «небольшой залив озера или реки» [СВЯ: 426] и ненец. *наха* «бухта; залив» [НРС: 454]. Апеллятив *пoча* осторожно сопоставляют с вепс. *pože*, *poža* «топкое место; лужа; яма на лугу, заполненная водой; омут в реке», *poža* «грязь», а также с карельскими топонимами с элементом *poža* (*pod'ža*), которые чаще всего привязаны к озерным и речным заливам или расположенным по их берегам болотистым урочищам [Мамонтова, Муллонен 1991: 74-75]. Однако фонетическое соответствие неполно. Это побуждает видеть в рус. *пoча* реликт «древнего прибалтийско-финского слова, существовавшего и в языке Заволочской Чуди (откуда было заимствовано русскими)» [Шилов 1997: 14-15], но и в этом случае остаются фонетические трудности.

Учитывая дифференцирующую основу *нюх-* < **нюхч-* «лебедь» в *Нюх-поча*, можно попытаться привлечь саамские данные, предполагая, что мы имеем дело с специфическим субстратным термином, который мог возникнуть в результате метафорического переноса. В этом отношении представляет интерес саам. норв. *bosse*, Патсйоки *potts*, Сонгельск *poatts* «труба» [KKS: 400].

-сарь

Названия на *-сарь* образуют небольшой ареал (17 топонимов) между Белым озером и Онежским озером – *Гавсарь*, *Кивсарь*, *Лапсарь*, *Пиксарь*, *Хансарь*, *Ялосарь* и др. (Баб, Вашк, Выт). Кроме того, выявлены изолированные топонимы *Паласарь* (западнее озера Лача, Карг) и *Токсарь* (южнее Белого озера, Бел). В топонимическом употреблении термин не зафиксирован. Неизвестен он и в лексике русских народных говоров. Названия обычно обозначают угодья (покосы) и острова. Исключение – ойконим *Ялосарь*. Первичное значение детерминанта – «остров».

< Приб.-фин., ср. фин. *saari*, карел.-ливв. *soari*, *suari*, люд. *suar*, вепс. *saar*, эст. *saar* «остров» [SKES: 938]. Ср. в финской топонимии *Kuivasaari*, *Salosaari*, *Suurisaari*, *Varpasaari* и т. п.

Есть все основания считать эти названия вепсскими. Их следует отличать от многочисленных гидронимов на *-сара*, *-сар*, *-сарь* и т. п., в которых формант имеет значение «ответвление реки», «рассоха».

-сельга

Очень плотный ареал названий с формантом *-сельга* находится между Белым озером и Онежским озером (исключая бассейн Ковжи) преимущественно на территории Вытегорского района (48 топонимов): *Гомсельга*, *Кивисельга*, *Кимсельга*, *Педясельга*, *Ребосельга* и др. Шесть названий засвидетельствовано также на прилежащей к этому ареалу с юга территории Белозерского района (*Питкосельга*, *Роймосельга*, *Роксельга* и др.). В ряде случаев встречается фонетический вариант фор-

манта -серъга, обычно обусловленный комбинаторно (*Вертосельга – Вертосеръга, Ребосельга – Ребосеръга* и т. п.).

Несколько названий на -сельга зафиксированы также к северо-востоку от Белого озера в Вашкинском районе (*Кивсельга, Несельга, Саяцельга* < *Саясельга), в районе Кенозера (*Нисельга, Плес*), между Кенозером и оз. Лача (*Масельга, Карг*), а также на южном берегу Онежской губы (*Масельга, Он*).

Топонимы этого типа обозначают различные уроцища, особенно покосные угодья, а также возвышенности, участки леса, населенные пункты.

Значение форманта устанавливается по апеллятиву *сельга*, за- свидетельствованному в олонецких говорах в значении «продолговатая возвышенность, покрытая лесом» [Куликовский: 106], в вытегорских говорах этот термин означает «сухое возвышенное место на болоте» [ТЭ]. Слово считается ливвицким по происхождению [Kalima 1919: 215], карельско-ливвицко-людиковским или людиковско-вепским [SKES: 996].

< Приб.-фин., фин. *selkä*, карел. *šelkä, šelgä, selgä*, ливв. *selgii*, люд. *šelg, šelg, sel'ge, selgi* «спина», «хребет», «горный кряж», вепс. *selg, šelg*, эст. *selg* «спина», «хребет» [SKES: 995-996]. Ср. в финской топонимии *Haapaselkä, Jokiselkä, Niiniselkä, Ristiselkä* и т. п.

Хотя в современном вепсском языке не засвидетельствовано значение «горный кряж» (см. [СВЯ: 534]), есть все основания считать, что вытегорские и белозерские названия на -сельга принадлежат вепсам. На это указывают география топонимов, соотносительность их ареала с зоной распространения названий с явно вепсским формантом -сарь (см. выше), наличие в русских вытегорских говорах заимствованного апеллятива *сельга* «сухое возвышенное место на болоте» и т. п.

О более северных единичных названиях *Масельга* трудно сказать что-либо определенное, хотя скорее всего они связаны по происхождению с карельскими диалектами.

См. также -шалга, -шелга.

Наиболее значительное скопление названий на *-солово* (26 топонимов) находится на территории Белозерского, Бабаевского и Кадуйского районов между Белым озером и р. Суда. Чаще всего встречается вариант форманта *-солово* (*Андосолово*, *Ваньгасолово*, *Кебасолово*, *Кумосолово* и т. п.). Наряду с ним засвидетельствованы, однако, и другие варианты, ср. *Ваколово – Вакслово*, *Корсолово – Корслово* (с дierезой безударного гласного), *Кумосолово – Кумосоло*, *Рихасолово – Рихасоло*. Иногда топоним фиксируется только с вариантом *-слово* (*Матросолово*) или *-соло* (*Кукосоло*). Отдельные исключения легко объяснимы: *Паксоловик* (*Патсоловик*) < **Паксолово* (*Патсолово*), *Шаньшиолово* < **Шаньсолово*.

Те же особенности наблюдаются в двух других (намного менее значительных) очагах названий – в районе оз. Воже (Кир) и верховьях р. Моша (Нянд). В прибрежьях оз. Воже зафиксированы топонимы *Воксолово*, *Рыксолово* и синкапированные *Данислово*, *Матросолово*, *Порослово*, в верховьях Моши – *Подсолово* и *Потчаслово*.

Из 33 названий 23 обозначают острова на водоемах и острова леса среди болот, остальные 10 прилагаются к покосным угодьям и другим урочищам, изредка – к населенным пунктам. Уже это позволяет установить значение форманта – «остров».

В топонимическом употреблении и в качестве апеллятивного заимствования соответствующий термин в очерченных микроареалах не засвидетельствован, однако он несомненно выступает в названии *Соловки* (*Соловецкие острова*), дословно означающем, таким образом, «Острова», «Островки».

< Приб.-фин. или саам., ср. фин. *salo* «большой лес, тайга», «островок леса», «большой остров», карел.-ливв. *šalo*, *salo*, люд. *salo* «глухой лес», эст. *salu* «лесок, роща; островок на болоте», «холм, находящийся на болоте» = саам. Луле *suolō*, *suolōv*, норв. *suolo*, Кильдин *suel* «остров» (в саам. норв. и диалекте Луле также «островок на болоте», «островок леса») < балт. [SKES: 956]. Наиболее близки к нашим материалам саамские данные, особенно Луле *suolōv*. Ср. в финской то-

понимии *Ahvensalo*, *Koivusalo*, *Rantasalo* и т. п., в саамской – *Айтсуол*, *Вындесуол*, *Кинтсуол*, *Тороссуол*, *Чальмсуол* и др. [Казаков 1949: 304–308].

Окончание *-ово* возникло на русской почве (аналогично окончанию притяжательных прилагательных). Этому мог способствовать характер абсолютного конца слова в языке-источнике (*-ov, *-ow, *-oi и т. п.). Обращают на себя внимание формы *Ваньгасоло*, *Кумосоло*, которые могут оказаться производными (усеченными) от *Ваньгасолово*, *Кумосолово*. С другой стороны, есть возможность считать их первичными (ср. приб.-фин. *salo*).

-шалга

Почти все названия на *-шалга* сосредоточены в басс. Онеги (17 топонимов). Они членятся на три группы: район низовий Онеги (*Кимшалга*, *Ревошалга*, *Хомшалги* и др., 8 топонимов), район устья Моши (*Патрошалга* и *Херкашалга*), верховье Онеги и оз. Лача (*Палашалга*, *Торшалга*, *Шутшалга* и др., 7 названий). Кроме того, название *Ворошалга* записано в районе Холмогор, а *Пишишалга* в басс. Мехренъги (Плес).

На этой же территории и восточнее вплоть до границы с Республикой Коми засвидетельствовано очень много случаев употребления термина в роли топонима (*Шалга*, поле, В-Т, *Шалга*, лес, Уст, *Шалги*, поле, Он и т. п.) и в функции определяемой части атрибутивной конструкции (*Высокие Шалги*, пож., Он, *Лихая Шалга*, д., Карг). Однако эти образования не следует связывать с формантом *-шалга*, так как они в своем большинстве явно восходят к апеллятиву *шалга*, распространенному в говорах РС в различных значениях: мез. «чернолесье» [Опыт: 262], арх. «густой, раскинувшийся на большое пространство сосновый и еловый лес» [Опыт: 303], «большой, вхожий лес; дровосека» [Даль IV: 619], мез. «поросшее кустарником место в лесу», он., холм. «гора или холм, на которых не растет трава», арх. «глухой, иногда на десятки верст тянущийся лес, среди которого есть озера» [Подвысоцкий: 191], олон. «возвышенное сухое место, поросшее лесом» [Куликовский: 135], холм. «топкая болотина» [Грандилевский: 299]; «остров между болота-

ми», «пологая продолговатая гора» (Карг), «большая заболоченная поляна в лесу» (Плес), «низкорослый заболоченный лес» (Уст), «место для рубки леса, делянка, лесосека» (Он, Холм) и др. [ТЭ].

При всем разнообразии значений русского слова, несомненно, что оно служит для обозначения участков леса, выделяющихся на местности (на горе или на болоте). Калима [Kalima 1919: 244-245] сопоставляет слово *шалга* с карел. *šelgońe* «большой глухой лес» и фин. *selko* «дикий удаленный лес» (ср. карел. *šelgä*, фин. *selkä* «кряж, грива»), отрицая связь с фин. *salo*, карел. *salo* «большой глухой лес» в связи с фонетическими трудностями. Все же и этимология Калимы встречает возражения, так как фин. *e* обычно передается рус. *e* [Kalima 1919: 51-52]. Так как карел. *šelgä* отражается в рус. *-шелга* (см. ниже), нельзя согласиться и с предположением, что диал. *шалга* «делянка в лесу» из-за наличия начального *ш* должно считаться карельским по происхождению словом [Сало 1966б: 92]. Переход *-шелга* > *-шалга* можно допустить в безударном положении, ср. *Хомшалги* < *hoŋkšelgä*. Однако изменение **шёлга* > *шáлга* на русской диалектной почве объяснить нельзя. Название *Шупшиалга* < **Шубшиалга* (ср. саам. *suppe* «осина») показывает, что мы можем иметь дело с особым языком, в котором существовал термин **šalg(a)*, сопоставляемый с прибалтийско-финскими данными при учете соответствий приб.-фин. *e* – субстр. *a* и приб.-фин. *s* (*š*) – субстр. *u*, хотя изменение *-шелга* > *-шалга* в безударном положении тоже вполне вероятно. Кроме того, возможна ретросубSTITУЦИЯ (см. 2.2.).

Ср. фин. *selkä* «спина; горный кряж», карел. *šelkä*, *šelgä*, *selgä*, ливв. *selgū*, люд. *šelg*, *selg*, *selge* и др. «спина; горный кряж», вепс. *selg*, *šelg* «спина», эст. *selg*, юж.-эст. *sälg* «спина», лив. *sälgä* «спина» = саам. норв. *cielge* и т. п. «позвоночник», «горный кряж» [SKES: 995-996]. Ср. еще саам. норв. *sælge* и др. в тех же значениях < приб.-фин. [KKS: 490-491]. Особенно близки к *шалга* (-*шалга*) южноэстонские и ливские данные.

Приб.-фин. > рус. *сельга* [Kalima 1919: 215]. Ср. олон. *сельга*, *сёльга*, *сёлга* «продолговатая возвышенность, покрытая лесом...; на таких... возвышенностях приходилось делать подсеки, почему название

сельга иногда обозначает место, расчищенное ради посева хлеба» [Куликовский: 106], сельга «высокое пахотное место в лесу» [Опыт: 201], сельга «лес» [Опыт: 241]. Эти слова важны и для уяснения семантики апеллятива *шалга*. Предположение о том, что карел.-ливв.-люд. > рус. *шалга* [SKES: 996] спорно.

В районе Кенозера в названиях гор *Еньшелга* и *Куршелга*, а также поля *Габчелга* < **Габшелга* (Плес) засвидетельствован формант -шелга. Эти названия отражают карельский консонантизм (*š*) и прибалтийско-финский вокализм (*e*), поэтому есть основания считать их прибалтийско-финскими и относить к какому-то карельскому диалекту (**šelgā*).

Ср. фин. *Kallioselkä*, *Yläselkä*, *Koivuselkä*, *Koskenselkä*, *Ojaselkä*, *Rajaselkä*.

-янга

Плотный микроареал названий на -янга находится в басс. Моши (Нянд). Здесь зафиксировано 7 названий на -янга (*Морошьянга*, *Панапертьянга*, *Пышьянга* и др.) и 3 на -ен(ъ)га < *-янга (*Мурошеньга*, *Пидисенга*, *Пиеченга*). Все эти названия обозначают болота. Небольшая группа из трех наименований такого же рода зафиксирована и в нижнем течении Онеги. Это болота *Марьянга* и *Нутренга*, а также поле *Нилянга*.

Проблематична принадлежность к числу этих названий луга *Охтянга*, болота *Супен(ъ)га* (Выт) и особенно уроцищ *Пеленъга* и *Пученьга* (Вель).

Изменение -янга > -енга в безударной позиции объясняется фонетическими особенностями севернорусских диалектов ('*a* > *e*), но возможно (особенно в отношении форм на -енъга) и воздействие со стороны огромного массива гидронимов на -ен(ъ)га. Не исключено, что вельские топонимы вообще по происхождению связаны с гидронимией на -*Vn(ъ)ga*, очень богатой в бассейне Ваги.

Слово янга неоднократно засвидетельствовано (Нянд, Плес) в топонимическом употреблении и в функции определяемой части русских сложных топонимов (болота Янги, Иловая Янга, Мокровская Янга,

Пустая Янга, Чащеевская Янга и т. п.). Оно известно также в лексике русских говоров на этой территории в различных, но близких значениях: «болото», «болото с маленьными сухими елочками», «сырое место, где растет редкий сосновый лес», «топкое место» [ТЭ]. Ср. олон. янга «моховое топкое болото, поросшее небольшим сосновым лесом» [Куликовский: 142]. Этот апеллятив – прибалтийско-финского [Kalima 1919: 254] или саамского [Itkonen 1932: 65] происхождения.

< Приб.-фин. или саам., ср. фин. *jämkä*, карел. *jätkä* «болото» = саам. швед. *jegge*, норв. *jægge* и др. [SKES: 130], Имандра *jäyk* «болото» [KKS: 53] при прасаам. **jäŋkē* [YS: 36].

Европеус считает, что детерминант *-янга* «болото» на РС угорского происхождения [Европеус 1874: 13]. Действительно, в мансийском языке есть слово *jaŋk*, *jaŋgelma* «болото», имеющее точные соответствия в прибалтийско-финских и саамском языках [SKES: 130]. Это мансийское слово проникло в Зауральские русские говоры [Кальман 1951: 269; Матвеев 1959: 80-81]. Так как в топонимии Приуралья и восточной части РС нет никаких следов форманта *-янга*, а в лексике русских говоров заимствованного нарицательного *янга*, нет и оснований связывать этот характерный для западной части региона формант с угорскими данными.

3.1.3. Детерминанты, образующие рифмованные сегменты

-бонга

Пять названий на *-бонга* засвидетельствовано в Бабаевском и Вытегорском районах (*Климобонга*, *Ковербонга*, *Кондебонга*, *Костинбонга*, *Мишианбонга*). В двух случаях это обозначения омутов, в трех – покосных угодий. В Вытегорском районе засвидетельствован апеллятив *бонга* «комут», «глубокая заводь», «яма с водой» [ТЭ], в Вашкинском – населенный пункт *Бонга*.

< Приб.-фин., ср. фин. *vonka*, карел. *voŋga*, ливв. *voŋgi*, люд. *voŋg* «глубокое место в реке», «омут», «водоворот» > рус. олон. *бонга* «небольшое лесное озеро; глубокое место в реке» > люд. *boŋge* «глубокое тихое место в реке», вепс. *boŋg* «омут», «глубокое и широкое место

в реке» [Kalima 1919: 80; SKES: 1808]. Учитывая фонетическую форму и географию названий на *-бонга* их надо относить к вепским по происхождению.

Следует упомянуть еще два названия *Вонга* (деревня и протока в Пинежском районе и покос в Мезенском). В этих случаях тот же географический термин в топонимическом употреблении выступает в форме с карельско-ливвиовско-людиковским консонантизмом. Слово *вонга*, видимо, было известно некоторым русским говорам,ср. на территории Пинежского края: «Название Вонга в современном его значении есть вполне собирательное, общее многим селениям, каковы: Вонга Совпольская, Вонга-Новинка, ... Вонга Верхних и Нижних озерок, Вонга Докучинская, Вонга Чернильниковская, Вонга Теливеройская, Вонга Едакино-Плаксинская, Вонга Преснечевская, Вонга Ларевская, Вонга Комаровская» [Огородников 1877: 162].

Название порога *Сивонга* на р. Кожа (Он) при членении *Сивонга* (< **Сив-вонга*) следует отнести к карельским с переводом «Глубокий омут» (< **Sivvđ voŋga*).

-корба

Четыре названия с этим детерминантом (обозначения участков леса, поля, луга) записаны в Вытегорском районе близ Онежского озера (*Лайдакорба*, *Пыткорба*, *Токкорба*, *Шанкорба*).

Географический термин *корба* в различных значениях, но чаще всего как «глухой заболоченный еловый лес» зафиксирован ТЭ на территории западных районов РС (Бел, Вашк, Выт, Он, Плес). Калима вводит его к карельско-ливвиовским и вепским источникам [Kalima 1919: 128].

< Приб.-фин., ср. фин. *korpi* «глухой лес», «сырой (обычно еловый) лес», карел.-ливв. *korbi*, люд. *kořb*, *korbi*, *korbi* «лес, сырой еловый лес», вепс. *kořb* «густой, глухой лес» [SKES: 219]. По SKES русский апеллятив заимствован из карельско-ливвиовского или людиковского источника.

Ср. в финской топонимии *Alakorpi*, *Mustakorpi*, *Myllykorpi*, *Pihlajakorpi*, *Ruunakorpi* и т. п.

Вытегорские топонимы скорее всего восходят к вепсскому языку, хотя в форманте возможна ретросубституция. Название леса *Мүстиккорбь* (Баб) явно принадлежит вепсам (< *Muštik kořb* «Черничный лес»). Возможно, что оно неточно записано у вепсов или представляет собой русифицированную вепскую форму.

-ленда

В Сотозерском сельсовете Белозерского района выявлен плотный (20 названий), но территориально очень незначительный рифмованный сегмент названий на *-ленда* (*Купаленда*, *Марколенда*, *Матленда*, *Омасленда* и т. п.). Иногда фиксируются варианты *-лянда* (*Инголенда* – *Инголянда*, *Ригленда* – *Риглянда*), *-ланда* (*Тимоланда*), *-линда* (*Карбосленда* – *Карбослинды*, *Манчеленда* – *Манселинда*, *Марколенда* – *Марколинда*, *Шаленда* – *Шалинда*).

Единичное *Тимоланда* может оказаться неточной записью. Названия на *-линда* объясняются заударным иканьем в современном полудиалектном произношении. Что касается форм на *-лянда*, то они ввиду большей вероятности перехода '*a* > *e*', чем '*e* > '*a*' могут оказаться исходными. Восстановливаемое **l'anda* находит подтверждение в трех изолированных названиях, относящихся к южным районам Белозерья: г. *Белянда* (7 фиксаций) при *Беленда* (1 фиксация) и быв. д. *Рыхлянда* (*Рыхленда*, *Рыхлинда*) в Белозерском районе и д. *Умлянда* в Череповецком.

Сложен вопрос о виде обозначаемого объекта, тем более что неизвестны случаи употребления термина в топонимическом употреблении, нет также соответствующего заимствования в русских говорах. Оказалось, что в 13 случаях топонимы прилагаются к покосам и полям, но это слишком общее указание не позволяет определить вид объекта. В двух случаях топонимы обозначают лес, а в пяти лес и покос или поле. Кроме того, два названия прилагаются к деревням, одно – к горе.

Это позволяет, хотя не без сомнения, сопоставить топонимы на *-ленда* < *-лянда* с саам. Кильдин *leamđat*, Йоканъга *leamđta* «лес», «глухой

лес» [KKS: 202], ляммт «густой лес» [CPC: 178], ср. в саамской топонимии название леса *Paz-leam^di* [KKS: 1002]. Типовые саамские основы в названиях на *-ленда*, однако, не выявлены.

Европеус считал «угорский» формант *-ленда* характерным для названий деревень, «лежащих на горах около Белоозера» [Европеус 1874: 12], а Смирнов прямо связывал его с эст. *linna* «городище» [Смирнов 1891: 52]. Все же сопоставлению с карел. *linna*, ливв. *linni*, люд. *lidn*, *lidnu*, вепс. *lidn*, эст. *linn* «город» = саам. норв. *lådne* и др. «город» < вероятно из фин. или карел. [SKES: 296] препятствуют как фонетические различия, так и данные сопоставления с реалиями (известно только два ойконима на *-лянда*, которые могут быть вторичными). Во всяком случае к «угорским» эти наименования не имеют отношения. Судя по инвентарю основ (ср. *Карбосленда*, *Копаленда*, *Манчеленда*, *Матленда* < ? **Маткленда*, *Пехкаленда*, *Ригленда* и др.), они прибалтийско-финского (вепсского ?) происхождения. Детерминант *-ленда* мог быть заимствован у белозерских саамов.

-лойда

Четыре названия населенных пунктов с формантом *-лойда* зафиксированы юго-западнее Белого озера, где они образуют четкий рифмованный сегмент: *Имолойда* (Баб), *Кызголойда* (Бел), *Перхлойда* (Бел), *Ярглойда* (Бел). Правильность выделения форманта подтверждается и существованием в пределах сегмента населенного пункта *Лойда* (*Лойдица*).

Учитывая формы *Яргода* при более редком *Ярглойда* и *Перхода* наряду с обычным *Перхлойда*, сюда же можно, хотя и не без сомнения, отнести название населенного пункта *Кыргода* (< **Кырглойда*), находящегося в пределах этого же сегмента. Формы на *-ода*, очевидно, возникли из топонимов на *-лойда* как один из способов переработки труднопроизносимых трехконсонантных групп на стыке слов в сложном топониме (в данном случае *-ргл-*, *-рхл-*).

Детерминант *-лойда* был выделен еще Европеусом, который без всякой аргументации отнес его к числу угорских, истолковав «скат горы» [Европеус 1874: 12].

< Приб.-фин., ср. фин. *laita* «фарватер, направление», вепс. *laid* «открытое место на озере или реке», ср. эст. *lait* (род. *laida*) «яма между кочками» < герм. [SKES: 270-271]; ср. вепс. *laid* «пространство озера вдали от берегов» [СВЯ: 272], ливв. (Кондуши) *laido* «то же» [Мамонтова, Муллонен 1991: 49.]

Эта этимология подтверждается тем, что все названия с формантом *-лойда* прилагаются к селениям, находящимся на краю глубоких зыбучих болот, которые раньше были озерами или озерными плесами. Ср. в специальной литературе *лайды* «плесы в озере» [Колмогоров 1907: 13].

Фонетические условия (приб.-фин. *a* – рус. *о*) здесь те же, что и в ряде других случаев, особенно характерных для Белозерского края (см. 2.3.2. о *-лахта*, *-лохта*).

В диалектной лексике РС встречается апеллятив *лайды* в значениях «топкое, жидкое место на болоте», «озерко на болоте», «окно воды на болоте», «зараставшее (заросшее) озеро» [ТЭ], олон. «середина озера, широкое водное пространство (в противоположность заливам, проливам)» [Куликовский: 48]. Этот апеллятив фонетически находится в таком же отношении к форманту *-лойда*, как заимствованное слово *лахта* к форманту *-лохта*. Прибалтийско-финское происхождение русского диалектизма показано в [Kalima 1919: 149].

-омас

Небольшой рифмованный сегмент (5 названий) засвидетельствован в районе Кемозеро близ с. Окнитома (Выт). Детерминант сильно варьирует (*-омас*, *-овмас*, *-амас*, *-алмас*), ср. *Игнатомас*, *Карпомас* (*Карповмас*), *Каскизамас*, *Согалмас*, *Тегомас* (*Теговмас*, *Тегамас*, *Тегалмас*). Появление *в* и *л* в форманте (и их отсутствие в ряде случаев) наверняка связано с наличием ё неслогоового в русских названиях, которое в топонимах трудно фиксировать, а иногда и расслышать. Все это

позволяет восстановить исходные русские *-о́умас, *-а́умас, *-алмас, что весьма существенно для интерпретации этого форманта. Очень важны и данные сопоставления с видом объекта, который в трех случаях характеризуется как *чица*, а в остальных двух – *полянка* и *покос*. Поскольку *чица* в северных говорах «место, где лес вырублен, выкорчеван и сожжен под посев; … подсека, пожег» [Даль IV: 607], есть все основания реконструированный формант связывать с подсечно-огневым земледелием.

< Приб.-фин., ср. фин. *halme*, карел., люд. *halmeh*, вепс. *haumeh*, *haumez*, *houmeh* «пожог; поле в лесу», «растущие на пожоге хлеба» [SSA 1: 133], ср. еще вепс. *haumeh*, *houmeh* «подсечное поле, пашня» [СВЯ: 111]. Восстанавливаемые формы *о́умас, *а́умас, *алмас < *halmas отличаются от известных прибалтийско-финских данных отсутствием начального *h* и исходом на -as. Если последнее в СТРС обычно (ср. фин. *salmi* «пролив» и *Солмас*, *pelto* «поле» и *Пелтасы*), то исчезновение *h* вызывает вопрос, носит ли это явление комбинаторный характер на стыке морфем или оно более регулярно как в ливском анлауте (ср. в связи с этим *Омасленда* в Сотозерском сельсовете Белозерского района). Так или иначе, велика возможность, что в названиях на -омас представлен какой-то специфический прибалтийско-финский диалект. Ср. -гуму́зъ, где приб.-фин. *h* передается рус. г.

-чарокса

В Холмогорском районе засвидетельствовано четыре названия с детерминантом -чарокса: два на правобережье Сев. Двины в басс. Пиньгиши (*Лаптчарокса*, *Шеньгчарокса*) и два на левобережье в басс. Емцы (*Ромчарокса*, *Солочарокса*). Все эти названия прилагаются к болотам. Географический термин чарокса «чистое топкое болото» зафиксирован в русских говорах Холмогорского и Плесецкого районов. Этот же термин в топонимическом употреблении (обозначения болот, озер, ручьев) встречается как в Холмогорском и Плесецком, так и в Пинежском районе. Поэтому значение форманта, казалось бы, без труда определяется как «чистое топкое болото». Однако информанты нередко указывают,

что так называют «место на болоте, где берет начало ручей (ручьи)». Часто подчеркивается, что на чароксах вода, ямы, озерки. Все это следует иметь в виду при реконструкции значения форманта и попытках его этимологизации.

Прежде всего необходимо учитывать, что зафиксированы также близкие формы бол. *Чарокша* (Бел) и апеллятив *чарус*, *чаруса*, много-кратно засвидетельствованный в топонимическом употреблении (*Чарус*, *Чарусы*, *Совинский Чарус* и т. п. – Нянд, Плес, Холм, Шенк). Его значение (ТЭ) «топкое место», «окно воды», «ручей в болоте» (Нянд, Он, Холм). Замечательно, что это слово в форме *чаруса* и с тем же значением известно и в русских говорах значительно более южных территорий вплоть до Рязанской области [Мурзаев: 608]. Фасмер считает его неясным [Фасмер IV: 137].

Основа *чар-* может быть сопоставлена с саам. Йоканьга *t'sārra* «возвышенность, заросшая ягелем» [ККС: 647], саам. *čärr* «тундра» [СРС: 387], если допустить возможность семантического переноса «тундра» ↔ «чистое болото» в зависимости от конкретных условий местности.

Поскольку белозерское *Чарокша* является фонетическим коррелятом слова *чарокса* на уровне языка субстрата, где *кс* соответствует *кш*, проблему в основном создает наличие формантов *-ус* и *-окса* в словах с одним значением.

Возможны два пути интерпретации этого интересного явления. Во-первых, как *-ус*, так и *-окса* в языках-источниках могли быть словообразовательными аффиксами с тождественным или близким значением. Во-вторых, *-окса* может быть сопоставлено с саам. норв. *oakse* и др. «ветвь» [ККС: 313], которому соответствует фин. *oksa*, карел. *okša*, ливв. *oksi*, люд., вепс., эст. *oks* «ветвь», «сук» [SKES: 424]. Метафорический перенос «ветвь» > «ветвь реки», «приток» распространен очень широко.

Детерминант связан с саамскими или северофинскими источниками.

3.1.4. Редкие и единичные детерминанты

-кары

Зафиксирован в названии городка *Тоймокары* [НПЛ, 1219 г.], находившегося в районе устьев рек Верхняя и Нижняя Тойма на правом берегу Сев. Двины.

Еще Шёгрен [Sjögren 1861: 336] заинтересовался этим словом, указав, что компонент *-кары* сопоставляется с фин. *kari* «подводный камень», «риф», «мель» и к.-зыр. *kar* «город». Впоследствии эти же соответствия приводит Серебренников [Серебренников 1966: 64]. Напротив, Попов [Попов 1947а: 323-324; 1965:58] видит в детерминанте *-кары* явное отражение перм. (к.-зыр., удм.) *кар* «город», одновременно связывая и гидроним *Тойма* с пермским миром, поскольку река *Тойма* есть также в Удмуртии.

Против финской этимологии свидетельствует отсутствие других подобных названий в СТРС, хотя в прибалтийско-финской топонимии они известны, ср. топоним *Койвукары* (*Березовый порог*) в Карелии [Vasmer 1934: 407].

Пермская версия предпочтительнее, тем более что существовало племя *тойма* (*тоймичи*), которое по мнению Попова, было племенем пермского типа [Попов 1965: 57-59]. Однако попытка истолковать название *Тоймокары* из к.-зыр. *кар* и *Тойма* «Моховая река» совершенно неудачна [Смирнов 1891: 120].

-каска

В Онежском районе на берегу р. Кода находится луг *Кордегаска*. По-видимому, *-гаска* возникло из более раннего *-каска*.

< Приб.-фин., ср. фин. *kaski*, карел. *kaški*, ливв. *kaski*, люд. *kašk*, *kašk*, *kaski*, вепс. *kask* «подсека», «пожог» [SKES: 168].

-корга

Детерминант *-корга* зафиксирован в нескольких названиях, относящихся к южной части Белого моря: *Викорга* [АСМ, № 242], *Няскор-*

га, луг у моря (Он), *Рогокорга* [СГКЭ II, № 9]¹. Есть еще остров *Ужаскорга* (Холм). Кроме того, топоним *Лупкорга* (луг, болото, река) засвидетельствован близ Андозера (Бел).

Значение детерминанта раскрывается при сравнении с апеллятивом *корга*, широко распространенным на РС (ТЭ) в значениях «мелкое каменистое место», «отмель», «каменистый островок», «перекат», «порог» (Вель, Он, Пин, Холм, Шенк). Слово это, по мнению Калимы, заимствовано из прибалтийско-финских языков [Kalima 1919: 129], однако может быть допущено и его саамское происхождение [KKS: 175].

< Приб.-фин. или саам., ср. карел. *korgo* «подводный камень», «скалистый островок» [SKES: 219] и саам. норв. *guorggo* и др. «песчаная или каменистая отмель» [KKS: 175].

-коски

Детерминант зафиксирован в Онежском районе (*Саркоска*, поле) и в документах, относящихся к устьям Сев. Двины (*Солокоски* [СГКЭ I, № 64; АЛЦ, № 381]) и окрестностям Холмогор (*Сарокоски* [ДГ, № 35; ГВНП, № 241], *Сарокоска* [СГКЭ I, № 44], *Саракуски* [СГКЭ I, № 70]).

Фасмер [Vasmer 1934: 422] истолковывает *Сарокоски* из фин. *saari* «остров» и *koski* «порог», т. е. *Saarikoski* «Островной порог». Другое предположение – из *Saarikaski* < *saari* + *kaski* «пожог» [Попов 1947а: 293].

Этимология Фасмера все же предпочтительнее: 1) формы множественного числа в обоих топонимах соответствуют русскому *пороги*, ср. *Сарипороги* или *Сарикоски* в Карелии [Попов 1949: 52], представляющие собой точную аналогию двинскому *Сарокоски*; 2) форма *Саракуски* также больше свидетельствует в пользу исходного *-koski* (учитывая возможность колебания *o* – *u*, но не *a* – *u* на русской почве, однако, этот аргумент имеет слабость в том, что рус. *o* могло возникнуть из приб.-фин. *a*); 3) в АЛЦ прямо говорится о морских пожнях «в Солокоски».

¹ Это название может оказаться русским по происхождению, ср. контекст: «Да на море усть Унской избы Корги в Двинскую сторону на Рогу конец Рогокорга» [СГКЭ II, № 9].

сках»; в то время как трудно представить морские пожоги. Все сказанное позволяет думать, что в языке-источнике был детерминант *-koski*, а не *-kaski*, хотя прямых доказательств этого нет. Фонетические критерии ничего не дают ввиду соответствия приб.-фин. *a* рус. *o*. Настораживает также то обстоятельство, что топонимы с этим детерминантом отмечены в низовьях Сев. Двины, где никаких настоящих порогов нет, хотя не исключено, что названия такого типа могли быть приложены и к мелям или перекатам между островами.

< Приб.-фин.,ср. фин. *koski*, карел. *koški*, ливв. *koski*, люд. *košk*, *koški*, *koški*, вепс. *košk*, эст. *kosk* «порог; водопад» [SKES: 222]. Ср. в финской топонимии *Harjukoski*, *Isokoski*, *Kukonkoski*, *Karikoski*, *Leppäkoski*, *Lohikoski* и т. п.

Для онежского *Саркоска* в равной степени возможна связь с -*коски* (> -*коска*) и с -*каска* ввиду соответствия приб.-фин. *a* – рус. *o*.

-куля

Этот детерминант встретился в названии покосного угодья *Декункуля* (Баб). Возможно сюда следует отнести и такие факты, засвидетельствованные в исторических документах, как р. *Патрукула* [ПК 1676-1682 гг.], д. *Нахонкела* [Сотн. вол. Карг.], д. *Порыкала* [ПК 1676-1682 гг.].

< Приб.-фин., ср. фин. *kylä*, карел.-ливв.-люд. *külä*, вепс. *külä*, *kül'a*, эст. *küla* «деревня», «село» [SKES: 254].

Название *Декункуля*, видимо, сперва обозначало деревню и, судя по территории, восходит к вепсскому языку. В его основе – антропоним, ср. карел. *Dekko*, *Dekku* = рус. *Ефим*.

-ладъба

Детерминант зафиксирован в названии луга *Шидраладъба* (Выт).

< Приб.-фин., ср. фин. *latva*, карел. *ladva*, ливв. *ladvu*, люд. *ladv*, вепс. *ladv*, эст. *latv* (диал. *ladv*) «вершина», «верховые (реки)» [SKES:

280]. Территориально принадлежит к вепской зоне. О соответствии *в – б* см. 2.3.1.

-ламба

На РС засвидетельствован только в названии оз. *Хатламба* (Он). Есть еще оз. *Кеглоламбина* (Он), но здесь детерминант имеет русское происхождение. Уникальность детерминанта объясняется прежде всего тем, что как названия озер (фин. *järvi*), так и наименования небольших лесных озерков, прудов, луж (фин. *lampi*) на РС почти всегда передаются полукальками с русским детерминантом *-озеро* (*Каргозеро*, *Шардозеро* и т. п.).

В говорах РС известны: олон. *ламба*, *ламбина* «небольшое лесное озеро, озеро без истоков» [Куликовский: 48], арх. *ламбина* «озерко на старице на покинутом рекою русле» [Даль II: 235]. Прибалтийско-финское происхождение этих слов установлено Калимой [Kalima 1919: 149].

В топонимии отмечены (Он): оз. *Ламба*, оз. *Большая Ламба*.

< Приб.-фин., ср. фин. *lampi*, карел., ливв. *lambi*, люд. *latb*, *latbi* «пруд, озерко, заводь», юж.-эст. *lamm* «небольшой мелкий залив» [SKES: 273-274]. Ср. фин. *Alalampi*, *Haukilampi*, *Kalliolampi*, *Pahalampi* и т. п.

-личма

Детерминант *-личма* зафиксирован в названии острова *Чёлмаличма* на оз. Андозеро (Бел). В андозерских деревнях (Гусево, Калинино, Рагозино) записан и апеллятив *личма* «плавучий остров (иногда с растительностью)». Ср. *лычма* (вост.) «поросли, носящиеся островом по воде», «оторванная часть берега на тинистой речке» [Даль II: 276], явно перенесенное на восток севернорусскими переселенцами. В олонецких говорах засвидетельствовано *лижма* «пучок болотной земли, примерзший к плавающей льдине» [Куликовский: 49]. В фиксациях ТЭ *лизма*, *лизьма* «топкое место, поросшее сверху мхом, травой, на берегу реки или озера, в болоте, лесу» (Вашк, Выт). Все эти слова явно связаны друг

с другом и позволяют установить значение детерминанта – «плавучий остров».

Сложнее вопрос о происхождении этого слова. В одной из этиологических сводок сопоставляются фин. диал. *lisma* «грязь, ил, тина», саам. Луле *lišme*, швед. *lisme* «то же», откуда выводится рус. *личма*, *лычма*, *лижма* [Nissila 1967: 46-47]. Кроме того, есть еще вепс. *ližm* «илистый», которое сопоставляется с саам. *lišme* «ил, тина, грязь» [Itkonen 1948: 99]. Фасмер считает, что название реки *Личма* соответствует древнему саамскому состоянию [Vasmer 1936: 210]. Формы *лижма*, *лизма*, *лизьма* ближе к вепским данным, однако детерминант *-личма* в топониме *Чёлмаличма* действительно скорее всего следует считать саамским, так как основа *чёлма-* «пролив» бесспорно является саамской (саам. норв. *čoalbme*).

-лом(a)

Засвидетельствован дважды в Белозерье: поле *Калколом* и быв. д. *Карголом* (*Карголома*). Кроме того, в пинежских документах указан *Пеитоломский наволок* [СГКЭ II, № 115].

Формант можно сравнивать с фин. *luoma*, вод. *lōtmuz*, эст. *loomus*, *loom* «тоня» [SSA 2: 107], и фин. *luoma* «ручей с крутыми берегами, естественная канава» [SSA 2: 107], а также с фин., карел. *loma* «промежуток» = саам. норв. *loabme* «промежуток, открытое место» [SSA 2: 90].

Ср. в финской топонимии *Kiviluoma*, *Koivuluoma*, *Riihiluoma*, *Ristiluoma* и т. п.

-нерма

Единственный случай употребления этого детерминанта засвидетельствован в топониме *Лаконерма* [ДГ, № 18, Чухченемская волость, XV в.]. Сопоставляется с саам. *нерм* «заливной луг» [Попов 1947б: 64].

< Саам., ср. Нотозеро *nōr̩m*, Кильдин *nōr̩m* «поросшее травой место (в воде, на земле)» [KKS: 305]. Ср. точную полукальку – *Лаконерма* (Мез).

-нимак

В названии острова *Пайнимак* на Ундоозере (Выт). < Приб.-фин., ср. фин. *niemeke*, карел.-ливв. *ńietukku*, вепс. *ńetak* «небольшой мыс», «мысок» [SKES: 376]. Название вепсского происхождения.

-нум(е)

Зафиксирован в названиях омута *Сарнум* и луга *Пайните* (Выт).

< Приб.-фин., ср. фин. *niitty*, карел.-ливв. *ńiittü*, люд. *nītu*, *nīttu*, *nīt*, вепс. *nīt*, *nīt'*, эст. *nīt* «луг», «покос» [SKES: 379]. Топоним *Сарнум* вепсского происхождения, возникший в результате метонимического переноса. Окончание *-е* в *Пайните* находит объяснение в карел.-ливв. *ńiittü*. Не исключена ошибочная запись.

-(о)вжса

Верковжса, поле на берегу оз. Лача (Карг). Формант *-(о)вжса* со-поставляется с прибалтийско-финским словом *vesi* «вода», выявленным в гидронимах *Омовжса*, *Лемовжса*, *Пчевжса* [Попов 1948б: 105-106].

< Приб.-фин., ср. фин. *vesi*, карел.-ливв. *vesi*, *vezi*, *veži*, *veži*, люд. *veži*, *veži*, *vezi*, вепс. *vezi*, *veži*, эст. *vesi* «вода» [SKES: 1714]. В основе топонима карельско-ливвиковско-людиковская форма *veži*.

-павна

Детерминант *-павна* встретился в названии ур. *Кимпавна* в Мезенском уезде [СГКЭ II, № 177]. Термин *павна* известен и в русских народных говорах: он. «покрытая травой зыбкая местность», мез. «проток в болоте, собственно источник, вытекающий из болота, речки» [Подвысоцкий: 115], «сырое место на лугу» (Леш, Нянд), «старица; яма с водой» (Он, Холм), «сухое место, торфяник» (Бел, Пин), «топкое болото» (Пин) [ТЭ].

Апеллятив рассматривается как заимствование из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *rainta* «лужа», эст. *raain* «яма с водой (для вымачивания льна)» [Kalima 1919: 177]. Эта этимология справедлива и

по отношению к топониму *Кимпавна*, ср. фин. *rauna* «лужа, яма с водой», люд. *raunī* «место, заросшее травой», эст. *raun* «яма с водой (в которой мочат лен)» [SKES: 507-508].

-пеза

В названии мыса и поля *Ребапеза* на оз. Ковжское (Выт). < Приб.-фин., ср. фин. *pesä*, карел. *pesä*, *pešä*, *pežä*, *peša*, *peža*, ливв. *pezä*, люд. *pežä*, *peza*, вепс. *peza*, эст. *pesa* «гнездо», «логово», «нора» [SKES: 531]. Вепсское по происхождению название.

-перть

Детерминант засвидетельствован в названиях луга *Паноперти*, мн. (Нянд), р. Усконерть (Уст) и пож. *Латиперть* [ГВНП, № 130].

< Приб.-фин., ср. фин. *pirtti* «изба, баня», карел. *pirtti*, *pirt'i*, карел.-ливв. *pertti*, *pert't'i*, *pert'i* «изба, дом», люд. *peritti*, *pert't'i*, *pert'i*, *pert'*, *perťt'* «изба», вепс. *perťt'* «то же» [SKES: 576].

Если судить по огласовке, детерминант соответствует ливвиковско-людиковско-вепсским данным. Гидроним *Усконерть* метонимического происхождения.

Ср. в финской топонимии *Kolkkapirtti*, *Metsäpirtti*.

-пога

Детерминант зафиксирован в названиях руч. *Хомпога* (Нянд) и д. *Чучепога* (Пин). Проблематична (ввиду возможности выделения форманта *-Vga*) принадлежность к этой группе топонимов наименований луга *Rонога* (Вин) и руч. *Супога* (Кир). Соответствующие термины выявлены и в топонимическом употреблении: д. *Пога* (В-Т), пож. *Пога* (В-Т). Аналогичные названия распространены и в Карелии: деревни *Кильпога* и *Пога* в Пудожском районе, гор. *Кондопога*.

< Приб.-фин., ср. фин., карел. *pohja*, ливв. *pohju*, люд. *pohd'*, *pohj*, вепс. *pohd'*, *pohj*, *pohg* «основание, дно; крайняя часть, конец» [SKES: 587-588].

Усвоение детерминанта *-rohja* и переработка его в *-пога* хорошо иллюстрируется соответствием фин. *Kontipohja* – рус. *Кондопога*. Корреляция рус. *-пога* и фин. *-rohja* была установлена Калимой [Kalima 1919: 135], который специально останавливается на фонетическом преобразовании *-rohja > -пога* [Kalima 1919: 45], связывая его с исчезновением *-j-* на русской почве; вепс., люд. *rohg* указывает и на другую возможность.

Значение термина объяснено Калимой [Kalima 1944a: 141], который указывает, что фин. *rohja* в топонимах имеет значение «залив». Подробно характеризует семантику слова *rohja* Ниссиля, приводя, в частности, значение «длинный, узкий залив» [Nissilä 1939: 53].

Названия этого типа широко представлены в прибалтийско-финской топонимии, ср. фин. *Lahdenpohja*, *Muropohja*, *Pitkäpohja*, *Rasipohja*, *Salkopohja*, люд. *Kompohd'* = фин. *Kontipohja*, *Suopohd'* = фин. *Suopohja*.

С топонимами на *-пога*, возможно, связаны также наименования озера *Вечепуга* (*Вечнуга*) (Холм) и старицы *Немтуга* (Нянд).

-ринда

Единичный топоним с детерминантом *-ринда* (*Шандоринда* «на Мош озере») засвидетельствован в документе 1560 г. [Плат. кн. Карг.]. Следует связывать с саам. норв. *riddo*, Кильдин *rjn^dt*, Йоканьга *rjn^dta* «берег» [KKS: 429].

-салма

Этот типичный для финской и карельской микротопонимии детерминант отмечен только в названии острова *Муксалма* в Онежской губе. На основной территории региона он не встречается. Есть несколько случаев употребления термина в качестве топонима: луг *Салма* (Он), прол. *Салма* (Карг) и др. Все они относятся к крайнему западу Архангельской области, граничащему с Карелией.

< Приб.-фин., ср. фин. *salmi*, карел.-ливв. *śalmi*, *salmi*, люд. *sal'm*, *salm*, *salmi*, вепс. *sal'm*, *sāum*, *soum*, эст. *salm* «пролив» [SKES:

956]. Топоним *Муксалма*, по-видимому, севернокарельского происхождения.

Рус. диал. *салма* «пролив», заимствованное из прибалтийско-финских языков [Kalima 1919: 213], засвидетельствовано в ряде источников: арх. «пролив морской» [Даль IV: 130], олон. «пролив» [Куликовский: 104], онеж. «проливы в Белом море между материком и островами, или между островами» [Подвысоцкий: 152], он. «пролив между островом и берегом», «узкий пролив между озерами» [ТЭ]. Примечательна явно западная локализация слова: апеллятив распространен в Олонецком крае и в басс. Онеги.

Ср. фин. *Kirkkosalmi*, *Likosalmi*, *Niittysalmi*, *Porrassalmi*, *Sulassalmi* и т. п.

-согра

Лайсогра, болото в лесу (Шенк), *Маисогра* (Важ) [СГКЭ II, № 211].

В говорах РС есть апеллятив *согра*, *шогра* «заболоченный лес». Это слово Калима считает темным [Kalima 1919: 16-17]. Фасмер также оставляет без объяснения [Фасмер III: 706]. Однако оно имеет соответствия в саамских диалектах и в марийском языке, ср. саам. норв. *soarve*, Инари *soarvi*, Кильдин *sueiv-* и др. «сухостойная сосна» с восстановливаемой праформой **sōrvē* [YS: 126-127], а также мар. *шүргö*, *шöргы* «лес» [МРС: 746, 760]. В субстратной топонимии и заимствованном диалектном слове сохранилась древняя группа **gr* (*yr*), которая подверглась переработке в волжско-финских, прибалтийско-финских и саамском языках (см. [Матвеев 1970а: 558-560]).

Этот географический термин многократно зафиксирован в топонимическом употреблении, особенно на юге и юго-востоке региона, что дает возможность видеть в нем севернофинский реликт.

-хавды

Только в названии *Папихавды*, лес (Баб). < Приб.-фин, ср. фин. *hauta*, карел. *hauda* «могила», «яма», ливв. *haudu* «яма», люд. *haud*,

haude «могила», «яма», вепс. *häud*, *haud* «яма», эст. *hauda* «могила», «яма» [SKES: 63]. Топоним вепсского происхождения.

3.1.5. Словообразовательные суффиксы

-Vла

Этот формант засвидетельствован во многих названиях населенных пунктов и урочищ (*Веркола*, *Ихала*, *Ковкула*, *Корбала*, *Лавела*, *Нокола*, *Пахкала*, *Ракула*, *Хачела* и т. п.). Зарегистрирован 71 топоним такого типа, которые относительно равномерно распространены по всей территории РС. Реже они фиксируются на северо-востоке, востоке и юго-востоке региона, полностью отсутствуют по Куюо и Мезени, редки в верхнем течении Пинеги, верхнему течению Сев. Двины, Сухоне и Югу. Особенно плотные гнезда отмечены в устьях Сев. Двины, низовьях Пинеги, низовьях Онеги, по Моше и низовьям Ваги.

В одном случае зафиксирован вариант *-Vло*, возникший на русской почве вследствие адаптации по роду географического термина – поле *Каньзело* (Нянд). Ср. еще бол. *Юрмало*, обычно *Юрмала* (Вель).

Формант был выделен еще Шёгреном, установившим, что *-la* – финское окончание в названиях поселений [Sjögren 1861: 290, 301], которое он приравнивает к русским окончаниям *-ино*, *-ово*, *-ское*, так что, например, *Mikkola* соответствует русскому *Михайлово*, а *Paavola* – *Павлово* или *Павловское* [Sjögren 1861: 290]. Исходя из этого, Шёгрен относит к финским названия *Керчала*, *Корбала*, *Ракула*, *Кеврола*, *Чакола*, *Сояла*, *Юрмола*, *Ныкола* и др. [Sjögren 1861: 290, 317, 318, 323]. Этот взгляд разделяет Фасмер, указывающий, что форманты *-la*, *-lä* в финском языке являются обозначениями места [Vasmer 1941: 24-25]. Обширный материал о названиях этого типа приводит в своих работах Попов, определяя *-la*, *-lä* как западнофинский «местный суффикс» [Попов 1947а: 296-297] или как «общий прибалтийско-финский формант (словообразовательный суффикс) для образования специально географических названий» [Попов 1965: 45] и подчеркивая, что таких названий в Финляндии и Карелии очень много. Однако на РС, по мнению Попова, эти названия, хотя и западнофинские, но в основном не карельские, не

вепсские, а восходят к языку Заволочской Чуди [Попов 1947б: 114-115]. Думается, что место карельских названий в СТРС в этом случае недооценивается. Спорен и вопрос о лингвистическом статусе языка Заволочской Чуди.

Очень полная характеристика названий на *-la* дана Кеттуненом [Kettunen 1955: 68-99]. Вепсские названия этого типа изучены Муллонен [Муллонен 1989а: 102-111].

В различных источниках приведено множество прибалтийско-финских топонимов с суффиксами *-la*, *-lä*,ср. фин. *Ahola*, *Koivula*, *Kokkola*, *Lahtela*, *Leppälä*, *Mustola*, *Niemelä*, *Pappila*, *Ristola*, *Seppälä*, *Setälä*, *Syrjälä*, *Tammela*, *Ukkola* и т. п.

Все приведенные факты позволяют считать, что названия населенных пунктов и уроцищ на *-ла* в пределах региона восходят прежде всего к прибалтийско-финским топонимам на *-la*, *-lä*. Значительно сложнее установить, к какому именно прибалтийско-финскому языку относится та или иная группа названий на *-ла*. В этом случае помочь может только комплексный анализ всей субстратной топонимии той или иной микротерритории. Так, например, есть основания думать, что нижнеонежские названия на *-ла* принадлежат карельскому языку.

Формант *-ла* как яркий дифференцирующий показатель подтверждает предположение о том, что прибалтийско-финская топонимия была широко распространена на территории РС, кроме тех районов, о которых говорилось выше. В свете данных лингвистической географии можно согласиться и с тезисом, что «особенность этого типа топонимов, известных всем прибалтийско-финским языкам, – распространение его в местах наиболее оседлого земледельческого освоения» [Муллонен 1989б: 84;ср. Nissilä 1962: 92]. Во всяком случае северо-восток региона (бассейны Кулоя и Мезени) для земледелия действительно малопригоден.

Однако не все вопросы решены. С названиями деревень и уроцищ на *-ла* могут быть связаны и некоторые наименования рек с этим же формантом (*Анила*, *Куркала*, *Немола*, *Ошала* и др.). Уже давно было замечено, что *-ла* встречается в окончаниях названий рек финского

происхождения и обозначает «местожительство» [Орлов 1907: 33]. Отсюда следовал закономерный вывод, что гидронимы на *-Ила* вторичны и восходят к названиям уроцищ [Симина 1962: 97]. Однако противопоставление названий населенных пунктов и уроцищ на *-Ила* гидронимам с тем же формантом все же необходимо, поскольку значительная часть названий рек на *-Ила* на прибалтийско-финской почве не интерпретируется, обнаруживая в основах сходство с гидронимами иного происхождения, ср. *Ошала* и *Ошиньга*. Кроме того, невозможно всю массу наименований рек на *-Ила* считать вторичными от названий уроцищ, так как чаще уроцища именуют по рекам. Поэтому в принципе не исключено, что какая-то часть микротопонимов и ойконимов на *-Ила* не связана по происхождению с прибалтийско-финскими языками. Это в свою очередь побуждает задуматься над вопросом о возможности функционирования локативного суффикса, аналогичного приб.-фин. *-ла*, *-lä* в древней гидронимии РС.

– Приб.-фин. [Sjögren 1861: 290, 301, 317, 318, 323; Орлов 1907: 33; Vasmer 1941: 24-25; Попов 1947а: 296-297; 1947б: 114-115; 1965: 45; Симина 1962: 97].

-VЧ

Выявлено 109 наименований с суффиксом *-VЧ*. Самая многочисленная и компактная группа названий этого типа (76 фиксаций) за свидетельствована в Белозерском крае: *Варбач*, *Капоч*, *Каргач*, *Катач*, *Колкач*, *Пяшнич*, *Шубач* и др., причем особенно распространен вариант форманта *-ач*. Это преимущественно названия уроцищ, озер и населенных пунктов. В других местах топонимы на *-VЧ* фиксируются редко, ср. оз. *Варгачное* (Карг), пож. *Рандучи* (Нянд) и т. п.

От микротопонимов, названий озер и обозначений населенных пунктов со словообразовательным суффиксом *-VЧ*, видимо, не следует отделять изредка встречающиеся на РС гидронимы с этим формантом: *Невлич* (Пин), *Нигрич* (К-Б), *Пузмач* (В-Т), *Тервич* (В-Т), *Тяхмач* (В-Т) и др.

Употребление суффикса как в гидронимии, так и в микротопонимии свидетельствует о том, что мы имеем дело со словообразовательным аффиксом. Проще всего, конечно, усмотреть в нем русский аффикс *-ач*, встречающийся в словах типа *кедрач*, *мяндач*, *кондач*, *тихтач*. Однако перед *-ч* встречаются разные гласные (*-ач*, *-ич*, *-оч*, *-уч*), поэтому, допуская воздействие русского аффикса в некоторых случаях (ср. название горы *Верхич* и холма *Горкач* в Кирилловском районе), полагаем все же, что аффикс *-VЧ* в СТРС обычно субстратного происхождения. Это доказывается, в частности, и тем, что ударение в топонимах почти всегда находится на первом слога (но ср. *мяндач*, *кондач*, *тихтач*). Считается, что на территории Белозерского края *-ч* в окончании *-ач* (*Каргач*, *Рандач*, *Колкач*, *Пехкач*) является аффиксом карельско-вепсского типа [Попов 1948в: 169-170], а русские заимствованные апеллятивы с конечным *-ч* (<*t's*>) – вепсские по происхождению [Сало 1966б: 92]. Действительно, слова с суффиксом *-VЧ* часто встречаются в вепсском языке, причем в ряде случаев этот формант обладает ясно выраженным предметным значением, ср. *haјiсč* «черная смородина», *harač* «гнилушка, гнилье», *kambič* «стояк, подставка», *kuivac* «тощий человек или животное», *rihač* «рига» и т. д. Известны также случаи употребления аффикса в словах, которые соответствуют русским прилагательным: *hondač* «худой, тощий», *kuukac* «изогнутый», *laihac* «тощий», «худущий», *pitkač* «продолговатый», *purnac* «кусачий» и т. п.

Широкое употребление аффикса *-VЧ* в вепсском языке могло обусловить его распространение в топонимии Белозерского края. Аналогичные образования с суффиксом *-t'su*, *-t's*, *-t's'* известны и в Карелии [Nissilä 1967: 34-35, 51-52; Мамонтова 1982: 131-132]. Однако параллели отмечены и в саамской топонимии: *Jedotsch-jok*, *Jeritsch-uaj*, *Jiditschjok* [KKS: 971]. Это обстоятельство, а также наименования типа *Шубач*, *Шубачвина* (ср. саам. *suppe* «косина») не позволяют относить все топонимы на *-VЧ* именно к вепсским и вообще к прибалтийско-финским источникам. Среди названий на *-VЧ* могут быть и саамские, тем более что аналогичные суффиксы существительных и прилагательных распространены и в саамском языке [Korhonen 1981: 315-329].

3.2. Форманты гидронимов

Гидронимические форманты СТРС членятся на две группы – детерминанты с достаточно надежно установленным значением (-важ «приток», «исток», «ветвь», *-Vga* «река», *-Vii* «река», «речка» и т. п.) и форманты, исходная семантика которых не определена или спорна (*-Vma*, *-Vsha* и т. п.). Эти последние теоретически могут восходить к географическим терминам, т. е. являться детерминантами, быть словообразовательными суффиксами или сочетанием суффиксов. В разделе 3.2. рассматриваются гидронимические форманты первой группы. Проблемы семантики и происхождения «речных суффиксов» второй группы исследуются в II. Исключение сделано только для гидронимии на *-Vn(y)ga*, детерминантный характер форманта которой очень вероятен, во всяком случае для значительной части названий, а их четкий ареал и исключительная многочисленность обуславливают важность рассмотрения этого форманта в первой части работы, поскольку здесь решаются вопросы ареального и лингвоэтнического членения региона. Форманты гидронимов группируются по тому же принципу, что и форманты микротопонимов и ойконимов.

3.2.1. Детерминанты широкого распространения

-Vz(a)

Гидронимы с детерминантом *-Vz(a)* (карта 2) составляют наряду с названиями на *-Vn(y)ga* важнейшую группу субстратных наименований рек РС, в которой следует выделять подгруппы с детерминантами: 1) *-юг*, *-уг*, 2) *-юга*, *-уга*, 3) *-ега*, *-ига*, 4) *-ога*.

1. Названия на *-юг*, *-уг*, как правило, двусложные, образуют четкий и плотный ареал в басс. р. Юг на крайнем юго-востоке РС в Вологодской области, а также на смежных территориях Костромской (верхняя часть течения Унжи и Ветлуги) и Кировской области (верховья Моломы и басс. нижнего течения Лузы): *Имзуг*, *Луптуг*, *Нюрюг*, *Рыстюг*, *Кичуг*, *Мичуг*, *Пайдуг*, *Пырнуг* и др. Отдельные названия на *-юг*, *-уг* зарегистрированы в Архангельской области – *Калчуг* (Котл) и *Нарчуг*

(Вил) и на юго-западной окраине Республики Коми – *Вазюг*. Всего в ареале -юг, -уг насчитывается 91 гидроним. Необходимо заметить, однако, что наименования такого рода встречаются в Кировской области и восточнее Моломы (*Мурдюг*, *Сордук*, очевидно, из **Сордуг* и др.), так что ареал -юг, -уг фактически простирается дальше на восток, где его границу еще предстоит уточнить. Единичные названия этого типа встречаются также на юго-западе РС близ Белого озера (*Кундюг*, *Курдюг*) и в басс. Кубены (*Молюг*, *Неюг*). Они вряд ли имеют прямое отношение к ареалу -юг, -уг на юго-востоке региона. Не исключено, что их истоки южнее – в мерянских землях.

Значение детерминанта («река») устанавливается как по его употреблению в гидронимии, так и по использованию для обозначения крупнейшей реки ареала (*Юг* – правая составляющая Мал. Сев. Двины). Заметим, что гидроним *Юг* встречается и далеко за пределами ареала -юг, -уг в бассейнах Онеги и Шексны, а также в Костромской и Нижегородской областях. Несколько рек с названием *Юг* отмечено в Прикамье. Видимо, все эти гидронимы восходят к родственным, но различным источникам.

В подавляющем большинстве случаев (67 названий) детерминант имеет форму -юг, вариант -уг обычно встречается после шипящих, почти всегда ч (*Ачуг*, *Калчуг*, *Качуг*, *Кичуг* и т. п.), представляя собой, в сущности, орфографический вариант -юг (18 названий). Однако есть несколько названий (6), в которых -уг находится после твердых нешипящих согласных (*Пайдуг*, *Пырнуг*, *Шордуг* и др.). Учитывая наименования типа *Пинюг*, *Рюндюг*, вряд ли следует видеть в этом отражение какого-то специфического явления языка-источника. Причину колебания пока трудно объяснить вследствие малочисленности фактов, но обращают на себя внимание аналогии в других подгруппах детерминанта -V₂(a). Отсутствие рек с названием *Уг* свидетельствует о вторичности этой модификации детерминанта.

2. Гидронимы на -юга (*Изюга*, *Кортюга*, *Немнюга*, *Ухтюга* и др.), -уга (*Вонжууга*, *Ильчуга*, *Пундуга*, *Таймуга* и др.) – наиболее многочисленный тип из названий на -V₂(a) (186 наименований). Их ареал ох-

вавывает весь РС к востоку от Онеги и Кубенского озера. Западнее этой условной линии названия такого типа единичны. Существенно, что между ареалами *-юга*, *-уга* и *-юг*, *-уг* проходит четкая граница, свидетельствующая об ареальной и хронологической корреляции этих гидронимических типов, а также указывающая на то, что и детерминант *-юга*, *-уга* имеет значение «река». Эта граница проходит от устья Сухоны к верховьям Костромы, т. е. чуть южнее Сухоны, которая, видимо, и служила в древности своего рода рубежом, разделявшим родственные, но все же различные этносы.

Степень плотности ареала *-юга*, *-уга* различна: в бассейнах Пинеги, Ваги, Мезени она высока, а в басс. Онеги значительно слабеет. В Белозерском крае названий на *-юга*, *-уга* вообще нет.

В настоящее время не так просто объяснить, почему во многих случаях в русском языке детерминант выступает в форме *-уга* при исходном *-юга*. Статистика такова: *-юга* – 103 случая, *-уга* – 83 (после шипящих – 50, после нешипящих твердых согласных – 33). Из нешипящих согласных перед *-уга* особенно часто встречаются твердые зубные *д* и *т*, однако соответствующие мягкие звуки обычны перед *-юга*, т. е. здесь, очевидно, отражаются общие звуковые закономерности русского языка. Остается, однако, неясным, чем обусловлена твердость согласных при анлаутном *j* в форманте языка-источника. Можно предполагать какие-то комбинаторные изменения, но пока они не установлены. Могло иметь место и воздействие со стороны смежных названий, что, однако, не объясняет первопричину.

Особые ареальные различия между гидронимами на *-юга* и *-уга* не выявлены, кроме двух довольно загадочных фактов: названия на *-уга* полностью отсутствуют в среднем течении Пинеги, где обычны наименования на *-юга*, а наименования с шипящими перед детерминантом особенно кучно располагаются в верхнем Поважье. Нельзя исключить, что эти наблюдения могут оказаться полезными при лингвоэтнической идентификации соответствующих названий.

Фонетический состав детерминантов *-юг*, *-уг* и *-юга*, *-уга* указывает на их близкое родство, при этом вариант *-юг*, *-уг* точно отражает

детерминант языка-источника (**jug* или **juγ*), тогда как *-a* в *-юга*, *-уга* может восходить и к аналогичному гласному языка-источника (**juga*) и быть русским гласным, возникшим в процессе адаптации исконного звука другого типа (например, **i*). Поскольку термин *Юг* в топонимическом употреблении встречается и в зоне *-юга* (бассейны Онеги, Шексны, среднее течение Сев. Двины) по крайней мере в ряде случаев мог иметь место и переход *-юг > -юга* на почве русской адаптации. Отсюда следует также, что в зоне *-юга* могли существовать субстратные гидронимы с исходными формами **jugV* и **jug (juγ)*, ср. выше о *Кундюг*, *Курдюг*, *Молюг*, *Неюг*.

3. Гидронимы на *-ега*, *-ига* распространены как в пределах ареала *-юга*, *-уга*, так и западнее между Онегой и Карелией. Названия на *-ега* (*Пинега*, *Синега*, *Чуллега*, *Шилега* и др.) встречаются довольно часто (81 наименование) на всей территории РС, кроме басс. р. Юг (где отсутствуют и названия на *-юга*) и территории между Вагой и Сев. Двиной. В пределах ареала *-юга*, *-уга* они в значительной степени восходят к гидронимам на *-юга*. Это доказывается фиксацией параллельных форм, ср. *Луюга – Луга*, *Нельнуга – Нельнега*, *Равнуга – Равнега* и т. п., свидетельствующих о переходе *-юга > -ега* уже в русском языке. Поэтому отсутствие гидронимов на *-ега* между Вагой и Сев. Двиной, где обычны названия на *-юга*, может быть, указывает на относительно более позднее освоение местной субстратной топонимии русскими. За пределами зоны *-юга* названия на *-ега* (например, *Сяргсега*, *Турнега*, *Ялега* в басс. Онежского озера), очевидно, связаны с другой разновидностью детерминанта *-V₂(a)*, обладающего значением «река», которая усваивалась русскими в виде *-ега*. Следует, однако, заметить, что гидронимы с детерминантом *-ега* (не из *-юга!*) могут существовать и в зоне *-юга*. На это указывает название реки *Ёга* в басс. Емцы. Есть река *Ёга* и в той части Костромской области, где распространены названия на *-ега*.

Редкий детерминант *-ига* (*Индига*, *Лудига*, *Ноздрига* и др.), встречающийся в различных частях региона (8 названий), безусловно восходит к *-ега*, что доказывается параллельными формами *Лудига –*

Лудега, Удрига – Удрега. Таким образом, для зоны -юга можно в некоторых случаях предполагать эволюцию -юга > -ега > -ига.

4. Гидронимы на -ога (*Андога, Ваймога, Соймога, Тарнога* и т. п.) встречаются редко (23 названия). В основном они входят в зону -уга и, видимо, возникли в результате фонетического преобразования -уга > -ога. Это доказывается корреляциями типа *Олмога* (басс. Пинеги) – *Олмуга* (басс. Кулоя), *Ваймога* (басс. Уфтиуги, пр. Сев. Двины) – *Ваймуга* (басс. Емцы), варьированием детерминанта (*Вежога – Вежуга*), а также преобладанием в названиях на -ога в позиции под ударением гласных *a* и *o*, что могло повлечь за собой ассимиляцию гласного *у* в детерминанте по направлению к более широким гласным *o* и *a*.

Кроме рассмотренных разновидностей детерминанта встречаются единичные формы на -ага, как правило, вариантные: *Пышега – Пышага, Вырога – Вырага, Харога – Харага*. Они представляют собой местные модификации -уга, -ога или -ега (после шипящих). Засвидетельствована также параллельная форма *Вырыга* (при обычном *Вырога*), возникшая на почве ассимиляции.

Кроме того, надо иметь в виду, что многие из двусложных названий на -га с предшествующим мягким согласным типа *Айга, Кеньга, Луйга, Пейга, Сеньга, Сойга* и т. п. восходят к названиям на -юга (-ега, -ига). Об этом свидетельствуют параллельные формы *Луйга – Луюга, Сойга – Союга* и т. п. Однако при отсутствии параллельных форм или соответствующих сведений в исторических источниках доказать факт подобной синкопы очень трудно.

Детерминант -*Vga* (наряду с -оя и т. п.) может рассматриваться и как один из потенциальных источников широко распространенных в гидронимии РС формантов -ова, -ева (*Палова, Рандова, Ялова; Изева, Ошева, Пашева* и т. п.), в настоящее время формально уподобленных суффиксам русских притяжательных прилагательных. Этому мог способствовать широко распространенный в различных языках фонетический переход *g (γ) > w, v, следы которого есть и в СТРС,ср. *Кеврола* (Пин), но в памятнике 1471 г. *Кегрола* [ACBР III, № 15], ср. также морд. *Jov* «река Мокша» при фин. *joki*, вепс. *jogi* «река».

< Фин. *joki*, карел.-ливв. *jogi*, люд. *d'ogi*, вепс. *d'ögi*, *jogi*, эст. *jögi* = саам. норв. *jokkå*, ?мар. *jöyr* «течение, поток», к.-зыр. *ju* «река» с дальнейшими соответствиями в угорских и самодийских языках [SKES: 118]. О возможных связях в этой группе слов см. также *joki* [SSA 1: 240] и *juka* [SKES: 121; SSA 1: 245].

Этимологический анализ детерминанта не позволяет ответить на вопрос о происхождении той или иной его разновидности, однако фонетические характеристики помогают выявить некоторые ограничения. Так, достаточно широкое употребление звука *r* в анлауте (*Равнуга*, *Ремлюга*, *Рочуга*, *Рыстюг*, *Рюндюг* и др.) свидетельствует о том, что гидронимы с детерминантом *-Vg(a)* на РС не могут быть самодийскими и что их источники следует искать в финно-угорских языках. Названия с детерминантом на согласный типа *-Vg* восходят к языкам, в которых действовала тенденция к утрате конечных гласных. На это же указывает односложность основ в таких названиях. Изоглосса *-Vga / -Vg*, о которой уже говорилось, отделяет юго-восточную часть РС и через Костромской край связывает названия на *-Vg* с более южными гидронимами на *-Vx*, характерные для региона нижней Клязьмы (см. о них [Матвеев 2001]). По этой причине гидронимы на *-Vg*, в юго-восточном Подвийне и Белоозерском крае, возможно, имеющие различное происхождение, следует связывать в той или иной степени с волжскими финскими языками не только с чисто географической точки зрения, но и по структурно-фонетическим признакам.

Названия на *-Vg(a)* явно восходят к различным финским источникам, но без сопоставления со всеми, относящимися к вопросу данными, определить более точно их происхождение не представляется возможным, тем более что мы имеем дело с мертвыми языками.

Все это ясно показывает сложность проблемы, обусловленную наличием близких по звуковой форме вариаций одного и того же слова в живых и вымерших финно-угорских языках, и невозможность ее решения чисто формальными средствами. Помимо того, что детерминант не является дифференцирующим в пределах финно-угорских и даже уральских языков, могли иметь место обобщение и втягивание топони-

мов в ряд, причем не только на русской, но и на финно-угорской почве. Поскольку названия на *-V₂(a)* теоретически могут принадлежать любому финно-угорскому языку, все это очень затрудняет решение вопроса о их лингвостнической принадлежности.

При исследовании гидронимии РС на *-V₂(a)* невозможно не учитывать и аналогичные наименования в мерянских землях (*Воймега, Кистега, Вондога, Танога, Печуга, Сердуга* и т. п.), хотя по крайней мере в настоящее время сопоставление этих названий на уровне детерминантов не сулит сколько-нибудь значимых результатов. Напротив, очень важны результаты сравнения современных коми гидронимов на *-ю* «река» и их более ранних форм, засвидетельствованных в памятниках XV–XVII вв., ср. *Сарью – Сарюга, Вежсаю – Вежсауга, Яйю – Яйуга* и т. п. (подробнее [Матвеев 1968б: 32–37]). И дело не только в том, что это сопоставление подтверждает реальность существования более ранней формы **juy*, из которой возникло к.-зыр. *ju*. Очень существенно, что пермский ареал, для которого характерно отпадение конечного гласного и сужение гласного в корне, смыкается на РС с зоной *-V₂(a)* с такими ее типичными репрезентантами, как *-юг* и *-юга*. Это оправдывает поиск пермских элементов в восточной части СТРС, хотя он пока и не привел к сколько-нибудь доказательным результатам. С другой стороны, надо иметь в виду, что среди коми названий есть имеющие русские параллели с формантом *-юга*, ср. *Латью – Латьюга, Мошью – Мошьюга, Нювью – Нювюга* и т. п., но не находящие объяснения в коми языке. Возможно, что эти названия представляют собой прямое продолжение субстратного ареала *-юга* в восточном направлении.

Поскольку как модификации детерминанта, так и их ареальные характеристики в целом мало способствуют лингвостнической идентификации гидронимов на *-V₂(a)*, наиболее эффективны этимологизация и картографирование дифференцирующих основ (ср. *Мустюга* и фин. *musta* «черный», *Шублега* < **Шубъега, Шубьюга* и саам. *suppe* «осина»), результаты которых должны сопоставляться с итогами изучения детерминантов.

– Приб.-фин., саам. [Sjögren 1861: 511-512], приб.-фин. [Castrén 1862: 95], угор. [Европеус 1868: 62; 1874: 13, 20], приб.-фин., перм. [Веске 1890: 8-9, 11], саам.? (-ега), перм. (-юг) [Смирнов 1891: 44, 81-82], приб.-фин. (-юга), к.-зыр. (-юг) [Vasmer 1934: 384, 387, 392-393, 403], мерян.-мар. [Vasmer 1935: 527-528, 543, 549, 558, 561, 564, 576], к.-зыр., саам.? [Vasmer 1936: 194, 231, 243, 254], приб.-фин., саам. и др. фин.-угор. яз. [Попов 1965: 103, 104, 114], самод. [Дульзон 1960: 6-7; 1961: 364], угор. [Серебренников 1966; 1967; Serebrennikov 1968; Афанасьев 1966: 307].

-бой, -буй, -ой, -уй, -оя, -уя

Гидронимы с детерминантами этой группы обозначают небольшие реки. Они весьма многочисленны. В табл. 7 включены основные типы, которые с достаточным основанием можно считать фонетически близкими к соответствующим детерминантам языка (языков) субстрата.

Табл. 7

Вариант	Количество фиксаций	Примеры
-бой	78	<i>Кукобой, Ратомбой, Шидбой</i>
-буй	18	<i>Неэжбуй, Ширбуй, Шихобуй</i>
-ой	51	<i>Каргой, Мурдой, Ялой</i>
-уй	50	<i>Колгуй, Сядруй, Чичуй</i>
-оя	30	<i>Каскоя, Лавдоя, Маткоя</i>
-уя	6	<i>Кыскуя, Нёрмуя, Харкуя</i>

233 названия

Двухсложные названия на *-бой*, *-буй* могут относиться и к гидронимам на *-ой*, *-уй*. Решение вопроса о принадлежности гидронима к определенному типу названий зависит прежде всего от его локализации в зоне преимущественного распространения того или иного детерминанта.

К этой же группе гидронимов, очевидно, относятся некоторые наименования рек на *-ей* (*Перзей*), *-ея* (*Сюрея*), *-ий* (*Вальтий*), *-ый* (*Кярный*), *-ия* (*Шидия*). Формы на *-ей*, *-ея* могли произойти из образований

на *-ой*, *-оя* в тех случаях, когда перед детерминантом находился мягкий согласный. Вариант *Шидия*, видимо, имеет своим источником **Шидая*. Морфологическое выравнивание могло привести к переработке **Кярной* > *Кярный*. Все же далеко не все названия на *-ей*, *-ея*, *-ий*, *-ый*, *-я* по происхождению связаны с рассматриваемым гидронимическим типом. Во всяком случае, картина сильно затемнена. Это особенно справедливо по отношению к названиям на *-ий*, *-ый*, на возникновение которых могли повлиять русские прилагательные на *-ий*, *-ый*. Поэтому гидронимы с формантами *-ей*, *-ея*, *-ий*, *-ый*, *-я* непоказательны, за исключением тех случаев, когда встречаются в ареале названий на *-ой*, *-оя*, как это имеет место в среднем течении Пинеги и нижнем течении Мезени.

Возможно, с названиями рассматриваемого типа следует связывать и часть гидронимов на *-ай* (*Лавдай*), *-ая* (*Пурная*), которые могли возникнуть в русском языке из названий на *-ой*, *-оя*, поскольку формант находится в безударном положении. Это прежде всего относится к зонам распространения топонимов с формантами *-ой*, *-оя*, причем для варианта *-ая* можно предполагать и уподобление русским прилагательным женского рода на *-ая*. Те же разновидности адаптации гидронимов этого типа выявлены и в вепсской субстратной топонимии, усвоенной русским языком [Муллонен 1988: 44-46]. Как модификацию детерминанта *-бой* следует рассматривать единичное *-бай* (*Чухшобай*) в Белозерье.

Наконец, к гидронимам этого типа соблазнительно отнести и пинежские названия рек на *-вей* (19 фиксаций), территориально смежные с гидронимами на *-ой*, *-оя* (*Выргей*, *Косьвей*, *Кыргей*, *Тылвей* и др.). Формант *-вей* очень близок к саамским данным (см. ниже), однако основы этих названий хорошо раскрываются и на пермской почве [Матвеев 1965б: 29-31], поэтому вопрос об их лингвостнической принадлежности пока нельзя считать решенным.

< Приб.-фин. или саам., ср. фин., карел., люд., вепс., эст. *oja* «ручей», «канава», лив. *v(u)oja* «заполненная водой ложбина» = саам. *vuajj* (Кильдин, Йоканьга) «ручей» (? < фин. или карел.) [SSA 1: 262]; ср. также саам. *uoj*, *oj*, *vuoi*, *uaej*, *vuai* «ручей» [KKS: 765].

В прибалтийско-финской гидронимии названия этого типа распространены очень широко, ср. фин. *Kivioja*, *Mustaoja*, *Pajuoja*, *Tervaoja*, *Varpaoja*, карел. *Kivoja*, *Kivoi* (< *Kivioja*), *Korboja*, *Korboi* (< *Korbioja*), *Vehkoja*, *Vehkoi* (< *Vehkuoja*) [Мамонтова 1982: 113], вепс. *haračoja*, *mahoja*, *mendoja* [Муллонен 1988: 26]. Зафиксированы подобные наименования и в саамской гидронимии: *Kalt-iaj*, *Riib-iaj*, *Taalgit-iaj*, *Tšivruaj* [KKS: 974, 1010, 1020, 1027], *Кунуай*, *Куэцкемуай*, *Мойчесуай*, *Нерасуай*, *Пъеннэуай*, *Пэдуай*, *Ровуай* [Казаков 1949: 308-309].

Исследование ареальных данных (карта 3) прежде всего показывает, что гидронимы на *-ой*, *-оя* и *-уй*, *-яя* встречаются на одной и той же территории. Изучение вариантов названий также свидетельствует об общности этих форм: *Каргой* ~ *Каргуй*, *Лапкоя* ~ *Лапкой*, *Мурдой* ~ *Мурдуй*, *Мыкой* ~ *Мыкуй*, *Сылоя* ~ *Сылой*, *Сююя* ~ *Сюорой*, *Ялюя* и т. п. Все же названия на *-ой*, *-оя* особенно широко распространены в среднем течении Пинеги (притоки Мысовой, Суры, Явзоры и т. д.), хотя встречаются также в нижнем течении Мезени, верховьях Ваги, в басс. Кокшеньги, между тем гидронимы на *-уй* (редко *-яя*) прежде всего характерны для нижнего течения Мезени и отмечены в небольшом количестве по Онеге и Сухоне.

В свете данных карельского и саамского языков становится ясно, что формы на *-ой*, *-уй* могли существовать уже в языках-источниках, но в некоторых случаях не исключена русская адаптация (**-оя* > *-ой* или **-ой* > *-оя*) по согласованию в роде (*река* ~ *ручей*, ср. *Сююя* ~ *Сюорой*).

Что касается форм с *-у* (-*уй*, *-яя*), то они могли возникнуть как в языках-источниках (ср. *joki* ~ *-юга*, *oja* ~ *-яя*), так и на русской почве. О возникновении *-яя* из *-оя* пишет М. Фасмер [Vasmer 1935: 525], приводя *Kivioja* > *Киувя*, *Palooja* > *Палужа*, *Saraajoa* > *Сарую* и т. п. Действительно, в ряде случаев *-оja* регулярно передается *-яя*, ср. *Лептуя*, *Хабуя* [ПОКВП 1851: 354], *Падуя*, *Мустуя*, *Венуя* [ПОКВП 1852: 71, 105, 130].

Для выяснения причин восприятия *-оja* русскими в виде *-яя* существенны некоторые данные, которые можно извлечь из наблюдений над ливским и саамским соответствиями, а также случаями фиксации термина в топонимическом употреблении. Очевидно, тенденция к более

закрытой артикуляции приводила к переходу **o > u* (см. выше саамские данные) и способствовала появлению протезы *v-* (ливский и саамский языки). Любопытны и результаты изучения терминов в топонимическом употреблении: в пределах региона отмечено 7 рек с названием *Воя* (1. басс. оз. Воже, 2. басс. Двин. губы, 3. басс. Емцы, 4. басс. оз. Лача, 5. басс. Онеги, 6. басс. Онеж. губы, 7. басс. Сухоны), два гидронима *Воюшка* (1. басс. Вели, 2. басс. оз. Мошинское) и одна *Уя* (пр. Пинеги). Очень интересен и гидроним *Выя* (пр. Пинеги), точно соответствующий саам. Йоканьга *vjäijε* «ручей» [KKS: 765]. Однако на РС пока не выявлено ни одной реки, называющейся *Оя*. Конечно, развитие протетического *v* соблазнительно считать результатом русского воздействия (диал. *вострый, вольха* и т. д.), но начальное *v* в *Воя, Воюшка* может быть и исключительного происхождения, что точно согласуется с данными ливского и саамского языков. В сложных словах сформировавшийся *v* (скорее $\beta = w$) мог восприниматься русскими как *b* (-бой, -буй), а слабый исчезал.

Гидронимы с детерминантами этого типа на территории РС распределяются неравномерно. Достаточно четко выделяются четыре зоны (см. карту 3).

Наиболее многочисленны названия с детерминантами *-бой, -буй* в Белозерском крае, а также между озерами Воже и Лача, что вполне согласуется с широким распространением начального *b* и перехода *v > b* (см. 2.3.1.) на этой территории. Пока выявлено 96 гидронимов, при этом основным вариантом должен считаться *-бой*. Названия на *-буй* встречаются несравненно реже (18) и почти всегда в двусложных словах (16). Эти гидронимы явно вторичны по отношению к названиям на *-бой*, но условия перехода не вполне ясны. Так или иначе, переход *-бой > -буй* аналогичен изменению *-ой > -уй*. Я. Калима, выявляя гидронимический термин *-буй, -бой* «маленькая речка, ручей» [Kalima 1946: 134], сравнивал его с названием реки *Буй* (Костр.). Возможно, что этот гидроним генетически связан с детерминантом *-бой, -буй*, однако трудно сказать, к какому языку он восходит.

Гидронимы могут сильно варьировать, ср. *Кинозбой, Кинозбово, Кинозбовка; Пажбойка, Пажбуйка, Пажбово, Пажба; Сербуй, Сер-*

бово, Серба, Шурбой, Шурбай, Шурбовка, Шурба и т. п. Выявленные в вариантах модели морфологической адаптации позволяют причислить к этому гидронимическому типу и довольно многочисленные наименования на *-бово*, *-бов*, *-бовка* (27 фиксаций), ср. *Кустобово* (*Кустобовка*), *Лендобово* (*Лендобовка*), *Норобово*, *Пялнобово*, *Синебово*, *Хайнобовка* и др., а также на *-оба*, *-обка* и т. п. (7 фиксаций), ср. *Вандоба*, *Кондобра*, *Куноба*, *Курзобка*, *Низдобка*, *Нодобица*, *Ягорба*. Разумеется, это допущение распространяется только на те гидронимы, которые зафиксированы в пределах ареала *-бой*, *-буй*, причем нельзя исключить, что иногда образования такого рода и в зоне *-бой*, *-буй* имеют иное происхождение, например, в результате перехода *-Ума* > *-Уба* и т. п. Другие подробности о названиях на *-бой*, *-буй* см. в [Субботина 1984].

Примечательно, что названия на *-ой*, *-уй* примыкают к ареалу на *-бой*, *-буй* на севере между Белым и Онежским озерами (*Вехкүй*, *Канзүй*, *Кивой*, *Киуй*, *Рагой*, *Рогмуй*) и на юге в северном Пощеконье (*Ангүй*, *Вогүй*, *Кергүй*, *Шигүй*). Как те, так и другие, видимо, связаны с прибалтийско-финской, скорее всего вепсской, гидронимией. Интерпретация этих боковых ареалов затруднительна.

Отсутствие конечных гласных (*-бой*, *-буй* при *-оя*, *-я* в других зонах), а также начальное *б-* из **в-* свидетельствуют о близости гидронимов с формантами *-бой*, *-буй* к саамским. Этимологический анализ основ названий этого типа показал, что «*топонимия на -бой связана с субстратными языками, близкими к прибалтийско-финским и саамскому*» [Субботина 1984: 118].

Названиям на *-бой*, *-буй* противостоят располагающиеся на востоке региона почти по одной линии с севера на юг три зоны гидронимов на *-ой*, *-уй*, *-оя*, *-я* (редко): в нижнем течении Мезени (преимущественно на *-ой*, *-уй*), в среднем течении Пинеги (в основном на *-оя*, *-ой*) и в междуречье Ваги и Сухоны, главным образом в Тарногском районе (на *-уй*, *-я* и *-ой*). Во всех этих зонах детерминанты могут в равной мере рассматриваться как прибалтийско-финские и как саамские. Казалось бы, основная задача видится в том, чтобы попытаться дифференцировать прибалтийско-финские и саамские названия. Но анализ основ дает

противоречивые результаты (см. II). Поэтому возникает вопрос, не сохранились ли в данном случае в топонимии следы особого прибалтийско-финско-саамского языка. Немаловажно также почти полное отсутствие названий этого типа в басс. Ваги (кроме басс. Кокшеньги) и по Сев. Двине и ее притокам выше устья Ваги, т. е. там, где прослеживаются севернофинские названия. Нехарактерны подобные названия и для ИМЗ (кроме нескольких гидронимов на *-уй* в северном Пощеконье).

– Саам. (Кулой) [Castrén 1862: 102], угор. (*-бой*, *-буй*) [Европеус 1868: 64; 1874: 12], приб.-фин. [Vasmer 1934: 367, 378, 380, 383, 392, 402, 420; Попов 1965: 104], *-бой*, *-буй* < *-пой*, *-пуй* неизв. происх. [Серебренников 1970: 54-55], приб.-фин., саам. [Субботина 1984].

-Vn(ъ)га

Гидроформант *-Vn(ъ)га* – один из самых загадочных и неподдающихся адекватной интерпретации «речных суффиксов» СТРС. Семантика этого форманта и его происхождение до сих пор являются предметом дискуссии. Возможно, в этом типе объединены близкие по звуковому составу генетически разные форманты с различным исходным значением.

Названия на *-Vn(ъ)га* являются самым распространенным типом в субстратной гидронимии РС (580 названий). Это наименования средних и малых рек, реже – вторичные, перенесенные по метонимии, названия озер, населенных пунктов и урочищ. «Большой» структурный тип с формантом *-Vn(ъ)га* членится на ряд малых, относить к которым то или иное название в некоторых случаях очень трудно, так как «малые» типы взаимодействуют и изменяются в ходе русской фонетической адаптации. Это касается как колебания *н* – *н'*, так и варьирования гласных в первом слоге форманта. Кроме того, во многих случаях запись неточна, что особенно относится к фиксации *н* и *н'*, непоследовательно воспроизведимых и местным населением. Наглядны примеры: *Виленга* (*Виленга*, *Вилинга*), *Ездренъга* (*Ездринга*, *Ездренъка*), *Кипшенъга* (*Кипшенга*, *Кипционга*, *Кипшунъга*), *Корменъга* (*Корменга*, *Корминъга*), *Тюктенъга* (*Тюктюнъга*), *Шиченъга* (*Шиченга*, *Шичинъга*, *Ши-*

чинга); *Вырманга* (*Вырмонга*, *Вырмоньга*), *Норсанга* (*Норсонга*, *Норсеньга*), *Явроньга* (*Ярвоньга*, *Ярваньга*, *Ярвеньга*) и т. п.

Однако в большинстве случаев на основную форму указывает количество фиксаций. Часто варьирования вообще нет (особенно у названий на *-еньга*). Важную роль играет география названий, помогающая определить основную форму. Полезны эмпирические наблюдения, например, в отношении вариаций *-еньга* и *-енга* (*Коченьга* – *Коченга*, *Печеньга* – *Печенга*): первые характерны для устных форм и должны считаться исходными, вторые – чаще встречаются в письменных источниках, хотя фиксируются и в народной речи. Есть и явления, близкие к регулярным. Так, у названий на *-анга*, *-онга* довольно часто встречаются корреляты с мягким *н'* (*Шабанга* – *Шабаньга*), но очень редко в форме *-еньга* (*Войманга* – *Войменьга*). В свою очередь наименования на *-еньга* редко имеют модификации на *-анга*, *-онга*. Все эти и другие наблюдения позволяют считать, что в большинстве случаев исходные формы достоверны и допущенные при их выявлении ошибки не ведут к искажению общей картины.

Количественный анализ основных форм привел к следующим результатам: гидронимов на *-анга* (*Ваманга*, *Ловзанга*) – 74, *-аньга* (*Ёрманьга*, *Тихманьга*) – 21, *-енга* (*Ваенга*, *Леденга*) – 64, *-еньга* – 364, *-инга* (*Мининга*, *Сязинга*) – 7, *-иньга* (*Воиньга*, *Рюзиньга*) – 9, *-онга* (*Волонга*, *Лудонга*) – 29, *-оньга* (*Пуроньга*, *Шибоньга*) – 12. Названия на *-уньга*, *-юньга*, *-ынга* и некоторые другие единичны и всегда являются модификациями основных форм. Эти статистические данные позволяют предположить: 1) гидронимы на *-енга* с твердым *н* могут во многих случаях рассматриваться как вариация наименований на *-еньга*, составляющих подавляющее большинство названий на *-Vн(ъ)га* – 63 %, а вместе с наименованиями на *-енга* – 74 % (428 названий); 2) гидронимы на *-инга*, *-иньга* представляют собой раритеты, которые в некоторых случаях генетически связаны с названиями на *-еньга* (ср. *Ошиньга*, но также *Ошеньга* и *Ошинга*, *Халинга*, но *Халеньга* и *Халиньга*) и не играют существенной роли в процессе идентификации форманта *-Vн(ъ)га*; 3) из 136 наименований на *-ан(ъ)га* и *-он(ъ)га* гидронимы на *-анга* и *-онга* с твер-

дым и составляют в совокупности 103 названия (75 %) и преобладают над названиями на *-анъга* и *-онъга* (33 – 25 %), которые частично могут восходить к наименованиям на *-анга*, *-онга*, частично – к варианту *-енъга*. Из всего этого следует вывод, что наименования на *-енъга* (*-енга*) с мягким *н'* и на *-Инга* с твердым *н* могут быть связаны с различными источниками. Это предположение, разумеется, приобретет большую доказательность, если найдет подтверждение в данных лингвистической географии.

Названия на *-Ин(ъ)га* в очень большом количестве зафиксированы в треугольнике между Сев. Двиной, Вагой с притоками и Сухоной, особенно в Поволжье (см. карту 2), засвидетельствованы они и далее к востоку – в бассейне Пинеги, а также на западе – в бассейне Онеги, но в этих микрорегионах встречаются значительно реже. Основная зона распространения гидронимов на *-Ин(ъ)га* – Архангельская и Вологодская области, исключая Белозерский край. Однако они встречаются и на других территориях с русским населением: в Костромской (*Марханга*, *Пеженга*, *Пойманга* и др.) и Кировской области (*Волманга*, *Лундонга*, *Паданга*). На северо-востоке Ленинградской области зафиксирован гидроним *Викшеньга*. За пределами РС гидронимы этого типа чаще всего встречаются в Костромской области. Все эти названия несомненно относятся к ареалу *-Ин(ъ)га*, характерному для РС. Отдельные названия на *-Инга* отмечены и южнее – во Владимирской (*Войнинга*, *Симанга*), Нижегородской (*Уранга*, *Юронга*), Ярославской (*Пеленга*, *Ширинга*) областях, но в целом они нетипичны для мерянской гидронимии и вряд ли имеют отношение к ареалу *-Ин(ъ)га* на РС.

Существенно также, что названия на *-Ин(ъ)га* зафиксированы и на смежных территориях, заселенных нерусским населением, где они представляют собой русский вариант названия: *Венденга*, *Визинга*, *Коздинга* (Республика Коми), *Куренъга*, *Печенга*, *Утонга* (Мурманская область), *Кестеньга*, *Куженга*, *Софьянга* (Республика Карелия). В других языках этот тип гидронимии, как правило, оформляется иначе,ср. к.-зыр. *Венъдін*, *Визин ю*, *Коздін* [ССКЗД: 44, 50, 160],саам. *Kurenjok*,

Peätsam (фин. *Petsamo*), *Udd'jokk* [KKS: 985, 1005, 1030] и т. п. (ср. также [Шилов 1998]).

Все эти факты свидетельствуют скорее всего о том, что названия на *-Vn(ъ)ga* на территориях с нерусским населением принадлежали местному, более древнему этносу – докоми-зырянскому, досаамскому, докарельскому. Формы на *-Vn(ъ)ga* могли быть восприняты русскими от древнего чудского населения, позднее ассимилированного как русскими, так и другими финно-угорскими народами. Это, однако, не означает, что в ряде случаев формы на *-Vn(ъ)ga* не могли возникнуть под русским влиянием, так как на РС русские усвоили массовый топонимический тип и могли использовать характерный формант при адаптации иноязычных названий созвучным ауслаутом (ср. [Kalima 1935: 133]).

Серьезного внимания заслуживает и вопрос о возможной связи гидронимов на *-Vn(ъ)ga* и финских названий на *-nki* (*Sääminki*, *Kiminki*, *Turenki* и т. п.) (см. [Европеус 1868: 62; 1874: 12; Kalima 1935: 141]), идентичность которых в некоторых случаях совершенно очевидна (*Kiestinki* – *Кестеньга*), но решение его зависит от будущих интеррегиональных исследований.

Таким образом, если даже не касаться финских названий на *-nki*, ареал гидронимов на *-Vn(ъ)ga* громаден, при этом, однако, обнаруживается, что он имеет очень плотное «сгущение» (зону концентрации) в «важском треугольнике» с значительным разрежением в сторону Онеги, Пинеги и Костромского края и своеобразной зоной иррадиации в разных направлениях, простирающейся на севере до Кольского полуострова, Поморья, на востоке – до бассейнов Мезени, Вычегды, Вятки, на западе – до Карелии, а на юге (что далеко не бесспорно) – до мерянских земель. Иными словами, ареал *-Vn(ъ)ga* обладает своего рода «зонарной затухания», где частотность наименований невысока, а их связь с основной массой гидронимов этого типа в той или иной мере проблематична. Естественно, что идентифицируя формант и решая вопрос о его семантике, следует обращаться прежде всего к ядру ареала, где сосредоточено подавляющее большинство названий на *-Vn(ъ)ga*, а не к его окраинам. Картографирование всех модификаций этого форманта показа-

ло, что между локализацией гидронимов на *-енъга* и *-анга*, *-онга*, о необходимости противопоставления которых говорилось выше, есть существенные различия: 1) в зоне максимального сгущения названий на *-енъга* (басс. р. Вага) названия на *-анга*, *-онга* почти не встречаются (за исключением басс. р. Устья); 2) названия на *-анга*, *-онга* характерны прежде всего для юго-восточной части РС (бассейны Устьи, Сухоны, Юга, верховий Унжи), где они сосуществуют с названиями на *-енъга*. Отсюда следует, что форманты *-енъга* и *-анга*, *-онга* следует различать. Они, по-видимому, восходят к разным источникам, но могут принадлежать как одному, так и различным языкам. О более редких названиях на *-анга*, *-онга* в бассейне Онеги и Пинеги пока трудно сказать что-либо определенное, но предположительно и их следует отличать от гидронимов на *-енъга*. Варианты *-анъга*, *-онъга*, по-видимому, возникли из *-анга*, *-онга* под воздействием более многочисленных наименований на *-енъга* или непосредственно из *-енъга*. Картографирование показало также, что количество названий на *-енга* увеличивается в зонах *-анга* и *-онга*, а это в свою очередь указывает на то, что наименования с формантами *-енга* частью возникли из *-енъга* (см. выше), а частью генетически связаны с наименованиями на *-анга* и *-онга*. Таким образом, уже статистические и лингвогеографические данные свидетельствуют о неоднородности гидронимии на *-Vn(y)ga*, в которой формально объединены по крайней мере два различных структурных типа.

Дифференцированный подход к этому гидроформанту позволяет использовать для его интерпретации различные версии.

Формант *-енъга* целесообразно рассматривать как географический термин-детерминант со значением «река», что предлагал уже Д. Европеус, который видел в нем рефлекс хант. *ieng* (*jlyk*) «вода» [Европеус 1868: 62; 1874: 12]. В дальнейшем этот детерминант сопоставлялся с различными финно-угорско-самодийскими источниками (сводку см. [Шилов 1998: 111-112]). Исходя из предположения о существовании на РС в прошлом северофинских языков, промежуточных между прибалтийско-финско-саамскими и волжско-финскими языками, и в их числе языка (языков) гидронимии на *-Vn(y)ga* (см. [Матвеев 1969в: 51-

52]), автор считает, что в финском языковом пространстве детерминанту *-енъга* больше всего соответствует мар. *энэр* «река» [Матвеев 1969в: 50], в котором *-р* может рассматриваться как суффикс [Lehtisalo 1933: 235]. В своей недавней работе А.Л. Шилов считает язык гидронимов на *-Vn̥ga* архаичным языком прибалтийско-финского типа, сопоставляя реконструируемый им географический термин **engə* с фин., карел. *eno*, саам. *eatt* «большая река» и карел. *vengi* «протока, межозерный проток» [Шилов 1998: 112]. Предположение о том, что в СТРС сохранились реликты архаичного языка прибалтийско-финского типа, конечно, заслуживает внимания, однако сопоставлять **engə* как с *eno*, так и с *vengi*, на наш взгляд, не следует, поскольку прибалтийско-финские слова восходят к разным этимонам (см. [Мамонтова, Муллонен 1991: 25-26, 100]). Проблематично и сопоставление фин. *eno* и его коррелятов с неизв. *jēļa* «ручей», юкагир. *onjje* «речка, берущая начало из озера» и т. п. Во всяком случае в этимологических словарях это сравнение отсутствует (ср. [SSA 1: 105, 106]).

Остановимся на некоторых трудностях, связанных с выделением детерминанта *-енъга* и на тех аргументах, которые можно привести в его пользу.

А.Л. Шилов, используя прием сравнения параллельных названий, сопоставил русские гидронимы с формантом *-Vn(ъ)ga* на территории Карелии и Кольского полуострова и их карельские и саамские соответствия, восстанавливая древнее саамское или «чудское» (принадлежащее архаичному языку прибалтийско-финского типа) слово **engə* «речка; протока» [Шилов 1998: 112]. Этот прием предполагает, что формант **engə* переведен с более древнего «чудского» языка на саамский или карельский, т. е. мы имеем дело со своего рода полукальками. Так, саамы использовали для перевода географические термины *jogk* «река» или *vuai* «ручей» [Шилов 1998: 110], ср. *Лосинга* (*Лосенга*) –

Lissjogk, Чуденьга – *Ciuvduai*¹ и т. п. Сам по себе этот прием эффективен и несомненно наблюдения Шилова полезны и в определенной степени способствуют продвижению версии о детерминантном характере -**engə*. Во всяком случае такие примеры, как Утонга – *Udd'jokk*, Лосинга (Лосенга) – *Lissjogk* как будто бы убеждают, что -*Vn(ъ)ga* – географический термин со значением «река», функционировавший некогда в «чудском языке». Но есть смущающие обстоятельства: 1) в пределах одного языка и на одной территории следовало бы ожидать в языке-реципиенте при калькировании общий лексический эквивалент, тогда как фактически их два – *jogk* «река», *vuai* «ручей»; 2) формант **engə* может передаваться уменьшительным суффиксом (-*endž*, -*až*,ср. *Piren-ga* – *Pirendžjok*) [Шилов 1998: 110], что свидетельствует о непонимании усваивающими значения детерминанта; 3) есть и другие случаи, указывающие на то, что носители языка заимствования не могли вычленять детерминант, ср. фин. *Petsamo* – саам. *Peätsam* – рус. *Печенга* [ККС: 1005] и особенно показательное *Vaiŋž-joGk* – *Ваенга* [ККС: 1031], ясно свидетельствующее о том, что несаамский топоним воспринимался как непроизводное слово и, возможно, через русское посредство. Таким образом, и этот опыт интерпретации форманта -*Vn(ъ)ga* не дает однозначного решения. Более того, нельзя исключить, что источником для одних саамских названий были недошедшие до нас собственно «чудские» формы, отраженные в русских наименованиях на -*Vn(ъ)ga* (ср. *Печенга*), а для других – сами русские эквиваленты (*Ваенга*). Пестрота соответствий (ср. выше передачу подобных названий в коми языке) свидетельствует о том, что в данном случае использование параллельных названий недостаточно эффективно. Применительно к наименованиям рек Кольского полуострова это в свое время было показано А.И. Поповым, который, однако, считает, что кольские гидронимы на -*n̩ga* возникли из саамских в русском языке посредством присоединения

¹ Этот пример проблематичен в том отношении, что название со значением «Чудская речка» оказывается принадлежностью «чудского» языка, между тем вряд ли носители языка на -*Vn(ъ)ga* называли сами себя чудью: в свете этого факта чудь предшествовала носителям топонимии на -*Vn(ъ)ga*. Кроме того, нелишне указать, что гидроним *Ciuvduai* в источнике фигурирует как *Ciudgai* [ККС: 1030].

-га, хотя это вряд ли можно распространять на все случаи такого рода. [Попов 1965: 116-117]. Но фактор русского языка без сомнения немаловажен. Так, саам. *Vaijən̩t's* с деминутивным суффиксом хорошо объясняется при обращении к рус. *Ваенга* с последующим *Ваенка* (фин. *Vaa-jenka*) [KKS: 1031].

Суть дела в том, что нам приходится анализировать не обычные параллельные названия с прозрачной структурой и семантикой, которые характерны для топонимии живых языков, а параллели между живым саамским языком и вымершим чудским, притом в русской передаче. Таким образом, не два параллельных названия обнаруживают свою формальную и семантическую идентичность, а при помощи саамского наименования мы доказываем, что чудское членится подобным же образом и содержит аналогичный географический термин. Однако это совсем не одно и то же, поскольку доказательность сравнения намного уменьшается: семантика чудской параллели нам неизвестна и что такое *-Vn(y)ga* тоже является загадкой. Разумеется, если бы мы всегда имели точные корреляты, проблемы не было бы. В действительности, как было показано, чудскому *-Vn(y)ga* в саамской топонимии соответствуют различные реализации. Для этого есть историческая основа: регулярность появления семантически однозначных параллельных названий (полукалек) зависит от длительного мирного сосуществования и двуязычия контактировавших этносов. Между тем в саамских преданиях чудь постоянно упоминается как жестокий враг, с которым саамы боролись. Поэтому трудно представить такую форму саамско-чудского лингвоэтнического контакта, которая привела бы к высокочастотному и регулярному порождению полукалек. По этой же причине постоянно возникает вопрос о роли русско-саамских контактов в появлении соответствующих саамско-чудских параллелей.

Что же может свидетельствовать в пользу версии детерминантного происхождения *-еньга* по крайней мере в зоне его максимальной плотности – «важском треугольнике»?

Основной аргумент – наличие необыкновенно плотного ареала с множеством гидронимов и единообразным формантом *-еньга*, варьи-

рование которого в пределах упомянутого «треугольника» незначительно и носит вторичный характер. На детерминантный характер *-еньга* указывают и корреляции названий смежных объектов типа *Юменьга – Юмозеро*.

Наиболее серьезным осложняющим обстоятельством следует считать почти полное отсутствие фактов употребления детерминанта в функции топонима, особенно поразительным на фоне многочисленных фиксаций других «речных» терминов, ср. *Юг(a)* – 8 фиксаций, *Ёг(a)* – 4, *Воя* – 9 фиксаций.

Хорошо известно, что высокочастотные субстратные гидроформанты часто закреплены и в самостоятельном топонимическом употреблении, т. е. пришельцы воспринимают из языка субстрата общее обозначение реки (или воды вообще), которое становится топонимом (классические приметы – *Дон*, *Юг* и т. п.). Топонимы на *-еньга* многочисленнее названий на *-Vга* и *-оя*, однако в ареале *-еньга* нет ни одного достоверного случая фиксации гидронима *Еньга* или *Енга*. Наименование реки *Енга* [СНМ Влг. 59, Ник, № 6184] не было подтверждено полевыми работами ТЭ (зафиксировано *Енгии*), а названия типа *Янга* [Vasmer 1935: 509] к форманту *-еньга* не относятся.

Достаточно реалистическое объяснение столь странной ситуации состоит в том, что названия на *-еньга* являются субсубстратными, т. е. русские не имели прямого контакта с носителями топонимии на *-еньга*, русско-чудского двуязычия не было, а говорившие на языке субстрата понимали наречие своих предшественников настолько хорошо, что обошлись без создания примитивных гидронимов со значениями «Вода», «Река».

В ареале *-еньга* на территории РС нет полукалек с русскими терминами *-река*, *-ручей*, не выявлены здесь и русско-чудские метонимические кальки (кроме басс. Устьи, о чем см. ниже). Это в какой-то мере подтверждает предложенное объяснение. Однако пока не удалось обнаружить какие-либо следы субстратного языка-посредника и неизвестно, какой язык мог играть эту роль.

Форманты *-анга*, *-онга* и частично *-енга* (не из *-енъга!*), образующие специфические зоны сгущения, есть основания связывать с именным аффиксом, но, разумеется, не с саамскими и карельскими уменьшительными суффиксами, что справедливо отвергается [Шилов 1998: 109], а финно-угорским суффиксом обладания **y*, который сохранился в мордовском, а также в обско-угорских языках [ОФУЯ 1974: 347]. Отметим, что и эта версия, но опять же с ориентацией на обско-угорские языки принадлежит Д. Европеусу [Европеус 1968: 62; 1874: 12]. Как названия на *-енъга*, так и на *-Инга* фиксируются очень широко и зоны их распространения отчасти совпадают. Поэтому решить вопрос о хронологическом соотношении этих названий и их принадлежности одному или разным языкам пока еще не представляется возможным. Необходимы дальнейшие исследования, тем более что гидронимы на *-Инга* и названия рек на *-Има* (*Андома*, *Ухтома* и т. п.) могут иметь общий источник [Матвеев 1997: 38]. В этой связи показательно и почти полное отсутствие названий на *-Ин(ъ)га* в мерянских землях при обилии там наименований рек на *-Има*. Стоит, однако, заметить, что имеются некоторые данные, указывающие на возможность прямых контактов русского населения и носителей топонимии на *-Инга*, а может быть, и *-енъга*, в отдельных микрорегионах РС, например, в басс. Устьи, где засвидетельствованы такие метонимические кальки, как река *Порданга* с руч. *Пёртовский* – руч. *Избяной* (ср. мар. *пёрт* «дом», «изба»), речка *Шобанга* – руч. *Осиновский* (ср. мар. *шопке* «осина»), речка *Тюктеньга* (*Тюктуньга*) – руч. *Гагарий* (мар. *токталудо* «гагара», дословно «гагара-утка», ср. еще мар. *тукто* «утка-нырок») и некоторые другие.

Предположение о широком распространении в СТРС бездетерминантной гидронимии, естественно, потребует дальнейшего обоснования, поскольку этот структурный тип в целом необычен для современных финно-угорских языков, однако надо иметь в виду, что тенденция к употреблению в топонимии аффиксальных форм без детерминантов характерна для различных языков агглютинативно-суффиксального строя (см. [Матвеев 1989б: 7-8]). В субстратной гидронимии РС представлен целый ряд структурных типов, форманты которых, по-

видимому, являются словообразовательными аффиксами (ср. [Попов 1965: 113-115]). Они могли утратить детерминанты или вообще их не иметь. Гидронимы на *-Vnга* могут относиться именно к этому классу географических названий РС.

Усматривая в формантне *-Vn(ъ)га* детерминант или словообразовательный аффикс, следует остановиться еще на одной возможности его интерпретации – генитивной конструкции прибалтийско-финского типа *-n-joki* (см. [Попов 1949: 64; 1965: 116-117; Матвеев 1960]).

Против тезиса о происхождении *-Vn(ъ)га* из генитивной конструкции можно выдвинуть ряд аргументов, однако не во всех случаях они убеждают. Так, рус. *Оланга* и фин. *Oulankanjoki* не предполагают финское *-Vnjoki* [Шилов 1998: 110], так как *Oulanka* явно заимствовано финнами прямо из чудского языка или через русское посредство и потому воспринято как непроизводная основа, от которой закономерно образуется генитив *Oulanka-n*. В Финляндии названия на *-nki* естественно возникали без всякого русского посредства, но вообще не следовало бы пока безоговорочно объединять их с названиями на *-Vn(ъ)га* на РС: между этими ареалами все же достаточно широкий разрыв, где названий на *-Vn(ъ)га* относительно немного, и мы еще только пытаемся решить вопрос о их происхождении. Наконец, ссылка на иной способ образования генитива в саамском языке противоречит предположению о том, что чудской язык – архаичный прибалтийско-финский язык [Шилов 1998: 112]. В архаичном прибалтийско-финском языке финно-угорское **n* естественно должно было сохраняться, поскольку оно было характерно для прибалтийско-финских языков, кроме эстонского, водского и ливского, где со временем было утрачено [ОФУЯ 1975: 55]. Если допустить севернофинское происхождение чудского языка, то генитивная конструкция находит аналог как в прибалтийско-финском, так и марийском генитиве на *-n*, которые восходят к **-n*.

Тем не менее трудно допустить столь массовое регулярное оформление основ гидронимов в родительном падеже, на что уже указывалось [Серебренников 1967: 83]. Заметим также, что на РС пока не выявлены следы генитивной конструкции в названиях других объектов

и в сочетании с другими детерминантами. Если же генитивная конструкция все же использовалась при образовании топонимов, то, очевидно, она реализовалась посаамскому типу. Все это опять же против версии о прибалтийско-финском характере языка названий на *-Vn(ъ)ga*.

Все эти соображения не означают, однако, что в собственно прибалтийско-финской топонимии РС в принципе не могли существовать топонимы генитивного типа в том числе и названия на *-Vn(ъ)ga*. Это прежде всего относится к периферийным наименованиям на *-Vnъga* (*-анъга*, *-онъга*), например, таким, как *Явронъга* в пинежском микрорегионе, если допустить, что первоначально русский гидроним имел вид **Явронъга < ?*Järvenjogi*. Таким образом, вопрос о генитивных названиях в СТРС нельзя считать закрытым, тем более что справедливости ради следует рассмотреть еще одну достаточно логичную, но почти невероятную, на первый взгляд, возможность интерпретации *-Vn(ъ)ga* на базе генитивной конструкции. В основе ее два наблюдения: во-первых, язык носителей топонимии на *-Vn(ъ)ga* может быть тождествен языку топонимии на *-Vg(a)*, потому что их ареалы во многом совпадают, обходя, в частности, Белозерье, а во-вторых, в основах названий этих двух типов много общего (*Вайменъга – Ваймуга*, *Паленъга – Палуга*, *Ухтанъга – Ухтюга* и т. п.), что справедливо подчеркивал Б.А. Серебренников [Серебренников 1966]. Но, как уже говорилось, детерминант гидронимов на *-Vg(a)* выступает и в роли топонима (*Юг*, *Юга* и т. п.), тогда как *-Vn(ъ)ga* в такой функции фактически не зафиксирован. Как можно объяснить эту странность (кроме субсубстратного происхождения названий на *-Vn(ъ)ga*, о чем см. выше)? Может быть, названия на *-Vn(ъ)ga* обозначали мелкие гидрообъекты, т. е. детерминант имел значение «речка», а наименования на *-Vg(a)* более крупные? Но среди гидронимов на *-Vn(ъ)ga* многие обозначают значительные реки – *Кичменъга*, *Коленъга*, *Мехренъга*, *Покиеньга* и т. п., а среди названий на *-Vg(a)* есть называющие маленькие речки, хотя наиболее крупные реки РС действительно характеризуются формантом *-Vg(a)* (*Онега*, *Пинега*).

Можно, однако, предположить, что при тождестве этих языков в наименованиях на *-Vg(a)* отражается номинативная конструкция, а в

наименованиях на *-Vn(ъ)ga* генитивная, при этом происходила синкопа: *n* перед *j* закономерно смягчалось в *n'*, а *-Vg(a)* «сокращалось» в *ga*, что убедительно объясняет происхождение группы согласных *-nъg-*. Заметим, что сходный результат могло дать и сочетание прилагательного с суффиксом обладания **-Vŋ* и детерминанта **-jVg(V)*. И в этом случае закономерно происходила бы утрата гласного и возникало слияние двух формантов в виде *-Vn(ъ)ga < *Vŋ + *(jV)g(V)*. Генитивная конструкция может иметь очень широкое распространение, на некоторых территориях даже преобладая над номинативной. В этом случае отсутствие термина в роли топонима находит логичное объяснение: термина как такого просто не существует. Отказываться и от этой версии пока, видимо, нецелесообразно.

Таковы основные возможности интерпретации этого загадочного во многих отношениях форманта, источники которого, если принимать во внимание как РС, так и прилежащие территории, скорее всего различны, на что указывалось еще А.И. Поповым [Попов 1965: 116–117]. Но и на РС названия на *-Vn(ъ)ga* обнаруживают неоднородность, что иллюстрируется, например, разными реализациями основы со значением «озеро» (фин. *järvı*), ср. *Яхреньга – Явроньга – Яреньга*.

Учитывая все сказанное, формант *-Vn(ъ)ga* не может считаться дифференцирующим, хотя источники гидронимии этого типа несомненно нужно искать в финских языках и, как мы уже указывали, для *-еньга* ближайшие соответствия обнаруживаются в марийском, а для *-Vnга* – в мордовском языках, что и явилось одним из аргументов для того, чтобы отнести язык (языки) названий на *-Vn(ъ)ga* к севернофинским. А поскольку эти гидронимы на редкость массовы, можно допустить, что именно они принадлежали загадочной Чуди Заволочской.

Однако вопрос о лингвоэтнической идентификации гидронимии на *-Vn(ъ)ga* связан прежде всего с этимологической интерпретацией основ (см. II). Здесь же заметим только, что версия о принадлежности этих названий архаическому языку прибалтийско-финского типа встречает много контраргументов. И дело не только в нехарактерном для прибалтийско-финских языков детерминанте и аффиксе обладания, а также

отсутствии в названиях такого рода дифференцирующих основ типа *must-* «черный», *rand-* «берег» и т. п. Существенны некоторые фонетические наблюдения. Так, общим для всех прибалтийско-финских языков является переход **s* > *h*, который произошел еще в прибалтийско-финском праязыке [ОФУЯ 1975: 30], но в пределах «важского треугольника» нет ни одного названия на *-Vn(ъ)ga* с начальным *h*, т. е. язык гидронимии этого типа не может считаться прибалтийско-финским. В то же время довольно рискованное предположение о том, что перед нами некий диалект прибалтийско-финского праязыка встречается с серьезными историческими и хронологическими затруднениями. Формирование отдельных прибалтийско-финских племен относят к концу I тыс. до н. э. [ОФУЯ 1975: 8] (т. е. уже после **s* > *h*), а русские осваивали топонимию на *-Vn(ъ)ga* на 1000–1500 лет позднее. К тому же распад прибалтийско-финского праязыка явно связан с Прибалтикой [ОФУЯ 1975: 6–8].

Здесь намечены только некоторые пути интерпретации этого форманта (формантов?). Проблема *-Vn(ъ)ga* очень сложна и в то же время – одна из ключевых для СТРС. Окончательно эта загадка будет решена после завершения сбора материалов, их полной верификации, разного рода статистических подсчетов, объединенных с картографированием всех нюансов, а также этимологического анализа основ, содержащих как прибалтийско-финско-саамские, так и волжско-финские лексемы.

– Финно-саам. (*jenga* < *jega* в рус. яз.) [Sjögren 1861: 301, 512], (*nga* < *ga*) [Castrén 1862: 95], угор. (хант. *ieng* «вода» или *ng* – адъект. суфф.) [Европеус 1868: 62; 1874: 12], саам. [Смирнов 1891: 44, 48, 99–106, 112], финно-угор. адъект. суфф. [Wiklund 1896: 23], не западно-финск., но финск. или уральск. [Vasmer 1934: 384, 425, 428], самод. ~ ненец. [Vasmer 1935: 509], мерян. ~ мар. (ИМ3) [Vasmer 1935: 538–540, 546], приб.-фин. [Vasmer 1935: 552; 1936: 190], саам. [Vasmer 1936: 204], приб.-фин., саам. > рус. суфф. *-нга*, *-ньга* [Kalima 1935: 133, 141], приб.-фин., саам. [Попов 1949: 63–64; 1965: 116–117], селькуп. [Дульзон 1960:

2], угор. (хант. *jῆjк* «вода») [Серебренников 1966: 65; 1967: 200; 1968а: 41-42]; архаич. приб.-фин. [Шилов 1998].

-сара, -сора, -сар(ъ), -сур

Детерминанты этой группы, как правило, встречаются в названиях небольших рек, что и позволило установить значение географического термина «небольшая река, речка» [Kalima 1946: 134]. Варианты очень разнообразны. Это объясняется как происхождением из различных (хотя и родственных) источников (ср. *-сора* и *-сур*), так и изменениями в русском языке (ср. *-сора* и *-зора*). Названия с этими детерминантами в их разных вариантах характерны для большей части региона, однако они пока не обнаружены в треугольнике оз. Кубенское – устье р. Моши – устье р. Устьи, а также в верхнем течении Сев. Двины. Очень мало названий этого типа в верхнем и среднем течении Ваги, в бассейнах Сухоны и Онеги, а также в низовьях Сев. Двины. На табл. 8 воспроизведено количество фиксаций различных вариантов.

Табл. 8

Вариант	Количество фиксаций	Примеры
<i>-сара</i>	28	<i>Кыссара, Петросара</i>
<i>-сар (-зар)</i>	2 (1)	<i>Коксар (Согзар)</i>
<i>-сарка (-зарка)</i>	1 (1)	<i>Уросарка (Улазарка)</i>
<i>-сарь</i>	12	<i>Плясосарь, Ягласарь</i>
<i>-сора (-зора)</i>	30 (4)	<i>Пиксора (Явзора)</i>
<i>-сор</i>	1	<i>Тявсор</i>
<i>-сорка (-зорка)</i>	2 (1)	<i>Выксорка (Лавзорка)</i>
<i>-сера</i>	2	<i>Елесера, Лембесера</i>
<i>-сер (-зер)</i>	1 (1)	<i>Кумбисер (Сализер)</i>
<i>-сур (-зур)</i>	5 (1)	<i>Каксур (Вонзур)</i>
<i>-шара</i>	1	<i>Кушкушара</i>
<i>-шера</i>	1	<i>Шунушера</i>

Всего 95 названий.

Заметим, что фактическая картина еще сложнее, поскольку топонимы нередко фиксируются в ряде модификаций, ср. *Валасарь, Вала-*

сар, Валасара, Валосар, Валосор или Кекасарь, Кекасар, Кекасара и т. п. Из таблицы видно, что чаще других встречаются варианты *-сора* (*-зора*), *-сара* и *-сарь*. Первый и второй зафиксированы почти повсеместно, кроме юго-востока РС, третий характерен для юга. Пока не удалось выявить каких-либо заметных ареальных различий в употреблении *-сора* и *-сара*, тем более что часто фиксируются параллельные формы (ср. *Кумсора – Кумсара, Пермесора – Пермесара, но Литосара – Литосора, Петросара – Петросора и т. п.*), хотя заметно преобладание *-сора* в басс. Пинеги, *-сара* – в басс. Мезени. Эта чересполосица связана прежде всего с существованием различий в языках субстрата (**sara* и **sora*) и с возможностью усвоения краткого **a* в русском языке как *o* (первоначально) и *a*. Кроме того, с течением времени *-сара* возникало из *-сора* в заударной позиции. Все это вело к интенсивному смешению форм и ошибкам при сборе материала, а следовательно, к трудностям при картографировании и непоказательности его результатов. Напротив, можно считать твердо установленным, что все топонимы этого типа с исходом на согласный сосредоточены на юге региона, причем на юго-востоке представлены исключительно варианты с согласным ауслаутом, а также все названия на *-сур* (*-зур*).

Таким образом, детерминанты со структурой *-CVCV* характеризуют северную и центральную часть региона, а с *-CVC* – южную, однако в Белозерском крае встречаются как детерминанты со структурой *-CVCV*, так и с *-CVC*.

Широко распространенное в СТРС озвончение *c > з* отмечается в положении между гласными и после звонких согласных, особенно сонорных (*Сализер, Улазарка; Вонзур, Лавзорка, Сензора, Явзора, Ялзор; Согзар*). Трудно сказать, возникло это явление на русской почве или оно отражает медиализацию глухого согласного, которая произошла еще в языке-источнике (языках-источниках). Не менее сложно интерпретировать появление *e* в форманте: очевидно, это происходило под влиянием предшествующих гласных переднего ряда (*Елесера, Лембесера, Кумбисер*), причем ассимиляция типа **Лембесара > Лембесера* могла произойти и в русском языке. Из других фонетических изменений

отметим ассимиляцию русского происхождения *-сара* > *-шара*, *-шера* (*Кушкушара*, *Шунушера*).

В топонимическом употреблении неоднократно засвидетельствованы названия рек *Сара*, *Сарка*, *Сарица* и *Сора*, *Сорка*, реже – *Свара* и *Свора*. Все эти топонимы отмечены в юго-западной части региона (только *Свора* в басс. Емцы), причем *Сора* в основном между Белым озером и оз. Кубенским, *Свара* – в районе оз. Лача. Это наглядно иллюстрирует правильность выделения форманта, а также вторичность форм с *-е-* и *-э-*. Топонимы с начальным *св-* отражают дифтонгические гласные (*сва-* < **sua-*, *сво-* < **suo-*).

Для установления значения детерминантов большое значение имеет лексика русских народных говоров. В картотеке ТЭ зафиксированы: *сора* «развилка дорог; место слияния рек» (Бел), *сорица*, *сорицы* (мн.) «место слияния рек» (Бел), *свара* «слияние рек» (Карг). Эти данные позволяют уточнить значение широко употребляемого в топонимии географического термина: *сора* – не всякая небольшая речка, а «один из истоков реки», «рассоха», «место слияния истоков» и т. п.

~ Фин. *saara*, карел. *šoara*, *šuara*, ливв. *šoaru*, *šuaru*, люд. *suar*, вепс. *sar* «разветвление, ветвь» [SKES: 937];ср. вепс. *sara* «разветвление» [СВЯ: 497]; ср. также саам. Патсйоки *suərr*, Нотозеро *suorr*, Кильдин *sūrr* «ветвь, развилка», (Нотозеро, Кильдин) «ответвление реки» [KKS: 534-535].

Наиболее интересны вепсские и саамские данные, так как формы с *š* явно более поздние. Вепс. *sar* важно для объяснения вариантов *-сар*, *-сарь*, хотя нельзя исключить определенное воздействие (особенно в письменных формах) и со стороны названий с детерминантом *-сарь* «остров» (см. 3.1.2.). Для варианта *-сора* находим точное соответствие в прасаам. **sōrē* «ветвь» [YS: 128]. Формы на *-сур*, *-зур* тождественны саам. Кильдин *sūrr*.

Таким образом, названия с детерминантами рассматриваемого типа могут восходить как к прибалтийско-финским (*-сара*), особенно вепсским (*-сар*, *-сарь*), так и саамским источникам (*-сора*). Что касается гидронимов на *-сур* в юго-восточной части РС (карта 3), то, несмотря на

саамский облик, возможна их связь и с каким-то языком северофинского типа, для которого были характерны утрата конечных согласных и сужение гласных (ср. -юг).

Реликты употребления географического термина **sar(a)* и детерминанта *-сара* засвидетельствованы в вепской гидронимии (многочисленные реки с названием *Cara* [Муллонен 1988: 28; 1994: 61-62]). В ливвиковской топонимии «термин представлен обычно в качестве одного из компонентов сложных слов *joven(joen)šuaru, ojanšuaru, tiešuaru*» [Мамонтова, Муллонен 1991: 88]. В Пудожском районе Карелии есть реки *Anusara, Lepcara, Matcara*. Ср. также в Вотской пятине: «на речке на Коксари», «на речке на Сосари», «на речке на Мендосари», «на речке на Тарвисари», «деревня на Мустосари» [ПОКВП 1851: 67, 86, 217, 346, 396].

Несомненно связаны с субстратной гидронимией РС названия рек *Лупсарь, Немсарь*, а также *Белая Сара*, свидетельствующие о проникновении прибалтийских финнов в северные районы Костромской области. Не менее показателен и одиночный гидроним *Савосара* в басс. Усы (Республика Коми), указывающий на проникновение прибалтийских финнов (или саамов, если в основе **Savosora*) по водным путям очень далеко на восток от мест их былого обитания на РС.

Труднее решить вопрос о характере связей названий этого типа в СТРС с гидронимами ИМЗ на *-кор* (*Нуккор*), *-сур* (*Нынсур*), *-чур* (*Винчур*), *-чура* (*Ванчура*), *-шур* (*Мокшур*) и т. п., которые, по-видимому, восходят к пока не установленным финским источникам и могут иметь какую-то степень родства с субстратными гидронимами на *-сур* в юго-восточной части РС. Напротив, название р. *Cara* близ оз. Неро (ИМЗ) – еще одно свидетельство инфильтраций прибалтийских финнов в самых различных направлениях от территорий их первоначального местожительства.

– К.-зыр. [Sjögren 1861: 300, 317, 319; Европеус 1868: 65], угор. [Европеус 1874: 8, 13], перм. [Смирнов 1891: 43, 52], к.-зыр. [Kalima 1927: 53], финск. или уральск., но не западнофинск. [Vasmer 1934: 428],

не перм. и не саам. [Vasmer 1935: 573; 1936: 41], фин., вепс. и саам. (Кильдин, Нотозеро) [Попов 1947а: 313; 1948в: 171].

3.2.2. Детерминанты ограниченного распространения

-важ-

Плотный ареал гидронимов с этим детерминантом (варианты *-важс*, *-ваши*, *-бажс*, *-баши*, *-мажс*, *-маши*, *-вежс*, *-безжс*, *-межс*, *-мижс*) находится в юго-восточной части региона (84 названия). Почти все наименования такого рода зафиксированы в прямоугольнике устье Ваги – верховья Пинеги – устье Сухоны – вершина Ваги, при этом, однако, обращает на себя внимание почти полное их отсутствие в бассейнах Устьи и Кокшеньги (карта 3).

Названия на *-важс* (*Игловажс*, *Кестважс*, *Поважс*, *Роважс*, *Ухважс* и др.), засвидетельствованные на юго-востоке РС, не следует смешивать с находящимися в бассейнах Вашки и Мезени (Леш), коми гидронимами на *-важс* (*Косважс* – к.-зыр. *кос* «сухой», *Ойважс* – к.-зыр. *ой* «ночь», «север»), *-вожс* (*Лунвожс* – к.-зыр. *лун* «день», «юг», *Ойвожс*), *-вожса* (*Байдвожса* – к.-зыр. *байд* «кива», *Егырвожса* – к.-зыр. *егыр* «болотистый лес»), в которых к.-зыр. *вожс* – «ветвь», «приток», *важс* (в ранних заимствованиях) и *вожса* – формы, усвоенные русскими (см. [Матвеев 1965б: 31-34]). В нижнем течении Вычегды также встречаются названия на *-важс*, которые относятся к коми топонимии (*Керважс* – к.-зыр. *кер* «бревно», *Лёкважс* – к.-зыр. *лёк* «злой», «плохой»).

Напротив, названия на *-бажс*, *-баши* и т. п. на западе Вологодской области (8 наименований), зафиксированные преимущественно близ Кубенского озера и на смежных территориях (*Римбажс*, *Юмбажс*; *Аламбаш*, *Ромбаш* и др.) могут быть связаны с гидронимией на *-важс* юго-востока РС.

Терминологический характер форманта не подлежит сомнению: во-первых, формант характеризует только гидронимы, во-вторых, название притока Мезени р. *Вашка*, примыкающей в своих верховьях к ареалу *-важс* с востока, ранее писалось *Важска* [ACBP III, № 15, 1471 г.], что позволяет видеть в этом гидрониме случай топонимического упот-

ребления термина *važ, осложненного русским суффиксом -ка (*Важ-ка*) [Matvejev 1966: 417-419], а ограничивающая ареал с запада р. *Vaga* до сих пор именуется местным населением *Важска*, что позволяет допустить обратное словообразование *važ > *Важ > Важска > *Vaga*.

Несомненен вторичный характер формантов -ваши, -бажс, -баш, -мажс, -маш, восходящих к -важс. Корреляция в ~ б ~ м при комбинаторных изменениях обычна, и действительно во многих случаях изменение в > б и в > м фонетически обусловлено (*Вадъбажс* < **Вадъважс*, *Томбаш* < **Томважс*, *Мармажс* < **Марважс*, *Муртмаш* < **Муртважс* или **Мурдважс* и т. п.). Что касается колебания ж / ш в исходе, то оно, видимо, связано с неточной фиксацией (если топоним не был засвидетельствован в косвенном падеже, то регистрируется закономерное оглушение ж > ш).

Вместе с тем возможно, что среди включенных в список названий на -важс есть топонимы, которые принадлежат к ареалу -важс, но не относятся к этому типу и допускают иное членение на основу и формант (ср. *Ле-важс* и *Лев-ажс*, *Шом-баш* и *Шомб-аш*, *Урто-мажс* и *Уртом-ажс* и т. п.). Установить истину затруднительно, однако количество таких названий вряд ли велико, тогда как тождественность большинства рассматриваемых гидронимов подтверждается общностью ареала, в пределах которого основной вариант названий на -важс (*Астважс*, *Пускважс*) встречается несравненно чаще, чем другие варианты (см. табл. 9).

Табл. 9

Вариант	Количество фиксаций	Вариант	Количество фиксаций
-важс	36	-маш	4
-ваши	3	-вежс	16
-бажс	2	-безжс	4
-баш	6	-межс	5
-мажс	2	-мижс	6

Всего 84 названия.

Западновологодские названия (8 фиксаций) почти всегда имеют детерминант с начальным б (-баш – 5 фиксаций, -бажс – 2). В одном случае засвидетельствовано -вежс (*Цивежс*). Преобладанию вариантов

-баж, -баш явно способствовало распространение на этой территории рус. б в соответствии с субстр. *w (см. 2.3.1.).

Вопрос о том, как соотносятся названия на -важ и -веж (-баж, -меж), очень сложен. Поскольку детерминант -веж, который является чисто гидронимическим, распространен в ареале -важ, и в пределах этого ареала нет никаких следов отражения термина *vež в топонимическом употреблении (*Веж), гидронимы на -веж следует считать вариантом названий на -важ, а форманты -баж, -меж должны рассматриваться как преобразования -веж. Количественные данные (см. табл. 9) также указывают на то, что основными вариантами являются -важ и -веж при исходном -важ. Колебания согласных в начале форманта ($\text{в} > \text{б} > \text{м}$) и в его исходе (ж / ш) должны при этом объясняться точно так же, как и колебания согласных в форманте -важ, хотя их причины не всегда ясны, ср. Амбаж, но Арбаж.

Есть еще одно обстоятельство, которое не позволяет считать -веж самостоятельным формантом, независимым от -важ: случайное совпадение столь близких в фонетическом отношении детерминантов в пределах ограниченного ареала маловероятно¹. Трудность состоит в том, как интерпретировать соответствие -важ ~ -веж.

Может быть предложено следующее объяснение: гидронимия на -важ представляет собой весьма древний субсубстратный тип, который затем подвергся воздействию со стороны субстратного языка с сингармонизмом, охватившему и формант. Но поскольку гласный e сам по себе нейтрален по отношению к сингармонизму, вся эта концепция будет удовлетворительна только в том случае, если допустить, что $e < *ā$. На такую возможность как будто бы указывают колебания Саковеж ~ Саковяж, Цивеж ~ Цивяж. В то же время гидронимы Авдовеж, Матвеж, Саковеж фонетически явно не соответствуют высказанному предположению. С другой стороны, хорошо известно, что система сингармонизма передается субстратной топонимией крайне непоследователь-

¹ Хотя некоторые гидронимы на -веж могут объясняться различными способами. Так, многочисленные названия рек Сивеж (9 фиксаций), учитывая фин. suvā «глубокий», могут члениться *Сив-веж > Си-веж и Сив-еж.

но [Марадудина 1965]. В пользу предположения о сингармоническом воздействии свидетельствует также небольшое гнездо гидронимических названий на *-миж* (*Нюньмиж*, *Нюхмиж*, *Симиж* и др.), которые зафиксированы в северной части ареала *-важ*, где нет названий на *-веж*. В этих названиях следы сингармонизма более отчетливы, а сам формант может рассматриваться как переработка **-виж* в фонетическом и ареальном отношениях хорошо соотносимого с *-веж*.

Гидронимы рассматриваемого типа, характерные для юго-востока РС, спорадически встречаются также значительно южнее и юго-восточнее, ср. *Ворваж*, *Сивеж* (Костр), *Ацвеж*, *Летоваж*, *Южковаж* (Киров) и др. Распространение названий этого типа за пределами региона предстоит еще уточнить. Проблематична также принадлежность их и наименований на *-важ* на территории РС к общему источнику. Еще более дискуссионна связь гидронимов на *-важ* и наименований рек на *-бож* (с многочисленными вариантами) на территории ИМЗ, однако эта проблема несомненно достойна обсуждения (постановку вопроса см. [Матвеев 1996: 7-8; 1998: 93-94]), тем более что и западновологодские гидронимы на *-баж*, *-баш* могут быть соотнесены с мерянским материалом.

Возможны два пути этимологизации форманта *-важ*: 1) ~ мар. *важ*, *војж* «корень» [СМЯ, 1: 257], вост. *βož* «ветвь», «корень» [OTschW: 13]; 2) ~ к.-зыр. *војж* «ветвь, ветка, отросток, ответвление; развилина; приток, бассейн» [ССКЗД: 55], к.-перм. *војж* «ответвление», «развилина», «приток» [КПРС: 77], удм. *војж* «устье», «перекресток» [УРС: 86].

Этимологи пока расходятся во мнении, родственны ли марицкое и пермское слово или относятся к разным корням (подробности см. [Гордеев 1983: 12-15; КЭСК: 60, 69-70]). Во всяком случае у этих слов одна исходная семантика – «ветвь» («корень», тоже «ветвь», только подземная). Как марицкое, так и коми слово употребительно в качестве топонимического детерминанта, ср.: мар. *Аржеваж* «Исток Аржи», *Кожвож* «Еловый исток», *Шимваж* «Черный исток» и т. п., коми *Косвож* «Сухой приток», *Лунвож* «Южный приток», *Ниавож* «Листвен-

ничный приток» и т. п. На наш взгляд, гидронимы с детерминантом *-важс* восходят к одному из древних северофинских языков и были усвоены первоначально прибалтийскими финнами, а уже затем русскими, или к какому-нибудь пермскому языку, топонимия которого была воспринята прибалтийскими финнами.

Этимологизация основ названий на *-важс* связана с большими трудностями, поскольку язык этих названий явно утратил конечные гласные в двухсложных словах, что характерно как для марийского, так и для пермских языков, и вследствие этого на стыке основы и форманта *-важс* возникало стечение согласных, которое устранилось ассимиляциями и дierезами, приводившими к деформации основ.

Интересная трактовка детерминанта *-важс* и его вариаций была предложена А.Л. Шиловым, объединившим гидронимы этого типа с распространенными на северо-западе России (= Северо-Западе) названиями на *-вжса*, *-вожса*, *-вежсь*, *-веч* и т. п., которые находят объяснение в фин., карел. *vesi*, вепс. *vezi*, ливв., люд. *vezi* и т. п. «вода» [Шилов 1997: 45; cf. Vasmer 1934: 375, 389, 391; Попов 1948б: 105-106]. Все же с этой версией трудно согласиться, учитывая следующие соображения: 1) ареал *-важс* географически удален от аналогичных названий на Северо-Западе, общность этих наименований еще следует доказать; надо также иметь в виду, что в ареале *-важс* прибалтийско-финская топонимия представлена слабее, чем на западе и северо-западе региона; 2) основная форма *-важс* вообще не засвидетельствована на Северо-Западе; 3) на прибалтийско-финской почве возникновение гласного *a* в соответствии с *e* в фин. *vesi* необъяснимо, так как соответствие приб.-фин. **e* – субстр. **a* в данном случае не имеет силы: оно действует, когда фин. *e* коррелирует с эст. *õ*, cf. фин. *merta* «вершина, мережа», *vehka* «трилистник (растение)», *vehmasto* «очень густой лиственный лес или кустарник» и соответствующие русские диалектные заимствования *мярда*, *вахка*, *вагмас*, а также эст. *mõrd*, *võhk*, *võhmas* (подробности в [Матвеев 1972б]); кроме того, в этом случае затруднительно интерпретировать вариант *-вежс*; 4) варьирование вокализма в форманте объяснимо, если считаться с прибалтийско-финским усвоением непонятных субстратных слов, ко-

торые воспринимались как непроизводные, между тем в прибалтийско-финском языке-источнике составные части сложного топонима не объединяются гармонией гласных, поэтому варьирование форманта на такой основе невозможно; 5) фонетическая структура детерминанта (-CVC) необычна для прибалтийско-финских названий СТРС, в которых преобладают структуры -CVCV, -CVCCV, но аналогична детерминантам таких наименований восточной части региона, которые нельзя признать прибалтийско-финскими, как -юг (-CVC) и -сур (-CVC) (см. 3.2.1.); с другой стороны, при усвоении слова с фонетической структурой CVCV (*veži) ожидались бы в русской топонимии образования типа *Омовжса*, ср. название прибрежного урочища *Верковжса* (Карг) «Сетевая вода» (фин. *verkko*, карел. *verko*, вепс. *verk* «сеть»); 6) в гидронимах на -важ ни разу не зафиксирован звук х (< h), характерный для прибалтийско-финских субстратных названий; 7) типовые прибалтийско-финские основы (*вехк-*, *муст-*, *хаб-* и т. п.) не представлены в названиях на -важ.

– Удм. (Вятск) [Смирнов 1890: 8-9], мерян. ~ мар. (ИМЗ) [Vasmer 1935: 557, 559, 579, 587], перм. (PC) [Vasmer 1936: 235], приб.-фин. [Шилов 1997: 4-5].

3.2.3. Детерминанты, образующие рифмованные сегменты *-енгарь* (карта 3)

Названия с этим детерминантом встречаются в среднем течении р. Устья, правого притока Ваги, между с. Орлово и пос. Квазеньга (Уст). Хотя в пределах среднеустьянского микрорегиона отмечен ряд специфических формальных типов – на -бал(о), -курга и др., наиболее многочисленны гидронимы на -енгарь. К настоящему времени их выявлено 15. Это, как правило, названия небольших речек и ручьев, которые и приводятся ниже в наиболее употребительном варианте: *Ваненгарь*, *Коненгарь*, *Куберенгарь*, *Кулангерь*, *Кунангирь*, *Куненъгарь*, *Лапонгерь*, *Моткангарь*, *Ошенгерь*, *Пыженгор*, *Синенгарь*, *Сюнгирь*, *Унысынгарь*, *Шишенгерь*, *Юченгарь*.

Как видно из этого перечня, находящийся в слабой позиции гласный второго слога варьирует (ср. *Ошенгарь*, *Ошеньгерь*, *Ошингерь*,

Ӧшинъгеръ, *Ӧшингирь*, *Ӧшингаръ*), тем не менее в большинстве названий начальным гласным форманта является *e*. Поэтому вариант *-енгарь* и рассматривается как основной. Варианты *Вангирь* (< *Ваненгарь*) и *Куньгеръ* (< *Куненъгарь*) возникли в результате синкопы гласного *e* и последующего *нн > н*.

Детерминант *-енгарь* сопоставляется с мар. энер «речка» [МРС: 774], мар. горн. *ӈңыр* «ручей, маленькая речка» [СГНМЯ: 14], а также мерянскими названиями на *-ингирь* (*Ухтынгирь*, *Шачингирь*).

Названия на *-енгарь* имеют большое диагностирующее значение, поскольку соответствующий марийский термин противопоставляет этот язык всем другим финно-угорским языкам, кроме мерянского. Но возникает вопрос, марийцам или меряням принадлежат среднеустьянские названия на *-енгарь*. Предположение о том, что они восходят к какому-то третьему языку, можно будет выдвинуть только в том случае, если на поставленный вопрос мы не сумеем получить достаточно обоснованный ответ: ведь у нас нет данных о том, что такие названия были еще у какого-либо народа, кроме мерян и марийцев.

Поскольку характерные для этой микротерритории названия на *-бал(о)* (см. 3.1.1.) и *-курга* (см. ниже) не имеют параллелей в марийской топонимии, но находят соответствие в географических названиях РС на *-поля* и *-курья* (см. 3.1.1.), а также в мерянской топонимии, больше оснований считать их мерянскими, перенесенными на РС в результате миграции.

-курга (карта 3)

В микрорегионе среднего течения Устьи зафиксировано гнездо гидронимов с детерминантом *-курга* (*Кочкурга*, *Мяткурга*, *Пишаткурга*, *Шаткурга* и, по-видимому, *Палтурга* < **Палткурга*). Детерминант *-курга* явно имел в языке-источнике значение «небольшая река, речка». О.В. Востриков считает, что в его основе может быть волжско-финское слово типа морд. *курго* «рот», «отверстие», мар. *көргө* «нутро», «внутренность» [Востриков 1979: 65-66], однако более вероятно, что он представляет собой модификацию детерминанта *-курья*, широко распространенного в финно-угорской топонимии.

ненного на РС (см. 3.1.1.), связанную с мерянским языком. Это сопоставление кажется убедительным в свете совпадения «рифмованных сегментов» *-курга* и *-енгарь*, а также существования мерянских названий на *-курга* (*Курга – Ликурга, Никурга, Якурга*) и *-кур*, *-кура* (*Кура, Куро – Качкур, Печкур; Вишкура, Печкура* и т. п.).

На РС детерминант *-куръя* также иногда прилагается к небольшим рекам. Поскольку исходное значение детерминанта *-куръя* – «речной залив», такое семантическое развитие («старичное озеро», «старица» и «речка») закономерно.

Исходя из того, что детерминанты *-курга*, *-куръя*, *-кур(a)* лингвогеографически находятся в отношении дополнительной дистрибуции, можно предположить, что в топонимии мери отражены два родственных диалектных слова **kur(a)* и **kurga*, которые в СТРС соответственно предстают в детерминантах *-куръя* и *-курга*. При этом в мерянских землях модификация *-курга* (*Курга*) характерна для северо-восточной (Костромской) зоны, а на территории РС для микрорегиона Средней Устьи, что, видимо, обусловлено миграционными процессами. Подчеркнем, однако, что ареал *-куръя* на РС рассматривается нами как родственный мерянским названиям, но вряд ли собственно мерянский. Исходя из соображения, что мерянский представлял собой промежуточное звено между древними саамскими и марийскими наречиями, этот ареал следует связывать либо с саамскими, либо с севернофинскими данными.

Основная трудность состоит в интерпретации соответствия *j – γ*, тем более что направление эволюции определить трудно. Широко распространен фонетический переход *g > γ > j (i)* [Серебренников 1974: 139, 147]. В то же время наблюдается и *j > g'* в среднем диалекте вепсского языка [Зайцева 1981: 27], ср. фин. *syrjä* «край», «сторона» и вепс. *sürg* – название деревни (= фин. *Syrjä*) [SKES: 1148], а также наименование г. *Сюрьга* (Он) и быв. д. *Сюрьга* (Выт). Как бы то ни было, фонетически связь *-куръя ~ -курга* на уровне языков субстрата объяснима. Любопытны и окказиональные фиксации *Ночурга, Печурга* вместо *Ноч-*

курья, Печкурья в микрорегионе Кубенского озера [ТЭ], позволяющие задуматься о возможности $j > \varepsilon$ на русской почве.

В устьях Сев. Двины наряду с многочисленными наименованиями на -курья зафиксировано и название речки Шапкурга (Прим). В письменных источниках эта речка регулярно именуется Шапкурья. Название Шапкурга могло возникнуть из *Шапкурья или *Шабкурья, хотя следует иметь в виду и возможность прямой связи со среднеустынскими гидронимами на -курга, так как в низовьях Сев. Двины засвидетельствованы названия саамско-северофинского типа. В этом случае Шапкурья – результат втягивания в ряд. Так или иначе, перед нами хорошая иллюстрация связи детерминантов -курга и -курья.

3.3. Форманты лимнонимов

На большей части РС множество озер. Их почти нет только на юго-востоке. Однако субстратные лимнонимы дошли до нас главным образом в виде полукаек с русским детерминантом -озеро, что во многом препятствует их лингвоэтнической идентификации. Можно по-разному объяснить преобладание именно такого вида адаптации применительно к названиям озер, но несомненно этому способствовал и пелинейный (в отличие от рек) характер объектов.

Тем не менее в некоторых случаях субстратные детерминанты сохранились, а их идентифицирующая роль очень велика: обозначение озера в уральских языках является ярко дифференцирующим и представляет для топонимических разысканий исключительный интерес, поскольку западнофинское и волжское слово (фин.-карел. *järvı*, саам. *jawre*, мар. *jär*, *jer*) противостоит пермскому (коми *ты*), угорскому (венг. *tó*) и самодийскому (ненец. *to*), т. е. эта лексическая изоглосса разделяет уральские языки на две ареальные области: финскую – западную и пермско-угорско-самодийскую – восточную. Следовательно, изучение вопроса об отражении названия озера в субстратной топонимии РС может сузить возможности ее лингвоэтнической интерпретации.

Изучение названий озер показало, что в субстратной топонимии нет никаких следов «озерного» термина, характерного для пермско-

угорско-самодийской зоны (коми *ты*, венг. *tő*, ненец. *to*). Только на крайнем юго-востоке Архангельской области в бассейне нижней Вычегды среди других коми топонимов и микротопонимов были зафиксированы и названия озер на *-ты* (*Лыаты* «Песчаное озеро», *Шойнаты* «Могильное озеро»). Эта нижневычегодская топонимия в настоящее время является субстратной, но она органично примыкает к массиву названий Республики Коми и явно позднего происхождения [Туркин 1972].

Обнаруженные в СТРС озерные названия с субстратными детерминантами образуют две группы – лимнонимов на *-Vgr(V)* и на *-(C)Vp(V)*.

-Vgr(V)

Детерминант *-Vgr(V)* очень редок. Достоверны лимнонимы в пойме Сев. Двины: *Копогра* (В-Т), *Мачегра* (Вин), *Оногра* (Холм), *Рушалда* (Холм) < **Rushagra* < *Rushaygrъ* [ДГ, № 14], *Сологрово* (В-Т), *Тотогрово* (В-Т), а также *Суегра* близ Мошинского озера (Нянд). Кроме того, есть несколько наименований деревень (или их частей), а также урошищ: *Килегра* (Нянд), *Матегры* (Уст), *Потегры* (Холм), *Самовегра* (Пин), *Чавегры* (В-Т). Их принадлежность к лимнонимам проблематична. Столь же дискуссионно и выделение детерминанта *-Vgr(V)* в гидрониме *Вытегра*, хотя метонимический перенос в этом случае вполне возможен (Вытегра – приток Онежского озера). Наконец, надо упомянуть наименования озер *Амбурга* (Прим), *Коначерга* (Пин), *Хивтерга* (Нянд), *Шуморга* (Карг), в которых могла произойти метатеза. Надежных фактов мало, и какие-либо выводы о распространении этих лимнонимов делать трудно, хотя обращает на себя внимание прикрепленность большинства названий к прибрежьям Сев. Двины. По этой же причине трудно судить и о деталях адаптационных процессов, но появление гласного в конце названий несомненно связано с необходимостью усвоения группы согласных *-gr* (то же происходит и в Поочье, ср. *Кочихра*, *Сезехра*), а колебания гласного в анлауте форманта обусловлены влиянием вокализма основы или предшествующим согласным.

Несмотря на ограниченный материал, исходная форма детерминанта в русском языке *-ягр* и его значение восстанавливаются достаточно надежно, во-первых, по фиксации XV в. «Рушеягръ озеро», а также прямому указанию в документе XVII в., что «исстари де реки Оногры не было, только де было озеро Оногро» [СГКЭ II, № 100]; во-вторых, по многочисленным наименованиям «озерных» рек с основами *ягр-* (*Ягрэма, Ягрова, Ягрыш*) и *яхр-* < **ягр-* (*Яхренъга* < **Ягренъга*), образующих северную часть обширного ареала, охватывающего на юге территории вплоть до бассейна Клязьмы, где распространены мерянские гидронимы с основой *яхр-* и детерминантом *-(V)xp(V)* [Матвеев 2001]; в-третьих, по фиксациям в зоне распространения этих названий местного географического термина субстратного происхождения *ягра* «яма с водой» [ТЭ], усвоенного русским населением с хорошо объяснимым сужением значения («озеро» > «яма с водой»). Все эти факты указывают на существование в зоне СТРС языка (языков), в котором можно реконструировать обозначение озера в виде **jagr*, **jayr* или с передним вокализмом – **jägr*, **jäyr*.

Восстановленная форма несомненно связана по происхождению с финно-волжским словом, сохранившимся в фин. *järvi*, саам. *jawre*, морд. *erke*, мар. *jär, jer* «озеро» [SSA 1: 259]. Реконструированное **jagr*, **jayr* (**jägr*, **jäyr*) обнаруживает, во-первых, особую близость к саам. *jawre* ввиду возможного **g(y)* > *w* и к мар. *jär, jer* в связи с допустимым **g* > *γ* > *γ̊* > *ø*, а во-вторых, позволяет сопоставлять финно-волжский термин с такими индоевропейскими словами, как прасл. **jezero*, литов. *ežeras*, др.-англ. *ēagor* «море» (см. [Семерены 1967: 18-19; Матвеев 1969в: 53]). Вне зависимости от решения этого непростого вопроса реконструированная форма объединяет саамский язык с марийским, а также с мерянской топонимической основой *яхр-* «озеро» (подробнее см. [Матвеев 2001]). Вследствие этого детерминант *-ягр* целесообразно рассматривать как северофинский, что подтверждается такими северофинскими названиями, как *Яхренъга*.

– Угор. [Европеус 1874: 12], саам. (заволочское) [Попов 1947а: 240-241, 276; 1965: 118], *-ягр* ≠ «озеро» [Серебренников 1970: 57-58].

К настоящему времени выявлено 70 лимнонимов с этим детерминантом. Они очень многообразны. Наиболее частотны варианты *-вера* (*Викивера, Сетивера*) – 10 фиксаций, *-ар* (*Аштар, Кинар*) – 9, *-ер* (*Мачер, Почер*) – 9, *-ор* (*Кипор, Шубор*) – 9, *-еро* (*Кылмачеро, Седоро*) – 8, *-яр* (*Сорояр, Ухтомъяр*) – 6, *-арь* (*Лыдарь, Пузарь*) – 4, *-ера* (*Онера, Плистерера*) – 4. Лимнонимы на *-ара*, *-ари*, *-вар*, *-вер*, *-ерь*, *-ора*, *-яра*, *-яро* засвидетельствованы в 1-2 случаях, при этом названия на *-вер* (*Кысковер, Чудевер*) встречаются в той же зоне, что и наименования на *-вера*, а на *-яра* (*Кояра*), *-яро* (*Бояро*) там же, где названия на *-яр*.

Этимологически все эти лимнонимы связаны с фин., карел. *järvi*, люд. *d'ärv*, вепс., эст. *järv* «озеро» = саам. *jawre*, морд. *erke*, мар. *jär, jer* «то же» [SSA 1: 259]. Лимнонимы с соответствующим географическим термином широко распространены как в прибалтийско-финской и саамской, так и волжско-финской топонимии.

На первый взгляд, ближе всего к субстратному детерминанту мариийские данные, однако надо иметь в виду, что *-ке* в мордовском рассматривается как словообразовательный суффикс, а в прибалтийско-финской и саамской топонимии детерминант нередко редуцируется в *-arvi, -ar'(v), -ar'* и т. п. (см. [Nissilä 1962: 92-96; 1967: 22, 37, 39; Мамонтова 1982: 114; Муллонен 1988: 35-37; 1994: 17]). Кроме того, в процессе русского усвоения могло происходить изменение гласных (напр., *-ар* > *-ор*), а также появление вставного *в* при исчезновении *ј* и возникновении зияния (ср. *Буеро* и варианты формы *Буерко* и *Буверка*). Колебания гласных в ауслауте (ср. *-ер, -ера, -еро*) – результат русского морфологического усвоения. Таким образом, субстратные формы в значительной степени нивелированы и их трудно дифференцировать, хотя они в основном находятся в зоне прибалтийско-финской и саамской субстратной микротопонимии и микрогидронимии, где обычны гидронимы с формантами *-ой, -оя, -уй, -уя, -бой, -буй* (см. 3.2.1.).

Из лингвогеографических наблюдений наиболее существенны: 1) отсутствие лимнонимов с детерминантом $-(C)Vp(V)$ в районе озер Воже и Лача, что пока не удалось интерпретировать; 2) локализация

названий на *-вер(a)* в басс. Пинеги и в значительно меньшей степени в нижнем течении Онеги, что, возможно, указывает на форму **er* в языке субстрата (но может быть и результатом русской переработки **jer*); 3) совпадение ареала детерминанта *-(C)Vp(V)* в Белозерье с южной частью массива гидронимов на *-бой*, *-буй*. Этот факт представляет значительный интерес и на нем следует остановиться подробнее.

В Белозерском крае выявлено 20 названий с детерминантом *-(C)Vp(V)* и хотя его модификации многочисленны (*-яр*, *-яра*, *-яро*, *-ар*, *-арь*, *-ер*, *-оро*, *-ор*) памятники указывают на первичность варианта *-яр*,ср. **Качемъяр* < «солмас¹ Качемъярской» [AC I, № 204], *Коръяр* [ACBP II, № 15], *Лукъяр* [ACBP II, № 290], *Сорояр* [ACBP II, № 322], *Шидъяр* [ACBP II, № 15]. Казалось бы, детерминант следует восстанавливать в виде **-яр*, поскольку нет никаких следов ни согласного *в*, ни конечного гласного, однако не исключено, что первоначально он все-таки имел вид **-ярв*. На это указывает памятник 1557 г.: «А межа Ярбозерским (выделено мною – А.М.) пашням з Заболотскими солмас Качемъярской» [AC I, № 204]. Таким образом, детерминант *-яр* сближается с прибалтийско-финскими данными. В то же время существенно, что ареал лимонимов на *-яр* и т. п. примыкает к Белому озеру с южной стороны и совпадает с зоной гидронимов на *-бой*, *-буй* (см. 3.2.1.) только частично, поскольку эта зона простирается в северном направлении вплоть до озера Воже. Напрашивается вывод, что названия на *-бой*, *-буй* и *-яр* и т. п. имеют разные источники. Вместе с тем лимонимы *Бояро* и *Буero* (<? *бой*, *буй* + *яр*, *ер*) как будто бы указывают на общность происхождения этих названий. Одно из возможных объяснений состоит в том, что лимонимы на *-яр* и т. п. являются хронологически более поздними, на что указывают и такие сложения как озеро *Ухтомъярское* и упомянутый солмас *Качемъярской* с явно неприбалтийско-финскими основами **ухтом-* и **кач-ем-*.

В целом детерминант *-(C)Vp(V)* предположительно может рассматриваться как прибалтийско-финско-саамский, хотя в ряде случаев

¹ Нарцательное *солмас* – «пролив» (= финн. *salmi*).

пока нельзя исключить и его волжско-финское происхождение,ср. *Ma-cher* (Уст), где *-er* сопоставляется с мар. *er* «озеро», а *mach-* с *macha* «котцы».

Белозерские названия на *-яр* возможно принадлежали какому-то прибалтийско-финско-саамско-волжскому языку, точное положение которого определить трудно. Может быть, они были вепсизированы.

– Угор. [Европеус 1874: 12], приб.-фин. [Vasmer 1934: 369, 373, 381, 383; Попов 1948в: 169], приб.-фин., саам. [Попов 1965: 118].

4. К лингвоэтническому членению субстратной топонимии Русского Севера

Анализ топонимических детерминантов и словообразовательных формантов свидетельствует о том, что по крайней мере верхний пласт СТРС восходит к финским языкам. Иногда даже можно предположить, какие именно эти языки. Однако получить надежные доказательства и тем самым подготовить базу для проникновения в глубинные слои СТРС можно только после сплошной этимологизации субстратных топонимов, основанной на микрорегиональном подходе. Это требует предварительного членения СТРС на микротерритории, которые в ходе дальнейшего анализа основ и их сопоставления с формантами естественно будут уточняться. В основу такого членения могут быть положены, во-первых, сопоставительный анализ формантов и, во-вторых, выборочное картографирование дифференцирующих основ, т. е. фактически составление фрагмента лингвоэтнической карты региона. Непротиворечивость результатов будет свидетельствовать об адекватности методических приемов и правильности лингвоэтнического членения хотя бы в его основных чертах.

4.1. Сопоставительный анализ формантов

Сопоставление формантов микротопонимов и ойконимов СТРС (3.1.) приводит прежде всего к выводу, что юго-восточная граница сплошного распространения прибалтийско-финско-саамских микротопонимических формантов идет по линии Кубенское озеро – оз. Лача –

утье р. Устья – р. Верхняя Тойма – р. Илеша (карта 1). Намного реже названия с этими формантами встречаются между указанной границей и р. Сухона.

Поскольку сохранилась только некоторая часть субстратной микротопонимии и еще меньшее количество субстратных микротопонимов с формантами, причем судьба того или иного типа могла быть различной, значение лингвогеографических данных о том или ином форманте для лингвоэтнического районирования РС далеко не одинаково и зависит от того, какая часть древнего ареала уцелела и насколько он плотен. Могут быть разные случаи. Так, редкие и рассеянные почти по всему региону названия на *-вар(a)*, к тому же не обладающие сколько-нибудь значительной дифференцирующей способностью, сами по себе почти бесполезны для лингвоэтнического районирования. С другой стороны, количественно незначительные, но плотные рифмованные сегменты типа *-loydā* и *-charoksa* весьма существенны как лингвоэтнические индикаторы. Высокая варьируемость форманта (*-нем*, *nema*, *-nemo* и др.) также создает значительные трудности, так как возможны различные исходные формы, а, следовательно, и лингвоэтнические источники. В силу всего этого воспроизведенная лингвоэтническая картина только очень приблизительно соответствует реально существовавшей некогда. Анализ гидронимических (3.2.) и лимнонимических (3.3.) детерминантов и основ топонимов (II), а также сопоставление тех и других с формантами микротопонимов в свою очередь позволят уточнить реконструируемую картину и установить, насколько соответствующие форманты могут выполнять роль лингвоэтнических индикаторов, тем более что распространение формантов в мертвых наречиях может не соответствовать их функционированию в живых языках. Поэтому анализ основывается первоначально только на дифференцирующих данных, уточнение которых может произойти в результате обозрения всего материала.

Наиболее многочисленный и местами очень плотный ареал названий широкого распространения на *-нем(a)*, по детерминанту дифференцируемых как прибалтийско-финские, позволяет распространить

зону субстратной прибалтийско-финской топонимии почти на весь РС, кроме бассейнов Кулоя, Мезени, Сухоны и Юга, т. е. кроме северо-востока и юго-востока региона (см. карту 1). В своей основе с этим ареалом совпадает и зона распространения опознаваемых как прибалтийско-финские топонимов со словообразовательным формантом *-Ula*. Кроме того, необходимо иметь в виду, что на северо-западе и севере региона прежде всего фиксируются прибалтийско-финские названия, переработанные в полукальки с русскими детерминантами *-наволок*, *-озера*, *-ручей* и т. п. [Гусельникова 1994], и что отдельные названия прибалтийско-финского типа обнаруживаются на крайнем юге РС в басс. Сухоны (*Ихалица* и др.), свидетельствуя о проникновении прибалтийских финнов и в эти края. В пределах охарактеризованной зоны оказываются также такие дифференцирующие прибалтийско-финские детерминанты широкого распространения как *-ранда* и *-матка*, при этом в юго-восточной зоне зафиксированы наименования *Чуломатка* (басс. Сухоны) и *Иматка* (басс. Юга). Таким образом, прибалтийско-финская топонимия в той или иной степени типична для всей территории РС.

Необходима, однако, существенная оговорка: есть микротерритории, в топонимии которых те или иные варианты детерминанта *-нем(a)* могут быть связаны с саамскими (басс. р. Лая) или саамско-севернофинскими (басс. р. Ерга) источниками.

Форманты *-var(a)* и *-Uma* могут интерпретироваться из разных языков, однако их принадлежность к охарактеризованной выше зоне позволяет допустить, что хотя бы частично топонимы с этими формантами являются прибалтийско-финскими. Заметим вместе с тем, что они иногда выходят за пределы очерченной зоны, ср.: *Игворы* (Кулой), *Ценноварское* (Мезень), *Певар* (Сухона); *Палема*, *Партомы*, *Родома*, *Русома* (Мезень), *Мартомы* (Сухона), *Палема* (Юг). О названиях такого рода см. выше (ср. *Ихалица*).

Очень разнообразны возможности толкования названий на *-Vp(b)ma*, хотя и они в основном находятся в пределах описанной зоны и частично могут принадлежать прибалтийско-финскому или саамскому

пласту (но ср. *Кожарма*, *Куерма* в басс. Сухоны, у которых, видимо, другие источники).

Проблематичны по происхождению и топонимы на *-пола* и т. п. Они распространены в бассейнах Кулоя и Мезени и в целом их география совпадает с ареалом названий на *-курья* в восточной части региона. Это позволяет противопоставить топонимы на *-пола* прибалтийско-финским названиям, тем более что ареал *-курья* хорошо коррелирует на западе с названиями на *-лахта*, *-лохта*, из которых первые (крайний запад региона между Белым озером и устьями Сев. Двины) явно относятся к прибалтийско-финским, а вторые (Белое озеро, оз. Воже, верховья Моши, низовья Пинеги) – предположительно к саамским. Возможно, что названия на *-курья* (за исключением таких, как *Кычанкурья*, связанных с коми языком) и *-пола* восходят к какому-то специальному диалекту заволочских саамов или близким к ним северофинским наречиям. Это согласуется с тем, что в Белозерье им соответствуют наименования на *-пал*, *-бал*, принадлежащие родственникам мерян или белозерским саамам.

Зонам *-лахта*, *-лохта* в основном соответствует распространение наименований на *-пахта* (прибалтийско-финских) и *-похта* (саамских?).

Таким образом, анализ распространения микротопонимов широкого распространения приводит к следующим основным выводам:

1. Топонимы с прибалтийско-финскими формантами распространены по всему РС, но их количество резко уменьшается на северо-востоке и на юго-востоке. Иногда прибалтийско-финские и саамские (?) форманты очень близки (см. *-лахта*, *-матка*, *-пахта* и *-лохта*, *-мотка*, *-похта*).

2. На крайнем западе региона выделяется полоса, в которой отмечены типично прибалтийско-финские форманты (*-лахта*, *-пахта*), не отмеченные в других местах. К этой полосе с востока, включая Белозерье, примыкают коррелятивные названия, которые можно рассматривать как саамские (*-лохта*, *-похта*). Примерно такую же зону, но несколько более широкую, образуют названия со словообразовательным

аффиксом *-VЧ*, который также может интерпретироваться как саамский. Наибольшее скопление названий такого типа находится юго-западнее Белого озера.

3. В восточной части региона (примерно от его восточной границы до линии устья Сев. Двины – Кубенское озеро) распространены названия на *-курья* и *-поля* и т. п., которые предположительно принадлежат саамскому или близкому к нему севернофинскому компоненту, а может быть тому и другому.

Изучение лингвогеографических данных о формантах ограниченного распространения, рифмованных сегментах, а в некоторых случаях и единичных формантах позволяет внести целый ряд уточнений в эту схему.

Прежде всего выяснилось, что почти все этимологически более или менее ясные форманты этих групп сосредоточены на западе региона между устьем Онеги – устьем Ваги – Белым озером, свидетельствуя либо о более позднем освоении этих территорий русскими, либо о более многочисленном местном населении, либо о том и другом. На этой территории может быть выделено несколько микрорегионов.

1. Низовье Онеги (примерно до границы с Плесецким районом), включая Онежскую губу. Здесь фиксируются форманты широкого распространения: *-нем(a)*, *-Ула*, *-вары*, *-Ума*, *-матка*, *-пахта*, *-ранда*; форманты ограниченного распространения и рифмованные сегменты: *-ванга*, *-луда*, *-орга*, *-пелда*, *-поча*, *-сельга*, *-шалга*, *-янга*; единичные названия с формантами: *-вонга*, *-корга*, *-коска*, *-ламба*, *-салма*. Все топонимы этих типов, кроме наименований с *-поча* и *-шалга*, однозначно интерпретируются как прибалтийско-финские и, по-видимому, как карельские. Формант *-шалга* может рассматриваться как русская ретро-субSTITУция. Редкие названия на *-поча* могут относиться к другому лингвистическому материалу. Далее к востоку в устьях Сев. Двины хорошо просматривается прибалтийско-финский (карельский) компонент (названия на *-Ула* и др.), кроме басс. р. Лая, где преобладает саамская (?) топонимия (названия на *-мотка* и др.). Прибалтийско-финские названия с этими формантами в пределах описанного микрорегиона, видимо,

принадлежат позднему прибалтийско-финскому населению, которое проникало на территорию региона по Онеге и Сев. Двине, а также из восточной Карелии.

2. Бассейн р. Моша (пр. Онеги). Форманты широкого распространения: *-нем(a)*, *-Ула*, *-Ума*, *-матка*, *-пахта*; форманты ограниченного распространения: *-ванга*, *-орга*, *-поча*, *-янга*; прочие форманты: *-перти*, *-пуга*. Топонимия интерпретируется как прибалтийско-финская (карельская?). О форманте *-поча* см. выше.

Заметим, однако, что в верховьях Моши имеется скопление формантов других типов: *-курья*, *-лохта* (при отсутствии формантов на *-Ула*, *-Ума*), *-Vч*, *-солово*. Здесь же отмечено единичное *-ринда*. Этот набор формантов указывает на саамскую или близкую к ней топонимию в микротерритории Мошинского озера, что вполне вероятно при кустовом, мозаичном типе расселения на РС.

3. Примыкающий с севера к Мошинскому микрорегиону участок территории по верхнему и среднему течению р. Мехренъя (пр. Емцы) с ее притоком р. Шорда. Здесь фиксируются названия на *-нем(a)*, *-матка*, *-Ума* (редко), *-Ула* (редко), *-луда*, *-пелда* (*-палда*). Это также прибалтийско-финская (карельская?) топонимия.

4. Среднее и верхнее течение Онеги, включая озеро Лача, Ундо-зеро и Кенозеро. Топонимы на *-нем(a)*, *-Ума*, *-Ула* редки. Очень часто встречаются названия на *-лахта*, изредка на *-пахта*, *-поча*, *-ранда*, *-сельга*, *-шалга*, а также *-шелга* (Кенозеро). Это давно освоенный русскими каргопольский микрорегион, где прибалтийско-финская и саамская микротопонимия сильно разрушены. Дольше местное (карельское) население держалось в районе Кенозера, где фиксируются детерминанты *-лахта*, *-шелга*.

5. Район между Белым озером и его притоком Ковжей и Онежским озером (включая оз. Ковжское и Кемозеро). Топонимия этой территории содержит множество прибалтийско-финских элементов, но набор их специфичен. Названия на *-нем(a)* почти не встречаются, очень редки названия на *-Ула*. Отмечены топонимы на *-лахта*, *-Ума*, *-жомса*, *-матка*, *-ранда*, а также *-бонга*, *-конда*, *-корба*, *-лода*, *-луда* (оз. Ковж-

ское), *-орга*, *-янга*. Особенно много наименований на *-кара*, *-сарь*, *-сельга*. Микротопонимы на *-кара*, *-лода*, *-сарь* и *-жома* с определенностью указывают на вепсское происхождение местных названий, хотя возможны и примеси карельской топонимии (*-луда*).

6. Район к западу и юго-западу от Белого озера. Названия на *-нем(a)* обычны. Хорошо представлены наименования на *-лохта*, *-пал* (*-бал*), *-похта* (*-бохта*). Зафиксировано одно название на *-мотка*. Названия на *-Ума*, *-Ула* очень редки. Многочисленны наименования на *-солово* и *-гумузь*. Зафиксирована группа названий на *-лойда*. Несомненен в целом саамский тип микротопонимии (особенно *-лохта* и *-солово*) с включением прибалтийско-финских детерминантов *-нем(a)*, *-гумузь*, *-лойда*. Возможности толкования многообразны: саамский язык с прибалтийско-финскими элементами, прибалтийско-финский (вепсский?) язык, включивший саамские элементы, прибалтийско-финско-саамский адстрат. Подобная же картина (*-лохта*, *-солово*) в ослабленном виде восстанавливается в районе озера Воже.

Таким образом, явные прибалтийско-финские следы обнаруживаются в бассейне Онеги (карельские) и близ Онежского озера (вепсские). С юго-востока по линии Белое озеро – оз. Воже – Мошинское озеро к ним примыкают достаточно четкие следы топонимии саамского типа, образующей отдельные гнезда.

Анализ микротопонимических формантов, зафиксированных еще дальше к востоку, дает относительно мало новых данных по сравнению с формантами широкого распространения, хотя здесь появляются новые детерминанты *-чарокса*, *-конда* (по Ваге), единичные *-согра*, *-кары*. Примечательно, однако, что количество названий на *-нем(a)* и *-Ула* на этой территории велико. Есть и другие приметы прибалтийско-финской топонимии (названия на *-ранда*). Тем не менее надежен вывод о том, что прибалтийско-финские микротопонимические типы в западной части региона намного богаче, чем в восточной. Это означает, что местное прибалтийско-финское население было более редким или более древним, чем на западе или же, что формально прибалтийско-финские форманты фактически принадлежали неприбалтийско-финским языкам.

Гидронимические детерминанты широкого распространения «по определению» мало способствуют лингвоэтническому районированию. Напротив, установление их собственной принадлежности к тому или иному языку во многом может зависеть от выделения микротерриторий по другим данным. Тем не менее следует обратить внимание на ряд общих лингвогеографических характеристик, касающихся как этого разряда субстратных топонимов, так и детерминантов ограниченного распространения и «рифмованных сегментов».

1. Для юго-востока РС характерны гидроформанты, утратившие конечный гласный (-юг, -уг, -сур, -зур), что указывает на их связь с обширной пермско-волжско-финской, а также мерянской языковой зоной и является основанием для выделения в качестве особого языкового ареала. В зоне прибалтийско-финской и саамской микротопонимии им противостоят гидронимы на *-Vга* и *-сара*, *-сора*, которые соответственно должны рассматриваться как прибалтийско-финские и саамские. В пределах этой же зоны находятся в основном и прибалтийско-финско-саамские гидронимические ареалы *-оя*, *-uya*, *-ой*, *-уй*. Однако некоторые названия такого рода проникают и в верхнее Поважье и еще южнее в басс. р. Сухона.

2. Основная масса гидронимов севернофинского (прибалтийско-финско-саамско-волжского) типа на *-Vn(ъ)га* сосредоточена в треугольнике между Вагой, Сев. Двиной и Сухоной. Здесь же в басс. р. Устья обнаружен реликтовый островок гидронимов на *-енгарь* и *-курга*, которые могут интерпретироваться как марийские или мерянские. Они имеют также параллели в севернофинской топонимии. Близкие к мерянским названия обнаружены и в районе Кубенского озера.

С гидронимами севернофинского типа на *-Vn(ъ)га*, видимо, связаны и немногочисленные лимнонимы на *-Vgra* в среднем течении Сев. Двины. Важно указать также на лимнонимы *Оногра* и *Рушеягр* в районе гор. Холмогоры в нижнем течении Сев. Двины, где отмечены и названия с дифференцирующими саамскими формантами *-нерма* (*Лаконерма*) и *-палда*, *-полда* (*Кереполда*, *Куропалда*). Это может указывать на то, что детерминант *-ягр* «озеро» был характерен для древнего саамско-

го состояния, либо на значительную близость языка древних саамов к северофинским и мерянским названиям. Изменение топонимического ландшафта на юго-востоке РС становится еще более заметным, если обратить внимание на плотный ареал волжско-permского форманта *-важ* в верхнем течении Сев. Двины. Хотя идущие от А.И. Шегрена и поддержанные М. Фасмером идеи о широком распространении permской топонимии в Подвинье, пока не находят убедительного подтверждения, есть все же некоторые данные о проникновении древних permян именно в юго-восточную часть региона. Не случайно исторические источники выделяют здесь особое племя «тоймичей поганых» и упоминают городок Тоймокары, в названии которого может усматриваться permское *кар* «город». А.И. Попов считал тоймичей permским племенем [Попов 1965: 58]. В свое время и автор писал о возможном существовании permского элемента в субстратной топонимии верховий Пинеги [Матвеев 1968б], которые смежны с бассейнами рек Верхняя Тойма и Нижняя Тойма и входят в современный Верхне-Тоемский район Архангельской области, что, может быть, отражает какие-то старинные межрегиональные связи. Необходимо считаться и с возможностью проникновения permян в басс. Устьи, о чем писали Н.И. Ульянов [Ульянов 1932: 28] и Л.Н. Жеребцов [Жеребцов 1982: 29]. В этом микрорегионе среди жителей ряда деревень действительно распространено коллективное прозвище *зырь*, которое связывают с коми-зырянами, хотя изначально оно прилагалось не к permянам [Матвеев 1984]. Убедительных примеров permской топонимии в этих местах, однако, не обнаружено. В то же время лексические заимствования из permских языков хорошо представлены именно в местах былого расселения тоймичей. Отмечены они и в басс. Устьи. Все это в какой-то мере также поддерживает соображения о необходимости противопоставления юго-восточной и северо-западной части РС. Взаимопроникновение топонимических ареалов в этом случае очевидно, тем не менее следует констатировать, что прибалтийско-финским и саамским элементам северо-запада противостоят более близкие к волжско-финским и permским компоненты на юго-востоке.

3. Своеобразна субстратная топонимия Белозерского края, особенно западнее и южнее Белого озера, где противоречиво объединяются прибалтийско-финские и саамские элементы как в микротопонимии, так и в гидронимии (-бой, -буй) и лимнонимии (-яр). Богатая и многообразная топонимия Белозерского края наглядно иллюстрирует ограниченность возможностей формального подхода к топонимическому материалу. При этом становится ясным, что главная проблема при решении вопросов лингвоэтнического членения СТРС – разграничение прибалтийско-финских и саамских топонимов.

4.2. Картографирование дифференцирующих основ

Хотя считается, что предшественниками русских на РС были в основном прибалтийские финны карело-вепсского типа, и подтверждение этому видят во множестве прибалтийско-финских заимствований, усвоенных местными русскими говорами [Kalima 1919], саамские основы встречаются в регионе так же часто, как и прибалтийско-финские [Матвеев 1969 в: 42-47]. Это можно объяснить только массовым усвоением прибалтийскими финнами географических названий своих предшественников – саамов. Еще загадочнее тот факт, что основная масса прибалтийско-финских и саамских названий фиксируется на одной и той же территории в северо-западной половине РС. Все попытки более или менее точно локализовать ареалы прибалтийско-финских и саамских названий и отделить их друг от друга до сих пор имели только относительный успех. Это связано прежде всего с тем, что как лингвистические, так и исторические обобщения основывались главным образом на использовании формантно-ареального метода, который при всех его достоинствах имеет и очевидные недостатки (см. 1.4.2.).

Ранее уже указывалось, что анализ основ более плодотворен, чем анализ формантов [Матвеев 1976: 59-61], поскольку основы в значительно меньшей степени испытывают на себе влияние со стороны русской адаптации, чем форманты. Но и картографирование основ должно подчиняться определенной методике, и это прежде всего относится к принципам их отбора. Основы должны быть ярко дифференци-

ирующими, предпочтительно со сложной фонетической структурой, то есть типа прибалтийско-финских по происхождению *ихал-* (*VCVC*-) «красивый», *ранд-* (*CVCC*-) «берег», *хумал-* (*CVCV*-) «хмель» или саамских *нююч-* (*CVCC*-) «лебедь», *чёлм-* (*CVCC*-) «пролив», желательно высокочастотными, то есть топонимически важными и, главное, с надежными этимологиями. В этом отношении особенно интересны те основы, которые восходят к географическим терминам и семантически точно и регулярно соответствуют реалиям. Так, топонимам с основами *яvr-*, *яgr-*, *яxr-* «озеро» на карте соответствуют реки, начинающиеся в озерах или протекающие через них, а во многих случаях и метонимические кальки, то есть названия притоков или участков течения реки типа *Озерная*, *Озеренка* и т. п. (подробнее см. [Матвеев 1965в]). Топонимам с основой *чёлм-* «пролив» на картах соответствуют реки с разветвленным устьем или многочисленными островами (и, следовательно, протоками), а также озера, состоящие из двух или более плесов, соединенных проливами. Особенный интерес представляют коррелятивные основы, например, *яvr-*, *яgr-*, *яxr-* «озеро» или *салм-*, *шалм-*, *чёлм-* «пролив».

Но даже высокочастотные основы при отборе не следует включать в число картографируемых в случае отсутствия дифференцирующей способности (ср. куз- «ель», и карел. *kiiuzi*, саам. *kuossa*, морд. куз «ель») или вероятных изменений на стыке основы и форманта, увеличивающих количество возможных реконструкций основы (ср. *Xаймотка* ~ **Xаймотка*, **Xайммотка* и **Xайнмотка*). Разумеется, при последовательной «выбраковке» основ могут быть утрачены и некоторые прозрачные названия (*Чухлохта* < **Чухлохта* «Глухариный залив»), но для достаточно частотных основ с ясно выраженным ареалом такие изъятия не имеют существенного значения.

Иногда высокочастотные и надежно этимологизируемые основы приходится исключать из перечня картографируемых из-за совпадений «омонимического» характера. Так, очень распространенную основу *шуб-* «осина» (саам. *suppe*) опасно использовать при лингвостническом

картографированием¹ как из-за возможной связи соответствующих топонимов с русским нарицательным *шуба*, а особенно образованными от него антропонимами *Шуба*, *Шубин* [Веселовский 1974: 373], так и русскими диалектными *шубина*, *шубница* «береза с мохнатыми или шероховатыми листьями», засвидетельствованными в архангельских и вологодских говорах [ТЭ]. Поэтому в таких названиях как *Шубняки* можно видеть и древний субстрат и чисто русское образование.

Наименования, которые потенциально могут быть отантропонимическими, не говоря уже о явных случаях, должны исключаться из числа картографируемых или специально комментироваться. Не следует также картографировать топонимы, возможно восходящие к местным географическим терминам (*чёлма* «пролив» > *Чёлма*).

На карте 4 зафиксированы топонимы с дифференцирующими прибалтийско-финскими основами *вехк-*, *вёхк-*² (фин., карел. *vehka*, вепс. *vehk* «белокрыльник болотный», «вахта трилистная»), *габ-*, *хаб-*, *хан-* (фин. *haapa*, карел. *hoaba*, вепс. *hab* «осина»), *ихал-* (фин., карел. *ihala*, ливв. *ihalu*, *ihal* «красивый», «прекрасный»), *муст-*, *музд-* (фин. *musta*, ливв. *mustu*, вепс. *must* «черный»), *ранд-* (фин. *ranta*, карел. *randa*, вепс. *rand* «берег»), *салм-*, *шалм-* (фин. *salmi*, карел. *šalmi*, *salmi*, вепс. *salm* «пролив»), *хижс-*, *хиц-* (фин., карел. *hiisi*, ливв. *hiisi* «злой дух, леший») и *хумал-* (фин., карел. *humala*, вепс. *humal* «хмель»).

Прибалтийско-финские основы наиболее многочисленны в восточном Прионежье между р. Суда и Кенозером, то есть на территории, прилегающей с юго-запада к вепсским поселениям, а западнее Кенозера – к карельским. Такие формы с шипящими, как *Хижгора* и *Шалмозеро* в районе Кенозера указывают на карельское происхождение местной прибалтийско-финской топонимии. Можно высказать также предположение о довольно высокой плотности древнего прибалтийско-финского

¹ Однако не невозможно, но только после установления лингвоэтнической зоны (или зон) по более надежным показателям.

² При наличии метонимических наименований на карту наносилось наиболее употребительное или связанное с наиболее значительным объектом: р. *Нюхча* – оз. *Нюхчозеро*, но на карте только *Нюхча*. Повторяющиеся топонимы получают цифровой индекс: *Нюхча I*, *Нюхча II* и т. д.

населения на территории восточного Прионежья, непосредственно примыкающего к ареалу прибалтийских финнов.

На остальной территории РС вплоть до Сухоны и Юга прибалтийско-финские основы встречаются разреженно, нигде не образуя сколько-нибудь плотных скоплений, за исключением низовий Онеги, топонимия которых в свое время была уже описана и квалифицирована по своему составу как преимущественно карельская [Матвеев 1989а].

Примечательна также очень специфическая зона в верхнем течении Ваги, где зафиксировано шесть названий с основой *ихал-*. Кроме того, три таких топонима засвидетельствовано на Пинеге и по одному в бассейнах Сухоны и Юга. Важское гнездо названий типа *Ихалово* возможно имеет отантропонимическое происхождение, но появлению всей совокупности подобных наименований в местах, отдаленных от основной территории расселения прибалтийских финнов, должно быть дано другое объяснение: мигранты отмечали «красивые», «прекрасные» места в новых землях.

В целом складывается впечатление, что прибалтийские финны достаточно плотно заселили только крайний запад региона до линии Белое озеро – Кенозеро – устье Онеги. В других районах РС они занимали отдельные участки местности, при этом картографирование выявляет ряд территорий, на которых прибалтийско-финские названия вообще не фиксируются или крайне редки: басс. Мезени, Пинега от места впадения Суры до устья, Сев. Двина от Верхней Тоймы до Холмогор, Емца, среднее и нижнее течение Устьи, Кубенское озеро с Кубеной, Сухона и Юг. Редок прибалтийско-финский элемент и в басс. Онеги (кроме низовий). Можно, таким образом, допустить, что на большей части РС прибалтийско-финская топонимия представляла собою поверхностное наслаждение.

Этот вывод подтверждает и карта 5, на которой показано распространение на РС названий типа *Rakula* (реже *Rakola*) и производных от них (21 топоним, из которых подавляющее большинство ойконимы). Словообразовательный формант *-la* в прибалтийско-финских языках имеет локативное значение и дифференцирует их от саамского, где этот

формант отсутствует. Сколько-нибудь убедительной этимологии у ойконимов *Rakula*, *Rakola* нет, однако А.И. Попов, включая их в число прибалтийско-финских названий на *-la*, указывает, что встречающиеся на РС топонимы этого типа восходят к имени одного из карельских родов – Рокольскому, или Рокольцам, которые неоднократно упоминаются в актах [Попов 1948в: 172; 1965: 45].

На карте видно, что топонимы типа *Rakula*, *Rakola* широко распространены на РС, но и они фактически отсутствуют на правобережье Сев. Двины и в басс. Мезени (оз. *Rakульское IV*, вероятно, вторичное образование от *Rakula III*), а также на Емце, в районе Кубенского озера, на Сухоне, Устье и в других уже названных местах, то есть карта 5 в основном дублирует карту 4. Добавим еще, что д. *Rakульское* есть и далеко юго-восточнее в Макарьевском районе Костромской области. Возможно, это свидетельство проникновения отдельных групп прибалтийских финнов дальше на юг вплоть до бассейна Волги (ср. [Востриков 1979: 70-72]), хотя в данном случае нельзя исключить и перенос названия на русской почве.

Совершенно другие очертания имеет ареал топонимов с дифференцирующими саамскими основами (карта 6) *нююх-* (саам. *njuksâ* «лебедь»), у белозерских саамов *нююши-* (о *хч* ~ *кш* см. [Матвеев 1973а]), *чач-* (саам. *čacse* «вода») (о *ч* ~ *cc* см. [Матвеев 1980]), *чёлм-* (саам. *čoalbmte* «пролив»), *чухч-* (саам. *čukča* «глухарь»)¹, у белозерских саамов *чукши-*, *шид-* (саам. *siidâ* «саамское поселение»), *яvr-* (саам. *jawre* «озеро»). Прежде всего бросается в глаза, что все саамские основы зафиксированы в той части региона, которая находится севернее линии Водлозеро – устье Моши – устье Паденьги – Нижняя Тойма – верховья Пинеги. Распределены они довольно равномерно, почти не образуя сколько-нибудь значительных лакун, охватывая при этом и крайний северо-восток с басс. Кулоя и низовьями Мезени, а также басс. Емцы и низовья Ваги. Небольшие пробелы имеются в низовьях Онеги, в районе Кенозе-

¹ Основа *чухч-* не дифференцирует саамский и коми языки ввиду к.-зыр. *чуки* «глухарь», но поскольку речь идет о противопоставлении прибалтийско-финских и саамских компонентов и сама эта основа вписывается на РС в саамский ареал, она также была картографирована.

ра и к югу от него, на Ваге, а также в некоторых других местах, то есть как раз там, где засвидетельствованы более или менее заметные скопления прибалтийско-финских топонимов. Эти пробелы явно свидетельствуют о том, что по крайней мере в поздний период своего обитания на РС саамы сосуществовали с прибалтийско-финским населением.

На юго-западе в Белозерье также находим саамскую топонимию с основами *чач-*, *чёлм-*, *шид-* и несколько отличными от северосаамских основами *нюки-* и *чуки-*. Трудно решается вопрос о названии озера у белозерских саамов, соответствующем северному *яvr-* (саам. *jawre*), а также фин. и карел. *järvi*, вепс. *järv* «озеро», поскольку в топонимии Белозерья встречаются две разновидности этой основы *яrb-* (*Ярбица*, *Ярбовской ручей*, *Ярбозеро*) и *яр-* (*Яргора*, *Ярсолово*), при этом первая, по всей видимости, связана с прибалтийскими финнами. Ввиду проблематичности и невысокой частотности оба варианта не картографировались. Но все остальные основы ясно указывают на наличие в топонимии Белозерья саамского элемента.

Сравнение карт 4, 5, 6 приводит к показательному результату. Если прибалтийско-финские топонимы распределены неравномерно и с очень разной степенью плотности, но охватывают чуть ли не весь регион, кроме крайнего северо-востока, то саамские равномерно и примерно с одинаковой плотностью, но зато резко обрываются на уже установленной границе, проходящей по озерам Кубенское – Воже – Лача и далее в направлении верховий Пинеги. Граница эта очень четка и свидетельствует о том, что в юго-восточной части региона саамской топонимии нет. Между тем прибалтийско-финские основы прослеживаются и на юго-востоке.

В то же время картографирование свидетельствует, что саамская топонимия северо-запада и северофинские географические названия юго-восточной зоны находятся в отношении дополнительной дистрибуции. На это указывает топонимически очень важная и высокочастотная основа *яgr-* «озеро», которая южнее сменяется мерянским экви-

валентом яхр^{-1} (см. карту 6). Специфичность юго-восточного ареала, условно именуемого северофинским, и его точная состыковка с северо-западной саамской зоной настолько очевидны, что не нуждаются в каких-либо комментариях.

Отсюда следует, что главная лингвоэтническая оппозиция на РС обусловлена наличием двух значительных этнических общностей – саамской на северо-западе и северофинской на юго-востоке. Саамские легенды о чуди и войнах с ней позволяют скорее всего именно в этих северофиннах видеть загадочную Заволочскую Чудь, тем более что саамы в русских памятниках именовались Лопью, а прибалтийские финны РС – своими племенными названиями Весь и Корела. Прибалтийско-финские топонимы на РС, напротив, не образуют явственной оппозиции ни саамским, ни северофинским названиям, представляя собой более поздний пласт, что и подтверждается многочисленными диалектными заимствованиями из их языков. Есть основания думать, что русские контактировали со всеми этими этническими группами.

Опыт лингвоэтнического членения СТРС на основе сопоставительного анализа формантов и выборочного картографирования дифференцирующих топооснов предложен на карте 7.

¹ В многочисленных гидронимах *Яхренъга* следует видеть переработку *Ягренъга* > *Яхренъга* в результате диссимиляции на русской почве,ср. в памятнике 1690 г. о р. Яхренъга в басс. Кокшеньги (Тарн): «... пала в тое речку Печенгу речка Ягренга, и по тое речке Ягренге пашенная земля» [СГКЭ II, № 262].

Библиография

- Аванесов 1949 – Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Часть 1. М., 1949.
- Агеева 1967 – Агеева Р.А. Топонимика в трудах Кастрена // История топонимики в СССР. Тезисы докладов. М., 1967.
- Альквист 1996 – Альквист А. Загадочные камни Ярославского края // Congressus Octavus Internationalis Fennougristarum, Jyväskylä 10.–15.8.1995. Pars VII. Literatura Archaeologia & Anthropologia. Jyväskylä 1996.
- Альквист 1997 – Альквист А. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // ВЯ. 1997. № 6.
- Альквист 1998 – Альквист А. Субстратная лексика финноугорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // Studia Slavica Finlandensia. T. XV. Helsinki, 1998.
- Альквист 2000 – Альквист А. Меряне, не меряне... (I) // ВЯ. 2000. № 2.
- Аристэ 1953 – Аристэ П.А. Примечания к книге: Л.Хакулинен. Развитие и структура финского языка. Часть I. М., 1953.

- Афанасьев 1966 – Афанасьев А.П. Общая основа гидронимов на -ю, -юг, -уг, -ег, -юга, -уга, -ога, -юган, -еган, -я // СФУ. 1966. № 4.
- Беккер 1970 – Беккер Э.Г. О некоторых селькупских географических терминах // Местные географические термины. Вопросы географии. Сб. 81. М., 1970.
- Березович 1998 – Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера. Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998.
- Бернштейн 1961 – Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Борковский, Кузнецов 1963 – Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Бубрих 1948 – Бубрих Д.В. Историческая фонетика финского-суоми языка. Петрозаводск, 1948.
- Варбот 1969 – Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.
- Василевич 1958 – Василевич Г.М. Топонимика Восточной Сибири // Известия ВГО. Т. 90, № 4. 1958.
- Веске 1890 – Веске М.П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. Т. VIII, вып. 1. Казань, 1890.
- Востоков 1812 – Востоков А.Х. Задача любителям этимологии // Санкт-Петербургский вестник. 1812. № 2.
- Востриков 1979 – Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья. Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979.
- Востриков 1990 – Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990.

- Галкин 1966 – Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть II. Йошкар-Ола, 1966.
- Георгиев 1960 – Георгиев Вл. Българска етимология и ономастика. София, 1960.
- Герберштейн 1908 – Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.
- Гиндин 1969 – Гиндин Л.А. К методике выявления и стратификации лингвоэтнических слоев на юге Балканского полуострова // Этимология 1967. М., 1969.
- Глинских 1976 – Глинских Г.В. Русская адаптация мансийских субстратных топонимов в бассейне р. Тавды // Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск, 1976.
- Глинских 1978 – Глинских Г.В. Мансийская субстратная топонимия в русских говорах по р. Тавда // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978.
- Грамм. финск. яз. 1958 – Грамматика финского языка. М.-Л., 1958.
- Гусельникова 1994 – Гусельникова М.Л. Полукальки в топонимии Русского Севера. Дис.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1994.
- Дубровина 1969 – Дубровина З.М. Прибалтийско-финские элементы в топонимике Ленинградской области // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 2. Уч. зап. Ленингр. ун-та, № 335. Серия филол. наук, вып. 71. Л., 1969.
- Дульzon 1959 – Дульзон А.П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения // ВЯ. 1959. № 4.

- Дульzon 1960 – Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
- Дульзон 1961 – Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
- Дульзон 1966 – Дульзон А.П. Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока // Местные географические термины в топонимии. Тезисы докладов и сообщений. М., 1966.
- Дульзон 1969 – Дульзон А.П. Опыт этнической привязки топонимов субстратного происхождения // Вопросы лингвистики. Вып. 2. Уч. зап. Томск. ун-та, № 75. Томск, 1969.
- Европеус 1868 – Европеус Д. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // ЖМНП, 1868. Т. 139, июль.
- Европеус 1874 – Европеус Д.П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей. СПб., 1874.
- Жеребцов 1982 – Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами X – начала XX вв. М., 1982.
- Зайцева 1981 – Зайцева М.И. Грамматика вепсского языка (фонетика и морфология). Л., 1981.
- Зализняк 1995 – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зубов 1911 – Зубов Ю.М. Поездка по Вологодской губернии. Вологда, 1911.
- Иванов 1968 – Иванов В.В. Историческая фонология русского языка. М., 1968.

- Казаков 1949 – Казаков А.Н. О географических названиях Ловозерских тундр на Кольском полуострове // Уч. зап. Ленингр. ун-та, № 124. Серия географ. наук, вып. 6. Л., 1949.
- Кальман 1951 – Кальман Б. Русские заимствования из обьугорских языков // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Т. I, 2-4. Budapest, 1951.
- Керт, Мамонтова 1982 – Керт Г., Мамонтова Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1982.
- Кнабе 1959 – Кнабе Г.С. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // Советская археология. 1959. № 3.
- Колесников 1971 – Колесников П.А. Северная Русь. Вологда, 1971.
- Колмогоров 1907 – Колмогоров А. Озера Тихвинского уезда // Землеведение, III–IV. 1907.
- Копанев 1951 – Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951.
- Кривоцекова-Гантман 1965 – Кривоцекова-Гантман А.С. Гидронимика Коми-Пермяцкого округа // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 3. М., 1965.
- Крысин 1968 – Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
- Кузнецов 1910 – Кузнецов С.К. Русская историческая география. Вып. 1. М., 1910.
- Лыткин 1949 – Лыткин В.И. Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комицкий // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. М.; Л., 1949.
- Лыткин 1964 – Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.

- Мамонтова 1982 – Мамонтова Н.Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982.
- Мамонтова,
Муллонен 1991 – Мамонтова Н., Муллонен И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Марадудина
1965 – Марадудина Т.В. Рефлексы сингармонизма в севернорусской субстратной топонимике // Вопросы топономастики. № 2. Свердловск, 1965.
- Марадудина
1969 – Марадудина Т.В. Консонантные группы из трех согласных в субстратной топонимии Русского Севера // Взаимодействие языков. Уч. зап. Уральск. ун-та, № 80. Свердловск, 1969.
- Матвеев 1959 – Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Уч. зап. Уральск. ун-та, вып. 32. Свердловск, 1959.
- Матвеев 1960 – Матвеев А.К. Историко-этимологические разыскания // Уч. зап. Уральск. ун-та, вып. 36. Языкознание. Свердловск, 1960.
- Матвеев 1962 – Матвеев А.К. О происхождении севернорусской топонимики на *ас* и *ус* // Вопросы топономастики. № 1. Свердловск, 1962.
- Матвеев 1964а – Матвеев А.К. О древнем расселении самодийцев по данным топонимики // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964.
- Матвеев 1964б – Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера // ВЯ. 1964. № 2.
- Матвеев 1965а – Матвеев А.К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики // ВЯ. 1965. № 6.

- Матвеев 1965б – Матвеев А.К. Топонимические ареалы *-вей* и *-вожа* на Русском Севере // Вопросы финно-угорского языкоznания. Вып. 3. М., 1965.
- Матвеев 1965в – Матвеев А.К. Топонимические элементы *яер*, *ягр*, *яхр* (озера) на Русском Севере (к вопросу об использовании данных физической географии в топонимических исследованиях) // Известия АН СССР. Серия географическая, 1965. № 6.
- Матвеев 1967 – Матвеев А.К. Дофинноугорская гипотеза и некоторые вопросы методики топонимических исследований // СФУ. 1967. № 2.
- Матвеев 1968а – Матвеев А.К. Об отражении одного финско-русского фонетического соответствия в субстратной топонимике Русского Севера // СФУ. 1968. № 2.
- Матвеев 1968б – Матвеев А.К. Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // СФУ. 1968. № 1.
- Матвеев 1969а – Матвеев А.К. А.М. Шегрен как исследователь субстратной топонимики Русского Севера // Взаимодействие языков. Уч. зап. Уральск. унта, № 80. Серия филологическая, вып. 8. Свердловск, 1969.
- Матвеев 1969б – Матвеев А.К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология 1967. М., 1969.
- Матвеев 1969в – Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера // ВЯ. 1969. № 5.
- Матвеев 1970а – Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Дис.... докт. филол. наук. М., 1970.

- Матвеев 1970б – Матвеев А.К. Угорская гипотеза и некоторые проблемы изучения субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. V. Йошкар-Ола, 1970.
- Матвеев 1971 – Матвеев А.К. Из истории изучения субстратной топонимики Русского Севера. Вопросы топономастики. Вып. 5. Уч. зап. Уральск. ун-та, № 114. Серия филологическая, вып. 18. Свердловск, 1971.
- Матвеев 1972а – Матвеев А.К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // ВЯ. 1972. № 3.
- Матвеев 1972б – Матвеев А.К. Об одной фонетической особенности севернорусских апеллятивных заимствований из финских языков // Вопросы советского финно-угроведения. Топонимика, фольклористика, литературоведение, археология, антропология, этнография. (Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению). Саранск, 1972.
- Матвеев 1973а – Матвеев А.К. Топонимические этимологии. IV: Коррелятивные топонимы с интервокальными консонантными группами *хч* и *кii* в субстратной топонимии Русского Севера // СФУ. 1973. № 1.
- Матвеев 1973б – Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // Этимология 1971. М., 1973.
- Матвеев 1974 – Матвеев А.К. Ареальные исследования и этимологизация субстратных топонимов // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. М.-Л., 1974.
- Матвеев 1975 – Матвеев А.К. Топонимические этимологии. VII (Субстратные топонимы с формантом *-V+rma* на Русском Севере) // СФУ. 1975. № 1.

- Матвеев 1976 – Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ. 1976. № 3.
- Матвеев 1977а – Матвеев А.К. Образное народное видение и проблемы ономасиологической и этимологической интерпретации топонимов // Вопросы ономастики. Вып. 12. Свердловск, 1977.
- Матвеев 1977б – Матвеев А.К. Топонимические этимологии. X // СФУ. 1977. № 3.
- Матвеев 1978 – Матвеев А.К. Русск. *диал. чильма* // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978.
- Матвеев 1979 – Матвеев А.К. Древнее саамское население на территории севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979.
- Матвеев 1980 – Матвеев А.К. Об одной фонетической особенности древних саамских диалектов Заволочья // *Études Finno-Ougriennes*. XIV. Budapest, 1980.
- Матвеев 1984 – Матвеев А.К. Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Вып. 3. Свердловск, 1984.
- Матвеев 1986 – Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.
- Матвеев 1987 – Матвеев А.К. Архаическая русская топонимия на северо-востоке Европейской части СССР // ВЯ. 1987. № 2.
- Матвеев 1989а – Матвеев А.К. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // ВЯ. 1989. № 1.
- Матвеев 1989б – Матвеев А.К. Финно-угро-самодийская топонимия на территории СССР как объект лингвистического исследования // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989.

- Матвеев 1993 – Матвеев А.К. Субстрат и заимствование в топонимии // ВЯ. 1993. № 3.
- Матвеев 1996 – Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1.
- Матвеев 1997 – Матвеев А.К. К лингвостнической идентификации финно-угорской субстратной топонимии // Балто-славянские исследования 1988-1996. М., 1997.
- Матвеев 1998 – Матвеев А.К. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ. 1998. № 5.
- Матвеев 2001 – Матвеев А.К. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // ВЯ. 2001. № 5.
- Меркулова 1967 – Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
- Муллонен 1988 – Муллонен И.И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.
- Муллонен 1989а – Муллонен М.И. Вепсские ойконимические форманты // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск, 1989.
- Муллонен 1989б – Муллонен И. Вепсы Прионежья по данным топонимии // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989.
- Муллонен 1994 – Муллонен И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- Мызников 1994 – Мызников С.А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья. Автореферат дис.... канд. филол. наук. СПб, 1994.
- Никонов 1958 – Никонов В.А. Закон ряда в географических названиях // Onomastica, IV, 1. Wroclaw. Krakow. 1958.
- Никонов 1960 – Никонов В.А. Неизвестные языки Поочья // ВЯ. 1960. № 5.

- Никонов 1964а – Никонов В.А. Пути топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964.
- Никонов 1964б – Никонов В.А. Язык неизвестен // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964.
- Общ. языкоzn. 1970 – Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
- Огородников 1877 – Огородников Е.К. Прибрежье Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого Чертежа // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. VII. СПб., 1877.
- Орлов 1907 – Орлов А. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и народностей. Вельск, 1907.
- ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкоznания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
- ОФУЯ 1975 – Основы финно-угорского языкоznания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М., 1975.
- ОФУЯ 1976 – Основы финно-угорского языкоznания. Мариийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
- Панаева 1979 – Панаева С.Ю. Заметки о комбинаторных изменениях в полукальках на стыке субстратной основы и русского географического термина (детерминатива) // Вопросы ономастики. № 13. Свердловск, 1979.
- Пантелеева 1969 – Пантелеева А.А. Ненецкие заимствования в севернорусских говорах // Взаимодействие языков. Уч. зап. Уральск. ун-та, № 80. Серия филологическая, вып. 8. Свердловск, 1969.

- Пантелеева,
Янчевская 1966
- Пауль 1960
- Пизани 1956
- Погодин 1905
- Погодин 1912
- Попов 1947а
- Попов 1947б
- Попов 1948а
- Попов 1948б
- Попов 1948в
- Попов 1949
- Попов 1955
- Пантелеева А.А., Янчевская Н.В. Ареалы этнических нимов *карел, самоед и чудь* в Архангельской области // Изучение географических названий. Вопросы географии. № 70. М., 1966.
 - Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
 - Пизани В. Этимология. М., 1956.
 - Погодин А.Л. Из истории сношений финнов с индоевропейцами // Известия ОРЯС. Т. X. Кн. 3. СПб., 1905.
 - Погодин А.Л. К вопросу о древнем населении нашего Севера, лопарях и чуди // ЖМНП, 1912, ноябрь.
 - Попов А.И. Из истории финно-угорских народностей. Часть 1. Дис.... докт. ист. наук. Л., 1947.
 - Попов А.И. Из истории финно-угорских народностей. Часть 2. Дис.... докт. ист. наук. Л., 1947.
 - Попов А.И. Тезисы доклада на Всесоюзной конференции народов Севера. Л., 1948.
 - Попов А.И. Топонимическое изучение Восточной Европы // Уч. зап. Ленингр. ун-та, № 105. Серия востоковедческих наук, вып. 2. Советское финно-угроведение. Л., 1948.
 - Попов А.И. Топонимика Белозерского края // Уч. зап. Ленингр. ун-та, № 105. Серия востоковедческих наук, вып. 2. Советское финно-угроведение. Л., 1948.
 - Попов А.И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. V. Петрозаводск, 1949.
 - Попов А.И. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. V, 1-2. Budapest, 1955.

- Попов 1957 – Попов А.И. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957.
- Попов 1964а – Попов А.И. Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР // Вопросы финно-угорского языкоznания. М.-Л., 1964.
- Попов 1964б – Попов А.И. Основные принципы топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964.
- Попов 1965 – Попов А.И. Географические названия (введение в топонимику). М.-Л., 1965.
- Попов 1973 – Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в этнотопонимику. Л., 1973.
- Попов 1974 – Попов А.И. Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л., 1974.
- Попов 1981 – Попов А.И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Попова 1999 – Попова Э.Ю. Этнотопонимия Русского Севера. Дис.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
- Поспелов 1964 – Поспелов Е.М. Применение картографического метода исследования в топонимике // Принципы топонимики. М., 1964.
- Поспелов 1965 – Поспелов Е.М. О балтийской гипотезе в северно-русской топонимике // ВЯ. 1965. № 2.
- Поспелов 1967 – Поспелов Е.М. Картографирование как метод исследования субстратной топонимии // ВЯ. 1967. № 1.
- Поспелов 1970 – Поспелов Е.М. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Местные географические термины. Вопросы географии. № 81. М., 1970.

- Поспелов 1971 – Поспелов Е.М. Топонимика и картография. М., 1971.
- Русск. грамм. 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Русск. диалект. 1964 – Русская диалектология. М., 1964.
- Рут 1982 – Рут М.Э. Вепсские географические термины в русской апеллятивной лексике и топонимии Вытегорского района Вологодской области // Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск, 1982.
- Рясянен 1968 – Рясянен М. Об урало-алтайском языковом родстве // ВЯ. 1968. № 1.
- Саваткова 1969 – Саваткова А.А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969.
- Сало 1966а – Сало И.В. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. Автореферат дис.... канд. филол. наук. М., 1966.
- Сало 1966б – Сало И.В. Некоторые выводы о прибалтийско-финских и саамских заимствованиях и их освоении в севернорусских говорах карельского Беломорья // СФУ. 1966. № 2.
- Семенов-Тян-Шанский 1926 – Семенов-Тян-Шанский В.П. Наблюдения по антропогеографии // Как изучать свой край. М., 1926.
- Семерены 1967 – Семерены О. Славянская этимология на индоевропейском фоне // ВЯ. 1967. № 4.
- Серебренников 1955 – Серебренников Б.А. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР // ВЯ. 1955. № 6.
- Серебренников 1959а – Серебренников Б.А. О методах изучения топонимических названий // ВЯ. 1959. № 6.

- Серебренников
1959б
- Серебренников
1966
- Серебренников
1967
- Серебренников
1968а
- Серебренников
1968б
- Серебренников
1970
- Серебренников
1974
- Симина 1962
- Симина 1966
- Симина 1969
- Смирнов 1890
- Серебренников Б.А. Топонимические загадки Сибири // *Onomastica*, V, 1. Wrocław – Kraków, 1959.
 - Серебренников Б.А. О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг* // СФУ. 1966. № 1.
 - Серебренников Б.А. О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике Русского Севера // СФУ. 1967. № 3.
 - Серебренников Б.А. Всякое ли внешнее сопоставление недопустимо? // СФУ. 1968. № 1.
 - Серебренников Б.А. К проблеме этнической и языковой принадлежности создателей гидрономики на *-ым* (*-им*) // NyK, LXX, 1. Budapest, 1968.
 - Серебренников Б.А. Почему трудно разрешить проблему происхождения верхних слоев севернорусской гидронимии? // ВЯ. 1970. № 1.
 - Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
 - Симина Г.Я. Дославянская топонимия Пинежья // Географические названия. Вопросы географии. № 58. М., 1962.
 - Симина Г.Я. Микротопонимия бассейна Юлы // Изучение географических названий. Вопросы географии. № 70. М., 1966.
 - Симина Г.Я. Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории (бассейн реки Юлы, Пинежский район Архангельской области). Л., 1969.
 - Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском ун-те. Т. VIII, вып. 2. Казань, 1890.

- Смирнов 1891 – Смирнов И.Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском ун-те. Т. IX, вып. 2. Казань, 1891.
- Смирнов 1895 – Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.
- Соболевский 1926 – Соболевский А.И. Новые русско-скифские этюды // Известия ОРЯС АН СССР 1926 года. Т. XXXI. Л., 1926.
- Соболевский 1927 – Соболевский А.И. Названия рек и озер Русского Севера // Известия ОРЯС АН СССР 1927 года. Т. XXXII. Л., 1927.
- Соболевский 1928 – Соболевский А.И. Славяно-скифские этюды // Известия по русскому языку и словесности. Т. I, кн. 2. Л., 1928.
- Субботина 1984 – Субботина Л.А. Географический термин *бой* и его варианты в субстратной топонимии Белозерья // Этимологические исследования. Свердловск, 1984.
- Теор. и метод. оном. иссл. 1986 – Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
- Ткаченко 1985 – Ткаченко О.Б. Мерянский язык. Киев, 1985.
- Топоров 1962 – Топоров В.Н. Из области теоретической топономастики // ВЯ. 1962. № 6.
- Топоров, Трубачев 1962 – Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Трубачев 1968 – Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
- Трубачев 1991 – Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.

- Туркин 1967 – Туркин А.И. Топонимика Севера России в трудах финноугроведов XIX – начала XX вв. // История топонимики в СССР. Тезисы докладов. М., 1967.
- Туркин 1972 – Туркин А.И. Топонимия Нижней Вычегды. Автограферат дис.... канд. филол. наук. М., 1972.
- Ульянов 1932 – Ульянов Н.И. Очерки по истории народа комизырян. М.-Л., 1932.
- Унбегаун 1989 – Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989.
- Чайкина 1977 – Чайкина Ю.И. О субстратных топонимах с формантом *-гумзъ* (*-гумезъ*) в Белозерье // Вопросы ономастики. Вып. 12. Свердловск, 1977.
- Шахматов 1886 – Шахматов А.А. Исследование о языке Новгородских грамот XIII–XIV вв. СПб., 1886.
- Шилов 1997 – Шилов А.Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской Чуди // ВЯ. 1997. № 6.
- Шилов 1998 – Шилов А.Л. Топонимия Карелии в аспекте проблем субстратной топонимии Русского Севера: к происхождению гидроформанта *-ен(ъ)га* // ВЯ. 1998. № 3.
- Шостакович 1926 – Шостакович В.Б. Историко-этнографическое значение названий рек Сибири // Очерки по землеведению Восточной Сибири. Вып. II. Иркутск, 1926.
- Эрнитс 1965 – Эрнитс В. О значении топонимики для определения хронологии славяно-финно-угорских языковых контактов // Всесоюзная конференция по финно-угроведению (тезисы докладов и сообщений). Июнь, 1965. Сыктывкар, 1965.
- Castrén 1862 – Castrén M.A. Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud // Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. VII. SPb., 1862.

- Itkonen 1932 – Itkonen T.I. Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomen Tiedeakatemian Toimituksia. Band XXVII. Helsinki, 1932.
- Itkonen 1945 – Itkonen T.I. Suomen lappalaiset vuoteen 1945. I. Porvoo, Helsinki, 1948.
- Kalima 1911 – Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen // MSFOU., XXIX. Helsingfors, 1911.
- Kalima 1919 – Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOU., XLIV. Helsinki, 1919.
- Kalima 1927 – Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. Helsinki, 1927.
- Kalima 1935 – Kalima J. Neuere Forschungen über baltisch-finnische und finnisch-slavische Beziehungen. Zu dem westfinnischen geographischen Namen in Rußland // Zeitschrift für slavische Philologie. Band XII. Doppelheft 1/2. Leipzig, 1935.
- Kalima 1941 – Kalima J. Äänisen tienoon paikannimiä // Virittää. 1941. 3-4.
- Kalima 1944a – Kalima J. Einige russische Ortsnamentypen // FUF, XXVIII, 1-3. Helsinki, 1944.
- Kalima 1944b – Kalima J. Zu den anl. Sibilanten der ostseefinnischen Ortsnamen im Russischen // FUF, XXVIII, 1-3. Helsinki, 1944.
- Kalima 1946 – Kalima J. Über die Erforschung russischen Ortsnamen fremden Ursprung // Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1945. Helsinki, 1946.
- Kalima 1952 – Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme (Tutkimus itämerensuomalaisen kielten slaavilais peräisistä lainasanoista). Helsinki, 1952.
- Kannisto 1927 – Kannisto A. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // FUF, XVIII. Helsinki, 1927.

- Kettunen 1922 – Kettunen L. Löunavepsa häälrik-ajalugu, I-II. Tartu, 1922.
- Kettunen 1955 – Kettunen L. Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen // Suomalaisen Tiedeakatemian Toimituksia. Ser. B. T. 90, 1. Helsinki, 1955.
- Korhonen 1981 – Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 370. Helsinki, 1981.
- Lakó 1968 – Lakó Gy. Proto Finno-Ugric sources of the Hungarian phonetic stock. Budapest, 1968.
- Lehtisalo 1933 – Lehtisalo T. Uralische Etymologien // MSFOu. LXVII. Helsinki, 1933.
- Matvejev 1966 – Matvejev A.K. Két helynév-magyarázat // NyK, LXVIII, 2. Budapest, 1966.
- Mikkola 1894 – Mikkola J.J. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I. Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen // MSFOu. VIII. Helsingfors, 1894.
- Mikkola 1902 – Mikkola J.J. Finisch-slavische Beziehungen 1-5 // FUF, II, 1. Helsingfors, 1902.
- Mikkola 1938 – Mikkola J.J. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch // MSFOu., LXXV. Helsinki, 1938.
- Nissilä 1939 – Nissilä V. Vuoksen paikannimistö. I. // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 214. Helsinki, 1939.
- Nissilä 1962 – Nissilä V. Suomalaista nimistötutkimusta. Helsinki, 1962.
- Nissilä 1967 – Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lädischen Gebietes // MSFOu., 144. Helsinki, 1967.
- Posti 1953 – Posti L. From Pre-Finnic to Late Proto-Finnic // FUF, XXI. Helsinki, 1953.

- Rozwadowski
1913
- Sauvageot 1958
- Serebrennikov
1959
- Serebrennikov
1969
- Setälä 1899
- Sjögren 1861
- Steinitz 1963
- Szinnyei 1910
- Szinnyei 1922
- Tunkelo 1953
- Rozwadowski J. Kilka uwag do przedhistorycznych stosunków Wschodniej Europy i praojczyzny indoeuropejskiej na podstawie nazw wód // Rocznik sławistyczny, VI. Kraków, 1913.
 - Sauvageot A. A propos de certains noms de lieux de Russie septentrionale // UAJb., XXX. Wiesbaden, 1958.
 - Serebrennikov B. Einige Bemerkungen zur Frage der Herkunft der Flussnamen im Norden Russlands // UAJb., XXXI. Wiesbaden, 1959.
 - Serebrennikov B.A. Die ugroiden Völker als alte Besiedler des russischen Nordens // UAJb., 41, 1-4. Wiesbaden, 1969.
 - Setälä E.N. Yhteissuomalainen äännehistoria. Helsingfors, 1899.
 - Sjögren J.A. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch // Gesammelte Schriften. Band I. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. VII. SPb., 1861.
 - Steinitz W. Zu vorrussischen Namen und ihrer Aufnahme und Wiedergabe im Russischen // Slavi-sche Namenforschung. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Nr. 29. Berlin, 1963.
 - Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1910.
 - Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Auflage 2. Berlin-Leipzig, 1922.
 - Tunkelo E.A. Über die Ortsnamen Nordrusslands auf -as // FUF, XXXI, 1-2. Helsinki, 1953.

- Vasmer 1934 – Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern // SPAV. Phil.-hist. Klasse, XVIII. Berlin, 1934.
- Vasmer 1935 – Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Ostenropas. III. Merja und Tscheremissen // SPAV. Phil.-hist. Klasse, XIX. Berlin, 1935.
- Vasmer 1936 – Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permien in Nordrussland // SPAV. Phil.-hist. Klasse, XX. Berlin, 1936.
- Vasmer 1941 – Vasmer M. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung // Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften. Heft 5. Berlin, 1941.
- Wiklund 1896 – Wiklund K.B. Entwurf einer urlappischen Lautlehre. I. // MSFOu. X, 1. Helsingfors, 1896.

Источники и словари

- АВВIII – Акты времени правления царя Василия Шуйского. Собрал и редактировал А.М. Гневушев. М., 1914.
- АЛЦ – Акты Лодомской церкви Архангельской епархии // Русская историческая библиотека. Т. XXV. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Книга третья. Приложения. СПб., 1908.
- AC I – Архив П.М. Строева. Т. I. // Русская историческая библиотека. Т. XXXII. Петроград, 1915.
- ACBP II – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. II. М., 1958.
- ACBP III – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. М., 1964.

- АСМ – Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. Л., 1988.
- АФЗХ 1 – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Часть 1. М., 1951.
- АХЕ – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Книга третья // Русская историческая библиотека. Т. XXV. СПб., 1908.
- Веселовский – Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.
- Герасимов – Герасимов М.К. Словарь уездного череповецкого говора // Сб. ОРЯС. Т. 87, № 3. СПб., 1910.
- Гордеев – Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола, 1983.
- Грандилевский – Грандилевский А. Родина М.В. Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сб. ОРЯС. Т. 83, № 5. СПб., 1907.
- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1955.
- ДГ – Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. // Исследования по русскому языку. Т. II, вып. 3. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. СПб., 1903.
- ДКУ – Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976.
- КБЧ – Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950.
- КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.
- Куликовский – Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

- МРС – Марийско-русский словарь. М., 1956.
- Мурзаев – Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.
- НРС – Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- ОСРЯ – Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- ПК 1676-1682 гг. – Переписные книги 1676-1682 гг. // Летопись занятий Археографической Комиссии. Вып. 8. СПб., 1888.
- Плат. кн. Карг. – Платежная книга Каргопольского уезда 1555-1556 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972.
- Подвысоцкий – Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПОКВП 1851 – Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года (2-я половина) // Временник Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11. Материалы. М., 1851.
- ПОКВП 1852 – Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года (продолжение) // Временник Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 12. Материалы. М., 1852.
- СВЯ – Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- СГ – Северные грамоты XV в. // Летопись занятий Археографической Комиссии за 1927-1928 годы. Вып. 35. Л., 1929.
- СГКЭ I – Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. I. Грамоты Двинского уезда. Пб., 1922.

- СГКЭ II – Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. II. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольского, Мезенского и Важского уездов. Л., 1929.
- СГНМЯ – Саваткова А.А. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.
- СМЯ – Словарь марийского языка. Т. 1-4. Йошкар-Ола, 1990-1998.
- СНМ Аpx 1859 – Список населенных мест по сведениям 1859 года. I. Архангельская губерния. СПб., 1861.
- СНМ Аpx 1905 – Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 году. Архангельск, 1907.
- СНМ Влг 1859 – Список населенных мест по сведениям 1859 года. VII. Вологодская губерния. СПб., 1866.
- Сотн. вол.
Карг. – Сотные на волости Каргопольского уезда с книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 1561-1562 года // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972.
- Срезневский – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I-III. СПб., 1893-1903.
- СРЛИ – Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имён. М., 1995.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-34. М.-Л., 1965-2000.
- СРС – Саамско-русский словарь. М., 1985.
- СРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-24. Москва, 1975-1999.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- ТЭ – Картотека Топонимической экспедиции кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета (Екатеринбург)
- УРС – Удмуртско-русский словарь. М., 1983.

- Фасмер
– Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I-IV. М., 1996.
- DEWOS
– Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lief. 1-15. Berlin, 1966-1993.
- Kar KS
– Karjalan kielen sanakirja I-V // LSFU XVI. Helsinki, 1968-1997.
- KKS
– Itkonen T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. I-II // LSFU XV. Helsinki, 1958.
- LW
– Kettunen L. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung // LSFU V. Helsinki, 1938.
- MSFE
– A magyar szókészlet finnugor. Etimológiai szótár. Budapest, 1967.
- OTschW
– Paasonen H. Ost-Tscheremissisches Wörterbuch // LSFU XI. Helsinki, 1948.
- SKES
– Suomen kielen etymologinen sanakirja. I-VII. Helsinki, 1955-1981.
- SSA
– Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1-2. Helsinki, 1992-1995.
- WRG
– Wörterbuch der russischen Gewässernamen // Zusammengestellt unter Leitung von M. Vasmer. Bd. I-V. Nachtrag. Berlin, 1961-1973.
- WU
– Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Aufgezeichnet von Y. Wichmann, bearbeitet und herausgegeben von T.E. Uotila // LSFU VII. Helsinki, 1942.
- YS
– Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // MSFOU. 200. Helsinki, 1989.

Сокращения

Языки и диалекты

арх.	—	архангельские русские говоры
балт.	—	балтийские языки
венг.	—	венгерский язык
вепс.	—	вепсский язык
вод.	—	водский язык
герм.	—	германские языки
др.-англ.	—	древнеанглийский язык
др.-рус.	—	древнерусский язык
др.-швед.	—	древнескандинавский язык
карел.	—	карельский язык
к.-зыр.	—	коми-зырянский язык
к.-perm.	—	коми-пермяцкий язык
латыш.	—	латышский язык
лив.	—	ливский язык
ливв.	—	ливвиковское наречие карельского языка
литов.	—	литовский язык
люд.	—	людиковское наречие карельского языка
манс.	—	мансиjsкий язык
мар.	—	мариjsкий язык
мар. горн.	—	горно-мариjsкий язык
mez.	—	мезенские русские говоры
мерян.	—	мерянский язык

морд.	—	мордовский язык
ненец.	—	ненецкий язык
олон.	—	олонецкие русские говоры
он.	—	онежские русские говоры
perm.	—	пермские языки
прасаам.	—	прасаамский язык
prasл.	—	праславянский язык
приб.-фин.	—	прибалтийско-финские языки
рус.	—	русский язык
саам.	—	саамский язык
саам. норв.	—	норвежско-саамский язык
саам. швед.	—	шведско-саамские диалекты
самод.	—	самодийские языки
сев.-рус.	—	севернорусские говоры
сельк.	—	селькупский язык
сканд.	—	скандинавские языки
тюрк.	—	турецкие языки
угор.	—	угорские языки
удм.	—	удмуртский язык
фин.	—	финский язык
фин.-угор.	—	финно-угорские языки
хант.	—	хантыйский язык
холм.	—	холмогорские русские говоры
эст.	—	эстонский язык
юж.-карел.	—	южнокарельские диалекты
юж.-самод.	—	южносамодийские языки
юж.-эст.	—	южноэстонский диалект

Области и районы

Арх	—	Архангельская область (губерния)
Баб	—	Бабаевский район Вологодской области
Бел	—	Белозерский район Вологодской области
Важ	—	Важский уезд (в исторических документах)

- Вашк – Вашкинский район Вологодской области
- Вель – Вельский район Архангельской области
- Вил – Вилегодский район Архангельской области
- Вин – Виноградовский район Архангельской области
- Влг – Вологодская область (губерния)
- Вож – Вожегодский район Вологодской области
- В-Т – Верхне-Тоемский район Архангельской области
- Выт – Вытегорский район Вологодской области
- Вятск – Вятская губерния
- Кад – Кадуйский район Вологодской области
- Карг – Каргопольский район Архангельской области
- К-Б – Красноборский район Архангельской области
- Кир – Кирилловский район Вологодской области
- Киров – Кировская область
- Костр – Костромская область
- Котл – Котласский район Архангельской области
- Лен – Ленский район Архангельской области
- Леш – Лешуконский район Архангельской области
- Мез – Мезенский район Архангельской области
- Ник – Никольский район (уезд) Вологодской области (губернии)
- Нянд – Няндомский район Архангельской области
- Он – Онежский район Архангельской области
- Пин – Пинежский район (уезд) Архангельской области (губернии)
- Плес – Плесецкий район Архангельской области
- Прим – Приморский район Архангельской области
- Тарн – Тарногский район Вологодской области
- У-Куб – Усть-Кубинский район Вологодской области
- Уст – Устьянский район Архангельской области
- Холм – Холмогорский район Архангельской области
- Шенк – Шенкурский район Архангельской области

Географические термины

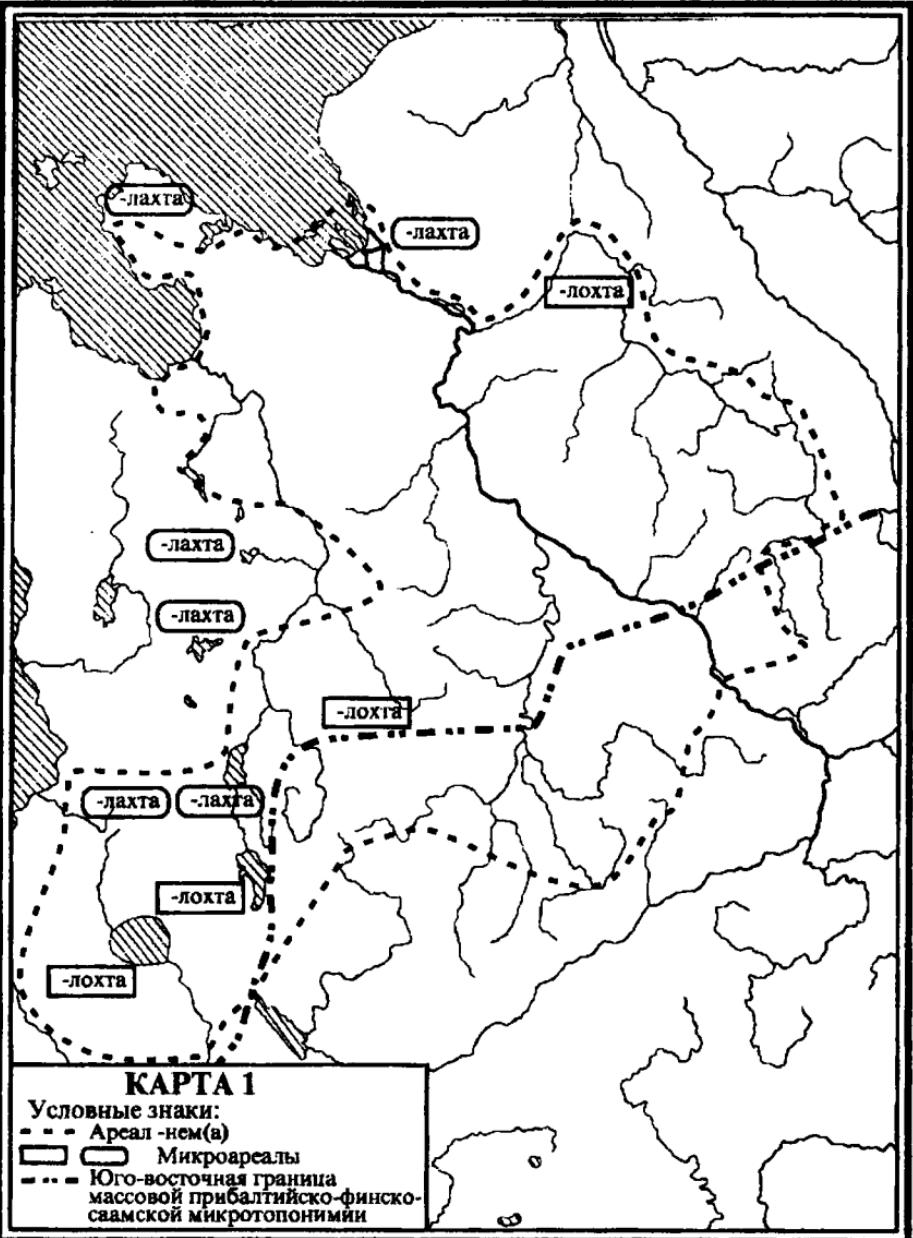
басс. – бассейн

бол.	—	болото
г.	—	гора
гор.	—	город
д.	—	деревня
н. п.	—	населенный пункт
о.	—	остров
оз.	—	озеро
пож.	—	пожня
пос.	—	поселок
пр.	—	приток
прол.	—	пролив
р.	—	река
руч.	—	ручей
с.	—	село
ур.	—	урочище

Прочие

быв.	—	бывший
диал.	—	диалектный
ИМЗ	—	исторические мерянский земли
РС	—	Русский Север
СТРС	—	субстратная топонимия Русского Севера
субстр.	—	субстратный
ТЭ	—	Топонимическая экспедиция Уральского государственного университета (Екатеринбург)

К а р т ы

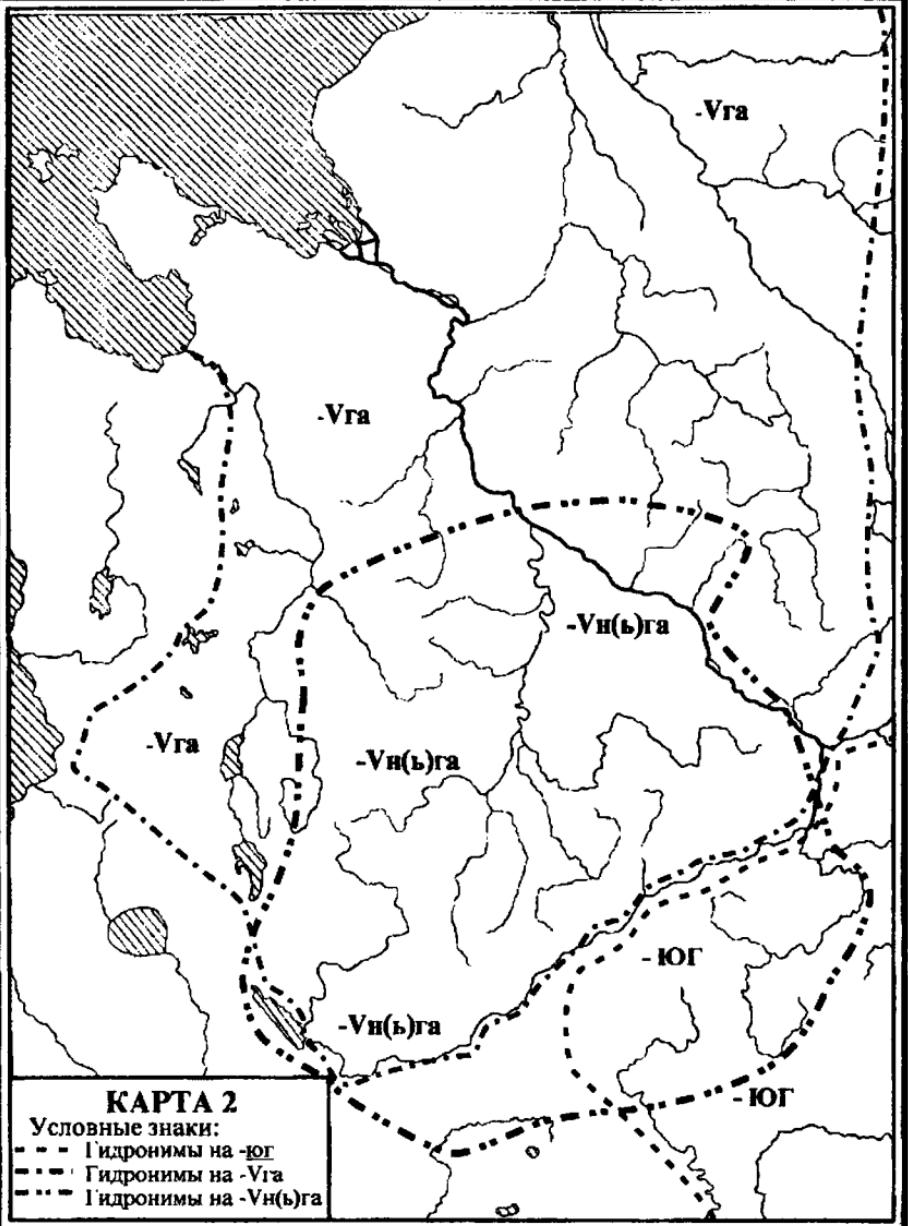
КАРТА 1

Условные знаки:

- - - Ареал -нем(а)

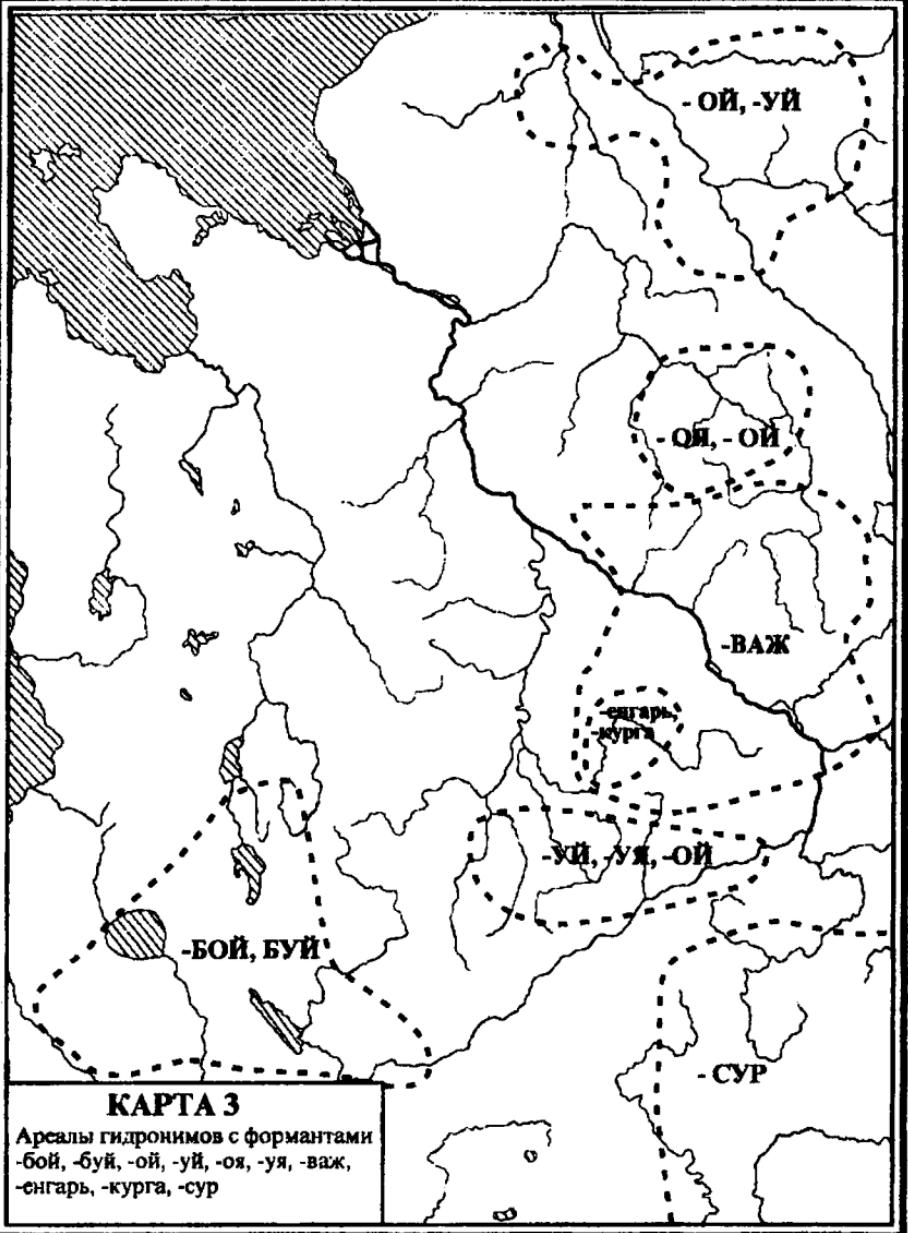
Микроареалы

- - - Юго-восточная граница
массовой прибалтийско-финско-
саамской микротопонимии

КАРТА 2

Условные знаки:
 - - - Гидронимы на -юг
 - - - Гидронимы на -вра
 - - - Гидронимы на -вnya

КАРТА 3

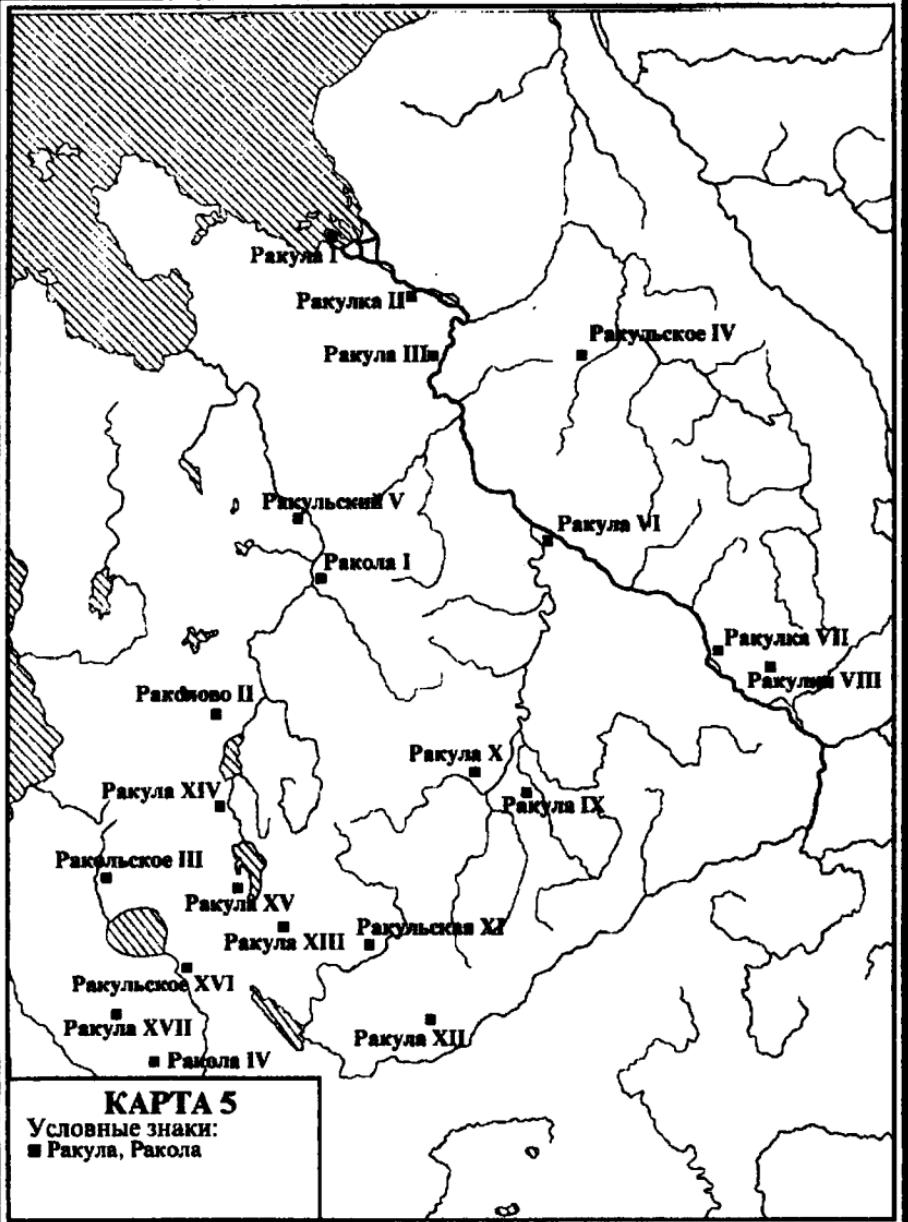
Ареалы гидронимов с формантами
-бой, -буй, -ой, -уй, -оя, -я, -важ,
-енгарь, -курга, -сур

KAPTA 4

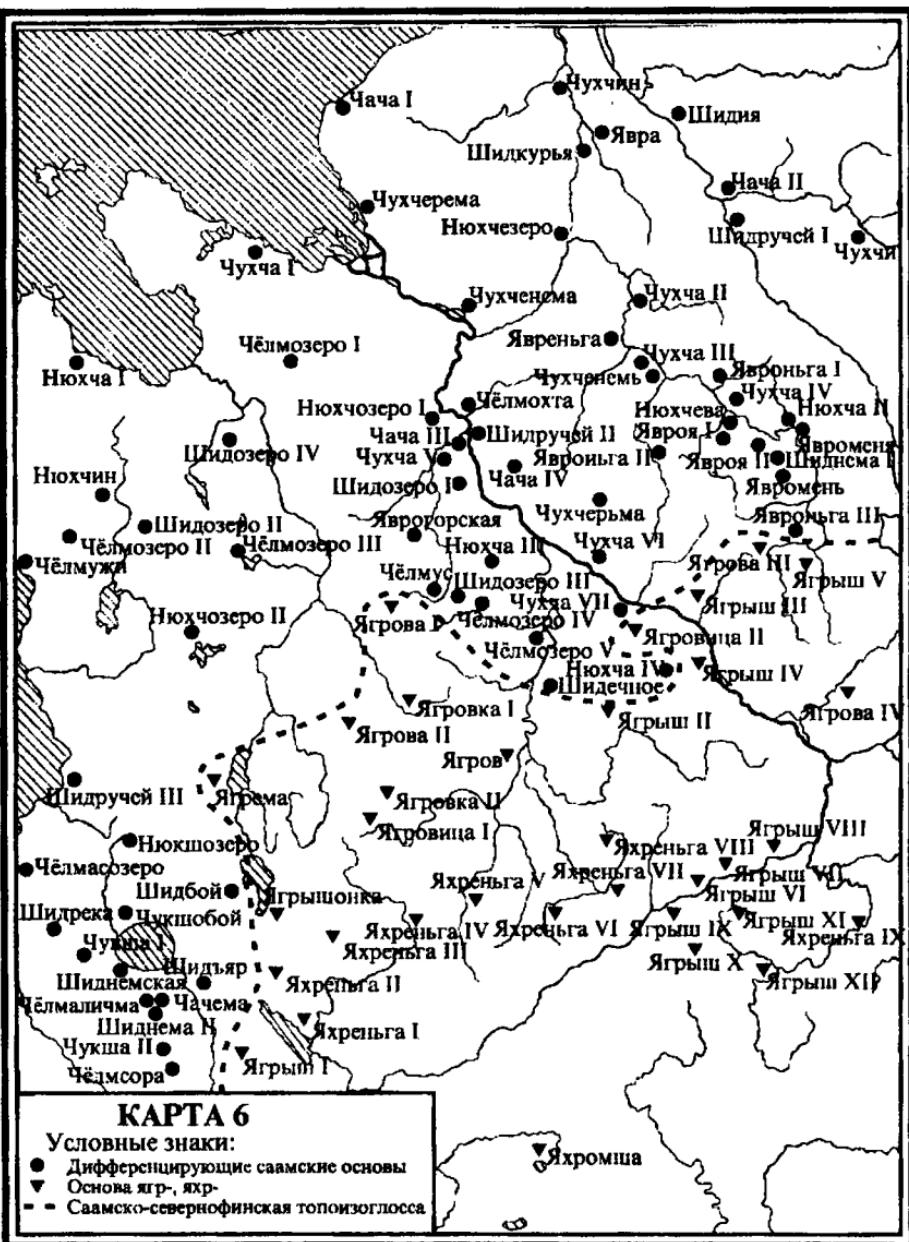
Условные знаки:

- ## ■ Дифференцирующие прибалтийско-финские основы

КАРТА 5

Условные знаки:
■ Ракула, Rakola

КАРТА 6

Условные знаки:

- Дифференцирующие саамские основы
 - ▼ Основа ягр-, яхр-
 - Саамско-северофинская топонимоглосса

Научное издание

Матвеев Александр Константинович

**СУБСТРАТНАЯ ТОПОНИМИЯ
РУССКОГО СЕВЕРА**

Часть I

Редактор

А.К. Матвеев

Корректор

Т.В. Марадулина

Оригинал-макет

Е.С. Николаева

Художник обложки

А.Ю. Савельева

Изд. лиц. № 020257 от 22.11.96

Подписано в печать 1.08.2001 г. Формат 60 x 84 $\frac{1}{16}$
Бумага для множительных аппаратов. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 21,0. Тираж 200 экз. Заказ №109

Издательство Уральского университета.
620083 Екатеринбург, Тургенева, 4.

Отпечатано в типографии ООО «ИРА УТК»
620219 Екатеринбург, К. Либкнехта, 42